

*Sbornik statej, напечатанных в
разных периодических изданиях
по случаю кончины I.S. Аксакова.*

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ,

НАПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ РАЗНЫХЪ ПЕРИОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЯХЪ

ПО СЛУЧАЮ КОНЧИНЫ

И. С. АКСАКОВА

(† 27-го Января 1886 года.)

МОСКВА.

Типографія Л. Ф. Снегирева. Остоженка, Савеловский пер., д. Снегиревой.

1886.

ЛК

Digitized by Google

СОДЕРЖАНИЕ.

I.

СЛОВА И РЪЧИ.

	Стр.
1. Рѣчъ преосвященнаго Доната, епископа Рижскаго и Митав- скаго	1
2. Рѣчъ преосвященнаго Анастасія, епископа Брестскаго	3
3. Слово Виленскаго протоіерея І. А. Котовича.	8
4. Рѣчъ Калишскаго протоіерея В. Гурьева.	13
5. Слово священника Казанскаго собора Михаила Соколова . .	15
6. Рѣчъ Минскаго протоіерея Георгія Тарнопольскаго	21
7. Рѣчъ ректора Черниговской Духовной Семинаріи протоіерея Н. Маркова—см. въ концѣ отдѣла III, стр. 38.	

II.

ХАРАКТЕРИСТИКИ, МНѢНИЯ И ОТЗЫВЫ.

1. Аксаковы (изъ «Гражданина»). К. П.	1
2. Передовая статья № 28 «Современныхъ Извѣстій».	7
3. Кончина И. С. Аксакова (изъ «Нового Времени»).	9
4. Передовая статья № 29 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». .	12
5. Статья № 29 «Московскихъ Вѣдомостей».	16

	Стр.
6. И. С. Аксаковъ (изъ «Недѣли»)	17
7. И. С. Аксаковъ (изъ «Русскаго Паломника»)	24
8. И. С. Аксаковъ (изъ газеты «Востокъ»)	26
9. Передовая статья № 1752 «Южнаго Края»	29
10. Отвѣтъ «Новостямъ» (изъ «Новаго Времени»)	30
11. Передовые статьи №№ 1769, 1771 и 1773 «Южнаго Края»	37
12. Передовая статья № 23 газеты «Кievлянинъ»	47
13. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Кievлянинъ»). Т. Флоринскаго	49
14. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Вѣстника политич. науч. и худож.»). М. К. С.	54
15. Передовая статья газеты «Свѣтъ». В. Е—ва	56
16. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Русск. Архива»). П. Б.	58
17. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Холмско-Варшавскаго Епархіаль-наго Вѣстника»)	59
18. Передовая статья «Русскаго Курьера»	61
19. И. С. Аксаковъ изъ № 28 «Русскаго Курьера». Н. А.	62
20. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Еженедѣльнаго Обозрѣнія»). И. Скворцова	67
21. И. С. Аксаковъ (изъ «Рижскаго Вѣстника»)	69
22. Передовая статья № 23 «Виленскаго Вѣстника»	71
23. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Русской Мысли»)	72
24. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Русской Старины»). Ор. О. Миллера	73
25. И. С. Аксаковъ (изъ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщенія»)	90
26. Поминки по И. С. Аксаковѣ (изъ «Новаго Времени»). Н. Страхова.	91
27. И. С. Аксаковъ (изъ «Новороссійскаго Телеграфа»). П. Леонарда	102
28. И. С. Аксаковъ (изъ «Новороссійскаго Телеграфа»)	104
29. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Волжскаго Вѣстника»). М. П. Н.	106
30. О кончинѣ И. С. Аксакова (изъ «Сельскаго Хозяина»)	108
31. Статья изъ № 29 «Русскихъ Вѣдомостей»	109
32. Передовая статья № 30 «Русскихъ Вѣдомостей»	110
33. Памяти И. С. Аксакова (изъ жур. «Сѣверный Вѣстникъ»). Анны Евреиновой	111
34. Передовая статья № 11 «Казачьяго Вѣстника»	115
35. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Юридическаго Обозрѣнія»).	116

	Стр.
36. Статья изъ № 28 «Кавказа»	117
37. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Кавказа»)	119
38. Передовая статья № 52 газеты «Кавказъ»	122
39. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Оренбургского Листка»)	123
40. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»)	128
41. Передовая статья № 23 «Варшавского Дневника»	129
42. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Екатеринбургской Недѣли»). Нила А—га	132
43. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»). П. Кулаковскаго	132
44. Иванъ Аксаковъ (изъ польской газеты «Еженедѣльное Обозрѣніе»)	136
45. Латышскія газеты о кончинѣ И. С. Аксакова	138
46. Передовая статья № 1 «Русскаго Дѣла» см. отдѣлъ III, стр.	41

III.

НЕКРОЛОГЪ И ВОСПОМИНАНИЯ.

1. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ (изъ „Историческаго Вѣстника“). А. Никольского	1
2. Передовая статья № 31 „Современныхъ Извѣстий“	19
3. Воспоминаніе Ярославца объ И. С. Аксаковѣ	22
4. Памяти И. С. Аксакова (изъ „Современныхъ Извѣстий“). С. Епифанова	25
5. Изъ воспоминаній объ И. С. Аксаковѣ (изъ „Нового Времени“). А. Благонравова.	27
6. Памяти Ивана Сергеевича Аксакова (изъ „Нового Времени“). С. П.	33

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАННИХИДЫ И ЗАСЪДАНІЯ УЧРЕЖДЕНІЙ И ОБЩЕСТВЪ.

	Стр.
1. Передовая статья № 25 газеты «Свѣтъ»	1
2. Панихида по И. С. Аксаковѣ (изъ «Нового Времени»)	2
3. Засѣданіе Петербургской Городской Думы (изъ газеты „Свѣтъ“).	5
4. Торжественное засѣданіе Славянского Благотворительного Общества (изъ «Нового Времени»).	6
5. Русское Географическое Общество (изъ «Нового Времени»)	10
6. Передовая статья № 29 газеты «Свѣтъ»	11
7. Панихида по И. С. Аксаковѣ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ (изъ «Новороссийскаго Телеграфа»).	13
8. Торжественное засѣданіе Одесского Славянского Благотворительного Общества (изъ «Новороссийскаго Телеграфа»).	13
9. Панихида по И. С. Аксаковѣ въ университетской церкви въ Кіевѣ (изъ „Кіевлянина“)	17
10. Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Кіевской 1 й гимназіи и въ Нѣмінскомъ институтѣ (изъ «Кіевлянина»).	18
11. Память объ И. С. Аксаковѣ въ Западной Россіи (изъ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“)	22
12. Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Новочеркассѣ (изъ «Казачаго Вѣстника»).	18
13. Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ г. Минскѣ (изъ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей»)	20
14. Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Привислинскаго края (изъ «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»)	21
15. Засѣданіе Юридического Общества въ Москвѣ (изъ «Русскихъ Вѣдомостей»).	21
16. Стипендія въ память И. С. Аксакова	22

V.

С Т И Х И.

	Стр.
1. На смерть И. С. Аксакова (изъ «Новор. Телеграфа»). П. И.	1
2. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Южного Края») Василия Иванова	2
3. Памяти И. С. Аксакова (изъ «Новороссийского Телеграфа») К.	4
4. На смерть И. С. Аксакова (изъ газеты «Свѣтъ»). Г. Хрущова-Сокольникова.	4
5. Надъ могилой И. С. Аксакова. Леонида Бутовского.	5

VI.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ и ДРУГИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЬ.

1. Слово арх. Никифора Дучича на панихида въ Бѣлградской соборной церкви (изъ газеты «Уставностъ»)	1
2. Панихида по И. С. Аксакову (изъ газеты «Уставностъ»)	6
3. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ газеты «Уставностъ»)	7
4. Иванъ Аксаковъ (изъ газеты «Српски Листъ»)	8
5. Аксаковъ (изъ сербской газеты «Застава»)	11
6. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ сербской газеты «Браник») .	12
7. Аксаковъ (изъ сербскаго листка «Драшков Рабош»)	14
8. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ чешской газеты «Národní Listy»)	15
9. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ словенской газеты «Ljubljanski Zvon»). Д—ра Ц.	19
10. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ словацкаго журнала «Slovenské Pohl'ady»)	24
11. Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ (изъ славянской газеты «Parlamentár»). Др. Живаго	25
12. Иванъ Аксаковъ (изъ мюнхен. газеты «Allgemeine Zeitung»).	26
13. «Толпа суза поводом нагле смерти Ивана Сергиевича Аксакова» (изъ «Гласа Чирногорца»). Стихотворение И. Сундечича .	31
14. Замѣтка отъ редакціи Сборника	34

VIII.

VII.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ВДОВОЙ И. С. АКСАКОВА.

	Стр.
1. Телеграммы изъ Бугуруслана и Нагасаки.	1
2. Письмо протоиерея Александра Свирилина	2
3. Письмо О. Р.	3
4. Письмо г-жи Ольги Фронцевичъ	4
5. Письмо крестьянина И. Шарикова	5
6. Письмо г. А. Плещеева.	6
7. Письмо штатного смотрителя Е. Романова	7
8. Памяти И. С. Аксакова. Статья протоиерея А. И. Баратын- ского	7
9. Сороковой день о незабвенномъ И. С. Аксаковѣ. Статья едино- вѣрца А. Морокина.	13

І.

СЛОВА И РѢЧИ.

Рѣчь сказанная въ Рижскомъ каѳедральномъ соборѣ преосвященнымъ Донатомъ, епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ, предъ панихиidoю по почившемъ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ. *)

Скончался печальникъ земли Русской обь исполненіи ея историческихъ завѣтовъ внутри и вѣтъ ея предѣловъ, обь ея современныхъ нуждахъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ!

Скончался печальникъ Славянства въ его поискахъ за своею историческою судьбою, въ его порывахъ къ возстановленію своей славянской личности въ убѣжденіяхъ, въ наукѣ, въ общежитіи, въ языке, въ гражданскомъ строѣ жизни!

Умолкъ вѣцій голосъ, которому охотно внимали всѣ истинно-русскіе люди во время общественной радости и печали.

Погасъ маякъ здраваго народнаго самосознанія, руководившій его нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій среди тумана заблужденій и волнений противонародной мысли и жизни.

Оставилъ поприще достойный вождь истинныхъ любителей Славянства (славянофилъ), достойный истолкователь высокихъ идеаловъ, наследникъ драгоценныхъ сокровищъ знанія своихъ учителей и сотрудниковъ: Хомякова, Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ,

*) Изъ № 25 «Рижского Вѣстника».

Самарина, Гильфердинга и другихъ въ высокомъ полетѣ ихъ мысли, всецѣло владѣвшей всею мудростю современной имъ науки и жизни. Почилъ обладатель и истолкователь ихъ тайны мирныхъ и дружныхъ отношеній вѣры и знанія, человѣческаго разума и Божіей истины.

Оставилъ свою земную службу вѣрный слуга Русскаго Царя, ревностный защитникъ Его Самодержанія, мудрый истолкователь его идеала, освященнаго Богомъ, сохраненнаго историческимъ подвигомъ Русскаго народа и завѣщаннаго ему въ роды родовъ до скончанія его историческаго вѣка, какъ зиждительное начало государственной жизни Россіи.

Отошелъ въ другой міръ истинный сынъ Православной Церкви, всю жизнь свою одушевленный твердою вѣрою въ ея животворное, творческое вліяніе на личную, семейную, общественную гражданскую жизнь и историческое призваніе Русскаго народа среди другихъ народовъ. Только искрення смѣлость вѣры почившаго Ивана Сергеевича въ неодолимую твердость Церкви Православной среди полной свободы нападеній на нее увлекала его дальше благоразумія тѣхъ родителей, которые не позволяютъ себѣ полной свободы въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ предъ несовершенно-дѣтними своими дѣтьми изъ опасенія вреднаго для дѣтей соблазна и колебанія ихъ дѣтскихъ понятій. Только увѣренность почившаго въ несокрушимомъ могуществѣ Церкви Православной, по обѣщанію ея Основателя, и ревность объ ея славѣ и всеобъемлющемъ вліяніи на жизнь людей скрывали отъ него неизбѣжныя жертвы и гибель слабыхъ въ вѣрѣ людей отъ смѣщенія въ ихъ мысляхъ свободы нападенія и борьбы заблужденій противъ Православной Церкви съ минимъ неуваженіемъ оной, такія жертвы находили бы для себя оправданіе въ самой свободѣ заблужденій, какъ бы признаніи ихъ за истину.

Скажемъ, наконецъ, замолкъ сильный и искренній помощникъ и защитникъ во всякой нуждѣ, во всякой обидѣ голосомъ своей „Руси“, откуда бы ни обращался правдивый голосъ и вопль о народной нуждѣ или обидѣ, наносимой пренебреженіемъ закона или нарушеніемъ его вместо охраны именемъ закона правъ и свободы жизни, неслись ли эти голоса и вопли отъ Владивостока до береговъ Балтійскаго моря и отъ Туркестана до Ледовитаго Океана необъятной Россіи. А нужды и скорби нашей окраины пользовались преимущественнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ

Ивана Сергеевича, и потому наша утрата съ его кончиною почувствуется тяжелѣе чѣмъ гдѣ-либо.

Кто станетъ теперь отзываться съ такимъ горячимъ сочувствіемъ и помощію, какъ отзывался Иванъ Сергеевичъ къ нуждамъ Славянства, его учрежденій, его юношѣй и его борцовъ за свою славянскую нравственную и политическую самобытность?

Чей одушевленный голосъ, равный по силѣ и вліянію голосу Ивана Сергеевича, призоветъ Москву и всю Россію къ жертвамъ на помощь нуждѣ общественной и церковной?

И такъ, почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своимъ русскій православный человѣкъ, И. С. Аксаковъ, много совершившій добра въ жизни своей! Но, какъ и всѣ нужные русскіе люди, Иванъ Сергеевичъ почилъ, по человѣческому разумѣнію, въ такое время, когда онъ наиболѣе нуженъ былъ для русскаго и славянскаго дѣла. Покоримся всеблагой и премудрой волѣ Божіей, уставляющей предѣлы жизни человѣку.

Чѣмъ же мы, возлюбленные сыны Россіи, возблагодаримъ Господа и помянемъ почившаго раба Божія, Ивана Сергеевича, за то уг҃щеніе, что мы имѣли болѣе четверти вѣка такого многополезнаго и искренняго слугу Россіи и ея Государя, и истиннаго сына Православной Церкви? Будемъ подражать и одушевляться примѣромъ жизни Ивана Сергеевича въ нашемъ служеніи Россіи, Государю и Церкви Православной.

Будемъ молиться о душѣ почившаго раба Божія Иоанна, не прервавшаго съ нами общенія, какъ члена Православной Церкви, съ переходомъ въ другую жизнь: да успокоитъ Господь его духъ, жаждавшій на землѣ правды, въ обители своей вѣчной правды и мира.

Рѣчь при поминовеніи Ивана Сергеевича Аксакова, сказанныя въ Гродненскомъ Софійскомъ соборѣ 30 января преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ Брестскимъ. *)

Мы собрались помянуть скончавшагося три дня тому назадъ Ивана Сергеевича Аксакова. Нужно ли объяснять что это за человѣкъ былъ? Его знаетъ не одна Москва, это сердце Россіи,

*) Изъ № 6 «Литовскихъ Епарх. Вѣdomостей».

въ которомъ онъ бытъ самымъ живымъ первомъ,—его знала вся Русская земля, весь Славянскій міръ. Европа знала этого замѣчательнаго русскаго человѣка, какъ одного изъ главныхъ посителей и лучшихъ выразителей идеи братства всѣхъ Славянскихъ народовъ, какъ сильнаго борца за народныя начала въ русской жизни. Въ борбѣ за эти начала онъ проявился какъ личность, поистинѣ, свѣтлая, какъ звѣзда своего рода, свѣтъ которой бытъ путеводнымъ свѣтомъ для ума русскаго чловѣка и отраднымъ для его сердца. Знала Ивана Сергиевича и Православная Церковь, которую онъ чтилъ какъ вѣрный ей сынъ, и которой служилъ, какъ можетъ служить Церкви просвѣщенный мірянинъ, ревнующій о ея благосостоянії.

Всѣ эти качества покойнаго Ивана Сергиевича Аксакова были особенно цѣнны въ наше смутное время, какое переживалъ весь Славянскій міръ вообще и въ частности Русскій міръ.

Когда мусульманство давило православныхъ Славянъ, кто тогда сильнѣе Ивана Сергиевича могъ сказать слово за угнетеныхъ? Кто живѣе его могъ пробудить на Руси и родственное чувство, и чувство христіанскаго состраданія къ несчастнымъ? Кто лучше его могъ выяснить значеніе братскаго союза между Славянскими племенами для ихъ настоящаго и будущаго? Онъ бытъ своего рода пророкъ въ Славянскомъ мірѣ, пророкъ и утѣшающій, ободряющій страдальцевъ - Славянъ, и сильно обличающій неправды Западной Европы, хищныя стремленія ея лукавой политики, ищущей поживы въ земляхъ Славянскихъ, облитыхъ кровію. И не стало этого пророка, замолкли вѣція уста, говорившія такія рѣчи, которыми трогались и жестокія сердца!

Когда нашу Русь обуяло какое-то недовольство всѣмъ своимъ роднымъ; когда у насть стали безъ разбора, огуломъ, хулить все свое русское, не отличая притомъ хорошаго отъ худаго; когда это недовольство у многихъ развилось до неспособности замѣтить въ окружающей жизни и выдающихся явленій добра, и дошло до страсти раскрывать только язвы русской жизни, находить какое-то удовольствіе въ самопоруганіі; когда наши русскіе поклонники Запада возревновали о пересадкѣ на русскую почву иноземнаго и съ пренебреженіемъ къ своему родному русскому, какъ къ чему-то отжившему и нездоровому, стали искать спасенія во всякой иноземцінѣ: кто тогда тверже Ивана Сергиевича отстаивалъ русское національное достоинство? Кто трезвѣе его

смотрѣль на русскую жизнь,—вѣрнѣе отличалъ въ ней хорошее оть дурнаго, здоровое оть больнаго и отжившаго? Кто живѣе его могъ изобразить ту уродливость, какая появлялась въ русской жизни оть насильственныхъ приставокъ къ ней чужеземнаго, не-свойственнаго духу русскаго человѣка? Кто убѣдительнѣе Ивана Сергеевича могъ говорить о значеніи національныхъ началъ для русской жизни, объуваженіи къ святымъ завѣщаніямъ ея исторіи? Кто выразительнѣе его могъ высказать думы русскаго человѣка, его радости и скорби въ важные исторические моменты, какие мы переживали? Кто-то, не помню, высказалъ такую мысль, весьма вѣскую для оцѣнки Аксакова: „я сильнѣе чувствую себя русскимъ человѣкомъ и довольство тѣмъ, что я Русскій вотъ въ какихъ случаяхъ: когда въ церкви слышу древне-церковную мелодію священныхъ славянскихъ пѣснопѣній,—когда слышу въ широкомъ полѣ задушевную русскую народную пѣсню, и когда читаю рѣчи Аксакова о нашихъ русскихъ дѣлахъ“. И не стало русскаго народнаго оратора, умѣвшаго гармонически соединять въ своей рѣчи общечеловѣческое съ національнымъ, церковное съ житейскимъ, не стало русскаго народнаго трибуна-златоуста! Кто же идетъ, въ замѣнѣ его, на его опустѣвшую каѳедру и будетъ говорить намъ такія рѣчи? Не видно.... Каѳедра его, извѣстная всѣмъ „Русь“, кажется, навсегда опустѣла съ той минуты, какъ сокрушилось и перестало биться навсегда сердце вѣщавшаго на ней народнаго витіи!

Когда у насть на Руси научились краснорѣчиво говорить и писать; когда для многихъ чтеніе стало не школой для мысленія и для приобрѣтенія полезныхъ знаній, а только пріятнѣмъ развлеченьемъ, убивающимъ способность серьезноз думать объ окружающей насть жизни; когда притомъ книгу мы возвели въ должность главнаго руководителя въ жизни; когда мы привыкли вычитанныя, чужія мысли выдавать за свои собственные; когда такимъ путемъ привыкли къ фразѣ и научились искусству прикрывать ею свой собственный образъ мыслей и чувствъ или отсутствие ихъ; когда у насть развилась обширная торговля печатнымъ словомъ объ общественныхъ дѣлахъ, причемъ открылись мелочныя лавки, гдѣ, наравнѣ съ литературнымъ хламомъ, нерѣдко измѣннически продается и святая правда за рубли и копѣйки: тогда, не правда ли?—становится величайшою драгоцѣнностью—слово глубоко обдуманное, выношенное въ умѣ, Digitized by Google самостоѧтельно

и заботливо помышляющемъ объ общемъ благѣ, и въ сердцѣ, горячо любящемъ родину,—слово серіозное, правдивое, честное. Такое слово особенно цѣнно бываетъ, когда событія, касаясь важныхъ общественныхъ интересовъ, возбуждаютъ въ народѣ заботливыя думы, глубоко затрагиваются его чувство, а между тѣмъ воиди общественной мысли либо неискренно фразируютъ, либо вяло и темно толкуютъ, не давая серіознаго, искренняго и сильнаго слова. Вотъ въ такие-то моменты часто слышалось у насъ: „что-то скажетъ нашъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ?“ И онъ говорилъ, не обинуясь говорилъ въ подобные моменты такое слово, для котораго нужно не только умѣніе сильно говорить правду, но и мощное гражданское мужество. И не стало этого самобытнаго, искренняго, правдиваго писателя и мужественнаго гражданина, котораго уважали и враги его!

Когда у насъ усилился обычай браться за науку—не столько для того, чтобы образовать изъ себя человѣка, мыслящаго и чувствующаго истинно по человѣчески, сколько для того, чтобы добиться права на извѣстное положеніе съ удобствами; когда самое образованіе у многихъ получило характеръ выучки для обыденныхъ практическихъ цѣлей; когда въ образованіи многіе стали болѣе всего цѣнить выгодныя специальности, предпочитая ихъ общему образованію; когда специальности для многихъ посвятившихъ имъ себя стали тѣмъ же, чѣмъ, напримѣръ, стала для плотника топорь: тогда у насъ развелось множество специалистовъ, свѣдущихъ въ своей узкой области знаній, но не имѣющихъ того, что называется образованіемъ въ высшемъ, христіанскомъ смыслѣ этого слова. Образованіе, понимаемое въ такомъ смыслѣ, непремѣнно предполагаетъ у человѣка истинно-образованнаго цѣльное и правильное міровоззрѣніе, съ опредѣленными понятіями по главнѣйшимъ вопросамъ жизни и бытія; а такой-то основы образования и нѣтъ нынѣ у многихъ, долго учившихся разнымъ специальностямъ. Эта ученая дробность въ наше время весьма усилилась и часто доходитъ до умственной и нравственной легкости, которая и сама себѣ не можетъ дать отчета—какого міровоззрѣнія держится она; а между тѣмъ она даже и гордится иногда тѣмъ, что не имѣть никакого опредѣленнаго міровоззрѣнія, признавая отсутствіе этой основы образования за лучшій признакъ здраваго ума съ „реальнымъ направлениемъ“! Такихъ людей у насъ теперь очень много. Съ ними можно прожить цѣлые годы

и все-таки не узнатъ: во что они вѣруютъ, что составляетъ за-
вѣтную святыню ихъ души? Это личности безличныя, это умст-
венные и нравственные потемки! Среди такого темнаго безличія,
не правда ли?—отрадно встрѣтить личность, свѣтлую личность—
и по образу мыслей и по образу жизни, съ опредѣленнымъ міро-
воззрѣніемъ, съ вѣрою намѣченными и твердо поставленными цѣ-
лями жизни, что бываетъ только у разумно вѣрующаго христіа-
нина. Такою, поистинѣ свѣтлою личностю и былъ Иванъ Серге-
евичъ Аксаковъ. Это былъ истинный христіанинъ, не стыдившійся
признавать Православную Церковь своею матерію, тогда какъ
весьма многіе изъ современныхъ такъ-называемыхъ образованыхъ
людей признаютъ какъ бы недостойнымъ образованнаго человѣка
вѣровать и жить по церковному! Для многихъ изъ таковыхъ—
придти въ церковь значить не то что исполнить свой святой
долгъ, а сдѣлать какъ бы уступку общему и старому обычаю,
сдѣлать снисхожденіе и какъ бы одолженіе кому-то!... А Иванъ
Сергѣевичъ Аксаковъ считалъ за счастіе и за величайшую честь
принадлежать Православной Церкви и служить ей и словомъ и
дѣломъ. Слѣды своего служенія Православной Церкви онъ оsta-
вилъ и въ здѣшнемъ краѣ: онъ былъ однимъ изъ величайшихъ
ревнителей укрѣпленія православія и русской народности въ этой
странѣ въ ту пору, когда она была взволнована извѣстнымъ мя-
тежомъ. Мы помнимъ это время, когда Иванъ Сергеевичъ, съ
ревностію достойною истиннаго христіанина и вѣрнаго своей ро-
динѣ гражданина, служилъ благу этой страны; помнимъ, когда
среди тогдашней смуты онъ являлся здѣсь не въ одномъ только
своемъ „Днѣ“, прогонявшемъ мракъ іезуитства и полонизма, во-
одушевлявшемъ къ борьбѣ съ ними, но и въ благотвореніяхъ для
пострадавшихъ отъ этихъ язвъ здѣшняго края.

Вотъ какого человѣка опускаетъ въ могилу Русская земля!
Помолимся, братіе, да упокоитъ Господь душу раба своего Иоанна
въ царствіи небесномъ — послѣ его честныхъ и благотворныхъ
трудовъ для православнаго Русскаго царства и для всего право-
славнаго Славянства.

Слово сказанное въ Виленскомъ Свято-Духовомъ монастырѣ настоятелемъ Пречистенского собора,protoіереемъ I. A. Котовичемъ. *)

Помните, братіе, трудъ нашъ и подвигъ (1 Сол. 2, 9.)

Точно громъ съ высоты безоблачнаго неба поразило всѣхъ насъ глубоко-печальное извѣстіе о неожиданной кончинѣ незабвеннаго Ивана Сергеевича Аксакова. Моцный организмъ уступилъ силѣ болѣе мощнаго духа, и лучшій гражданинъ и пѣчальникъ земли Русской сошелъ въ могилу, повергши въ глубокій трауръ не однихъ только близкихъ и зналшихъ его людей. Его гробъ и свѣжую могилу горько оплачутъ — вся Россія, весь Славянскій міръ и всѣ образованные люди, для которыхъ честное и не-подкупное слово, сила и твердость убѣжденія, неутомимая борьба съ ложью, любовь къ правдѣ, чистая, безпристрастная любовь къ родинѣ, къ Русскому народу и Славянству, преданность вѣрѣ, Церкви и идеѣ самодержавной царской власти — не пустыя фразы, а духъ и жизнь. То уваженіе, съ которымъ встрѣчалось каждое его живое слово, то благоговѣніе, съ какимъ оно прочитывалось и передавалось изъ устъ въ уста, тотъ необыкновенно обширный, ясный и основательный умъ, съ какимъ онъ съ легкостью анатома отсѣкаль ложь отъ истины и возводиль иставилъ истину на подобающую ей высоту, та замѣчательная и рѣдкая способность жить въ данное время чувствами и думами народными, предугадывать ихъ, воплощать ихъ въ прекрасной формѣ слова, отчего каждый соотечественникъ, читавъ его слова, читалъ какъ бы завѣты своей души и находилъ въ нихъ источникъ утѣшенія, бодрости и возвышенія духа среди радостей и печалей народной жизни, та смѣлая прозорливость, съ какою онъ раздвигалъ завѣсу будущаго и такъ вѣрно прозрѣвалъ грядущія события и ихъ послѣдствія, — ставить его въ ряду замѣчательнѣйшихъ дѣятелей пера и слова въ нашемъ отечествѣ. Его трудъ и духовные подвиги не сойдутъ съ нимъ въ могилу; они живы

*) Изъ № 5 «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

и будутъ жить въ сознаніи народномъ, будутъ приносить добрые плоды и изъ рода въ родъ будуть вызывать память объ ихъ творцѣ и лучшемъ выразителѣ, который такъ талантливо сумѣлъ идеалы народной жизни влить въ общественную жизнь живою струею. Конечно, намъ, современникамъ, да еще при такомъ внезапномъ удручающемъ душу событии, трудно оцѣнить заслуги и значение дѣятельности покойного Ивана Сергеевича для Россіи и для Славянства; безъ сомнѣнія, друзья и почитатели, окружая гробъ народолюбца, многое скажутъ о немъ въ наше назиданіе, но полная оцѣнка жизни почившаго патріота принадлежитъ все-таки будущему времени.

Слѣдя заповѣди Апостола помнить труды и порвиги дѣятелей, мы скажемъ нѣсколько слабыхъ словъ о дѣятельности Ивана Сергеевича и, останавливая свой взоръ на трудахъ для подъема русского народного духа въ Западно-Русскомъ краѣ и для оживленія и возвышенія въ немъ православія, хоть нѣсколько освѣтимъ дѣятельность почившаго въ этомъ направленіи.

Иванъ Сергеевичъ принадлежалъ къ счастливому семейству, нравственные качества и умственныя дарованія членовъ котораго пользуются заслуженною общею известностію. Въ средѣ семейной онъ получилъ тѣ задатки любви къ народу и началамъ его жизни, къ Россіи и служенію правдѣ, какіе развились въ немъ и воспитаніемъ и вліяніемъ знаменитаго въ исторіи развитія нашего самосознанія кружка славянофиловъ, центромъ котораго было семейство Аксаковыхъ. Этому кружку талантливыхъ людей, беззывѣтно преданныхъ своей родинѣ, путемъ самоотверженного труда надъ изученіемъ памятниковъ старины и условій быта и жизни Русскаго народа и единоплеменнаго Славянства посчастливилося возстановить живую связь нашего прошлаго съ настоящимъ, порванную реформами XVII в., найти въ исторіи Русскаго народа богатыя нравственные силы, зиждущія жизнь народную и строй общества и государства и безъ пособія заграничныхъ разновидныхъ и вызванныхъ совершенно другими условіями исторической жизни тамошнихъ народовъ учрежденій. Любовь къ родной старинѣ и къ родному народу оживила память о единствѣ всѣхъ Славянъ и необходимости воскрешенія духовнаго единства въ возможной силѣ. Русскіе люди стали прислушиваться къ этому новому направленію въ русской исторической наукѣ, повѣрять его, иочувствовали его правду—и ученіе славянофиловъ стало

нынѣ убѣжденіемъ всякаго истинно-русскаго человѣка и постепенно отражалось въ мѣропріятіяхъ зиждущей государственной силы, такъ что покойный И. С. Аксаковъ въ извѣстномъ, составленномъ имъ адресѣ въ Бозѣ почившему Государю Александру II могъ съ свойственнаю ему прямотою сказать, что въ „новшествахъ Твоего царствованія слышится намъ наша старина“.

Иванъ Сергеевичъ былъ лучшимъ, наиболѣе энергическимъ представителемъ славянофильства и самымъ дѣятельнымъ проводникомъ ученія онаго въ жизнь при содѣйствіи руководимой имъ periodической печати. Запасъ знаній, добытыхъ трудами своихъ предшественниковъ, онъ обогатилъ новыми свѣдѣніями путемъ личнаго опыта и изученія. Не отдавая себя служебнымъ обязанностямъ, но по временамъ принимая оныя на себя, онъ близко изучилъ бытъ старообрядчества, его вѣрованія и надежды, въ качествѣ ополченца совершилъ въ Крымскую войну походъ съ дружиною въ Бессарабію, былъ затѣмъ членомъ сѣдѣственной комиссіи, возникшей послѣ этой войны, поѣтиль Славянскія земли и изслѣдоваль торговое и промышленное движеніе въ Украинѣ, въ связи съ онымъ, въ другихъ мѣстахъ нашего отечества. Эти стороны его дѣятельности дали ему массу свѣдѣній, и Иванъ Сергеевичъ въ своихъ статьяхъ нерѣдко ссылался на нихъ, какъ на доказательства личнаго опыта и знанія.

Честное, правдивое и независимое слово Ивана Сергеевича нерѣдко было источникомъ оживленной литературной борьбы и непріятностей; по временамъ умолкалъ его голосъ, но, казалось, затѣмъ только, чтобы съ большою еще силою раздалось его вѣщее и дорогое русскому сердцу слово. Долгъ и служеніе Россіи и Славянству онъ ставилъ выше всего, до самоотверженія; еще на дняхъ онъ высказалъ съ полною силою убѣжденія, что уже поздно и не подстать мѣняться ему въ взорѣніяхъ, и пока онъ держитъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, несомнѣнно истинно-патріотическимъ, какимъ оно было и есть, теперь и всегда. И это онъ исповѣдалъ съ такою силою и твердостію, когда здоровье его уже надломилось и смерть, какъ тать въ нощи, приближалась къ нему. Эта вѣрность русско-славянскимъ идеямъ, доказанная всею его жизнью, приковывала къ нему сердца людей русскихъ и Славянъ; сами враги отдавали ему дань уваженія. Въ его домѣ Славянинъ находилъ братскій привѣтъ и отдыхъ, и получалъ нравственное подкрѣпленіе и по-

мощь. Къ нему, Ивану Сергеевичу, въ полное его распоряжение, въ случаѣ нужды обильною струею лились значительныя пожертвования, съ полнымъ довѣріемъ, что они въ рукахъ его дойдутъ по назначению. Завидное довѣріе! Велика честь памяти почившаго!

Не забудеть и Западно-Русскій край Ивана Сергеевича! Нужно было имѣть много мужества и сознанія гражданскаго долга, чтобы такъ безстрашно возстать на защиту попранной и униженной русской народности и православиѣ вѣры въ здѣшнемъ краѣ, какъ возсталъ Иванъ Сергеевичъ въ 1861 и 1862 гг.—это время лихорадочной подготовки и организаціи польского мятежа, благодаря недальновидности и пагубному либерализму нашей администраціи. Всякій, кто бы смѣялъ только думать оказать противодѣйствіе дѣломъ или же заговорить о Западномъ краѣ какъ о русскомъ, а не польскомъ, могъ ожидать себѣ много непріятностей, угрозъ и бѣды отъ Поляковъ. Казалось, что русская печать и власть какъ бы сознательно отдали край нашъ въ порабощеніе врагамъ. Борьба и томленіе духа были велики и невыносимы; чувства эти испытывали только тотъ, кто лично здѣсь пережилъ это тяжелое время. И вотъ, осенью 1861 г. появляется литературный органъ Ивана Сергеевича „День“. Съ свойственною ему прямотою онъ открыто исповѣдалъ великій грѣхъ русскаго общества и русскихъ ученыхъ — забвеніе про существованіе Бѣлоруссіи, обще-русскихъ основъ ея жизни и подвиговъ ея сыновъ; онъ прямоставилъ вопросъ, что здѣшній народъ — Русскій народъ, господинъ и хозяинъ той земли, которую Поляки всюду прославили Польшей и этою ложью заслѣпили глаза русскому обществу; онъ убѣждалъ Бѣлоруссовъ—представителей народа въ Западномъ краѣ—стражнуть съ себя въ своемъ домашнемъ быту польскую рѣчь и польские обычай, какъ символы поозора и рабства польщизнѣ и какъ преграду къ возсоединенію съ остальнойю православною Россіею; онъ взывалъ къ русскимъ дѣятелямъ ни на минуту не забывать великое значеніе своего призванія въ странѣ сей — миссионерство русской народности и православія. Его слова, исходившія изъ глубины сердца преданного Россіи, зажигали сердца читателей и давали силу ихъ мыслямъ и дѣламъ. Но Иванъ Сергеевичъ былъ человѣкомъ не слова и языка только, а дѣла и истины. Ратуя за нашу окраину, онъ призывалъ къ участію въ борьбѣ лучшія силы въ краѣ, вдохнулъ

въ нихъ жизнь и любовь къ народу; масса свѣдѣній, корреспонденцій и ученыхъ трактатовъ, касающихся исторіи и бытовой жизни страны сей, находили сочувственный пріютъ въ его органѣ, который сотнями бесплатно онъ распространялъ среди духовенства и образованныхъ людей. Оживленіе въ Западной Россіи было весьма велико; взоры мыслящихъ людей постоянно обращались къ Москвѣ, къ Аксакову: что думаетъ, что скажетъ онъ? Почти всѣ проекты преобразованій въ краѣ или проходили чрезъ его руки, или же не чужды были его указаній и косвенного вліянія. Православные храмы, братства при оныхъ, и въ частности здѣшнее Св.-Духовское, и церковныя школы находили въ немъ помощника и дателя. Онъ лично отъ себя давалъ жертвы, записывался въ число братчиковъ во многихъ приходахъ, призывалъ къ тому своимъ близкимъ, знакомымъ и сочувствующимъ его дѣятельности. Гдѣ видѣлъ или чувствовалъ вялость или боязливость въ дѣйствіяхъ,—просилъ, убѣждалъ, ободрялъ. Многие десятки тысячъ денегъ, массы книгъ и церковной утвари явились въ пособіе мѣстнымъ скучднымъ средствамъ или же на покрыtie этой скучности. Вотъ вкратцѣ заслуги и значеніе незавѣннаго Ивана Сергеевича для Западнаго края; главное, чего не забудеть исторія — это озареніе сознанія русскихъ людей относительно западно-русской страны, ставшаго теперь непоколебимымъ.

Принесемъ же, братіе, низкій поклонъ и глубокую благодарность приснопамятному Ивану Сергеевичу за всѣ его труды и подвиги ради славы и чести Россіи, ради счастія и мирнаго развитія Западно-Русскаго края. Вознесемъ къ престолу Всевышняго мольбы объ упокоеніи въ царствѣ славы и вѣчной правды его могучаго духа, не знавшаго отдыха и покоя ради любви къ Богу, Святой Церкви и отечеству, о прощеніи его грѣховъ, вольныхъ и невольныхъ, отъ которыхъ онъ, какъ человѣкъ, не былъ свободенъ. Будемъ молить Небеснаго Устроителя судеб народа и жизни частныхъ людей, да вышлетъ Онъ на русскую ниву дѣятелей подобныхъ почившему. Много есть владѣющихъ первомъ и даромъ слова, но на видимомъ нами горизонте общестненной жизни — нѣть и не видится подобнаго незавѣнному нашему Ивану Сергеевичу Аксакову. Аминь.

Рѣчь произнесенная настоятелемъ Петропавловскаго собора въ г. Калишѣ, протоиерееемъ В. Гурьевымъ, предъ панихиидою по И. С. Аксаковѣ *).

Приступая къ совершенню панихииды о упокоеніи души новопреставленнаго раба Божія, болирина Иоанна Сергеевича Аксакова, я не считаю нужнымъ объяснять вамъ, слушатели возрастные или болѣе или менѣе образованные, кто онъ былъ. О великомъ, народномъ значеніи его вы, конечно, имѣете понятіе и, безъ сомнѣнія, прочитали уже почти во всѣхъ ежедневныхъ изданіяхъ русской печати самые лестные и горячо-задушевные отзывы о немъ по поводу его неожиданной и преждевременной кончины. Да и кто же изъ Русскихъ, мало-мальски образованныхъ людей не зналъ Аксакова—этого замѣчательнаго патріота и безкорыстнаго защитника самобытности и самостоятельности народа Русскаго? Но вамъ, дѣти, воспитанники и воспитанницы нашихъ гимназій, я считаю полезнымъ расказать, хотя въ краткихъ словахъ: кто такой былъ приснопоминаемый Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ и чѣмъ онъ заслужилъ то, что его поминаютъ теперь во всей Россіи, и о немъ молятся вездѣ всѣ истинно-руssкіе люди.

Покойный Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ не былъ ни князь, ни графъ, ни какой-нибудь знаменитый полководецъ или министръ, ни даже высокопоставленный, знатный чинами и положеніемъ человѣкъ; нѣть,—Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ былъ простой, прирожденный русскій дворянинъ, воспитанный въ благочестивой русской дворянской семье и получившій основательное и многостороннее научное образованіе въ высшемъ учебномъ заведеніи. Почти тридцать лѣтъ, лучшихъ лѣтъ своей жизни, онъ посвятилъ литературному труду и общественнымъ дѣламъ, стараясь возбудить историческое самосознаніе въ Русскомъ народѣ, защищая всѣми силами его умственную и нравственную самобытность отъ всяческихъ иноземныхъ прираженій и искаженій. И вся его научно-литературная и общественная дѣятельность служить самымъ нагляднымъ и бесспорнымъ доказательствомъ того, что онъ былъ человѣкъ ума глубокаго, характера непреклоннаго, сердца благо-

*) Изъ № 6 «Калишскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

роднѣйшаго; это былъ мужъ чести неподкупной и правды нели-
цемѣрной, гражданинъ небоязно говорившій святую правду
всѣмъ въ глаза и даже великимъ и сильнымъ міра сего,—за что
неоднократно вынужденъ былъ испытать на себѣ самомъ всю тя-
готу Христовой заповѣди: *блажени изгнанніи правды ради; блажени
есте, егда ноносятъ вамъ, и изжденутъ и рекутъ всяко золъ мають
на вы, лжуще, Мене ради...*

Обладая несомнѣнно самымъ многостороннимъ научнымъ обра-
зованиемъ, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ
личностю самою высоконравственнюю: онъ былъ прекрасный семья-
нинъ, честнѣйшій общественникъ, вѣрный другъ, достойный про-
тивникъ, благороднѣйшій человѣкъ!

Будучи человѣкомъ несомнѣнно высоконравственнымъ, Иванъ
Сергеевичъ Аксаковъ горячо и беззавѣтно любилъ свой родной
Русскій народъ; своимъ на все отзывчивымъ сердцемъ онъ жилъ
одною жизнью съ народомъ, радовался его радостями и скорбѣль
всякимъ народнымъ горемъ - злосчастьемъ. Любя всѣмъ сердцемъ
свой Русскій народъ, онъ всецѣло и всеподданнѣйше былъ пре-
данъ и своему Русскому Царю-Самодержцу. Слава Царя, честь
отечества и благо народа — вотъ тѣ основныя начала, которыя
проповѣдывалъ онъ во всю свою жизнь и которыя составляли все
существо его прекрасной души, его много полезной общественно-
литературной дѣятельности.

Но, что всего важнѣе, всего отраднѣе, особенно въ наше,
оскудѣвающее вѣрою и благочестіемъ времія,—Иванъ Сергеевичъ
Аксаковъ былъ глубоко-вѣрующій и искренне-благочестивый хри-
стіанинъ! Всѣмъ Москвичамъ извѣстно, и всѣ знашіе его лично
рассказываютъ, что не только во всѣ воскресные и праздничные
дни, но даже весьма нерѣдко и въ будни онъ любилъ посѣщать
свой приходскій храмъ, находя высокое для себя духовное на-
слажденіе въ пѣнопѣніяхъ и молитвословіяхъ церковныхъ. Бу-
дучи несомнѣнно просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ нашего времени,
обладая солиднымъ, свѣтски-научнымъ образованіемъ, онъ въ то же
время имѣлъ весьма обширныя и весьма основательныя духовно-
богословскія познанія: ни одинъ догматическій или церковно-
каноническій вопросъ, возбуждавшійся теченіемъ и развитіемъ
церковно-общественной жизни какъ у насть въ Россіи, такъ и за
границей, не былъ ему чуждъ и неизвѣстенъ,— и въ рѣшеніи

подобныхъ вопросовъ онъ заявилъ себѣ не только глубоко-ученымъ, но, что всего важнѣе — твердо-православнымъ богословомъ!

Значить, дѣти, можно быть и свѣтски-образованнымъ и ученымъ человѣкомъ — и смѣетьскъ искренне-вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ! Запомните это! Запечатлѣйте себѣ на вашихъ добрыхъ юныхъ сердцахъ, что можно быть и свѣтски-образованнымъ и ученымъ человѣкомъ и вмѣстѣ вѣрующимъ и благочестивымъ христіаниномъ. Примѣромъ самымъ поучительнымъ въ этомъ отношеніи какъ для васъ, такъ и для всѣхъ настѣ, да послужить все онъ же, нашъ досточтимый и приснопамятный Иванъ Сергиевичъ Аксаковъ!

Помолимся же о немъ!...

Миръ праху твоему и вѣчная тебѣ память, благороднѣйшій и честнѣйшій русскій человѣкъ, глубоко-вѣровавшій и благочестивый христіанинъ!... Аминь.

Слово произнесенное въ Казанскомъ соборѣ (С.П.Б.) на Божественной литургіи въ день погребенія Ивана Сергиевича Аксакова священникомъ Казанского собора Михаиломъ Соколовымъ, 31-го января 1886 года *).

*Жизнъ Господъ, жива будешь
душа моя и восхвалитъ Тя... во
вѣки, и судьбы Твои помогутъ
мнъ... Псал. 118.*

Сегодня мы погребаемъ нашего незабвенного брата, Ивана Сергиевича Аксакова. Этотъ человѣкъ прямотой своего характера, искренностью своего слова и своихъ отношеній ко всѣмъ лицамъ и вопросамъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Съ нимъ можно было не соглашаться, его взгляды можно было считать не отвѣчающими личными чувствами и взглядами того или другаго общественного дѣятеля, но безспорно, что его мнѣніе всегда было и глубоко продумано, и высоко - честно. Онъ не понималъ, что

*) Издъ № 32 «Петербургскаго Листка».

значить принаравливаться къ господствующимъ требованиямъ и мнѣніямъ. Онъ говорилъ прямо и такъ, какъ былъ убѣжденъ. На чёмъ же опирались его воззрѣнія, которыхъ онъ отстаивалъ съ всегда присущимъ ему мужествомъ? Его широкое философское образованіе, прочная историческая свѣдѣнія, основательное знакомство съ естественно-научными воззрѣніями, глубокія познанія въ религіозныхъ вопросахъ со стороны догматической и церковно-исторической давали ему право говорить съ той авторитетностью, какою всегда отличалась его рѣчъ устная и письменная.

Многія стороны его жизни сдѣлаются понятными только тогда, когда талантливый историкъ на многихъ страницахъ изложитъ совокупность его мыслей, въ теченіе десятилѣтій высказанныхъ въ печати, и только тогда предъ нами предстанетъ полный обликъ души незабвенного Ивана Сергеевича. Прежде всего, почившій Иванъ Сергеевичъ былъ сыномъ родной земли. Происходя изъ высшаго класса, онъ самъ вмѣстѣ съ своими братьями и друзьями жилъ народною жизнью. Думы народа, его чувства, его взгляды были близки душѣ Ивана Сергеевича. Чудная, образная русская рѣчъ выливалась изъ души почившаго, когда онъ говорилъ или писалъ. И этой чарующею рѣчью онъ призывалъ дѣтей родной земли къ единенію. Онъ въ высшей степени страдалъ за рознь, которая установилась, и теперь еще не совсѣмъ прошла, между высшими и низшими классами въ нашей странѣ. Онъ болѣль душою, что воспитаніе дѣтей въ высшихъ классахъ находится часто въ рукахъ иноzemцевъ и происходитъ вдали отъ родины, на чужыхъ нарѣчіяхъ. Онъ имѣлъ право утверждать, что такие питомцы иныхъ народовъ никогда не узнаютъ, не поймутъ Русскаго народа и не сроднятся съ нимъ. Онъ опредѣленно отвѣчалъ на вопросъ: на какомъ языке дитя должно начать говорить? Непремѣнно на родномъ. Пусть родные звуки первыми войдутъ въ душу дитяти и освятятъ ее дыханіемъ жизни. Въ развитіи высшихъ классовъ вдали отъ народа онъ видѣлъ беспочвенность, которая грозитъ великими опасностями для всего народа. Какъ могутъ высшіе классы руководить народною жизнью, не знаю ея? Но это знаніе народной жизни онъ и самъ почерпалъ не только изъ личныхъ постоянныхъ сношеній съ народомъ, но и изъ изученія исторической жизни нашего народа. Прошлое нашего отечества онъ считалъ выражениемъ народнаго духа. Складъ жизни нашего отечества не былъ случайнымъ явленіемъ,—онъ окрѣпъ

среди многихъ болѣзней и страданій. Проживши тысячу лѣтъ, нашъ народъ положилъ въ основу своей жизни разумъ, который нужно постигнуть, чтобы благотворно для него вносить реформы въ народную жизнь. Покойный Иванъ Сергеевичъ съ настойчивостю призывалъ всѣхъ изучать родную старину, прислушиваться сердцемъ къ потребностямъ народной жизни, и въ этомъ незабвенная заслуга почившаго. Голосъ его и его друзей во многомъ услышанъ. Многое изъ того, что въ учении людей называемыхъ славянофилами вызывало ожесточенное нападеніе тридцать лѣтъ назадъ, теперь вошло въ сознаніе большинства мыслящихъ и пишущихъ русскихъ людей, нерѣдко защищается въ тѣхъ самыхъ изданіяхъ, въ которыхъ прежде отвергалось. Выходя изъ такихъ началъ, покойный тѣмъ съ болѣе живымъ сочувствіемъ относился къ реформамъ прошлаго и нынѣшняго царствованія, чѣмъ болѣе они проникнуты были началами народной русской жизни. Въ этомъ отношеніи добрымъ и дорогимъ для духа почившаго памятникомъ будетъ, если мы усвоимъ себѣ и вдохнемъ устнымъ и печатнымъ словомъ другимъ искреннееуваженіе ко всему родному-доброму, русскому, и всегда будемъ действовать въ согласіи съ началами народной жизни.

Второю выдающеюся особенностию дѣятельности покойнаго Ивана Сергеевича было развитіе общеславянскихъ симпатій. Въ этомъ случаѣ онъ выходилъ изъ пониманія преобладающихъ направлений въ ходѣ народной жизни въ XIX столѣтіи. Национальное возрожденіе, образованіе возможно большихъ группъ народностей, принадлежащихъ къ одному племени, онъ рассматривалъ какъ такое непреложное, справедливое явленіе, которому нужно послѣдовать и Славянамъ. Почившій ясно понималъ, какъ несостоятельны предъ этою историческою правдою всѣ теоретическія увлеченія или узкія мѣстныя и партійныя стремленія. На Россію Иванъ Сергеевичъ смотрѣлъ какъ на старшаго брата, который призванъ помочь младшимъ братьямъ въ дѣлѣ желаемаго единенія и возрожденія литературнаго и религіознаго. И онъ съ своими единомышленниками по этому вопросу сдѣлалъ для Россіи то, что мы лучше знаемъ Славянъ, чѣмъ наши отцы 30—40 лѣтъ назадъ, и живѣе принимаемъ къ сердцу ихъ интересы. Иванъ Сергеевичъ не поколебался въ своихъ убѣженіяхъ и въ послѣднее время, когда надъ Славянствомъ повисли тучи вражды и недоразумѣній. Кончина Ивана Сергеевича уяснила намъ и то,

что имя его и дѣятельность хорошо были известны лучшимъ славянскимъ людямъ, и они имѣютъ теперь горькія соболѣзнованія о невознаграждаемой утратѣ великаго труженика надъ всеславянскою идею. Но душою всей дѣятельности почившаго Ивана Сергѣевича была его привязанность къ Святой Матери Церкви Православной. Правильнѣе будетъ сказать, что покойный не только принадлежалъ къ Церкви (онъ порицалъ эту „только принадлежность“),—онъ жилъ въ Церкви. Возвышенными и сердечными чертами онъ изображалъ жизнь въ Церкви. Церковь—великая собирательная единица, или Вселенское единство, въ которомъ миллионы душъ живутъ одними мыслями, чувствами, стремлѣніями, въ однихъ пѣснопѣніяхъ возносятъ хвалы своему Творцу, въ однихъ таинствахъ освящаютъ свои души. И онъ, почившій братъ нашъ, давалъ чувствовать намъ, что живущій въ Церкви—не одинокъ въ своей жизни, въ своихъ молитвахъ, но всегда окружается великимъ множествомъ братьевъ, въ каждую минуту его религіозной жизни, въ каждомъ отдѣльномъ актѣ своей жизни въ Церкви. И братья земные, и братья небесные, Святые угодники Господни, Святые ангелы Божіи, всегда соприсутствуютъ и бѣдному и богатому, и знатному и худородному, старцу и дитяти, когда все они или отдѣльно служатъ Господу въ союзѣ съ Церковью. Живое представление Церкви—великаго тѣла Христова было для Ивана Сергѣевича источникомъ самыхъ возвышенныхъ стремлѣній, наставленій, чувствъ, которыя выливались потомъ въ одушевленную рѣчь живую и письменную. Отсюда вытекали его живыя симпатіи ко всякому правительству и общественному мѣропріятію, въ которомъ онъ усматривалъ торжество Церкви. Съ какимъ самоотверженіемъ этотъ вѣрный сынъ Церкви потрудился въ Миссионерскомъ Православномъ Обществѣ, всею душою слѣдя за успѣхами Православной Христовой Церкви въ Сибири, Китаѣ, Японіи! Съ какимъ мужествомъ онъ охранялъ достоинство своей Матери-Церкви на окраинахъ Россіи!..

Съ какою живою любовью онъ заносилъ на страницы своихъ изданій дорогія вѣсточки изъ средины Россіи, идѣ пастыры дѣлали свое дѣло во славу Церкви, идѣ паства научилась пѣть во храмѣ, идѣ бѣдность и сиротство охранены во имя Господне, идѣ чрезъ школу понесся свѣтъ вѣры и разума въ крестьянскія избы, идѣ живеть и дѣлаетъ въ мѣстной малой церкви, приходѣ, какъ вѣти великой, Вселенской Церкви — приходское попечи-

тельство или братство, и оно образовалось общество трезвости, и многое, многое другое, чёмъ проявляется вовнѣ внутреннее единение съ Церковю, жизнь въ Церкви. Просвѣщенный и всесторонне развитый умъ покойного Ивана Сергеевича не находилъ для себя никакихъ препятствій жить въ Церкви и исповѣдывать ея вѣру. У него не было сомнѣй и возраженій въ вопросахъ вѣры, которые могли бы разъединить его съ Церковю — и онъ пребылъ вѣрнымъ ей до конца своей жизни, напутствованный на смертномъ одре Святыми Тайнами Христовыми „въ жизнь вѣчную“, которая для него нынѣ уже и началась. Да, въ послѣдніе годы Церковь Русская Православная имѣла утѣшенніе встрѣтить самое живое исповѣданіе вѣры въ ея ученіе со стороны трехъ выдающихся сыновъ своихъ по степени ихъ дарованій, плодотворности ихъ дѣятельности, по принадлежащему имъ общественномууваженію за широту ихъ знаній, крѣпость убѣжденій, искренность любви. Николай Ивановичъ Пироговъ и при жизни училъ единенію вѣры и разума, и по смерти учить своими записками этой великой наукѣ жизни, и да будетъ онъ услышанъ и на этомъ пути учительства, какъ онъ былъ внимательно выслушиваемъ въ области медицинскихъ вопросовъ! Всльдъ за медицинскимъ авторитетомъ выступаетъ ранѣе почившій бытописатель нравовъ, знатокъ русской души — незабвенный Федоръ Михайловичъ Достоевскій, съ своими жгучими призывами юности вѣрить въ Бога, любить Церковь и пребывать въ ней, кань онъ самъ пребылъ въ тѣснѣйшемъ союзе съ нею. И вотъ теперь сходитъ въ могилу третій славный сынъ Церкви — Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, призывающій насъ, всѣхъ сыновъ Россіи, быть и дѣтьми Св. Церкви. Да будетъ по слову и примѣру сихъ трехъ общественныхъ дѣятелей! Да разсѣются колебанія и сомнѣнія, подозрѣнія и вражда въ отношеніи Церкви со стороны живущихъ, какъ они устранились мудростью и чистотою душъ приснопоминаемыхъ трехъ славныхъ мужей!

Говорить ли еще о многихъ иныхъ дѣяніяхъ и сторонахъ этихъ дѣяній почившаго Ивана Сергеевича? Но недостанетъ времени повѣтствующему о всѣхъ славныхъ его дѣяніяхъ! Остановимся на чистотѣ его души въ служеніи ближнему печатнымъ словомъ. Онъ былъ нравственно опасливъ, чтобы не соблазнить читающаго чѣмъ-нибудь нечистымъ, и оттого въ его изданіяхъ не встречается ничего нескромнаго, перочнаго, лъстящаго

человѣческимъ страстиамъ и суетности. Съ этой стороны онъ, чистый сердцемъ, и оставилъ примѣръ добрый братямъ, поучающимъ ближнихъ печатнымъ словомъ.

Кромѣ того, память Ивана Сергеевича невольно располагается сдѣлать призывъ къ сохраненію братства между пишущими. Почившій братъ былъ всегда мужественнымъ защитникомъ своихъ убѣждений и съ уваженiemъ относился къ чужимъ убѣждениямъ, раздѣляя или не раздѣляя ихъ. Онъ изъ могилы какъ бы вѣщаетъ братіямъ своимъ: *се что добро, или что красно, но еже жити братіи скупъ.* Спокойное, безъ нападенія на личности разсмотрѣвъ въ печати общественныхъ вопросовъ будетъ новымъ прекраснымъ вѣнкомъ на могилѣ нашего брата. Если уму человѣческому не дано умѣнія постигать истину сразу со всѣхъ сторонъ, то и нужно спокойно изслѣдовать ее, уважая мнѣніе другихъ.

Но могли бы устроить и памятникъ, достойный имени Ивана Сергеевича. Почившій, своими воззрѣніями, своею дѣятельностію, нерѣдко вызывалъ оживленный обмѣнъ мнѣній. Еслибы теперь печатная повременная изданія посвятили свои страницы на спокойное, беспристрастное изложеніе основныхъ воззрѣній Ивана Сергеевича и кликнули кличъ по всѣмъ отдаленнымъ уголкамъ Россіи — признаетъ ли Русскій народъ ученіе покойного своимъ роднымъ? И если народъ признаетъ Ивана Сергеевича вѣрно выражавшимъ завѣтныя народныя чаянія, кликнуть тогда кличъ къ этому народу — пусть несетъ, кто что можетъ, на памятникъ ему. А памятникомъ почившему народному дѣятелю можетъ быть и храмъ святой, и школа добрая, и вѣковѣчное изданіе, проводящее въ народное сознаніе все доброе, вытекающее изъ трехъ великихъ основъ жизни почившаго Ивана Сергеевича: любви къ родинѣ, преданности Царю, благоговѣйной жизни въ Церкви.

Помолимся Отцу щедротъ, чтобы Онъ упокоилъ душу почившаго, нашего дорогаго брата Ивана Сергеевича, въ общемъ съ Праведными, а насть укрѣпилъ въ вѣрности тѣмъ началимъ жизни, которая исповѣдывалъ почившій, и да пребудетъ на Русской землѣ *память его въ родѣ и родѣ вѣчною*, для молитвъ о немъ и подражанія его жизни. Аминь.

Рѣчь предъ совершеніемъ панихииды по новопреставленномъ болѣринѣ Иванѣ Сергеевичѣ Аксаковѣ, сказанная 4 февраля въ каѳедральномъ соборѣ въ г. Минскѣ (губер.) *).

*Скончався вмѣнь, исполнильта
дома (Прем. Содом. 4, 13).*

Нынѣ мы собрались творить поминовеніе о томъ, прежде временную и такъ неожиданную кончину котораго, воть уже нѣсколько дней, оплакиваетъ вся Православная Русь, и не одна она, а и весь Славянскій міръ. Кому на Руси не извѣстно дорогое имя писателя-публициста Ивана Сергеевича Аксакова? И воть этотъ богатырь русскій, мощный духомъ и крѣпкій, повидимому, тѣломъ, внезапно, 27 января, скончался отъ разрыва сердца, всего—на 63 году жизни! Уснуль богатырь русскій сномъ неизрѣбнымъ, умолкли уста, никогда и никому не глаголавшія листи... Потеря наша невознаградимая... Если что и можетъ въ постигшей насъ горькой утратѣ пролить хоть нѣкоторый лучъ утѣшения въ удрученное скорбію сердце русское, то это извѣстіе обѣ его христіянской кончинѣ. Хотя кончина его, по роду болѣзни, должна была быть внезапная, но онъ умеръ смертію истиннаго христіанина, послѣ напутствованія его Св. Таинствами покаянія и причащенія; умеръ съ молитвою на устахъ, произносимою вслухъ, по его предложенію, его супругою. И сбылось на немъ слово Св. Писанія: *не видѣхъ праведника оставленъ...*

Въ лицѣ почившаго Ивана Сергеевича и отечество наше и весь Славянскій міръ понесли великую утрату: Русская земля лишилась одного изъ наиболѣшихъ своихъ гражданъ, Русскій Царь—преданийшаго изъ своихъ подданныхъ, Православная Церковь—искренно вѣрующаго христіанина, человѣчество—высоко-гуманнаго, честнаго и правдиваго человѣка, русская литература—глубокаго мыслителя и писателя-художника, постоянно будившаго своимъ могучимъ словомъ русское самосознаніе, славянофилы—лучшаго выражителя своихъ стремленій, обнимавшаго

*) Изъ № 4 «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

своимъ любящимъ сердцемъ всѣхъ Славянъ безъ различія ихъ вѣроисповѣданій, Сѣверо-Западный край нашъ въ частности—самаго заботливаго радѣтеля его интересовъ. Таковъ бытъ, въ краткихъ чертахъ, почившій Иванъ Сергеевичъ! Въ немногихъ сло-вахъ, конечно, невозможно обрисовать эту выдающуюся въ наше время личность, личность высоко-нравственную, всесторонно-просвѣщенную, надѣленную необыкновеннымъ даромъ убѣждать умы и трогать сердца. Чтобы понять этого глубокаго мыслителя и писателя-художника—нужно быть знакомымъ съ его произве-деніями, а написать онъ ихъ не мало. И кто бы какъ ни прини-маль ихъ, или какъ другъ, или какъ врагъ, но всякий принуж-денъ признать, что они проникнуты такимъ высокимъ христіан-скимъ духомъ, носять отпечатокъ такого высокаго гуманизма, искренности, такой глубокой любви къ родинѣ, къ Русскому на-роду, къ Славянству, что къ голосу его съ уваженiemъ относи-лись не только друзья, но и враги, не только Русские и Славяне, но и вся Западная Европа. И никогда сила его вдохновенія такъ не сказывалась, какъ въ трудныя минуты жизни народной: тутъ Иванъ Сергеевичъ былъ на высотѣ своего призванія,—въ это время онъ сливался съ духомъ Русского народа, думалъ и писалъ то, что чувствовалъ всякий русский человѣкъ и весь Русскій на-родъ; онъ переживалъ въ себѣ то, что писалъ, каждую свою мысль, каждое свое слово онъ писалъ, по справедливому выра-женію одного нашего писателя, нервами и кровью... Вотъ гдѣ заключается тайна, что слово Ивана Сергеевича Аксакова будило умы и плѣняло сердца... Правда, голосъ сго иногда оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, но за то съ этимъ голосомъ по-томъ приходилось, подобно глаголамъ древнихъ пророковъ, счи-таться, какъ съ непреодолимою нравственнou и политическою силою... Но во всякомъ случаѣ, переживать это время Ивану Сергеевичу было не легко... И что удивительного послѣ этого, если сердце его, такъ много прочувствовавшее и перестрадавшее, разбилось такъ преждевременно! *Скончався вмалъ, исполни лѣта дома.*

Намъ, жителямъ Сѣверо-Западнаго края, особенно памятна дѣятельность незабвеннаго Ивана Сергеевича въ шестидесятыхъ годахъ, когда онъ началъ издаватъ свой „День“. Въ этихъ годахъ русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ находилось въ самомъ униженномъ положеніи: всюду и вездѣ, за исключеніемъ хижинъ

убогаго православнаго духовенства и оголенаго и обездоленнаго крестьянства, царила польская рѣчь, даже въ устахъ, судя по имени, и русскихъ людей; положеніе православнаго было таково, что оскорбляло и религиозное, и патріотическое чувство; служебное и общественное положеніе русскаго человѣка, оставшагося вѣрнымъ своему знамени, было, какъ это известно по опыту всякому, имѣвшему несчастіе жизнь здѣсь въ этихъ годахъ, невыносимо тяжелое *). *И не было у насъ помощища...* Казалось, что и само отечество наше, въ лицѣ своихъ представителей здѣсь, отступило отъ своихъ правъ въ этомъ краѣ... Въ эту-то невыносимо-тяжкую годину, на защиту попранныхъ и поруганныхъ правъ православно-русскихъ, первый изъ русскихъ людей выступилъ и словомъ и дѣломъ незабвенный Иванъ Сергеевичъ. Со свойственнымъ ему одному умѣньемъ и мужествомъ, онъ выяснилъ предъ сознаніемъ Русскаго народа положеніе, достойное слезъ, русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и своимъ мощнымъ словомъ вызвалъ вниманіе и сочувствіе къ нему и со стороны правительства, и со стороны русскаго общества. Дѣла въ краѣ измѣняются къ лучшему, сюда стали прибывать русскіе люди, не по одному только имени; изъ сердца Россіи—Москвы, посыпались тогда щедрыя пожертвованія въ пользу церквей и церковно-приходскихъ школъ нашихъ. Желая вызвать къ самодѣятельности и мѣстныхъ православныхъ людей, особенно изъ среды духовенства, онъ со многими изъ нихъ вступилъ въ непосредственную переписку, ободряя и воодушевляя ихъ на по-прищѣ миссионерской дѣятельности, принималъ отъ нихъ корреспонденціи и помѣщалъ ихъ въ „Днѣ“. Не мало онъ принесъ сюда и личныхъ своихъ жертвъ, вписавъ свое имя въ Братства при многихъ церквяхъ. И имя незабвеннаго Ивана Сергеевича съ признательностью записано въ диптихи во многихъ церквяхъ Сѣверо-Западнаго края.

Вотъ о какомъ дѣятельѣ мы собрались нынѣ творить поминовеніе. Вознесемъ же, слушатели, свои усердныя моленія, чтобы

*) Немногого ихъ впрочемъ и осталось теперь здѣсь: одни прежде временно сошли въ могилу, другіе принуждены были, по сложившимся обстоятельствамъ, уйти отсюда, а третіи, оставшіеся здѣсь, еле влачатъ теперь, съ надломленными силами, свое существованіе.

Милосердый Господь, простивъ ему, какъ человѣку, вся согрѣшнія его вольная и невольная, упокоилъ мощный духъ его, не знагшій здѣсь покоя и усталости, въ райскихъ обителяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ молить Всешияго, въ руцѣ Котораго судьбы царствъ и народовъ, да не изсякнутъ на нивѣ славяно-русской дѣятели, подобные почившему незабвенному Ивану Сергиевичу Аксакову! Аминь.

Протоіерей Георгій Тарнопольскій.

II.

ХАРАКТЕРИСТИКИ, МНЕНИЯ И ОТЗЫВЫ.

Аксаковы. *)

Увы! взять отъ насъ еще одинъ въ родѣ своеемъ послѣдній, незамѣнимый дѣятель и боецъ. Многіе явятся идти по слѣдамъ его и продолжать его дѣло,—но войдутъ ли они въ силу, и когда войдутъ, и успѣютъ ли пріобрѣсть себѣ подвигомъ цѣлой жизни имя подобное его имени? Подобныхъ ему не осталось, потому что онъ стоялъ и дѣйствовалъ, такъ сказать, на костякѣ цѣлаго поколѣнія, отъ коего онъ, и одинъ онъ, принялъ всю годами накопленную силу.

Сергѣй Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, Чижовъ, Юрій Самаринъ—для него все это были живые люди, посреди коихъ онъ выросъ и воспитался, отъ коихъ принялъ завѣтъ живаго слова и жизни вѣрной слову и завѣту.

Ихъ назвали *славянофилами* и соединили имя ихъ съ понятіемъ о школѣ и учениіи особаго рода, и съ политическою бранью, которая донынѣ продолжается, истощая силы борцовъ въ пререканіяхъ казуистики, свойственной всякому ученію школы. Но кто хочетъ понять, чего стоили и что значили эти люди, тому на-

*) Изъ № 14 «Гражданина».

добно отрѣшиться отъ узкаго понятія о школѣ, стать повыше, на широту, и взглянуть поглубже.

Это были честные и чистые русскіе люди, родные сыны земли своей, богатые русскимъ умомъ, чуткіе чутьемъ русскаго сердца, любящаго народъ свой и землю, и алчущаго и жаждущаго *правды* и *прямую дѣла* для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство съ наукою и культурой Запада не отрѣшило ихъ отъ родимой почвы, изъ которой почерпаетъ духовную силу земли всякой истинный подвижникъ земли Русской. Перегорѣвъ въ горнѣй западной культуры, они остались плотью отъ плоти, костью отъ кости русскаго своего отечества, и правду, которую такъ пламенно желали осуществить въ немъ, искали не въ отвлеченныхъ теоріяхъ и принципахъ, но въ соотвѣтствіи вѣчныхъ началъ правды Божіей съ основными условіями природы русскаго человѣка, отразившимися въ историческомъ его бытѣ.

Они начали съ того же, съ чего начинаетъ каждый искренній искатель истины,—съ *протеста* противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностей, господствовавшаго въ сознаніи такъ-называемаго образованнаго общества, противъ презрительнаго предразсудка, самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, чтѣ касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Въ 30-хъ годахъ—въ эпоху появленія безсмертной комедіи Грибоѣдова—довольно уже накопилось въ умахъ серіозныхъ и въ сердцахъ у простыхъ людей полу-сознательнаго негодованія противъ уродливыхъ отраженій вицѣней западной культуры—въ жизни и обычаяхъ, во взглядахъ и мнѣніяхъ русскаго общества, въ офиціальномъ строѣ управленія, въ направлениі законодательства. Свѣжа была еще память о томъ цинизмѣ, съ коимъ относились юные реформаторы Россіи къ живому ея организму, къ ея исторіи и къ быту народному, въ началѣ царствованія Александра, о презрительномъ отношеніи высшаго петербургскаго круга къ родной Церкви, о рабскомъ поклоненіи мнимому величію римско-католическаго культа, мнимому достоинству формъ быта, выросшихъ изъ чуждой намъ исторіи; а недавнія события 1825 года показали, до какого самообольщенія могутъ дойти самые передовые умы въ русскихъ людяхъ, горячо преданныхъ благу Россіи, подъ вліяніемъ ложной вѣры въ ложное начало искусственной и чуждой намъ цивилизациі. Съ другой стороны, внимা-

тельный наблюдатель современныхъ событій могъ видѣть, какъ само правительство, въ царствованіе безспорно русскаго по душѣ Николая I, грозное и въ полномъ сознаніи своей силы, безсознательно поступалось русскими интересами во вѣшней и во внутренней политикѣ, оттого что не знало своего прошедшаго (вспомнимъ, какъ, въ правлениѣ Паскевича, населеніе Холмской Руси безразлично смѣшивалось съ польскимъ населеніемъ, безсознательно предоставлялось ополячиванію и окатоличенію).

И вотъ великая заслуга московскаго Аксаковскаго кружка истинно-русскихъ людей: отъ нихъ въ первый разъ явственно и разумно услышало наше сбитое съ толку общество проповѣдь мудрости въ великому словѣ: „познай свою себѧ“, углубясь въ прошедшія судьбы страны своей и своего народа, и узнаешь свой духъ въ его духѣ и свою силу почерпнешь изъ него“. Слово это было необходимо, въ виду надвигавшейся съ Запада туки *космополитизма* и *либерализма*: представителемъ его являлся въ той же Москвѣ другой кружокъ—западниковъ, кружокъ, изъ коего вышелъ и отъ коего отдѣлился впослѣдствіи Герценъ. То было критическое время, когда прививались передовыми умамъ Россіи навѣянныя съ Запада идеи, разъѣдавшія органическое чувство любви къ *родному* kraю, чувство патріотизма,—во имя отвлеченныхъ либеральныхъ началь. То было время, когда Арнольдъ Рюге въ Германіи проповѣдывалъ, что слѣдуетъ полагать основною цѣлью совсѣмъ не отечество, какъ-де говорили въ 1813 и 1815 году, а свободу, и что истинное отечество для ищущихъ свободы людей есть—*партия*. Въ отпоръ этому фальшивому и тлетворному направленію, Аксаковскій кружокъ воздвигалъ свою крѣпость здороваго русскаго патріотическаго чувства и разумнаго познанія земли Россій,—крѣпость, къ которой стали примыкать всѣ мыслящіе люди, сохранившіе въ себѣ здравый инстинктъ русской природы.

Нечего останавливаться на увлеченіяхъ этой вѣры и этого ученія, увлеченіяхъ свойственныхъ всякой вѣрѣ и всякому ученію. То были люди искавшіе въ прошедшемъ своей родины *идеала*, для настоящаго устройства и для будущихъ судебъ ея. Немудрено, что, изслѣдуя и разясняя отдельныя черты этого идеала, они нерѣдко обманывались, увлекались въ своихъ обобщеніяхъ, принимали мнимое за дѣйствительное, смѣшивали существенное съ несущественнымъ; но въ

существъ своеемъ высоконравственный ихъ идеалъ есть и будетъ истиннымъ народнымъ идеаломъ земли Русской.

Къ этой же основной мысли присоединился другой *протестъ*— противъ формальнаго, канцелярскаго, высокомѣрнаго отношенія официальнаго міра къ живымъ потребностямъ и къ духовнымъ расположеніямъ народа. Официальный міръ чиновничества зараженъ былъ и проникнутъ канцелярскою привычкою—дѣлать и решать все посредствомъ мертвой бумаги, отписки и очистки, и этотъ обычай, простираясь на всѣ сферы управлениія и суда, скрывалъ подъ собою массу несправедливостей, злоупотребленій и насилий надъ народной жизнью и бытомъ. Съ другой стороны, въ верхнихъ кругахъ управления господствовало, при полномъ невѣдѣніи страны и ея потребностей, стремленіе устанавливать легкимъ путемъ регламентациі, носившей на себѣ следы того же канцеляризма, порядки и правила всевозможныхъ отправлений народной и общественной жизни, причемъ принимались во вниманіе готовыя формулы, взятыя изъ чужеземныхъ обычаевъ и законовъ: такие пріемы носили громкое название *цивилизациі*.—Противъ цивилизациі такого рода ратовалъ всѣми силами Аксаковскій кружокъ и въ живой бесѣдѣ, и въ литературѣ: борьба эта продолжается и донынѣ. Поверхностные умы объясняли и объясняютъ ее—национальными предразсудкомъ и узкимъ чувствомъ ненависти будто бы къ Нѣмцамъ; но разумные патріоты, принимающіе къ сердцу истинное благо отечества, понимаютъ и чувствуютъ, что кружокъ ратовалъ за правду, и заслуга его въ этомъ отношеніи несомнѣнна.

Наконецъ—еще великое значеніе и великая заслуга этихъ людей состоять въ томъ, что они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности—съ вѣрой и съ Православною Церковью. Въ обществѣ—до нихъ—это понятіе было смутно и шатко. Они почуяли сердцемъ и дознали живымъ опытомъ, въ исторіи Руси и въ бытѣ народномъ,—что въ народѣ (которому интеллигенція склонна присвоивать значеніе лишь грубой невѣжественной массы, подлежащей оживленію свыше),—въ народѣ хранится запасъ духовной силы и глубокой вѣры,—изъ коего сами учители и просвѣтители народа должны почерпать свою силу и одушевленіе; что у этого темнаго народа связь съ Церковью живая и дѣйственная, и что на этой связи стоитъ и будетъ стоять вся наша исторія. Ученіе о Церкви и о

вѣрѣ давно и вполиѣ было установлено отцами и учителями Церкви; но для общества представлялось оно схематизомъ догмъ и правилъ, предметомъ изученія болѣе нежели живаго ощущенія. Передовые люди Аксаковскаго кружка, люди глубоко вѣрующіе, со всею горячностью любви преданные родной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко просвѣщенные наукой,—они первые помогли обществу *осмыслить* и несравненное достоинство Православной Церкви, и жизненное значеніе ея для народа, и самую любовь къ ней, которую вынесъ народъ изо всей своей исторіи.

Вотъ, въ короткихъ словахъ, почему имена этихъ людей такъ любезны въ Россіи и такъ дороги ей: имъ мѣсто знаменитое въ исторіи истиннаго русскаго просвѣщенія. При томъ неоцѣненное достоинство ихъ и великая нравственная сила состоить въ томъ, что они были люди *цѣльные*, не раздвоенные—качество, коимъ не отличались, при всей честности намѣреній своихъ,—люди принадлежавшіе къ кружку западниковъ, и тоже искавши по своему истины, къ сожалѣнію, „на непроходныхъ, а не на шути“.—Люди Аксаковскаго кружка сильны были тѣмъ, что у нихъ слово не расходилось съ дѣломъ, и жизнь ихъ согласовалась съ тѣми началами, въ которыя они вѣровали. Они жили просто,—всѣ стояли виѣ офиціального міра и офиціальныхъ почестей, и не заискивали офиціальной поддержки; желая сохранить духовную независимость, въ обществѣ, къ которому принадлежали,—они оберегали тщательно скромную обстановку своего быта и простоту своихъ потребностей; свободно обращаясь въ кругу образованнаго общества, цѣнившаго въ нихъ умъ, образованіе, чистоту и возвышенность мысли, они столь же свободно и просто относились къ людямъ самого простаго званія и быта. Храня неизмѣнно вѣру въ истинныя начала русской жизни и русской исторіи, они не поступались никому ни чѣмъ, въ чѣмъ полагали правду русской жизни и русской исторіи. Люди эти были въ извѣстномъ смыслѣ подвижниками великой идеи, и это, въ соединеніи съ несомнительною чистотою ихъ намѣреній и образа жизни, придавало имъ великую нравственную силу.

И всѣ-то они миновали, всѣ скончались, „не пріѣвшe обѣтованія“, въ виду обѣтованной земли, которую издали видѣли и проповѣдывали. Одинъ оставался, одинъ, преемникъ силы, наследникъ преданія, хранитель завѣта предковъ,—Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. И его-то, послѣдняго, мы потеряли и оплакали!

Вскормленный такою семьей, принявъ изъ такого круга первыя юношескія впечатлѣнія, Иванъ Сергеевичъ попалъ прямо отсюда въ Петербургъ, въ стѣны Училища правовѣдѣнія, въ рамки школьнѣхъ порядковъ, на торную дорогу служебной карьеры—и все время, пока онъ былъ тутъ, чувствовалъ себя неловко, точно на чужбинѣ. Но и здѣсь, посреди товарищѣй, явился онъ горячимъ поборникомъ самостоятельности—въ характерѣ, въ дѣятельности, въ наукѣ, въ литературѣ,—которая съ дѣтства манила его къ себѣ вкусымъ, пріобрѣтеннымъ изъ семейныхъ преданій.

Тотчасъ послѣ выпуска онъ перѣѣхалъ въ Москву и уже не возвращался никогда на житѣе и на дѣятельность въ сѣверную столицу. Москва осталась для него на всю жизнь домомъ и центромъ его дѣятельности служебной, потомъ литературной, общественной и политической. Мысль его зрела и направленіе утверждалось посреди великихъ событий, коихъ онъ былъ живымъ свидѣтелемъ и участникомъ. Мало-по-малу склонилъ онъ всѣхъ старшихъ, и остался одинъ изъ своихъ, въ Москвѣ.

Пусть перечисляютъ другіе всѣ многообразныя занятія и всѣ литературные труды его. Всего драгоцѣннѣѣ была та нравственная сила, которая соединялась съ его именемъ и дѣйствовала, и на близкихъ и на дальнихъ, во всѣхъ концахъ Россіи, и даже за ея предѣлами. Эта неисчислимая и не всегда сознаваемая сила—тѣмъ и драгоцѣнна, что помогаетъ множеству людей малосильныхъ держаться на ногахъ, возбуждая ихъ, ободряя ихъ, собирая ихъ къ одной мысли и къ одному стремленію. Такую силу слабо сознаютъ и чувствуютъ, пока она дѣйствуетъ, но когда она исчезла, тогда становится явственно для каждого, что она значила. Для многихъ лицъ офиціального міра—Иванъ Аксаковъ представлялся лишь отвлеченою величиною въ качествѣ издателя „Руси“; иные съ ужасомъ говорили объ немъ, какъ о народномъ трибунѣ, опасномъ для государства, или съ любопытствомъ заглядывали на него какъ на московскую диковину. Но для Москвы, и для великаго множества простыхъ русскихъ людей, незнающихъ куда дѣваться и на чёмъ остановиться посреди хаоса современныхъ явлений, теченій и вѣяній общественной и политической жизни, Иванъ Аксаковъ былъ живое лицо, на коемъ отыхало взволнованное чувство, успокаивалась смятенная мысль, ощущалась нравственная опора, оживлялась надежда на лучшее, отражалось сіяніе русской правды во тьмѣ вавилонскаго разно-

язычія. Всякій чувствовалъ, подходя къ нему, что въ немъ нѣть лести и своекорыстія, что онъ ни тепль, ни холденъ, а юритъ огнемъ любви и негодованія—для истинныхъ интересовъ Русской земли и всего языка Славянскаго. Русскій Галичанинъ, и Сербъ, и Болгаринъ—несли къ нему свои печали о бѣдахъ и нуждахъ своего края, и простые русскіе люди шли исповѣдывать ему заботу о положеніи дѣлъ на Руси и ревность свою о правдѣ. Теперь идти покуда не къ кому, и многіе чувствуютъ себя осиротѣвшими.

Добрые, крѣпкіе сѣятели сошли съ поля; сѣмѧ ими посѣянное дасть во-время новые всходы. Явятся, безъ сомнѣнія, новые подвижники правды, для будущихъ поколѣній. Но въ настоящемъ поколѣніи грустное чувство объемлетъ душу Москвича, когда онъ въѣзжаетъ въ родной свой городъ, въ древній Сіонъ свой, и между священными памятниками исторіи—видить повсюду обширное кладбище—всюду слѣды людей богатѣвшихъ духовною силой,—и такъ мало слѣдовъ живой силы вновь расцвѣтающей. Приходится все вспоминать дорогія имена съ молитвой. „Мать наша Сіонъ,—скажетъ человѣкъ,—вотъ такой-то и такой-то родился въ немъ. Боже, помяни ихъ во царствіи Твоемъ!“

К. П.

Передовая статья № 28 „Современныхъ Извѣстій“.

Москва, 28 января.

Потеря невознаградимая! И. С. Аксаковъ былъ не только литераторъ, публицистъ, общественный дѣятель: онъ былъ знамя, онъ былъ общественная сила. Въ этомъ было его главное значеніе, и поэтому-то особенно тяжела его потеря, и именно теперь, когда положенъ на вѣсы вопросъ: достойно ли Россія встрѣтить надвигающіяся события, а они касаются тѣхъ глубочайшихъ ея задачъ, того коренного ея призванія, которымъ и посвящена была вся жизнь покойнаго.

Голосъ покойнаго издателя „Руси“ не былъ отголоскомъ правящихъ сферъ даже отдаленнѣйшимъ образомъ. Офиціальной опоры, материальной и нравственной, онъ не только не искалъ, не

принималъ, напротивъ всегда тщательно оберегался, не изъ оппозиціи, которой въ немъ, искреннѣйше вѣрою подданномъ, никогда не было, но чтобы сохранить независимость, оставить за собою свободу говорить правду, не стѣсняемую частными отношеніями. При свѣтѣ началъ, завѣщанныхъ ему первыми учителями славянофильской школы, онъ подвергалъ вопросы общественные и политические оцѣнкѣ съ точки зрѣнія народной, а не казенной, московской, а не петербургской.

И это дало ему свою силу. Честенъ, какъ Аксаковъ; это почти была пословица. Онъ не льстилъ никому и не поддаживался ни въ верху, ни въ низу, ни съ боковъ. Онъ не былъ любимцемъ публики и даже самъ не высоко чтилъ „популярность“, которая болѣею частью создается толпою легкомысленною и дается мыслителямъ и дѣятелямъ поверхностнымъ. Но его слово для многихъ звучало укоромъ совѣсти, для другихъ служило нравственнюю уздою.

Сквозь преслѣдованіе официальное, которому подвергалась его публицистическая дѣятельность, по удивительному недоразумѣнію, объясняемому вирочесмъ свойствомъ Петербурга; сквозь глумленіе литературное, ис перестававшее издѣваться надъ тѣмъ, чего отчасти не понимало, а отчасти намѣренноискажало,—авторъ „Бродяги“, издатель „Московского Сборника“, „Паруса“, „Дня“, „Москвы“, „Москвича“, пронесъ непоколебимыми свои убѣжденія, пока памятный 1876 годъ, заставъ его предсѣдателемъ Славянскаго Комитета, не преобразилъ его изъ вѣщателя въ дѣятеля. Не онъ вызвалъ народное движеніе, но народное движеніе нашло въ немъ чуткое орудіе, послушного и разумнаго исполнителя своихъ чаяній. Мы читали тогдашнія многочисленныя письма, летѣвшія въ Славянскій Комитетъ иногда изъ-за Урала и изъ-за Енисея; самъ И. С. еще недавно напоминалъ въ „Руси“, какъ приходившіе откуда-нибудь изъ-за Волги падали предъ нимъ на колѣна и молили, чтобы онъ далъ имъ „сподобиться пострадать и умереть за братьевъ“. Москва 1612 года освобождена всею Землю, а не Мининымъ, но Мининъ оказался; народное движение къ освобожденію балканскихъ христіанъ нашло своего Минина и въ 1876 году.

За то и поспѣшили убрать его. По мѣткому выраженію самихъ Аксаковыхъ, Земля выступаетъ только въ торжественныхъ случаяхъ, затѣмъ выходить въ отставку. Съ подписаниемъ Бер-

линского трактата, закрыли Славянский Комитет и бывшаго предсѣдателя сослали въ деревню. Для торжествовавшихъ побѣду надъ нами заграничныхъ „друзей“ Аксаковъ былъ *bête poigne*, и Славянский Комитетъ представлялся революціоннымъ гнѣздилищемъ, готовымъ и способнымъ низвергнуть государства. По жалкому заблужденію, воображаютъ тамъ, что у насъ есть „партия“, славянофильская или панславистская, какъ они ее называютъ, и лучшимъ поясненіемъ глубокаго недоразумѣнія, кроющагося въ этомъ мнѣніи, можетъ служить отвѣтъ самого покойнаго И. С. одному иностранному путешественнику. — Сколько вы считаете въ своей партии? — Никого, отвѣчалъ мнимый глава; или, если хотите — всю Россію.

И дѣйствительно, для русскихъ людей Аксаковъ остался знаменемъ, по которому безошибочно можно было провѣрять, „коего духа“ суть мнѣнія, мысли, направленія; если не для каждого опредѣленаго случая можно было узнавать, гдѣ *русское* (человѣкъ идеаловъ, онъ не признавалъ себя созданнымъ для подобныхъ регламентовъ), то съ точностью можно было отличать *нерусское*.

Онъ умеръ. Болѣзнь поразила его еще прошлымъ годомъ, но онъ пріѣхалъ выздоровѣвшимъ и посвѣжившись. Онъ бы долженъ быть жить. Къ числу причинъ, сведшихъ его въ могилу, мы несомнѣнно увѣрены, относилось и то глубочайшее страданіе, которое испытывалъ онъ при видѣ направленія, принимаемаго политикою въ Балканскомъ вопросѣ. Говорятъ, была болѣзнь сердца, но однако врачебныя знаменитости даже за вѣсмъ часовъ до кончины обѣщали ему еще много лѣть при „спокойной жизни“. Но когда къ физической болѣзни сердца присоединяются еще нравственные удары, бьющи въ то самое, чѣмъ живъ и для чего живъ человѣкъ, — сосудъ не устоитъ, и нравственное страданіе прекратить физическую жизнь.

Кончина И. С. Аксакова *).

Сегодня, въ 7 ч. 30 м. вечера, скончался, отъ разрыва сердца, И. С. Аксаковъ на 63-мъ году своей жизни.

*) Изъ № 3563 „Нового Времени“.

Нечего говорить о значеніи этой потери для русской журналистики, для Русскаго и Славянскаго міра. Закатилась одна изъ самыхъ яркихъ звѣздъ, какія когда-либо блестѣли на небѣ русскаго общественнаго слова. Разорвалось сердце, которое билось какъ горячій ключъ изъ-подъ земли, билось искреннимъ, высокимъ, благороднымъ чувствомъ, и это чувство облекалось въ краснорѣчивыя, полныя огня и выразительности рѣчи. Не русскій талантливый писатель только скончался,—скончался общественный трибунъ, обладавшій даромъ зажигать сердца, скончался искренній человѣкъ, человѣкъ высокой честности и правды, никогда ви единымъ словомъ не измѣнявшій своему призванію. Онъ несъ свое знамя въ теченіе многихъ лѣтъ твердою и непоколебимою рукою, ни разу не опуская его, несъ какъ мужественный воинъ, съ вѣрою въ то дѣло, которому служилъ и которое не оставилъ и тогда, когда смерть явно подкрадывалась къ нему и когда всѣ близкіе наставали на томъ, что ему необходимо успокоеніе. Но какъ неустанный боецъ, онъ успокоился только въ неизбѣжномъ, конечномъ жилищѣ человѣка...

Въ немногихъ словахъ невозможно обрисовать эту прекрасную личность, личность писателя и человѣка, физически и нравственно хрупкую, просвѣщенную, надѣленную поэтическимъ даромъ трогать и убѣждать сердца. Рядъ сухихъ данныхъ его биографии скажетъ немного, хотя довольно для того, чтобы оставить яркій слѣдъ въ исторіи литературы, въ исторіи русскаго развитія. Надо знать все, что онъ написалъ и что онъ сдѣлалъ. Написалъ онъ много. Не считая его переписки со всѣми выдающимися людьми его времени, переписки въ высокой степени интересной уже по той искренности, которая съ Аксаковыми была обязательна, всѣ передовыя статьи въ „Парусѣ“, „Днѣ“, „Руси“, многія статьи въ „Москвѣ“ и „Москвичѣ“ принадлежать ему. Такихъ статей написано имъ нѣсколько сотъ. Онъ обыкновенно работалъ надъ ними усердно и сосредоточенно. Для него это былъ долгъ, серьезнное дѣло его жизни, и онъ излагалъ въ этихъ статьяхъ всего себя; кто бы какъ ни принималъ ихъ, какъ другъ или какъ врагъ, но онъ носили такой отпечатокъ искренности, благородства, человѣколюбія, такой безпристрастной и глубокой любви къ своей родинѣ, къ Русскому народу, къ Славянству, что голосу этого человѣка всѣ внимали съ уваженіемъ. Мало этого—съ этимъ голосомъ необходимо было считаться, и съ нимъ считались, какъ съ

нравственнаю и политическою силою. Не одна Русь, не Славяне только,—вся образованная Европа знала Аксакова, называла его по праву главой славянофильства и записывала его слова на страницахъ своихъ газетъ, какъ слова влиятельного и правдиваго человѣка, который отражалъ въ себѣ если не разумъ Руси, то ея глубокое и искреннее чувство. Въ этомъ сила его обаянія и значенія. Какъ публицистъ, онъ оставался поэтомъ, лирикомъ въ прозѣ, вдохновеннымъ выразителемъ русского чувства, русскихъ думъ. И никогда сила его вдохновенія такъ не сказывалась, какъ въ тѣ минуты народной жизни, когда Русскій народъ *чувствовалъ* какое-нибудь событие. Тутъ писатель сливался со всяkimъ русскимъ человѣкомъ, и всякий русский человѣкъ сознавалъ, что Аксаковъ говорить именно то, чѣмъ всякий чувствуетъ, что онъ любить то, что любить всѣ, негодуетъ на то, на чѣмъ всѣ негодуютъ. Онъ писалъ нервами и кровью, онъ переживалъ то, чѣмъ писалъ, каждую свою мысль, каждое слово. Всѣ помнятъ еще события 1876—1877 годовъ, всѣ помнятъ, какое значение онъ имѣлъ тогда, какъ предсѣдатель Славянскаго Общества въ Москвѣ. Почти наканунѣ смерти онъ вспоминалъ объ этомъ. 25-го января, за два дня до смерти, въ послѣднемъ листѣ своей газеты, онъ писалъ о томъ одушевленіи, которое охватило тогда Русскую землю; передъ нимъ „живы до сихъ поръ, говорилъ онъ, образы мужиковъ заволжскихъ, новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на колѣнахъ упрашивавшихъ, какъ о „Божеской милости“, дарованія имъ способовъ „помереть“, мученическій вѣнецъ пріять за освобожденіе братій-христіанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ, отъ басурманскаго ига или нашествія“. Онъ былъ въ это время на вершинѣ своего обаянія, на вершинѣ исполненного высокаго долга, и имя его блестало какъ имя лучшаго человѣка. А когда усиливъ Русскаго народа и русскихъ армій начали ломать Берлинскимъ договоромъ, какое чудесное слово произнесъ онъ въ Славянскомъ Обществѣ! Это одна изъ самыхъ краснорѣчивыхъ, самыхъ пламенныхъ его рѣчей, гдѣ негодование русского человѣка вылилось сть удивительною силою. Онъ назвалъ Берлинскій договоръ „открытымъ заговоромъ противъ Русскаго народа“ и пророчилъ то, чѣмъ и случилось. Рѣчь эта имѣть историческое значеніе, какъ крикъ растерзанного сердца народнаго, какъ горячій протестъ противъ поруганія Европою усилій великаго народа и его доблестныхъ армій. Взявши за изданіе „Руси“, онъ продол-

жаль свое русское дѣло неустанно, до рокового часа смерти, и вся Русь, и все Славянство помянуть добромъ и поклономъ его честное имя. Если былъ на Руси писатель, который съ дней юности до дня смерти сохранилъ всю силу своихъ убѣжденій, всю ихъ свѣжесть въ поэтическихъ, глубоко прочувствованныхъ порывахъ; если былъ писатель, который никогда не ступалъ на путь нечестивыхъ и лукавыхъ; если былъ писатель, который достоинъ, какъ писатель, названія *русскаго гражданина* высоко державшаго *русское знамя духовнаго и политическаго развитія*, — то этимъ писателемъ былъ И. С. Аксаковъ...

Передовая статья № 29 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

С.-Петербургъ, 29 января.

Когда, три года назадъ, телеграфъ разнесъ неожиданную вѣсть о кончинѣ „блѣгаго генерала“, одна берлинская газета (*„Berl. Tagewoßt“*), слывущая за выразительницу неофиціальныхъ, такъ сказать, чувствъ и помысловъ большинства германской націи, откровенно и чистосердечно заявила, что при всемъ уваженіи къ памяти Скобелева, она можетъ, съ политической и нѣмецко-национальной точки зрѣнія, только радоваться, что наконецъ сошель со сцены и прекратилъ свою „агитаторскую дѣятельность одинъ изъ самыхъ энергичныхъ, храбрыхъ и опасныхъ „нѣмцевъ“, какихъ когда-либо выдвигалъ изъ своей среды Русскій народъ, пытающій будто бы непримируемую ненависть ко всему нѣмецкому“. Вѣроятно, въ извѣстной части австро-мадьярской печати и вѣнско-пештского общества кончина И. С. Аксакова вызоветъ подобный же откликъ, и мы врядъ ли ошибемся, сдѣлавъ предположеніе, что въ глубинѣ души нѣкоторыхъ добро-австрійскихъ и добро-мадьярскихъ патріотовъ тяжелая и незамѣнимая потеря, понесенная Россіею и Славянствомъ, не возбудить особенно скорбнаго чувства. Можно ожидать даже нѣкотораго злораднаго удовольствія по поводу того, что „традиционный, непримиримый врагъ“ никогда болѣе не появится на столь страшномъ для „второй западно-славянской имперіи“ восточно-славянскомъ полѣ брані. Не будетъ болѣе рѣчи объ интригахъ „des berüchtigten Herrn Aksa-

кoff“, не будетъ опасеній, что его нѣсколько увлекающеся иногда, но всегда искреннее и горячее слово раздастся изъ сердца Россіи съ предостереженіемъ Славянству не увлекаться кажущимися благами, предлагаемыми его же вѣковымъ врагомъ.

За время публицистической и политической въ обширномъ смыслѣ слова дѣятельности И. С. Аксакова многое измѣнилось, многое приняло совсѣмъ другой оборотъ, чѣмъ тотъ, который былъ намѣченъ на его знамени, и грустная дѣятельность во многомъ не оправдала ожиданій, стремленій и идеаловъ, не оправдала даже цѣлесообразности самой мечты объ осуществлѣніи въ жизни оптимистическихъ и идеалистическихъ взглядовъ послѣдняго изъ могикановъ славянофильства. Но тѣмъ не менѣе, слово Аксакова до послѣдней минуты имѣло громадный вѣсъ во всемъ Славянскомъ и даже во всемъ западномъ мірѣ, и не оставалось безъ вліянія и въ лагерѣ отшатнувшихся отъ него прежнихъ друзей и единомышленниковъ. Даже клерикально-феодальная старочешская партія, увлекшаяся „государственною идею чешского королевства“ подъ сѣнью добро-австрійского и е г о анти-русскаго „римско-католического славянскаго знамени“, не переставала цѣнить въ Аксаковѣ безкорыстнаго, убѣжденнаго, твердаго и рѣшительнаго публициста-политика; даже самъ д-ръ Ладиславъ Ригерь, „краснѣющій“ теперь отъ одной мысли, что двадцать лѣтъ назадъ онъ увлекался вмѣсть съ Палацкимъ „московскою этнографіею“; даже мечтатель-епископъ дьяковарскій Штроссмайеръ и его полу-іезуитская, совсѣмъ анти-русско-славянская, велико-хорватская католическая партія, стремящаяся вернуть въ ватиканскоѳ лоно весь схизматический слявианскій Востокъ отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ Триеста до Царьграда,—даже и эти люди, диаметрально разошедшіеся въ своихъ идеалахъ и убѣженіяхъ съ „московскимъ шовинистомъ“, не переставали питать къ нему глубокое уваженіе, не переставали прислушиваться къ его соображеніямъ и советамъ.

Гораздо дольѣ и искреннѣе сохранится, можно думать, престижъ и значеніе русскаго публициста въ средѣ молодаго славянскаго поколѣнія и такъ-называемыхъ „молодыхъ“ партій, стремящихся къ дѣятельному осуществлѣнію национальной своей независимости и сохраненію самобытныхъ достояній народнаго своего развитія. И въ средѣ Младо-Чеховъ, борющихся подъ гла-венствомъ д-ра Грегера за возстановленіе и независимость свобод-

ной славянской, а не добро-австро-католической Чехии, и въ средѣ настоящихъ хорватскихъ патріотовъ, подъ предводительствомъ Старчевичей стремящихся свергнуть съ себѣ мадьярское иго, и во всей массѣ Сербскаго и Болгарскаго народа, не забитой еще и не одураченной окончательно всякими Гарашаниными и Каравеловыми, имя Аксакова продолжаетъ быть знаменемъ, одинаково дорогимъ какъ для безусловныхъ его поклонниковъ и приверженцевъ, такъ и для тѣхъ, которые, при всемъ къ нему уваженіи и признаніи его высокаго значенія, не находили возможнымъ въ цѣлости раздѣлять его взгляды и идеалы. Смерть Аксакова—потеря не для одной Россіи; свободная славянская печать, начиная отъ чешской газеты „*Narodni Listy*“ и хорватской „*Hrvatska*“ (бывшей „*Sloboda*“), не преминеть, вѣроятно, раздѣлить русское горе.

Русское общество находится подъ впечатлѣніемъ новой тягостной утраты, вѣсть о которой неожиданно облетѣла вчера Москву и Петербургъ. Никто не былъ готовъ къ этой прискорбной новости: хотя о разстроенному здоровью И. С. Аксакова давно уже ходили слухи, но прошлогодняя поѣзда его въ Крымъ, продолжительный отдыхъ и затѣмъ возобновившаяся горячая, исполненная свѣжей энергіи журнальная работа его, позволяли думать, что онъ возвратилъ себѣ свои, далеко не истощенные силы. И вдругъ разрывъ сердца внезапно прекратилъ эту кипучую и бодрую жизнь, въ которой, среди настоящихъ прискорбныхъ замѣшательствъ въ Славянскомъ мірѣ, казалось, чувствовалаась особенная надобность... Утрата тѣмъ болѣе тяжкая, что Иванъ Сергеевичъ не оставляетъ по себѣ преемника. У насъ существуетъ славянофильскій кружокъ и есть многочисленная семья истинно-русскихъ людей, мыслящихъ и чувствующихъ по русски, но нѣтъ того горячаго, талантливаго пера, которое заставляло понимать силу такихъ чувствъ и мыслей, нѣтъ того центральнаго русскаго сердца, которое умѣло биться вслухъ, сливалась каждымъ біеніемъ съ пульсомъ народной жизни.

Въ нашей литературѣ и въ нашемъ общественномъ мнѣніи образъ Ивана Сергеевича является преимущественно въ окраскѣ славянофильства, а на Западѣ—даже панславизма. Послѣднее уже совсѣмъ невѣрно, потому что панславизмъ явился и умеръ вмѣ-

стъ съ Погодинымъ, а роль Аксакова въ славянофильствѣ нача-
лась именно съ того, что панславизму, т. е. служенію Славянъ
Россіи, онъ противопоставилъ служеніе Россіи Славянамъ. Но не
въ славянофильствѣ, во всякомъ случаѣ, главное значеніе Аксак-
кова. Это была лишь одна сторона его духа и мысли, которую
самъ онъ иногда напрасно выдвигалъ впередъ, но которая ни-
когда не сдѣлала бы имя его столь дорогимъ и любимымъ въ
Россіи, если бы надъ нею не преобладало его громадное значеніе
русской человѣка и журналиста. Именно въ этомъ послѣднемъ смы-
слѣ тяжка и незамѣтна утрата, принесенная его смертью. Аксаковъ
не только зналъ и любилъ Россію—ее многіе знаютъ и лю-
бятъ, — но онъ былъ юродъ Россіею, онъ носилъ въ своей крови
и въ мозгу сознаніе ея величія и силы, и когда громко въ его
пламенной и образной рѣчи звучало это сознаніе, русскіе люди
чувствовали себя бодрѣе, лучше, способнѣе для большаго націо-
нальнаго дѣла. Среди нашихъ отечественныхъ „Европейцевъ“,
онъ, со своимъ русскимъ взглядомъ и чувствомъ, былъ самыемъ
истиннымъ Европейцемъ въ томъ смыслѣ, что обладалъ самыемъ
дорогимъ достояніемъ истинной культуры—просвѣщеніемъ чу-
вствомъ народной гордости.

Въ журналистикѣ и въ общественной мысли Аксаковъ былъ
не только представителемъ, но почти создателемъ совершенно
самостоятельнаго теченія, главнымъ содержаніемъ котораго была
борьба съ унизительными и лживыми формами петербургскаго
европейничанья. Судьбы нашей цивилизациіи сложились такъ пе-
чально, что эта задача до сихъ поръ еще не исчерпана, и смерть,
прекратившая дни издателя „Руси“, образуетъ въ нашей теку-
щей литературѣ громадный пробѣль. Пожелаемъ, чтобы печать
наша раздѣлила духовное наслѣдство истинно-русскаго писателя,
и продолжала бы, по мѣрѣ силъ, его благородное служеніе на-
ціональному чувству. Знамя, которое держаль въ своихъ рукахъ
Аксаковъ, не его личное знамя; ему обязательно должна прися-
гнуть вся русская печать — русская не по языку только, но и
по духу.

Русская печать понесла тяжкую сердечную утрату, тѣмъ
больѣе ощутительную утрату, что смерть И. С. Аксакова гро-
зить, такъ-сказать, оставить одну изъ важнѣйшихъ нашихъ по-

литическихъ идей безъ достойнаго защитника. Не будетъ несправедливымъ сказать, что въ послѣдніе годы славянофильство все болѣе и болѣе удалялось въ журналистику, точно — въ область журнальной полемики, оставляя другія, практическія области жизни, по причинамъ отчасти не совсѣмъ отъ него зависѣвшимъ.

Пока былъ живъ И. С. Аксаковъ, славянофильская доктрина бодро жила, и даже, можно признать, развивалась въ области журнальной полемики; пока онъ былъ живъ, съ его мнѣніемъ приходилось считаться, приходилось даже бороться, потому что, хотя часто оно и не отвѣчало дѣйствительному и точному пониманію момента, но всегда было искренно, живо, сердечно и увлекательно... За каждою строкою стоялъ и видѣлся мысленному взору честный человѣкъ; когда онъ ошибался, онъ и ошибался какъ честный человѣкъ, и всякия низменныя побужденія были всегда чужды его вдохновенному слову къ обществу, которое онъ критиковалъ не безъ юности, и къ Русскому народу, который онъ любилъ такою пламенною любовью, какою могли любить этотъ народъ только свидѣтели и „печальники“ его житья въ крѣпостное время.

Неоднократно на этихъ самыхъ столбцахъ и тою же рукою, которая пишетъ эти надгробныя строки, противополагались сердечными заблужденіями покойнаго болѣе холодные, а потому и болѣе практическіе, можетъ быть, взгляды на политическіе задачи и интересы Россіи. Насъ не заподозрятъ поэтому въ преувеличеніи, если мы повторимъ, что потеря И. С. Аксакова — тяжкая обще-руssская потеря, объемъ и значеніе которой тогда только будутъ уяснены до наглядности, когда станетъ очевидно, какое большое пустое мѣсто оставилъ послѣ себя въ russкой печати послѣдній могиканъ славянофильства...

Статья № 29 „Московскихъ Вѣдомостей“.

Скоропостижная кончина Ивана Сергеевича Аксакова, вотъ событие которое отзовется далеко. Его помянуть повсюду. О характерѣ его политической дѣятельности могутъ быть разныя сужденія, но о немъ какъ о человѣкѣ разногласія быть не можетъ между всѣми его знавшими. Пишущій эти строки издавна

зналь его и помнить съ тѣхъ поръ какъ онъ, еще мальчикомъ, сидѣлъ за книжкой, готовясь къ Училищу правовѣдія. Тогда надъ семействомъ Аксаковыхъ еще не носился духъ исключительного кружка, а самъ глава этого почтенного семейства, Сергій Тимофеевичъ, до конца сохранялъ ясность и свободу своего глубоко русскаго духа.

Въ послѣдствіи, въ долговременной политической дѣятельности, мы шли съ Иваномъ Сергеевичемъ близко другъ отъ друга, но къ сожалѣнію рѣдко приходилось намъ дѣйствовать согласно и союзно. Только въ разгарь событій оскорбительныхъ для русскаго чувства розни между нами не было. Ея не было когда Европа судила насть въ Берлинѣ; ея не было въ тѣ мрачные дни, которыми заключилось минувшее царствованіе...

Теперь, предъ раскрывшеюся могилой, не время для сужденій и оцѣнокъ. Лучше помянемъ и порадуемся, что покойный, отходя, взялъ съ собою неотъемлемое сокровище вѣры Христовой, неискаженной суемудріемъ, горячей, искренней, младенчески простой. (Далѣе слѣдуютъ свѣдѣнія о болѣзни И. С.—ча).

И. С. Аксаковъ *).

27-го января, въ Москвѣ, умеръ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ.

Немногія изъ общественныхъ утратъ производили такое сильное впечатлѣніе, какое произвела смерть Аксакова, потому что имя его пользовалось большою популярностью и въ Россіи и во всемъ Славянскомъ мірѣ; да и въ Западной Европѣ на Аксакова смотрѣли какъ на одного изъ самыхъ выдающихся представителей русскаго литературнаго міра и всего русскаго общества. Это былъ „общественный дѣятель“ въ полномъ смыслѣ слова. Чуждый всего казеннаго, онъ въ теченіи всей жизни своей былъ силенъ только своимъ чисто-общественнымъ значеніемъ. Всю свою силу онъ почерпнулъ въ своей внутренней, нравственной сущности, въ своихъ живыхъ убѣжденіяхъ, въ своихъ природныхъ дарованіяхъ,

*) Изъ № 5 «Недѣли».

въ своей правдивой натурѣ, въ живой мощи слова, въ искренности рѣчи. Принимая живое участіе во всѣхъ нашихъ общественныхъ движеніяхъ, онъ всегда занималъ среди ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣсть. Шла ли рѣчь объ освобожденіи крестьянъ и объ ихъ устройствѣ, затрагивалось ли дѣло другихъ внутреннихъ реформъ, выступали ли на очередь національные вопросы, какъ польскій, оживлялось ли общество идею освобожденія заграничныхъ Славянъ,—всюду былъ слышенъ громкій голосъ Аксакова и часто очень замѣтно выдавалась его руководящая рѣчь и даже его организаторская рука.

Опредѣляя характеръ Аксакова, нельзя руководствоваться какими-нибудь обыденными классификаціями. Его нельзя причислять ни къ консерваторамъ, ни къ либераламъ, ни къ радикаламъ, ни къ какимъ-либо другимъ подобнымъ группамъ. Онъ считался „славянофиломъ“; но и это опредѣленіе, строго говоря, не вполнѣ ему соответствовало, такъ какъ между нѣкоторыми его мнѣніями и мнѣніями прежде его отшедшихъ въ могилу вождей славянофильства нерѣдко замѣчалась рознь. Это была слишкомъ исключительная натура, совсѣмъ особенное явленіе въ нашемъ общественномъ мірѣ.

У Аксакова было вполнѣ самостоятельное и своеобразное міросозерцаніе, составлявшее неотдѣлимую часть всей его натуры. Его мысль, рѣчь и чувство отличались необыкновеннымъ единствомъ. Основною чертою его природы было глубокое чувство „народности“, вѣра въ русское народное начало, въ своеобразность и достоинство этого начала, которое онъ всегда противополагалъ началамъ другихъ народностей. Съ этимъ вполнѣ гармонировала и его религіозность. Его глубокая приверженность къ православію, независимо отъ семейнаго преданія, въ значительной степени укрѣплялась сознаніемъ родственности православія и русской народности. Видя въ основѣ католицизма деспотическое начало, въ протестантізмѣ—извѣстную анархію, онъ чтилъ въ православіи соборное начало и видѣлъ единство на основаніи согласія всѣхъ. Его глубокія симпатіи къ Славянству исходили изъ того же начала народности. То же слѣдуетъ сказать и о симпатіяхъ къ Руси до-Петровской, такъ какъ въ позднѣйшихъ нашихъ порядкахъ Аксаковъ видѣлъ преобладаніе чуждыхъ началь. Если ему приходилось впадать въ крайности и проявлять иногда нетерпимость, то и это вытекало изъ живаго, искренняго

чувства. Поэтому-то къ нему съ уваженiemъ относились и люди противоположныхъ съ нимъ мнѣній, которые никогда не ставили его на одну доску съ другими своими противниками, не разборчивыми въ средствахъ борьбы. Съ Аксаковыемъ можно было спорить, вести борьбу на почвѣ мнѣній и аргументовать, не опасаясь впутыванія иныхъ элементовъ, и это давало ему большое преимущество предъ другими публицистами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Аксаковъ былъ очень страстная натура. Въ немъ всегда сильно говорило „чувство“, и это чувство заставляло его впадать въ непослѣдовательности и даже пристрастія. Это всего замѣтнѣе было именно въ вопросахъ народности. Глубоко чти русскую народность и ея права, онъ, въ силу своего міросозерцанія, признавалъ также законныя права другихъ народностей, чтѣ и выказывалъ въ спокойномъ состояніи, особенно въ первые годы своей общественной дѣятельности. Но какъ только закипала борьба народностей, чувство нерѣдко брало верхъ, увлекало его дальне граници, и онъ становился не чуждъ пристрастію. Тѣмъ не менѣе, и среди страстной борьбы, какъ напримѣръ въ моментъ обостренія польского вопроса, когда приходилось ставить границу между русскою и польскою народностью и вести борьбу съ послѣднею, Аксаковъ не былъ, подобно другимъ публицистамъ, приверженцемъ системы виѣшняго, механическаго, такъ - сказать полицейскаго давленія, въ которомъ видѣть мертвчину, но считать необходимымъ борьбу болѣ живыхъ силъ, къ которымъ и вызывать. Не въ томъ полагалъ онъ задачу, чтобы только давить польское начало, но въ томъ, чтобы воскреплять и живить русское начало и этимъ путемъ доставлять ему побѣду. Не во виѣшнемъ усмирениі Поляковъ видѣть онъ цѣль, но въ томъ, чтобы ввести въ польское дѣло животворную русскую силу, добroe русское начало, вести борьбу не оружиемъ только, но и добромъ, проявленiemъ котораго и было, напримѣръ, поземельное устройство польскихъ крестьянъ и преобразованіе ихъ общественнаго управлениія съ поднятіемъ польского мужика. Надъ этимъ дѣломъ потрудились единомышленные Аксакову извѣстные общественные дѣятели, при его нравственной поддержкѣ. Антирусскою стремленіемъ онъ считалъ нужнымъ противопоставлять русскую организаторскую работу доброго дѣла, совершенствавшую возбудить симпатіи Польского „народа“; польской общественной силѣ—противопоставлять русскую общественную силу съ ея внутреннимъ

содержаніемъ. Въ вопросѣ славянскомъ Аксаковъ не былъ представителемъ теоріи виѣшняго славянскаго единства на основаніи подавленія народностей, и теоретически признавалъ право каждой народности на самостоятельность; онъ искалъ преимущественно нравственного общественнаго сближенія и солидарности, хотя въ отдельныхъ случаяхъ и уклонялся съ этой дороги. Если въ извѣстномъ смыслѣ Аксаковъ считался „охранителемъ“, то это былъ охранитель, искашпій опоры не механической, а живой, нравственной. Его политический идеалъ былъ въ сочетаніи существующей формы правлениія съ просторомъ совѣщательному началу, развитіемъ общественной дѣятельности, съ свободою „совѣсти и слова“, „мнѣнія и сомнѣнія“, и онъ вѣрилъ въ возможность такого сочетанія.

Взросшій въ хорошей, образованной семье, счастливой добрыми семейными преданіями (сынъ Сергѣя Тимофеевича и братъ Константина Сергѣевича Аксаковыхъ) и хорошо одаренный природою, Иванъ Сергѣевичъ смолоду, по окончаніи курса ученія въ Училищѣ правовѣдѣнія, отдался литературѣ и общественной дѣятельности. Его симпатіи были тѣ же, какія отличали его семью. Литературная дѣятельность его началась поэтическими произведеніями; затѣмъ, по порученію Географическаго Общества, онъ производилъ изслѣдованіе украинскихъ ярмарокъ, а по служебному порученію участвовалъ въ комиссіи по изученію раскола въ одной изъ сѣверовосточныхъ губерній (бѣгуны). Въ концѣ же пятидесятыхъ годовъ онъ выступилъ на поприще публициста. Въ это время издавался въ Москвѣ славянофильскій журналъ „Русская Бесѣда“, редакторомъ которого считался покойный А. И. Кошелевъ. Журналъ былъ ученый и литературный, и здѣсь-то появился рядъ статей о западныхъ и балканскихъ Славянахъ, имѣвшій цѣлью ближе познакомить русское общество съ Славянскимъ міромъ. Тамъ помѣщались капитальные труды этого рода. Въ 1858 и 1859 годахъ Аксаковъ былъ фактическимъ редакторомъ „Русской Бесѣды“. Въ началѣ 1859 года попытался онъ издавать собственный органъ, еженедѣльную газету „Парусъ“, но эта газета окончила свое существованіе послѣ выпуска втораго номера, вслѣдствіе цензурныхъ условій. Послѣ того литературная его дѣятельность на время сократилась, чemu содѣствовала болѣзнь его брата Константина Сергѣевича, умершаго въ 1860 году на одномъ изъ Іоническихъ острововъ, во время пу-

тешествія къ Славянамъ. Въ 1860 году „Русской Бесѣды“ вышло только двѣ книжки. Но въ концѣ 1861 года И. С. началъ издаватъ еженедѣльную газету „День“ при участіи славянофильского кружка и многихъ другихъ сотрудниковъ. Это была одна изъ лучшихъ эпохъ дѣятельности Аксакова. Время было горячее. Только-что началось крестьянское дѣло, къ которому „День“ отнесся съ живѣйшимъ участіемъ; вырабатывались и разбирались основы судебной реформы. Выступилъ польскій вопросъ, но еще не въ той острой формѣ, какую онъ принялъ впослѣдствіи, а въ той, при которой возможно было обоюдное открытое сведеніе русско-польскихъ счетовъ. Возстаніе въ Герцеговинѣ подъ предводительствомъ Вукаловича подняло вновь вопросъ о балканскихъ Славянахъ. Всѣмъ этимъ вопросамъ служила газета „День“. На ея страницахъ появилась масса статей по крестьянскому дѣлу. Статьи о польскихъ дѣлахъ писались не только Аксаковыми и главнымъ сотрудникомъ его по этому предмету В. А. Елагинымъ, но и многими Поляками, которые тоже пытались разъяснить взаимные отношенія путемъ печати. Появилась принципіозная статья извѣстнаго польского писателя Грабовскаго, затѣмъ посыпалась другія статьи Поляковъ, и литературный русско-польскій споръ представлялъ большой интересъ. Иные изъ завзятыхъ, непримиримыхъ Поляковъ являлись въ общество И. С. Аксакова для устныхъ споровъ. По славянскимъ дѣламъ также печаталось много статей самими Славянами. Однимъ словомъ, „День“ стала интересенъ для массы людей самыхъ разнообразныхъ группъ; это выражалось, между прочимъ, и въ подпискѣ, которая въ первое время доходила до 4 тысячъ подписчиковъ—количество большое для тогдашней еженедѣльной газеты. Въ 1862 году газета „День“ *) временно была приостановлена за критику остзейскихъ порядковъ, и потомъ редакторство официально перешло къ Ю. О. Самарину, но не надолго, такъ какъ И. С.—чу скоро возвращено было его право.

Польское восстаніе 1863 года нѣсколько измѣнило положеніе дѣла и вызвало со стороны Аксакова рѣзкое отношеніе къ Полякамъ. Польское сотрудничество въ газетѣ прекратилось. Симпатичное отношеніе газеты къ Муравьевской системѣ, несмотря на ея крайности, отдалило и нѣкоторыхъ русскихъ отъ кружка газеты „День“. Въ это время „День“ усиленно занялся вопросомъ

*) Не «День», а «Москва» въ 1867 г. Ред.

о русской народности въ Западномъ краѣ, преимущественно о поднятіи Бѣлорусского населенія. „День“ продолжалъ издаваться до конца 1865 года, и затѣмъ, по личнымъ обстоятельствамъ редактора, прекратился. Но въ началѣ 1867 года Аксаковъ предпринялъ ежедневную газету „Москва“, издававшуюся въ томъ же духѣ. Здѣсь много удѣлялось мѣста, независимо отъ прежнихъ вопросовъ, вопросамъ объ охранѣ русской промышленности (тогда пересматривался таможенный тарифъ), и „Москва“ сильно стояла за протекціонную систему. Газета эта скоро была остановлена за статьи о тогдашнемъ сѣверно-русскомъ голодѣ, въ которыхъ существование голода рѣзко выставлялось на видъ, тогда какъ администрація его отрицала.

Вообще отношеніе цензурнаго надзора къ дѣятельности Аксакова было самое странное. Съ свободною прямою рѣчью и раскрытиемъ фактовъ не мирились, въ нихъ видѣли что-то вредное, какое-то потрясеніе основъ, тогда какъ впослѣдствіи съ полнѣйшою наглядностью обнаружилось, что тутъ было одно изъ обычныхъ недоразумѣній, и сущность міросозерцанія Аксакова уживалась даже съ требовательнымъ „консерватизмомъ“. Потрясевіе основъ смѣшивали съ затрогивавіемъ щекотливыхъ административныхъ самолюбій. „Москву“ прерывали вѣсколько разъ, и она повременамъ замѣнялась „Москвичемъ“, изданіе которого было разрѣшено другому редактору, но велось совершенно въ духѣ „Москвы“. Наконецъ, и „Москва“, и „Москвичъ“, въ 1868 году, были прекращены. Такому же преслѣдованію подвергалась прежде и газета „День“, которую хотя не прерывали, но запрещали много статей, такъ что не разъ вмѣсто передовой статьи значилось только: „Москва, такого-то числа“ и затѣмъ—черта.

Одновременно съ дѣятельностью въ печати Аксаковъ привималъ живѣйшее участіе въ образованіи 25 лѣтъ тому назадъ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ. Онъ, можно сказать, былъ душою этого комитета, что всего яснѣе выразилось въ 1876 году, въ эпоху возстанія Герцеговины и Сербіи, когда Аксаковъ былъ дѣйствительнымъ центромъ тогдашняго общественнаго движенія въ пользу Сербовъ, Болгаръ и Герцеговинцевъ. Все это еще живо въ памяти всѣхъ, и потому нѣть надобности особенно объ этомъ рѣспространяться. Послѣ турецкой войны, Аксаковъ рѣзко порицалъ наши уступки при заключеніи Берлинскаго трактата и сказалъ по этому поводу сильную

рѣчъ въ Славянскомъ Обществѣ, въ результатѣ чего это общество было закрыто, а самъ Иванъ Сергеевичъ удаленъ въ деревню.

Аксаковъ занималъ еще мѣсто въ управлѣніи Московскими Купеческими Обществами взаимного кредита, но тамошняя дѣятельность нужна ему была собственно для материальной поддержки, и скорѣе тяготила его. Не имѣя значительного состоянія, онъ безъ службы обойтись не могъ.

Журнальная дѣятельность Аксакова еще разъ возобновилась въ концѣ 1880 года, когда онъ началъ издавать газету „Русь“, продолжавшуюся до дня его смерти. „Русь“, впрочемъ, значительно отличалась отъ прежнихъ его изданій. Сузился кругъ участниковъ Аксаковскаго изданія, измѣнилась физіономія его, встрѣчались непослѣдовательности; нетерпимость и односторонность стали выступать чаще. При общей чертѣ Аксакова, преимущественно человѣка „чувств“¹, тутъ, можетъ быть, сказывалось и вліяніе возраста. Но въ „Руси“ также были выдающіяся по достоинству статьи, еще свѣжія въ нашей памяти, напримѣръ—статья противъ враговъ судебной реформы и очень недавняя статья о крайностяхъ классической системы средн资料а, обѣщавшая хорошее продолженіе.

Каковы бы, однако, ни были частности и случайныя увѣченія Аксакова—не о нихъ говорить въ тѣ минуты, когда сходить въ могилу симпатичный, живой, честный и неустанный общественный дѣятель, на смѣну котораго другихъ не видно. Всѣ недоумѣнія, всѣ неудовольствія должны утихнуть въ такой моментъ, и они слишкомъ перевѣшиваются общимъ итогомъ, общимъ характеромъ дѣятельности скончавшагося. Искренность и прямота—такія качества, которыя и оцѣнить трудно. Даже и въ то время, когда въ рѣчи Аксакова чувствовались фразы, повторенія,—замѣтно было, что подъ виѣшностью словъ бывать что-то живое, сильно чувствуемое и, можетъ быть, только несовсѣмъ ясно выражаемое. И друзья, и противники могутъ единодушно, не формально, но съ полнотою искренностью сказать: миръ праху твоему, достойный общественный дѣятель, Иванъ Сергеевичъ!

Въ ряду общественныхъ тружениковъ Аксаковъ оставляетъ ощущительную пустоту, не потому только, что съ нимъ сходить въ могилу послѣдній „славянофиль“, но и потому, что исчезаетъ

искренній, иелицемърный общественный ораторъ, умѣвшій будить въ людяхъ живое чувство и сознаніе своей народности.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Въ понедѣльникъ, 27-го января, скончался въ Москвѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, сынъ также извѣстнаго писателя, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. Онъ родился 26-го сентября 1823 года, и съ 1852 года выступилъ на литературное поприще, какъ поэтъ и публицистъ. Будучи горячимъ патріотомъ и глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, онъ съ неуклоннымъ постоянствомъ и рѣдкою энергиєю проводилъ одушевлявшія его мысли въ своихъ изданіяхъ, памятныхъ для всей читающей Россіи. Это были: „Русская Бесѣда“, „Парусъ“, „Москва“, на короткое время замѣненная „Москвичемъ“, „День“ и, наконецъ, „Русь“. Онъ принадлежалъ къ такъ-называемой славянофильской партії, и имя его съ благодарнымъ чувствомъ и глубокой симпатіей произносилось всѣми нашими славянскими братьями.

Для читателей „Русскаго Паломника“ память его особенно должна быть дорога, потому что это вполнѣ православный человѣкъ и писатель, вѣрно понимавшій значеніе духовенства въ общемъ ходѣ русской общественной и народной жизни. Но и вообще вся вѣрующая и православная Россія, къ какому бы сословію ни принадлежали отдѣльные сыны ея, единодушно будетъ оплакивать утрату этого высокодаровитаго и честнаго писателя. Дѣйствительно, Иванъ Сергеевичъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся бойцовъ за православіе. Въ этомъ дорогомъ достояніи Русскаго народа онъ видѣлъ краеугольный камень его бытія и историческихъ судебъ. Онъ понималъ, что все прошедшее, настоящее и будущее Россіи связано многочисленными нитями съ тою чистою вѣрою, которую она получила съ Востока. По понятію Ивана Сергеевича, живой источникъ этой вѣры проникалъ во всѣ фибры нашего народнаго организма; немерцающій свѣтъ православнаго христіанства яркой полосой освѣщалъ умъ и совѣсть

*) Изъ № 6 „Русскаго Паломника“.

русского человѣка; недосягаемый идеалъ нравственного совершенства, проповѣдуемый Евангеліемъ, заставлялъ биться его сердце, возбуждалъ его къ тѣмъ великимъ подвигамъ на поприщѣ добра, правды и любви къ человѣчеству и отчинѣ, которыми ознаменовано свышетысячелѣтнее существованіе Россіи, и предъуказывалъ тотъ прямой и вѣрный путь, по которому Русская земля должна шествовать къ совершенію своихъ великихъ судебъ. Безъ православія нѣтъ Россіи, думалъ Иванъ Сергеевичъ, и это онъ выражалъ въ пламенной, убѣжденной, изъ глубины души исходящей рѣчи.

Русское православное духовенство, лучшіе представители которого принадли самое сердечное участіе при погребеніи Ивана Сергеевича, было однимъ изъ первыхъ сословій, примкнувшихъ къ выраженію общей печали по поводу его кончины. И было отчего. Вѣрою опредѣниавая значеніе православія въ русской жизни, Иванъ Сергеевичъ естественно признавалъ необходимоымъ ввести духовенство въ самый центръ этой жизни и слить его со всѣми сословіями въ одно нераздѣльное цѣлое, пополняя ряды его отовсюду, гдѣ жива вѣра и крѣпко сознаніе безконечной плодотворности православнаго ученія. Понятно поэтому, отчего онъ такъ горячо заботился о нравственномъ возвышеніи духовенства и о его непосредственному воздѣйствіи на народъ въ проповѣди, вѣрковыхъ собесѣданіяхъ и школѣ. Его ясный умъ понималъ естественность и необходимость союза духовенства съ народомъ, а глубокое религіозно-патріотическое чувство подсказывало ему тѣ способы, которыми можетъ быть достигнутъ этотъ вожделѣнныи союзъ.

И не безплодна была рѣчь его; не звенящую мѣдью или кимваломъ звячающимъ разносилась она по Россіи. Тѣ идеи о значеніи православной вѣры и ея непосредственныхъ органовъ, которыя онъ такъ горячо и убѣжденно отстаивалъ въ своихъ изданіяхъ, все болѣе и болѣе входять въ сознаніе русского общества, и не далеко время, когда онѣ окончательно завоюютъ принадлежащее имъ мѣсто, даже въ умахъ сомнѣвающихся. Велика эта заслуга, и нельзя съ благодарнымъ чувствомъ не вспомнить о ней въ эти минуты, когда только-что замолкла его вдохновенная рѣчь.

И. С. Аксаковъ *).

1823 + 1886 г.

27 января, въ 7 час. вечера, скончался Иванъ Сергиевич Аксаковъ. Имя почившаго великаго русскаго дѣятеля и патріота пользовалось чуть не всемирною извѣстностію. Русскіе люди видѣли въ Аксаковѣ борца за русскіе интересы, за честь и славу Россіи; Славяне—борца за ихъ свободу. Люби Россію, Аксаковъ гордился ея величиемъ и могуществомъ. Во всю свою жизнь онъ высоко держаль русское знамя, постоянно ратуя за национальные интересы въ международныхъ сношеніяхъ, и потому-то пользовался огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди Русскихъ и Славянъ. Изучивъ хорошо Русскій народъ, онъ каждую уступку нашей дипломатіи западнымъ державамъ находилъ несообразною съ честью и достоинствомъ Россіи.

Злополучный для Россіи Берлинскій трактатъ и закрытіе Московскаго Славянскаго Общества, въ которомъ почившій громко протестовалъ противъ налагаемаго на Россію позорнаго пятна—стать предательницею доблестныхъ Сербовъ Босніи и Герцеговины и послѣдовавшее занятіе этихъ областей Австріею, сильно надорвали его силы. Какъ пламенайший русскій патріотъ и глубоко преданный престолу, Иванъ Сергиевичъ не отчаявался въ будущности Россіи.

Балканскія дѣла, черная неблагодарность со стороны Болгаръ, за свободу которыхъ онъ столько ратовалъ, сербско-болгарская братоубийственная борьба, начатая чуть не по повелѣнію Австріи, направление принимаемое русской политикою въ Восточномъ вопросѣ,— все это не могло не повлиять на его разстроенное здоровье. Стоило ему немного только подумать къ чему можетъ привести противоестественный союзъ Россіи съ Германіею и Австріею, чтобы снова были поколеблены его надежды—и сердце его обливалось кровью.

*) Изъ № 337 газеты «Востокъ», отъ 31 января.

Въ послѣдніе дни Иванъ Сергиевичъ, какъ можно было видѣть изъ цѣлаго ряда статей помѣщенныхъ въ „Руси“, старался укрѣпить духъ своихъ читателей, вполнѣ раздѣлявшихъ его мысли. Казалось, что его какъ будто не смущали наѣвавшіяся съ Запада тучи. А между тѣмъ онъ въ это самое время испытывалъ глубочайшее страданіе. Онъ не могъ не видѣть, что благодаря цѣлому ряду недоразумѣній и ошибокъ, не однимъ имъ предвидѣнныхъ и высказанныхъ, разрушалось завѣтное историческое призваніе Россіи на православномъ Востокѣ, разрушались плоды усилий многихъ поколѣній. Бѣдная Черногорія, опоясанная австрійскими фортами, многострадальная Боснія и Герцеговина, преданная нами злѣшему врагу православія и Славянства — Швабо-Мадьяріи, поруганная Сербія, ожидающая той же участіи и не находящая ни малѣйшей защиты въ Россіи освобожденная Россіею Болгарія съ Восточною Румеліею, управляемыя нѣмецкимъ принцемъ и надѣленныя Русскими же самою радикальнѣйшею и безобразнѣйшею въ мірѣ конституціею, — все эти мысли не покидали его до самой кончины. Болѣзнь сердца, которая надломила крѣпкую натуру И. С. Аксакова, свела его въ могилу. Онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ, напутствованный, за нѣсколько минутъ до своей кончины, Св. Тайнами.

Какъ истинный русскій патріотъ, не поддававшійся ни на какія сдѣлки противныя его совѣсти, Иванъ Сергиевичъ имѣлъ немало враговъ и въ Россіи, и за границей.

Въ органахъ русской печати, издаваемыхъ не русскими людьми, и въ заграничныхъ газетахъ, преимущественно въ нѣмецкихъ и мадьярскихъ, нападки на публицистическую и патріотическую его дѣятельность не прекращались до самой его смерти. Не отрицая въ Аксаковѣ честности и прямоты, нѣмецко-мадьярская печать тѣмъ не менѣе съ особымъ злорадствомъ встрѣтила вѣсть о смерти Аксакова. Вѣдь не стало честнѣйшаго борца за русскіе и славянскіе интересы, борца, который отлично умѣлъ познавать и обнаруживать тайны берлинской и вѣнckой политики, которой никакъ не могутъ разгадать ни русскіе дипломаты, ни даже „Московскія Вѣdomости“.

Да, поистинѣ, великихъ русскихъ людей, никѣмъ не замѣняемыхъ, теряетъ въ послѣдніе годы Россія, людей, которые, какъ любище Св. Русь, глубоко печалились объ ея невзгодахъ, безчестіи, позорѣ. Они видѣли въ Россіи силу и крѣпость, тогда какъ

ихъ недруги считаютъ и донынѣ Россію слабою и ничтожною, государствомъ, которое должно слѣдовать антинародной политикѣ и пользоваться указаніями Берлина и Вѣны.

Иванъ Сергеевичъ жилъ не столько для себя, сколько для своихъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ братьевъ. Не десятками, а сотнями тысячъ слѣдуетъ считать его личныхъ пожертвованія на пользу Славянъ и Русскихъ, также какъ на поддержаніе восстанія Сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ, въ 1861, 62, 75 и 76 годахъ. Въ 1866—67 г. И. С-ть сильно ратовалъ въ своей „Москвѣ“ за доблестныхъ Грековъ острова Крита; по его инициативѣ состоялась тогда паннихида въ греческомъ монастырѣ за „христолюбиво и братолюбиво пострадавшихъ“, вызвавшая неудовольствие со стороны Министерства иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ и предстереженіе „Москвѣ“. Дѣятельность его какъ предсѣдателя Славянскаго Комитета, а затѣмъ Славянскаго Общества, всѣмъ известна. Никто и никогда не заподозривалъ его въ нечестности и непрямотѣ, чтѣ было отличительной чертою его характера, также какъ и глубокая ревность по Православной Церкви. Для него Грекъ, Румынъ и Грузинъ всегда были ближе западнаго Славянинна—Чеха, Словака, Хорвата, и онъ желалъ, чтобы прежде эти народы возвратились въ лоно Православной Церкви, а затѣмъ уже примкнули къ Россіи.

Еще недавно находились люди, обвинявши Аксакова, какъ редактора „Руси“, въ „недостаточномъ патріотизмѣ“. Съ высоты же престола онъ признается лицомъ, „котораго уважали какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ“. Этимъ признаніемъ какъ бы свидѣтельствуется, что Русскій Царь и сѣрдцемъ и душою мыслитъ за одно съ Русскимъ народомъ. Аксакова хоронила, можно-сказать, вся Россія, ибо почти-что во всѣхъ епархіальныхъ по крайней мѣрѣ городахъ, начиная отъ Петербурга, Кіева, Одессы, Харькова, Вильны, Казани, Варшавы и другихъ, совершены были не однажды заупокойныя о немъ моленія, а въ Москвѣ чуть не весь городъ поднялся проводить его до послѣдняго его жилища.

Православный Славянскій міръ, для котораго почившій жилъ, трудился и готовъ былъ положить свою душу, вознесть свои искреннія молитвы объ упокоеніи глубоко-вѣрующей души усопшаго, котораго ждетъ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали. Его всегдашняя, ни на минуту не покидавшая мысль, что

великая Русь довершитъ освобождение родственныхъ ей по вѣрѣ народовъ и исполнить свою историческую задачу, исполнится, хотя и съ великими жертвами, ибо такова воля Божія, которая въ продолженіи столькихъ вѣковъ направляетъ Россію на Востокъ.

Передовая статья № 1752 «Южного Края».

Харьковъ, 28 января.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ скончался... Какъ болѣзнето отзовется эта скорбная вѣсть въ сердцахъ истинно-русскихъ людей, въ сердцахъ славянскихъ патріотовъ, хотя сколько-нибудь знакомыхъ съ многолѣтнею литературною и политическою дѣятельностью знаменитаго публициста! Но за то съ какою радостью узнаютъ о его кончинѣ открытые и замаскированные враги Россіи и Славянства! Какъ возликуетъ по поводу ея русофобствующая печать и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, и въ Пештѣ, и въ Краковѣ, особенно въ настоящее время, когда неотразимый ходъ событій выдвигаетъ на очередь все тотъ же Восточный вопросъ, съ правильнымъ пониманіемъ котораго неразрывно связаны вопросы обѣ историческомъ призваніи и самобытномъ развитіи Русского народа, для разясненія которыхъ Иванъ Сергеевичъ и дѣломъ и словомъ работалъ „отъ молодыхъ ногтей“ до самой смерти...

Въ теченіе всей своей публицистической дѣятельности Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей славяно-фильской партіи, въ теченіе долгаго времени онъ былъ и вождемъ ея. Въ качествѣ публициста Аксаковъ выступилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда наряду съ преобразованіями, совершившимися по мысли и предначертаніямъ покойнаго Государя, шло глухое общественное броженіе,—когда первымъ признакомъ образованія и „благороднаго образа мыслей“ въ массѣ русской интеллигенціи считалось раболѣпство передъ Западной Европой, презрительное отношеніе къ преданіямъ и святынямъ Русского народа. И вотъ, въ это-то всѣмъ памятное время Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ и взялся за перо публициста, и въ теченіе мн-

гихъ лѣтъ, невзирая на всѣ невзгоды и „независящія отъ редакціи обстоятельства“, онъ высоко несъ свое знамя, ратуя за національную политику въ международныхъ сношенияхъ, за политическую и нравственную солидарность Россіи съ Славянскимъ міромъ, за истинное просвѣщеніе и истинную свободу, разоблачая ложь и пустоту консервативныхъ, либеральныхъ и радикальныхъ доктринеровъ, порвавшихъ всякия связи съ своимъ народомъ и мечтавшихъ облагодѣтельствовать его по рецепту англійскихъ торіевъ, французскихъ буржуа или „новыхъ людей“ „всесвѣтной революціи“. Плохо понимаемый читающею толпой, со всѣхъ сторонъ осыпаемый клеветами, принужденный вести борьбу „съ прозрѣнными бойцами“, которые во имя „прогресса“ и „коммуны“ не разъ взывали къ „уставу о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій“, Аксаковъ твердо шелъ къ разъ намѣченной цѣли—

Къ трудамъ благимъ, къ рѣшенію задачъ,
На жаркій бой, на подвигъ испытаній.

Какъ публицистъ, Иванъ Сергеевичъ былъ сразу замѣченъ. Глубина и сила мысли, блестящее изложеніе и тотъ, покоряющій умы и сердца паѳосъ, которымъ отличаются люди всецѣло преданные безкорыстному служенію идеалу,—вотъ что бросалось въ глаза даже при поверхностномъ чтеніи публицистическихъ статей Аксакова...

Вѣчная память незабвенному писателю, честно послужившему родной землѣ и великому дѣлу возрожденія Славянъ подъ сѣнью Православной Церкви и исконно-русскихъ и славянскихъ началъ!

Отвѣтъ „Новостямъ“.

I *).

Въ „Новостяхъ“ не прекращаются жалкія попытки представить въ извращенномъ видѣ дѣятельность покойного Аксакова,

*) Изъ № 3581 „Нового Времени“.

чтобы умалить ея значение и поднять свое. Уморительная претензія!

Сегодня, напримѣръ, „Новости“ напечатали глумлениѳ—неизвѣстно уже надъ кѣмъ—по поводу того, что въ Тихвінѣ напились своеобразные поклонники Аксакова, которые смыслили его идеи съ преобразовательными идеями Петра I....

Сегодня же мы получили вышедшій въ Москвѣ предпослѣдній номеръ „Руси“, посвященный кончинѣ Аксакова. Между прочимъ, здѣсь воспроизведены всѣ телеграммы, присланыя изъ разныхъ концовъ Россіи и Славянскаго міра съ выражениемъ соболѣзвованій по поводу этой безвременной кончины. Эти телеграммы даютъ неложный и вполнѣ категорической отвѣтъ на дрянныя писанія „Новостей“.

Можно сказать безъ преувеличенія, что вся образованная Россія и весь Православно-Славянскій міръ, какъ одинъ человѣкъ, отозвались на горестное событие. Мы внимательно пересмотрѣли эти телеграммы, и можемъ свидѣтельствовать, что эти телеграммы, отправленныя изъ разныхъ мѣстъ и, конечно, безъ всякаго взаимнаго соглашенія отправителей—подъ живымъ впечатлѣніемъ извѣстія о кончинѣ Аксакова—выражаютъ одну и ту же мысль, одно и то же убѣженіе, что смерть Аксакова—„общерусская и общеславянская скорбь“, а слѣдовательно такова мысль, таково убѣженіе всей Россіи, за исключеніемъ гг. Нотовича, Модестова, Михневича и прочей компаний „Новостей“.

Вотъ, такъ сказать, виѣшняя классификація этихъ телеграммъ. Общее число ихъ свыше 160. Въ томъ числѣ до 130 телеграммъ отъ Русскихъ и до 30 отъ Славянъ Балканскаго полуострова и Австро-Венгрии. Во главѣ русскихъ телеграммъ, какъ извѣстно уже, стоитъ телеграмма Государя Императора и нѣкоторыхъ членовъ Царской семьи. Затѣмъ идутъ: *девять* телеграммы отъ высшихъ духовныхъ особъ, *четыре* телеграммы отъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ (отъ гр. Игнатьева, гр. Милотина, гг. Побѣдоносцева и Делянова); *шесть* телеграммъ отъ ученыхъ [учрежденій (2-го отдѣленія Академіи Наукъ, Русскаго Географическаго Общества, университетовъ Св. Владимира, Харьковскаго, Новороссійскаго и Ярославскаго Демидовскаго лицея). Сверхъ того, очень много телеграммъ отъ учителей гимназій, кадетскихъ корпусовъ и другихъ учебныхъ заведеній.

Довольно многочисленный разрядъ телеграммъ—отъ мѣстныхъ

административныхъ и общественныхъ учрежденій. Мы насчитали ихъ свыше *двадцати пяти*, въ томъ числѣ: оть черниговскихъ губернскихъ чиновъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій, какъ то: дворянства, городского общества, земскаго собранія, мѣстныхъ воинскихъ частей и т. д. Тоже изъ Симферополя. Затѣмъ: оть вологодскаго губернского земскаго собранія; оть тверской и курской губернскихъ земскихъ управъ; особо оть дворянствъ: самарскаго, смоленскаго и арзамасскаго; оть дворянства и всѣхъ сословій Астраханской губерніи. Особо оть городскихъ думъ: Казанской, Харьковской, Псковской, Полтавской, Самарской, Болградской, Богородской, Ирбитской и т. д.

Печать петербургская и провинціальная отзывалась въ количествѣ 28 изданій, не считая московской печати, которая, конечно, не имѣла надобности прибѣгать къ телеграммамъ. Между прочимъ была корпоративная телеграмма оть латышской печати.

Отъ русской учащейся молодежи телеграммы получены оть правовѣдовъ, оть студентовъ Петербургскаго университета, Петербургской Духовной Академіи, Военно-Медицинской Академіи, Горнаго института, Харьковскаго университета и Киевскаго филологического факультета.

Затѣмъ много телеграммъ оть благотворительныхъ обществъ и разныхъ общественныхъ кружковъ, а также оть отдѣльныхъ почитателей покойнаго. Въ числѣ послѣднихъ много именъ извѣстныхъ всей Россіи и пользующихся заслуженнымъ уваженіемъ, напримѣръ: Стояновскій, Таньевъ, Галаганъ, Чичеринъ, Сабуровъ, В. Безобразовъ, М. Раевскій, Бутлеровъ, князь Шаховской, Даневиль и мног. др.

Особаго вниманія заслуживаютъ телеграммы изъ славянскихъ земель и оть Славянъ. Эти телеграммы даютъ самое несомнѣнное свидѣтельство о лживости той басни, которую пустили „Новости“ при первомъ извѣстіи о смерти Аксакова, а именно будто даже „среди братушекъ“ обаяніе Аксакова уступило мѣсто вліянію г. Нотовича и прочихъ писателей изъ „Новостей“...

Изъ Софіи прислано шесть телеграммъ, въ томъ числѣ: митрополита Клиmenta, оть имени Софійской митрополіи со всѣмъ духовенствомъ; оть имени русскихъ воспитанниковъ Болгаръ (за подписью 5 лицъ, въ томъ числѣ Каравелова); двѣ телеграммы оть Болгарскаго Книжного Дружества за подписью предсѣдателя

Стоянова; изъ телеграммъ одна свидѣтельствуетъ, что „прискорбное извѣстіе о преждевременной кончинѣ именитаго и незабвенаго И. С. Аксакова, многоуважаемаго почетнаго члена Болгарскаго Книжнаго Дружества, великаго дѣятеля Славянства и благодѣтеля Болгарскаго народа, отозвалось потрясающимъ ударомъ въ сердцахъ всѣхъ его почитателей въ Болгаріи“; другая же телеграмма сообщаетъ, что Книжное Дружество въ полномъ собраніи, послѣ панихиды, въ память „о великой дѣятельности И. С. на благо Славянства и Болгарскаго народа“, учредило премію имени покойнаго въ 2,000 франковъ, пожертвованныхъ однимъ изъ его воспитанниковъ, на сочиненіе *Исторіи воспитанія Болгар въ Россіи*, тѣсно связанной съ именемъ Ивана Сергеевича“.

Двѣ телеграммы изъ Софіи за многочисленными подписями, а именно: одна за 34 подписями, во главѣ которыхъ стоитъ Д. Цанковъ, и другая за 38 подписями, во главѣ которыхъ митрополитъ Климентъ, полковникъ Кесяковъ и Каравеловъ. Въ послѣдней телеграммѣ говорится между прочимъ: „мы потеряли достойнаго и незамѣтнаго борца нашей свободы, любящее сердце котораго было такъ отзывчиво ко всякому горю Болгарь. Незабвенный Иванъ Сергеевичъ былъ не только провозвѣстникомъ нашего народнаго движения, но и со свойственной ему теплотой души подготовлялъ дѣятелей этого возрожденія. Наша учащаяся молодежь всегда находила у почившаго искреннюю поддержку. Дорогой всѣмъ намъ И. С. будеть вѣчно жить между нами своимъ теплымъ чувствомъ и добрымъ дѣломъ. Вѣчная память великому дѣятелю нашего возрожденія и неутомимому борцу нашей свободы“.

Изъ Филиппополя прислали *три* телеграммы: митрополитъ Герасимъ отъ имени духовенства, городской голова отъ имени городскаго населенія и г-жа Радокиркович—отъ женской гимназіи. Изъ городовъ Елецъ и Рущукъ—городскихъ кметовъ отъ всего населенія. Изъ Габрова отъ директора гимназіи. Изъ Шумлы (на имя московскаго городскаго головы) за подписью 22 лицъ съ г. Икономовымъ во главѣ. Эти „граждане города Шумлы“, оплакивая смерть почившаго „друга“, называютъ Аксакова „великимъ русскимъ гражданиномъ“, „лучшимъ и благороднѣйшимъ представителемъ Славянства“, „величайшимъ доброжелателемъ и благодѣтелемъ Болгарь, имя и вся дѣятельность котораго тѣснѣйше связаны съ пробужденiemъ и освобожденiemъ Болгаріи“.

Наконецъ получены телеграммы отъ Болгаръ, проживающихъ

въ Киевѣ, Кишиневѣ, Николаевѣ и оть Одесскаго болгарскаго на-
стоятельства.

Отъ Сербовъ прислали телеграммы: петербургскій посланникъ Груичъ; изъ Бѣлграда—сербское ученое общество за подписью Іовановича, Босковича, М. Васильевича, архимандрита Дучича. Въ послѣдней телеграммѣ И. С. Аксаковъ именуется „великимъ русскимъ патріотомъ и несравненнымъ поборникомъ славянскихъ идей“. „Память о немъ, говорится въ телеграммѣ, будетъ вѣчно жить въ душѣ славянской, какъ и самая идея, которой онъ былъ душой представитель. Народъ Сербскій не забудеть братской услуги покойного въ своей новѣйшей борьбѣ за освобожденіе“. Изъ Бухареста доставлена сербская же телеграмма на имя митрополита Михаила.

Весьма замѣчательна телеграмма изъ Вѣны, за подписью: „хорватскіе, словенскіе и болгарскіе студенты въ университетѣ Вѣнскомъ“. Вотъ эта телеграмма:

„Вѣсть обѣ утратѣ, понесенной Русскимъ народомъ и всѣми Славянами со смертю незаубреннаго Ивана Сергеевича, поразила насъ, которымъ онъ всегда и въ самые роковые часы былъ неустранимымъ защитникомъ. Утрата Русскаго народа—утрата наша. Вѣстѣ съ сильнымъ братскимъ народомъ Русскимъ мы плачемъ у одра бессмертнаго покойника, но надѣюсь, что Русскій народъ дастъ намъ преемника его идей и стремленій“.

Отъ Хорватовъ получена еще телеграмма изъ Фіуме. Даїве телеграммы изъ Рагузы, изъ Львова—отъ редакціи „Слова“, изъ Львова же за подписью 20 русскихъ Галичанъ во главѣ съ извѣстными русскими дѣятелями въ Галиції: Иваномъ Наумовичемъ, Иваномъ Добрянскимъ, Б. Дѣдицкимъ, В. Площанскимъ, Ф. Марковымъ и друг. Эта телеграмма называется Аксакова „великимъ русскимъ героемъ мысли и правды“. Между прочимъ, въ телеграммѣ говорится:

„Погасла звѣзда, величаво свѣтившая на славянскомъ горизонте; не стало праведнаго мужа, храбро стоявшаго за вѣру и правду, покровителя бѣдныхъ и несчастныхъ; перестало биться великое, горячее, благородное русское сердце! Но не пропадеть свѣтлый примѣръ великаго гражданина-патріота, не перестанетъ жить между нами его великий духъ!“

Отъ русскихъ же Галичанъ получены телеграммы изъ Варшавы и Вильны.

Изъ Праги телеграмма называеть смерть Аксакова „общеславянскимъ горемъ“.

Всего отъ Болгаръ получено 16 телеграммъ, отъ Сербовъ и прочихъ Славянъ 14, не считая, впрочемъ, телеграммы князя Николая Черногорскаго и митрополита Михаила.

Вотъ какой „пустой звукъ слава Аксакова!“ Это „великій дѣятель Славянства, славянского возрожденія“, „неутомимый борецъ славянской свободы“, „лучшій русскій гражданинъ“. Умрите вы все вмѣстѣ...—и дождитесь, чтобы хотя тысячная часть этихъ сожалѣній раздалась надъ вашимъ гробомъ...

II. *)

Что такоесталось съ публицистами „Новостей“—адоровы ли они? Каждый день почти повторяютъ они свое мнѣніе, что смерть Аксакова—потеря не важная; между тѣмъ каждый день возвращаются къ этой темѣ, трактуютъ ее на все лады, а въ концѣ концовъ нравственное удовлетвореніе и душевное успокое-ніе все-таки не приходять къ нимъ; напротивъ, ихъ неотвязно преслѣдуется, словно тѣнь Банко, сознаніе своего промаха, съ головою выдавшаго ихъ филистерскую тупость и самомнѣніе...

Такъ, по поводу торжественнаго собранія адѣшняго Славянскаго Благотворительного Общества эта газета договорилась до коммітмента ораторамъ собранія за то, что они будто бы скрыли передъ своими слушателями настоящаго Аксакова, какимъ онъ всегда былъ, какимъ знаетъ его вся Россія, и, представивъ его въ подѣльномъ видѣ, тѣмъ самымъ вызвали проявленія „сочувствія и уваженія“ къ почившему...

Да что же это, наконецъ, такое? За кого „Новости“ считаютъ русское общество? Кого надѣются они убѣдить, что Аксакову, настоящему, тому Аксакову, который самъ за себя говорилъ болѣе 30-ти лѣтъ, русское общество проявило сочувствіе и уваженіе лишь вслѣдствіе недостойной мистификаціи ораторовъ

*) Изъ № 3584 «Нового Времени».

Славянского Общества? Дальше некуда идти на этомъ пути, если припомнить, что столь поразительная ложь печатается на другой день послѣ обнародованія документальныхъ свѣдѣній о тѣхъ почетяхъ, которыя оказаны почившему писателю какъ со стороны русскаго общества, такъ и со стороны Славянъ Balkansкаго полуострова и Австро-Венгрии!

Мы лично не присутствовали при происходившемъ на дняхъ собраніи здѣшняго Славянского Общества, и не можемъ на основаніи личнаго наблюденія взять на себя защиту почтенныхъ ораторовъ собранія отъ упрека въ недостойной мистификаціи, будто бы продѣланной ими ради привлеченія къ Аксакову симпатій иуваженія гг. членовъ Славянского Общества. Но какая нелѣпость допустить уже одну возможность чего-нибудь подобнаго: члены Славянского Общества нуждаются въ обманѣ, въ передержкѣ мнѣній Аксакова, въ тенденціозномъ подборѣ отдѣльныхъ его статей, чтобы эти члены почувствовали симпатію иуваженіе къ памяти того самаго Аксакова, который всей Россіи, а не только членамъ Славянского Общества, извѣстенъ какъ самый даровитый, самый энергическій двигатель славянскаго дѣла!

„Новости“ же не только выдаютъ за фактъ эту нелѣпость, но еще благодаря ораторовъ Славянскаго Благотворительного Общества за то удовольствіе, которое они доставили этой газетѣ своею безцеремонностью въ обращеніи со взглядами И. С. Аксакова: „мы, говорить писатель „Новостей“, оставили зауди собранія съ облегченнымъ сердцемъ. Намъ казалось, что руководители Общества какъ будто поняли, что и отъ нихъ требуется сочувственный отзывъ на тѣ идеи и стремленія, которыми живутъ образованные люди Россіи... И вотъ передъ нами раздались одна за другой рѣчи, въ которыхъ хотя все вертѣлось около имени И. С. Аксакова, но не выставляютъ на видъ ничего такого, чтобъ въ публицистическихъ заявленіяхъ покойнаю шло въ разрѣзъ съ существующими въ наше время общественными сочувствіями“.

Ораторамъ общества остается кланяться и благодарить за столь лестный о нихъ отзывъ. По свидѣтельству писателя изъ „Новостей“, они, стало быть, учинили въ память Ивана Сергеевича Аксакова нечто въ родѣ торговой сдѣлки съ писателями „Новостей“!

Передовыя статьи № № 1769, 1771 и 1773 „Южнаго Края“.

I.

Харьковъ, 15 февраля.

Наша такъ-называемая либеральная печать осталась вѣриа самой себѣ. Неожиданная смерть Аксакова захватила ее върасплохъ. Она не знала, какъ ей быть, въ виду яркихъ проявленій всеобщаго уваженія къ личнымъ качествамъ, литературной и политической дѣятельности Ивана Сергеевича. Но вотъ, прошло нѣкоторое время со дня кончины знаменитаго публициста, и господа „прогрессисты“ и „западники“ начинаютъ мало-малу пускаться въ откровенности и дѣлать попытки сказать объ Аксаковѣ „неприкрашенную правду“. Какова должна быть „неприкрашенная правда“ тѣхъ людей, которыхъ покойный издатель „Дня“ и „Руси“ заклеймилъ прозвищемъ глашатаевъ пошлисти, само собой понятно... Было бы странно, еслибы эти люди, всю жизнь издѣявавшіе надъ самобытностью Русскаго народа, надъ его завѣтными преданіями, надъ его идеалами и міросозерцаніемъ, говорили спокойно и безпристрастно о такомъ противнике, какъ Аксаковъ. Было бы странно, еслибы люди, систематически забрасывавши грязью знамя Аксакова, отказались отъ своей стародавней привычки клеветать и лгать на того, кто столь безжалостно выводилъ на свѣжую воду всю ложь и бесодержательность либеральной и радикальной трескотни, и въ теченіе столькихъ лѣтъ быть живымъ упрекомъ для „интеллигентныхъ“ „бродягъ, не помнящихъ родства“. Что-жъ удивительнаго, что прогрессисты и западники, наконецъ, не выдержали и заговорили тѣмъ тономъ, какимъ они говорили... ну, хотя бы, напримѣръ, по поводу смерти Скобелева!..

Предъ нами лежитъ статья г. Модестова, помещенная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Новостей“ и пытающаяся сдѣлать „безпристрастную“ оценку дѣятельности Аксакова. Это формальный обвинительный актъ противъ славянофоловъ вообще и Аксакова въ частности.

Обвинительный актъ начинается увѣреніями, что Аксаковъ, собственно говоря, не былъ русскимъ человѣкомъ ни „по крови“,

ни по симпатіямъ и антипатіямъ. Прежде всего г. Модестовъ указываетъ, и указываетъ не безъ злорадства, что Иванъ Сер-гѣевичъ „не совсѣмъ русскаго происхожденія“. Что-жъ! Чего-доброго, г. Модестовъ скоро будетъ доказывать, что и Пушкинъ не можетъ считаться истинно-русскимъ поэтомъ, потому что вѣдь и его происхожденіе „не совсѣмъ русское“. Но оставимъ въ сто-ронѣ генеалогическая розысканія и обратимся къ дальнѣйшему „течению мыслей“ нашего автора. „Покойный Аксаковъ“, гово-рить г. Модестовъ, „былъ больше Москвичъ, чѣмъ Русский“. Развивая свою мысль, г. Модестовъ объясняетъ, что „русскій духъ не есть духъ новгородскій, московскій, тверской, рязанскій и пр., а тотъ духъ, который является плодомъ всей исторіи народа, обнимаетъ всѣ особенности великаго государства и объясняетъ ихъ въ идее общей всѣмъ частямъ національности“. И вотъ „русскаго“-то „духа“, по мнѣнію г. Модестова, у Аксакова и не было. Аксакова можно назвать русскимъ человѣкомъ „въ томъ значеніи, какое должно прилагаться къ личности значительного общественнаго дѣятеля“, только въ такомъ случаѣ, „если быть русскимъ значить крѣпко держаться за старину, но за старину лишь москов-скую, и, упорствуя въ своемъ старовѣрствѣ, считать какую-ни-будь Спиридоновку центромъ не только Русскаго, но и Славян-скаго мира“. „Аксаковъ, видите ли, думалъ, что русскій духъ есть именно московскій духъ, насквозь проникнутый московски-ми преданіями, отвергающій и предшествующую, и послѣдующую нашу исторію“. „Знакомство съ остальными частями Россіи и съ западно-европейской цивилизацией, снисходительно замѣчаетъ г. Модестовъ, конечно не было чуждо и Аксакову, какъ оно не можетъ быть чуждо и ни одному образованному человѣку нашего времени, но оно не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣй-ствуетъ на умы широкіе и сильные“.

Весь этотъ безодержательный и не всегда грамотный наборъ фразъ доказываетъ, что г. Модестовъ очень не любить Аксакова, и что народная пословица: „врѣть какъ на мертваго“ заключаетъ въ себѣ глубокій смыслъ. Сплетать о мертвыхъ разныя небылицы иногда бываетъ очень удобно, но извращать учение такихъ лю-дей какъ Аксаковъ, идеи котораго всѣмъ хорошо известны, да-леко не безопасно.

Съ чего взять г. Модестовъ, что Аксаковъ чтилъ только московскія преданія и отвергалъ какъ „предшествующую, такъ и

послѣдующую нашу исторію?» Аксаковъ стоялъ за коренные основы русской жизни, вырабатывавшися и слагавшися вѣками, и потому начиналъ русскую исторію не со временъ Бѣлинскаго и Герцена, даже не со временъ Петра Великаго, а съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ на историческую арену выступила великая семья Славянскихъ народовъ. Московскому періоду русской исторіи, какъ эпохѣ объединенія Россіи, Аксаковъ конечно, придавалъ громадное значеніе, но въ этомъ отношеніи онъ былъ солидаренъ со всѣми русскими историками, начиная отъ Карамзина и кончая Соловьевымъ. „Но Аксаковъ отрицалъ Петербургъ“, въ ужасѣ восклицаетъ г. Модестовъ. Да вотъ потому Аксаковъ и „отрицалъ Петербургъ“ что онъ не отрицалъ всей предшествующей исторіи. Онъ „отриналь Петербургъ“, какъ посагательство на коренные основы русской жизни и какъ порабощеніе ея чуждымъ началамъ. Неужели г. Модестову надо объяснять, какъ школьнику, что славянофилы критически относились къ Петровской реформѣ не потому, что она была направлена къ развитію въ Россіи наукъ и искусствъ, промышленности и торговли, а потому, что она порвала связь прошлаго съ настоящимъ, создала на Руси культуру Запада, давшій себя знать и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ общественной жизни? Аксаковъ училъ, что русскій человѣкъ, усваивая всю широту современныхъ знаній, весь блескъ современной цивилизациі, долженъ оставаться *русскимъ*, а не уподобляться лакеямъ, которые, побывавъ въ городѣ и погулявъ по Невскому проспекту, смотрятъ на деревню уже сверху внизъ и отъ глубины души презираютъ „необразованное мужичье“. А развѣ наши „западники“ не напоминаютъ этихъ лакеевъ? Но неужели это значитъ, что основательное и разностороннее образованіе „не оплодотворило его души такъ, какъ оно дѣйствуетъ на умы широкіе и сильные“?

И кого только хотѣть обмануть гг. Модестовы? Пора бы уже оставить ихъ излюбленную систему изображать обскурантами такихъ людей, какъ Хомяковъ, Самаринъ, братья Аксаковы и т. д. Эта система съ большимъ успѣхомъ практиковалась чуть не тридцать лѣтъ... Кто же ея не разгадалъ и кого можно уловить ею въ своемъ сѣти?

II.

17 февраля.

Продолжаемъ позавчера начатый нами разборъ обвинительного акта противъ И. С. Аксакова, составленнаго присяжнымъ сотрудникомъ „Новостей“, г. Модестовымъ.

Послѣ „покушенія съ негодными средствами“ удалить Аксакова въ обскурантизмъ, г. Модестовъ доказываетъ, что Аксаковъ „не понималъ истиннаго положенія дѣлъ не только въ Россіи, но и въ Славянскомъ мірѣ“. „И тутъ и тамъ, вѣщаетъ г. Модестовъ, онъ смотрѣлъ на вещи не такъ, какъ онѣ представляются на самомъ дѣлѣ здоровому и непредубѣжденному взгляду, а смотрѣлъ на нихъ какъ человѣкъ партіи, и партіи въ добавокъ очень узкой, мнѣній которой, за очень малыми исключеніями, не раздѣлялъ, по ихъ рѣзкости, никто ни въ Россіи, ни въ Славянскихъ земляхъ, ни гдѣ бы то ни было“.

Подъ „здоровымъ и непредубѣжденнымъ взглядомъ“ здѣсь подразумѣвается взглядъ гг. Нотовичей, Модестовыхъ, Григ. Градовскаго и тому подобныхъ вѣстовыхъ и тамбурь-мажоровъ всероссійского либерализма и космополитизма. Съ нѣкоторыми прелестями этого взгляда мы будемъ имѣть случай познакомиться въ свое время; спросимъ только глубокомысленнаго критика: съ чего онъ взялъ, будто Аксаковъ былъ „человѣкъ партіи, и партіи узкой, мнѣнія которой не раздѣлялись ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ“? Неужели исповѣдывать, что православіе должно быть краеугольнымъ камнемъ русской семейной, общественной и государственной жизни, значитъ быть членомъ „партии“? Неужели вѣрить въ самобытность Русскаго народа и не соглашаться съ Фонвизинскими Иванушками, твердо убѣженными, и не безъ самодовольства проповѣдующими, что призваніе Русскаго народа сводится къ тому, чтобы стоять на запятахъ западно-европейской цивилизаціи, значитъ „быть человѣкомъ партіи, и партіи очень узкой? Мы не отрицаемъ, что среди нашего такъ-называемаго образованнаго общества есть не мало людей, по мнѣнію которыхъ русскій „интеллигентъ“, желающій „стоять на высотѣ своего призванія“, долженъ быть „бродяго не помнящимъ родства“ и не имѣть ничего общаго ни съ вѣрованіями,

ни съ преданіями своей родины. Намъ хорошо извѣстно, что „бродяги не помнящіе родства“ водворились и въ литературѣ и повсюду, и долго руководили, а отчасти и теперь еще руководятъ, нашимъ „общественнымъ мнѣніемъ“. Но что-жъ изъ этого? Все-таки они всегда были ничѣмъ инымъ, какъ наноснымъ явленіемъ, однимъ изъ гнѣвныхъ нарывовъ, свидѣтельствующихъ о внутреннемъ недугѣ, привитомъ къ русскому организму реформами Петра I-го и его преемниковъ. „Бродяги не помнящіе родства“, дѣйствительно, были всегда людьми партіи, и партіи притомъ очень узкой; Аксаковъ же былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, слышавшимъ біеніе пульса народной жизни. Онъ высказывалъ то, что смутно чувствовалось и сознавалось всѣмъ народомъ; вотъ почему его слово находило такой громкій откликъ. Разъ какъ-то одинъ затѣжій иностранный туристъ спросилъ Аксакова: „Велика ли ваша партія? Сколько вы насчитываете въ ней членовъ?“ „Ни одного“, отвѣчалъ Аксаковъ. Туристъ былъ озадаченъ и понять въ чёмъ дѣло только тогда, когда Аксаковъ прибавилъ, что у него нѣтъ партіи, потому что егѡ партію составляетъ весь Русскій народъ. При этомъ, конечно, само собою подразумѣвалось, что „бродяги не помнящіе родства“ сами по себѣ, а народъ самъ по себѣ...

Въ доказательство того, что Аксаковъ былъ человѣкомъ партіи, и притомъ партіи узкой, не понимавшей истиннаго положенія дѣла въ Славянскомъ мірѣ, г. Модестовъ приводить слѣдующее соображеніе: «Придавая славянскому вопросу характеръ вѣроисповѣдный онъ вооружалъ противъ себя и ставилъ въ неловкое положеніе къ Россіи все Западное Славянство, съ Чехами во главѣ... Въ эпоху послѣдней войны съ Турками, въ письмѣ къ одному изъ видныхъ Чеховъ, онъ потребовалъ присоединенія ихъ къ православію, гарантіи сохраненія въ потомкахъ Гуса славянскаго духа и братской связи съ Русскимъ народомъ». „Глава нашей славяно-фильской партіи, поучаетъ нась г. Модестовъ, не сообразилъ, что ни одинъ народъ не отказывается добровольно отъ своей вѣры и своей исторіи, и что нѣтъ и не можетъ быть ничего хуже и неполитичнѣе, какъ затрагивать религиозные вопросы въ спонсіяхъ съ другими, хотя бы и родственными народами“.

Такова философія г. Модестова. Съ точки зрѣнія религиознаго индифферентизма, противъ этой философіи ничего нельзя сказать. Въ самомъ дѣлѣ, если тотъ или другой Россіанинъ официально

считается православнымъ, на самомъ же дѣлѣ принадлежитъ къ числу „libres penseurs“, то какое ему дѣло до религіи Чеховъ? Но Аксаковъ не былъ libere penseur; онъ былъ истолкователемъ и выражителемъ мыслей и чувства Русскаго народа, а потому онъ не могъ относиться безразлично къ религиознымъ вопросамъ, особенно въ томъ случаѣ, о которомъ упоминаетъ г. Модестовъ. Какъ известно, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Ригеръ обратился къ Аксакову съ письмомъ, въ которомъ говорилось о солидарности Чеховъ и Русскихъ, причемъ высказывалась мысль, что призвание Россіи послужить Славянству своимъ политическими могуществомъ, а призваніе Чехіи стать во главѣ умственного движения Россіи и всего Славянскаго міра. Аксаковъ отвѣтилъ на эту теорію съ своею воогдашнею прямотой и откровенностью. Онъ не отрицалъ культурнаго превосходства Чеховъ въ средѣ семьи Славянскихъ народовъ; онъ признавалъ, что Чехи могли бы сослужить Россіи и всему Славянскому міру великую службу, но въ то же самое время онъ указалъ на порабощеніе Чеховъ католицизму, какъ на пропасть, которая никогда не допуститъ родственнаго сближенія между Русскими и Чехами, до тѣхъ поръ, пока чешская интелигенція не отречется отъ римской куріи, до тѣхъ поръ, пока Чешскій народъ, въ которомъ, какъ видно изъ исторіи гуситскаго движения и послѣдующихъ событий, католицизмъ не пустилъ глубокихъ корней,—не возвратится къ своей страдавней вѣрѣ. Только при отсутствії религиозной розни Чехи могутъ претендовать на ту роль, которую имъ предназначаетъ Ригеръ: таковъ былъ окончательный выводъ Аксакова. И Аксаковъ былъ тысячу разъ правъ. Онъ не лавировалъ и не хитрилъ въ перепискѣ съ Ригеромъ; онъ говорилъ какъ честный русскій гражданинъ и писатель, какъ сынъ Православной Церкви, гнушающійся всякою ложью и всякими бесчестными компромиссами. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ онъ поступилъ, вопреки мнѣнію г. Модестова, въ полномъ смыслѣ слова „тактично“, ибо уяснилъ настоящее положеніе дѣлъ, указалъ на почву, на которой только и возможна славянская взаимность. Правда, по теоріи нашихъ космополитовъ, Славяне намъ близки не въ силу того, что они наши единовѣрцы теперь или прежде, а потому, что они принадлежать къ той же расѣ, къ какой принадлежать и Русскіе. Но гг. космополитамъ не мѣшало бы вспомнить, что и Поляки тоже славянской расы, а между тѣмъ... Но лучшимъ отвѣтомъ

на соображеніе г. Модестова будеть отвѣтъ данный Аксаковыиъ много лѣтъ тому назадъ всѣми теперь позабытой, но въ свое время довольно вліятельной, архилиберальной газетѣ „Современное Слово“, уличавшей аксаковскій „День“ въ „византійствѣ“. „Наше выраженіе о тижесть оля славянскихъ христіанъ магометанскаго ига, писалъ Аксаковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, подало поводъ редакціи „Современного Слова“ къ очень забавному негодованію. „Византійство!“ восклицаетъ она, давая еразумѣть, что отвращеніе христіанъ отъ магометанства есть признакъ невѣжества, остатокъ грубыхъ временъ, наслѣдіе Византіи, слѣдѣтъ тьмы, которую напустила на насъ Византія. „Не на этомъ основаніи слѣдуетъ сочувствовать Славянамъ, толкуетъ санктпетербургскій прогрессистъ, а на основаніи *расовою* сходства или единства *породъ*; расы мы одной, вотъ въ чемъ дѣло!“ Мы дороого бы дали, чтобы видѣть, какъ редакторъ „Современного Слова“ обратился бы съ такою рѣчью о расѣ и о византійствѣ къ мужественному населенію Сербіи, Черногоріи, Герцеговины, Болгаріи, которое только вѣрности вѣрѣ отцовъ обизано сохраниніемъ своей народности, и которое давнимъ-давно купило бы себѣ спокойствіе и благоденствіе, если бы признало Коранъ за истину, какъ это и сдѣлали боснійскіе землевладѣльцы“.

Точка зреїння Аксакова — точка зреїння всего Русскаго народа. Сліяніе „Московскаго государства“ съ Малороссіей, многовѣковая политическая и нравственная солидарность Восточныхъ Славянъ съ Россіей,—все это совершилось и возросло на почвѣ религіознаго единенія, и Аксаковъ, какъ истинно-русскій человѣкъ, понималъ это не только своимъ свѣтлымъ умомъ, но и своимъ чуткимъ благороднымъ сердцемъ. И кто же, кроме сбитыхъ съ толку россійскихъ „интеллигентовъ“, насквозь пропитавшихся антинациональной и анти-исторической закваской, рѣшился упрекать его за это?...

III.

13 февраля,

Заканчиваемъ разборъ статьи г. Модестова объ Аксаковѣ. Мы уже третій разъ возвращаемся къ ней, ибо она въ такомъ недостижаемомъ совершенствѣ отражаетъ въ себѣ программу по-

литической и литературной партии, которую у насъ припято называть либеральной, космополитической и т. д., но которую всего приличиѣ было бы назвать партией пошлыхъ вождѣній, что вниманіе, оказываемое нами г. Модестову, вполнѣ имъ заслужено, какъ типичнѣйшимъ представителемъ „интеллигентной улицы“.

Какъ вамъ уже извѣстно, г. Модестовъ увѣряетъ, что Аксаковъ, по своимъ симпатіямъ и антипатіямъ, не былъ истинно-русскимъ человѣкомъ, и что онъ не понималъ настоящаго положенія дѣль ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ. Иного вывода отъ людей той клики, къ которой принадлежитъ г. Модестовъ, и нельзя ожидать. Аксаковъ былъ глубоко и сознательно вѣрующими христіаниномъ; этого мало, онъ видѣлъ въ православіи краеугольный камень міросозерцанія и гражданственности Русского народа и всего Славянскаго племени; онъ считалъ Церковь не „вѣдомствомъ государственного исповѣданія“, а силою живою и дѣйственною, вліяніе которой должно отражаться и на политикѣ, и на литературѣ, и на частной, и на общественной жизни; онъ считалъ русскую исторію, предшествующую Петровской реформѣ, не безсодержательной фантасмагоріей дикихъ проявленій варварства и нѣвежества, а эпохой заслужившею и выработавшею коренные основы русской жизни; онъ дерзаль различать въ крутомъ и насильственномъ переворотѣ Петра I-го не только келикія и славныя дѣянія, но и одностороннія увлеченія Западомъ и легкое отношеніе къ народнымъ идеаламъ, и плохо замаскированное презрѣніе къ родинѣ; онъ, наконецъ, постоянно твердилъ, что большая часть нашего образованнаго общества — „чужая у себя, чужая на чужбинѣ“, что ей необходимо отказаться отъ мысли, что Россія „материалъ, изъ котораго каждый можетъ кроить“:

На всякий образецъ и чтобъ кому угодно:
Парламентъ съ лордами или республикъ рядъ,
Аркадскихъ пастуховъ иль пахотныхъ солдатъ.

Что-жъ удивительнаго, что наши, непомнящіе родства, западники, эти пустощѣты ложнаго просвѣщенія, утверждаютъ, будто Аксаковъ „не понималъ настоящаго положенія дѣль ни въ Россіи, ни въ Славянскомъ мірѣ“? „Не понимать“ на ихъ жар-

гонѣ значитъ: считать пошлостью и игру въ парламентаризмъ, и боязнь смыть свое сужденіе имѣть, идущее въ разрѣзъ съ заграницными „вѣяніями“ и „теченіями“. Кроме того, Аксаковъ усматривалъ тѣсную связь между славянской взаимностью и православіемъ, а это ужъ ни на что не похоже!... Развѣ въ нашей „прессѣ“ не твердится на всѣ лады въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ, что религіозными вопросами могутъ интересоваться только „черни непросвѣщенная“ да „отсталые люди“? „S o i t e s - p o u s positivistes“? вопрошаешь одинъ изъ героевъ г. Боборыкина. Какъ же не провозгласить, что Аксаковъ не былъ истинно-русскимъ человѣкомъ? Какъ не прокричать, что образованіе „не оплодотворило его ума, какъ оно оплодотворяетъ истинно широкие умы“? Вѣдь у Аксакова не было ничего общаго ни съ „Современникомъ“, ни съ „Отечественными Записками“, ни съ „Вѣстникомъ Европы“, ни съ „Новостями“! Но не комично ли все-таки, когда гг. Модестовы соболѣзнуютъ, что „образованіе оплодотворило“ умъ Аксакова менѣе чѣмъ слѣдовало бы? Если это можно сказать объ Аксаковѣ, въ полномъ смыслѣ слова блестящемъ и образованномъ человѣкѣ, имя которого займетъ одно изъ почетныхъ мѣстъ и въ исторіи русской науки, и въ исторіи русской поэзіи, то что сказать объ его строгихъ цѣнителяхъ и судьяхъ, если и заявившихъ себя, такъ развѣ только на поприщѣ составленія плохихъ компиляцій и безталанныхъ фельетоновъ?

Г. Модестовъ полагаетъ, что Аксаковъ смотрѣлъ на Западную Европу съ ненавистью и злобой, и не понималъ значенія западно-европейской культуры. „Интеллигентная улица“ всегда придерживалась такого взгляда,

шестеро
Урокъ который ей изъ дѣтства натверженъ.

Она и не подозреваетъ, что представители „славянофильства“ зорко слѣдили за развитіемъ западно-европейской мысли, глубоко интересовались ея судьбами и стояли на высотѣ современаго знанія. Въ этомъ смыслѣ и Аксаковъ былъ „Европейцемъ“, чего отнюдь нельзя сказать о нашихъ, не помнящихъ родства, космополитахъ. Но Аксаковъ относился къ Западной Европѣ не съ подобострастнымъ чувствомъ холопа цивилизациіи, а какъ человѣкъ великаго племени и великаго народа, предназначеннаго не къ подражательной, а къ творческой дѣятельности,

къ созиданію самобытной культуры. Слѣдуетъ ли изъ этого, что вожди славянофильства вообще, Аксаковъ въ частности, не понимали значенія западно-европейской цивилизації? Конечно, нѣтъ. Вспомнимъ хотя бы воть эти изъ сердца вылившіяся строфы Хомякова, посвященные славному прошлому Запада:

О, какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!
Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчь бродили въ высотѣ,
И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сияла тамъ любовь въ невинной красотѣ!
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенія,
И вѣра, огнь живой, потоки свѣта лila...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зряла надъ собой столь пламенныхъ свѣтиль!

А какая скорбь звучить въ этихъ идеалахъ:

О, грустно, грустно мнѣ! ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, въ странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣдишуть догорай,
И звѣзды лучшія скрываются съ небесъ.

Лучшіе представители славянофильства, въ томъ числѣ и И. С. Аксаковъ, понимали значеніе западно-европейской цивилизації лучше своихъ беспочвенныхъ антагонистовъ, но имъ не представлялось человѣчество „въ образѣ Француза“, они не считали западно-европейскую цивилизацію послѣднимъ словомъ цивилизаці... Они, наконецъ, не скрывали отъ себя, что „на дальнемъ Западѣ ложится тьма густая“, и настойчиво указывали „дремлющему Востоку“ его великое призваніе. Это ли „узкая точка зрењio“? Это ли „односторонность“ и „партійность“ взглядовъ?

Передовая статья № 23 газеты „Кіевлининъ“.

Киевъ, 28 января.

Не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи! Ивана Сер-
г'евича Аксакова не стало!! Умеръ благородѣйшій русскій че-
ловѣкъ — человѣкъ, высоко державшій русское знамя, своимъ
мощнымъ словомъ будившій и поддерживавшій въ націю русскія
чувства, заставлявшій въ серіозныі години сильнѣ биться рус-
скія сердца и постоянно призывающій нашу дорогую Россію —
оставаться Русью! Да, одного изъ лучшихъ русскихъ патріотовъ
и русскихъ дѣятелей — не стало!

Благоговѣя предъ природными качествами и особенностями
Русскаго народа, онъ постоянно взывалъ къ самопознанію, къ
изученію своего прошлаго, къ трезвой оцѣнкѣ настоящаго. Давно
ли вся наша такъ-называемая интеллигенція, въ какомъ-то вак-
хическомъ увлеченіи западничествомъ, требовала ниспроверженія
всего, что „Русью пахло“, и настаивала на необходимости пере-
несенія цѣлкомъ всѣхъ формъ и порядковъ государственной и
соціальной жизни западнаго человѣка? Не было той сферы, кото-
рой бы не коснулись эти поклонники Запада, эти отрицатели
всего русскаго, самобытнаго: религіозныя вѣрованія и народныя
возврѣнія, форма правленія, соціальные и судебные порядки,—все
браковалось, все должно было быть замѣнено тѣмъ, что вырабо-
таль Западъ. Все русское, свое — никуда не годилось, глумление
надъ всѣмъ русскимъ доходило до того, что возбуждало въ луч-
шихъ иностранцахъ презрѣніе къ этимъ прихвостямъ западни-
чества. Нужно было имѣть много гражданскаго мужества, чтобы
„смѣть“ быть Русскимъ! Такимъ Русскимъ быть всегда по-
чившій.

Но онъ не только *самъ* былъ русскимъ человѣкомъ, онъ дер-
заль призывать другихъ оставаться Русскими, не стыдиться быть
ими, а главное доказывать, что всякия реформы будуть только
въ такомъ случаѣ цѣлесообразны и принесутъ пользу Россіи,
когда онѣ будуть органически вытекать изъ основъ исторической
жизни народа. Все, хотя бы и оказавшееся на Западѣ хорошимъ,
но навязанное, бывшее дотолѣ чуждымъ русскому человѣку, не
можетъ быть ему полезнымъ. Это не значитъ, однако, чтобы онъ
проповѣдывалъ неподвижность, замкнутость, китаизмъ. Наобо-

роть, всякий застой, твердилъ онъ, есть смерть для нації; только полное, всестороннее развитіе самобытныхъ духовныхъ силъ и способностей народа приведеть къ жизни.

Онъ никогда также не потакалъ той кичливости, которая такъ ярко было проявилаась въ иѣкоторой части нашего общества въ 50-хъ годахъ, передъ Крымскою кампаніею. Вообще, всякое пренебреженіе къ другимъ націямъ, самонадѣянность, самохвальство были противны его правдивой, лучезарно-чистой душѣ, и онъ всегда ратовалъ противъ всякой лжи и увлеченій. Если онъ и былъ, какъ его величали западники, славянофиль, то въ самомъ лучшемъ и чистомъ значеніи этого слова.

Свои всегда честные убѣжденія и мнѣнія, вынесенные изъ жизни, провѣренны долговременнымъ наблюденіемъ и изученіемъ народа, онъ, по возможности, проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ и статьяхъ всегда съ полною откровенностью и защищалъ съ гражданскимъ мужествомъ и твердостью. Нельзя не вспомнить, съ какою скорбю и мужествомъ онъ отвѣчалъ еще недавно на укоризну въ недостаткѣ патріотизма.

Наконецъ, мы должны сказать, что смерть Ивана Сергеевича есть великая утрата для всего Славянства. Кому изъ Славянъ, даже въ самыхъ далекихъ и глухихъ мѣстахъ, не знакомо имя Аксакова? Кто не знаетъ, какое участіе онъ принималъ во время Сербско-Турецкой и затѣмъ послѣдней Восточной войны? Тотъ энтузіазмъ, который охватилъ русское общество, то участіе въ Славянахъ, которое привали тогда всѣ слои этого общества, тотъ, наконецъ, интересъ къ нимъ, который проявляется и теперь, — все это было пробуждено покойнымъ. Онъ всегда былъ защитникомъ и ходатаемъ за братій Славянъ и душевно скорбѣль, видя ихъ неразуміе, слѣдя за ихъ братоубийственными расприами.

Миръ праху великаго русскаго дѣятеля; благодарная память о немъ сохранится въ сердцахъ каждого русскаго человѣка!

Смерть Ивана Сергеевича такъ неожиданна, такъ внезапна, извѣстіе получено такъ поздно, что трудно въ эту минуту сбратиться съ мыслями и по достоинству оцѣнить понесенную русскимъ обществомъ утрату. Редакція не замедлитъ дать подробный некрологъ и болѣе полный и обстоятельный отзывъ о плодотворной дѣятельности почившаго.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Сиротѣть и сиротѣть Русская земля! Одинъ за другимъ покидаютъ ее, какъ бы спѣша переселиться въ иной міръ, ея лучшіе сыны, народолюбцы и патріоты, люди глубокаго ума и широкаго кругозора, носители сильнаго чувства и высшей гуманности, честныя натуры и неподкупные характеры! Не живется этимъ лучшимъ русскимъ людямъ на родной Святой Руси. Кто же явится на смѣну имъ, этимъ уходящимъ отъ насъ дорогимъ покойникамъ?

Этимъ вопросомъ задавался всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ незабвенный Иванъ Сергеевичъ, занося на страницы своей „Руси“ некрологъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, Н. Я. Данилевскаго, автора извѣстной книги: „Россія и Европа“ и обширнаго (посмертнаго) труда о Дарвинѣ. А воть теперь не стало и его самого, издателя „Руси“, этого благороднѣйшаго и честнѣйшаго писателя-публициста, не стало истинно-русскаго гражданина и общественнаго дѣятеля, не стало неустрешимаго печальника и страдальца за Русскій народъ и его насущныя нужды! Аксаковъ умеръ! Послѣ этого извѣстія не въ правѣ ли всѣ русскіе люди еще глубже призадуматься надъ вышепоставленнымъ вопросомъ? не кажется ли онъ намъ вопросомъ жгучимъ, тѣжелымъ, вопросомъ... безъ отвѣта?

Грустная телеграмма изъ Москвы отъ 27 января, безъ сомнѣнія, облетѣла уже всю Русь, всѣ самые дальние уголки Славянскаго міра; вездѣ она должна была поразить своюю неожиданностью и вызвать общую печаль. Имя Ивана Сергеевича весьма популярно въ Россіи, въ южномъ и западномъ Славянствѣ; оно хорошо извѣстно и въ Западной Европѣ. У Аксакова много было литературныхъ противниковъ, многіе его не любили, не соглашались съ его взглядами, но едвали найдется много такихъ людей, которые бы не признавали его огромнаго таланта, его свѣтлаго критического ума, чистоты и искренности его идей, могучей силы его слова. Смерть такого человѣка есть общее народное горе, русское и славянское. Люди всевозможныхъ литературныхъ направленій и партій не могутъ не воздать должнаго благоговѣнія памяти великаго русскаго человѣка въ виду свѣжей его могилы.

*) Изъ №№ 25 и 26 «Біевлянина».

Сорокалѣтняя литературная дѣятельность Ивана Сергеевича была посвящена высокому, идеальному служенію Россіи и Славянству. Обстоятельная біографія его дастъ драгоценный матеріаъ для внутренней исторіи Россіи за послѣднія десятилѣтія и вмѣстѣ съ тѣмъ составить лучшія страницы въ будущей исторіи славянскаго возрожденія. Иванъ Сергеевич — историческая личность. Его имя и его мысли вѣки-вѣчные будутъ жить въ благодарномъ потомствѣ, которое сумѣть ихъ оцѣнить лучше чѣмъ мы, современники. О такихъ крупныхъ народныхъ дѣятеляхъ, какъ Аксаковъ, приходится говорить и писать много, много. Въ настоящія скорбныя минуты мы чувствуемъ себя неподготовленными къ сколько-нибудь полному и всестороннему изображенію дѣятельности этого великаго человѣка. Набрасывая эти и слѣдующія строки, мы хотимъ только посильнымъ образомъ выразить благоговѣніе къ памяти оплакиваемаго всею Россіей дорогаго покойника.

Сынъ извѣстнаго русскаго писателя Сергія Тимофеевича Аксакова, автора „Семейной Хроники“, Иванъ Сергеевич родился 26 сентября 1823 года. Получивъ прекрасное образованіе дома, а затѣмъ въ петербургскомъ Училищѣ правовѣдѣнія, по окончаніи курса въ 1842 г. онъ поступилъ на государственную службу въ Московскій Сенатъ, а потомъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ качествѣ чиновника особыхъ порученій онъ занимался раскольничими дѣлами и во время своихъ командировокъ въ Бессарабію и Ярославскую губернію прекрасно познакомился какъ съ расколомъ, такъ и единовѣріемъ. Особенно хорошо была изучена имъ секта странниковъ. Въ 1850 г. Аксаковъ оставилъ службу: чиновничья карьера была ему не по душѣ. Его тянуло къ занятіямъ иного рода. Природныя дарованія, широкое образованіе, полученное въ школѣ и внослѣдствіи дополненное чтеніемъ и путешествіями за границей и по славянскимъ землямъ, вліяніе отца-писателя, примѣръ брата Константина,—все это естественно толкнуло Ивана Сергеевича на путь литературной дѣятельности. Разъ вступивъ на этотъ путь, онъ уже шелъ по немъ въ теченіе всей своей жизни до самаго смертнаго часа, шелъ неутомимо, неуклонно, съ честью для себя и всей родины. Какъ писатель, журналистъ, публицистъ, поднимавшій въ своихъ изданіяхъ самые живые, насущные вопросы народной и государственной жизни Россіи, разъяснявшій ихъ съ рѣдкимъ знаніемъ и пониманіемъ дѣла, съ неподдельною любовью къ родинѣ, противъ

излагавшій свои мысли въ изящной, художественной формѣ, Аксаковъ снискалъ себѣ любовь и уваженіе дома и почетную извѣстность за границей. Въ этой замѣчательной литературной дѣятельности и заключается главная заслуга его передъ родной страной.

Литературная дѣятельность Аксакова разбивается на нѣсколько періодовъ. Обстоятельства не всегда позволяли ему работать въ избранномъ направлении. Ивану Сергеевичу пришлось быть свидѣтелемъ многихъ тяжелыхъ годинъ въ исторіи Руси, пришлось вытерпѣть не мало и личнаго горя. Бывали моменты, когда перо само собой вываливалось изъ рукъ даровитаго публициста. Такъ, въ 1855 г., въ самый разгаръ Севастопольской войны, онъ добровольно вступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружину, и совершилъ походъ въ Одессу, а потомъ въ Бессарабію. По заключеніи же мира, въ 1856 году, принималъ участіе въ слѣдственной комиссіи, назначеннай по дѣлу о злоупотребленіяхъ интендантства во время войны. Гораздо чаще ему приходилось прерывать свою публицистическую дѣятельность и совсѣмъ умолкать на болѣе или менѣе продолжительное время по другимъ, чисто вицѣннымъ причинамъ и помѣхамъ.

Литературные труды Аксакова сосредоточены были преимущественно въ его собственныхъ изданіяхъ, большую частью имъ самимъ основанныхъ. Таковы были „Московскій Сборникъ“, „Русская Бесѣда“, „Парусъ“, „День“, „Москва“ и „Русь“. Сверхъ того, онъ много писалъ въ „Москвитянинѣ“ и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ.

Преимущественно это были публицистические статьи по разнымъ вопросамъ вицѣнной и внутренней политики, экономической и культурной жизни Россіи. Какъ писатель-художникъ, Иванъ Сергеевичъ обладалъ крупнымъ поэтическимъ дарованіемъ и въ первые годы литературной дѣятельности писалъ стихотворенія, изъ которыхъ лишь немногія были напечатаны въ свое время въ журналахъ. Съ художественно-поэтическимъ чутьемъ у Аксакова гармонически соединялась тонкая наблюдательность строгаго ученаго. Объ этомъ его дарованіи лучше всего свидѣтельствуетъ его превосходное „Изслѣдованіе о торговлѣ на украинскихъ ярмаркахъ“ (1859 г.), удостоенное Императорскимъ Географическимъ Обществомъ большой Константиновской медали, а Академіею Наукъ половинной Демидовской преміи.

Всѣ вышеперечисленныя изданія И. С. Аксакова не отличались долголѣтіемъ. Русская школа писателей, крупнымъ представителемъ которой, на ряду съ К. Аксаковымъ, Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Ю. Самаринымъ, Кошелевымъ, Гильфердингомъ и нѣкоторыми другими, былъ Иванъ Сергеевичъ, долго не находила себѣ признанія ни въ русскомъ обществѣ, ни въ офиціальныхъ сферахъ. Идеи этой школы, почему-то прозванной школою славянофильской, еще до недавнаго времени подвергались публичному осмѣянію и глумлению въ большинствѣ органовъ нашей периодической печати, а со стороны властей преслѣдовались, какъ нѣчто вредное для государства. Аксаковъ, какъ известно, много выстрадалъ отъ яростныхъ нападокъ журналистовъ и преслѣдований цензуры. Не касаясь дальнѣаго прошлаго, достаточно припомнить кару, которая постигла его за рѣчь о Берлинскомъ трактатѣ, произнесенную въ засѣданіи Московскаго Славянскаго Комитета, или недавнее обвиненіе маститаго публициста въ „недостаткѣ истиннаго патріотизма“.

Несмотря на всѣ невзгоды, Иванъ Сергеевичъ былъ непоколебимъ въ своемъ гражданскомъ мужествѣ. Свои взгляды онъ излагалъ смѣло, прямо, безъ обиняковъ, никого не боясь, ничего не стыдясь. Характеристика этихъ взглядовъ не можетъ войти въ рамки настоящаго некролога. Въ общемъ они, безъ сомнѣнія, известны всей грамотной Россіи. Статьи редактора „Руси“ перепечатывались и комментировались во всѣхъ нашихъ газетахъ и журналахъ; голосу Аксакова, какъ наиболѣющему выразителю общественнаго мнѣнія Россіи, внимали западнославянскіе и европейскіе публицисты. Самостоятельное политическое, национальное и культурное развитіе Россіи—вотъ сущность идей, которыхъ проводилъ Иванъ Сергеевичъ. Отлично зная Русскій народъ, онъ вѣрилъ въ его мощь, въ его исторію, въ его культурные начала. Отсюда онъ и ратовалъ за национальное направленіе нашей внешней и внутренней политики. Отсюда-то его уму и сердцу было такъ близко, такъ дорого все родное, русское: русскій языкъ, которому онъ предсказывалъ міровое значеніе, русская литература, русская наука, русское искусство, русское крестьянство съ его бытовыми и этнографическими особенностями и проч. Но Россію, Русскій народъ онъ разсмотривалъ какъ часть Славянскаго міра. Счастье и благополучіе Россіи, по его мнѣнію, зависѣли въ значительной степени отъ счастья и благополучія осталь-

ныхъ мелкихъ славянскихъ народностей, и обратно: послѣднія не могутъ существовать виѣ связи съ Россіей. Исходя изъ такого положенія, Иванъ Сергеевичъ всегда былъ убѣжденнѣйшимъ и усерднѣйшимъ пропагаторомъ такъ - называемой славянской идеи въ русскомъ обществѣ.

Мощное слово его и въ этомъ вопросѣ, какъ въ другихъ, производило сильное впечатлѣніе. Отсюда же объясняется и его замѣчательная дѣятельность, какъ предсѣдателя Московскаго Славянскаго Общества и организатора помощи бѣдствующимъ и угнетеннымъ славянскимъ народностямъ.

Выступая противъ космополитизма, дѣйствуя во имя національного начала, Иванъ Сергеевичъ не былъ однако слѣпымъ фанатикомъ извѣстныхъ идей, завзятымъ „противникомъ“ гнилаго „Запада“, какимъ нерѣдко его любили изображать противники. Напротивъ того, подобно другимъ виднымъ представителямъ своей школы, онъ былъ прекрасно знакомъ съ западноевропейскою образованностью, въ совершенствѣ зналъ иностранные языки, былъ начитанъ во многихъ иностранныхъ литературахъ. Ко многимъ явленіямъ европейской жизни онъ относился съ полнымъ сочувствіемъ и въ своихъ статьяхъ нерѣдко ссылался на нихъ какъ на предметъ, достойный подражанія. Дѣло только въ томъ, что, уважая чужое, онъ болѣе всего на свѣтѣ любилъ свое родное, русское... Та же широта взгляда, замѣчательная терпимость къ чужому мнѣнію замѣтны въ его отношеніяхъ къ литературнымъ противникамъ. Но лучше всего нравственная высота и чистота Ивана Сергеевича отразилась въ его отношеніи къ вопросу о положеніи печати въ нашемъ отечествѣ. Едва ли можно указать, другого публициста, который бы съ такимъ мужествомъ отстаивалъ свободу печатнаго слова, какъ это видимъ въ статьяхъ покойнаго Аксакова. Его многочисленныя произведенія навсегда останутся свидѣтельствомъ того могущественнаго значенія, какое должно принадлежать печатному слову.

Итакъ, еще разъ повторимъ: потеря Ивана Сергеевича незамѣнимая.

Вѣчная память тебѣ, безукоризненный русскій дѣятель!

Земной поклонъ праху твоему отъ матери городовъ русскихъ.

Т. Флоринский,

Памяти И. С. Аксакова *).

Нѣть болѣе великаго гражданина и истиннаго русскаго патріота! Нѣть болѣе Ивана Сергеевича Аксакова! Въ лицѣ его Москва лишилась своего Минина; Россія потеряла въ немъ одного изъ лучшихъ своихъ представителей; Славянскіе народы—честнаго, благороднаго заступника, бойца-богатыря; русская печать—талантливѣйшаго, искреннѣйшаго и образованнѣйшаго своего писателя; русское общество—прекраснѣйшаго, идеальнѣйшаго человѣка, учителя и руководителя. Православная Церковь—смиреннаго сына и истиннаго христіанина; Русскій Царь — вѣрнѣйшаго, преданнѣйшаго слугу и убѣжденийшаго, мужественнѣйшаго и неподкупнѣйшаго, искренняго, задушевнаго совѣтника! Русская народная мысль осиротѣла и скорбно поникла. Горячее, вдохновенное русское слово застыло на замкнутыхъ смертью устахъ великаго публициста-писателя; патріотическая русская рѣчь уже не выльется изъ-подъ пера Аксакова и не пронесется, какъ громъ небесный, изъ края въ край Россіи. Не дрогнутъ русскія сердца, и не прольются незримыя, тайныя слезы, слезы горечи, состраданія и сочувствія, при чтеніи душу захватывающихъ Аксаковскихъ рѣчей... Нѣть болѣе Аксакова! Нѣть нашего Минина!...

Древняя первопрестольная Москва потеряла въ Аксаковѣ лучшаго выразителя своихъ думъ и завѣтныхъ желаній. Аксаковъ пробуждалъ русское чувство, восплеменялъ русскую душу и умъ; онъ указывалъ на великое будущее Россіи, возвлажалъ надежды на объединеніе Славянъ, на всемирное торжество всеславянской идеи; онъ вѣрилъ въ мощную силу русского общества и старался сблизить его съ правительствомъ для взаимной дружной поддержки въ разработкѣ важныхъ вопросовъ государственныхъ: онъ хорошо зналъ, чѣмъ болѣло русское самолюбіе, забракованное со временемъ Петра I... Онъ желалъ примиренія и забвенія во имя общей работы, для обновленія и просвѣщенія Русскаго народа, освобожденнаго отъ произвола и насилия, но удрученного нищетой и невѣжествомъ... Громко звучалъ, какъ колоколъ, убѣжденный голосъ Аксакова, призываю всѣхъ Русскихъ къ единенію и довѣрію, къ

*) Изъ № 797 «Вѣстника полит. науч. и худож.»

самой широкой государственной и живой общественной дѣятельности. Далеко во всѣ стороны разносился этот торжественный благовѣсть. Чутко прислушивались къ нему вся Россія и весь Славянскій міръ. Много было тайныхъ и явныхъ враговъ, которымъ сильно не нравились идеи Аксакова; они не разъ пускали въ ходъ свое змѣиное шипѣніе и сремились всѣми средствами заставить замолчать непріятный имъ русскій колоколь. Правда, не рѣдко это имъ удавалось, и колоколь принужденъ быть молчать. Проходило не малое время, и звонъ раздавался снова. Смѣло и грозно гудѣлъ этотъ московскій, русскій и всеславянскій колоколь, и снова вызывались великии идеи: звучалъ онъ обь историческомъ призваніи Россіи, о единеніи могучаго, великаго Славянства, о всемірномъ владычествѣ Славянъ во главѣ съ Россіей, о разоруженіи озлобленной Европы, о прекращеніи взаимной враждебности, о народной правдѣ Христовой, о любви къ своей землѣ и родному народу, о честномъ, безкорыстномъ служеніи своему отечеству, о защитѣ русскихъ народныхъ интересовъ, обь отданіи на судъ тайныхъ и явныхъ предателей Россіи, хищниковъ-грабителей, обкрадывающихъ казну, и взяточниковъ, обирающихъ русскій народъ и общество... Много подобныхъ великихъ идей разносилъ по свѣту звонъ этого колокола. Многихъ тревожилъ онъ, не даваль покою, будиль дремлющую совѣсть и грозно звалъ къ отвѣту... Но—нѣтъ болѣе Аксакова, и замолкъ навсегда вѣчевой громовой колоколь Москвы!.. Замолкъ навсегда, на вѣчныя времена... Грустно, больно, тяжело чувствуется на сердцѣ, и какъ-то странно смотрѣть въ будущее, въ виду неопределеннаго шатанія, и въ печати, и въ обществѣ...

Но радостро было смотрѣть на проводы великаго писателя-патріота. 100-тысячная масса самой разнообразной публики вышла отдать по слѣдній долгъ признательности и благодарности высокочтимому славному гражданину и учителю. Огромная масса учащейся молодежи дружно, на перерывѣ, несла на рукахъ, высоко надъ головою, бѣлый глазетовый гробъ, съ прахомъ идеально-честнаго русскаго человѣка, въ продолженіи всей дороги, отъ Университетской церкви, по Моховой, Охотнымъ рядомъ, черезъ Театральную площадь, Китайскимъ проѣздомъ, Лубянкой, по Мясницкой, къ Краснымъ воротамъ, на Каланчевскую площеадь, къ вокзалу Московско-Ярославской желѣзной дороги. Весь этотъ длинный путь переношень былъ сплошными толпами публики,

среди которой, какъ между двухъ живыхъ стѣнъ, тихо и торжественно проносила молодежь драгоценный прахъ горячо-любимаго и искренно-уважаемаго писателя-богатыря, грудью стоявшаго за русское дѣло, за родной народъ. Вътолкѣ намъ приходилось слышать вопросы простыхъ русскихъ людей: „что онъ сдѣлалъ?“ „за что такъ его хоронятъ?“ Имъ отвѣчали, что покойникъ даваль *хорошее мнѣніе Царю...* Вотъ простое и вѣрное опредѣленіе заслугъ истинно-русскаго писателя-патріота, съ простой народной точки зрѣнія.

Безцѣнныи прахъ своего Минина Москва, съ сердечнымъ сожалѣніемъ, принуждена была, по волѣ покойнаго, уступить Троице-Сергіевої Лаврѣ. Тамъ, подъ сѣнью величайшаго отчизнолюбца, молитвенника и покровителя Россіи, Св. Сергія Радонежскаго, нашелъ място вѣчнаго упокосенія незабвенный И. С. Аксаковъ. Миръ праху твоему, великій русскій учитель! Вѣчная память тебѣ, истинный заступникъ Русскаго народа! Дай Богъ, чтобы такими людьми не оскудѣвала Русская земля. Будемъ же вѣрить и надѣяться, что если такие русскіе люди были, то они и будуть впередь на Руси; крѣпко будутъ стоять они за свое русское дѣло, за родной многострадальный народъ. Никакія бѣды и напасти не сломятъ тогда могучей Россіи: будущіе Аксаковы отстоять свою родину, высоко вознесутъ ся могущество и прославятъ своими подвигами на вѣчныя времена! Аксаковы жили не даромъ. Если они умерли тѣломъ, то духъ ихъ и мысль живуть въ насть и тайно зреютъ до времени въ глубинѣ души...

М. Н. С.

Передовыи статьи газеты „Свѣтъ“ №№ 23 и 28.

I.

Петербургъ, 29 января.

Смерть Ивана Сергеевича Аксакова представляетъ утрату, какой давно не испытывала русская литература. Всѣ мы, безъ различія направленій, должны соединиться у гроба честнаго русскаго дѣятеля. Здѣсь не можетъ быть мяста для партій: всѣ мы прежде всего русскіе люди, а потому уже представители различныхъ направленій и взглядовъ. Аксаковъ былъ истинный народо-

любець и сдѣлалъ многое для пробужденія въ насть самосознанія и самоуваженія. Будемъ же помнить совѣтъ, относящійся ко всѣмъ намъ и данный въ одномъ изъ предсмертныхъ писемъ по-кайна: будемъ совершенствоваться. Будемъ стремиться къ истинѣ, которую Иванъ Сергеевичъ ставилъ выше всего, не допуская никакихъ слѣдокъ и уступокъ, къ которымъ такъ часто прибѣгаютъ люди менѣе мужественные и менѣе честные. Русская печать должна достойно почтить одного изъ своихъ представителей: почтить не только вѣнками, но и дѣлами, слѣдуя примѣру искренности и прямоты, которую проявлялъ Иванъ Сергеевичъ во всей своей литературной дѣятельности.

II.

3 февраля.

Похороны И. С. Аксакова въ Москвѣ были любопытнымъ и поучительнымъ событиемъ.... Народъ московскій сдѣлалъ свое дѣло по совѣсти, явился въ полномъ своемъ составѣ и съ полною вѣрою въ свое призваніе, съ благодарностю къ жизненному труду великаго честнаго дѣятеля, почтилъ память покойнаго радѣтеля молитвою и сердечными проводами. Болѣе ста тысячъ Москвичей явилось помолиться передъ гробомъ И. С. Аксакова...

И. С. Аксаковъ жилъ въ Москвѣ. Но значеніе его новое не мѣстное московское...

Нѣть ни одного большаго города въ Россіи, гдѣ бы не по-мнили безвременно почившаго славяно-русскаго дѣятеля. Нѣть ни одного славянскаго племени, среди котораго бы не отнеслись къ смерти Аксакова какъ своего собственнаго гражданина. Въ этомъ кроется великая сила будущаго, и въ этомъ заключается увѣрность, что могила Аксакова не только не поглотила все, но и рѣшительно ничего не поглотила. Милліоны умовъ воспримутъ стремленія Аксакова, и нельзя даже приблизительно сказать, гдѣ и кто явится для Славянскаго міра преемникомъ И. С. Аксакова. Если человѣкъ, окрѣпнувъ послѣ лѣтъ отрочества и возмужавъ, можетъ безбоязненно оставить свое родное пепелище

и легко сдѣлаться дѣятелемъ любаго клочка земли, гдѣ онъ по-
селится, то тѣмъ легче и естественнѣе пріурочиться дѣятелемъ
идей тамъ, въ той средѣ, гдѣ эти идеи способны воспринять
полную жизнь, не стѣсняясь мѣстомъ и обществомъ.

Продолженіе газеты „Русь“, разумѣя этотъ органъ въ смыслѣ
выраженія великихъ интересовъ Славянства, послѣ смерти Аксако-
вова—дѣло почти немыслимое. Напрасно и хлопочутъ ближайшіе
Аксакову люди. Можно собрать деньги, можно нанять редактора,
но кто вдохнетъ жизнь въ органъ, который весь служилъ нѣ-
когда, и притомъ еще недавно, отраженіемъ разносторонней души
могучаго патріота?.. Но тамъ, въ разныхъ земляхъ Славянскихъ,
не одинъ, а десятки органовъ будуть дѣлать дѣло И. С. Аксакова.

Ораторы, говорившіе на могилѣ Аксакова и видѣвшіе все
въ безотрадномъ свѣтѣ, искали хотя одного луча, какъ руко-
водящаго въ темномъ царствѣ, проглядѣли цѣлую зарю, которая,
благодаря Аксакову, занялась въ Россіи и Славянскихъ земляхъ
и которая въ близкомъ будущемъ готовится залить весь небо-
склонъ яснымъ дневнымъ лучезарнымъ свѣтомъ.

В. К—евъ.

Памяти И. С. Аксакова *).

Въ Москвѣ, на Волхонкѣ, въ домѣ князя Голицына, въ
скромномъ помѣщеніи, окнами противъ Храма Спасителя, на
63-мъ году возраста, скончался сего 27 января 1886 г. Иванъ
Сергѣевичъ Аксаковъ, второй сынъ известнаго писателя Сергѣя
Тимофеевича и дочери Суворовскаго генерала Заплатина, Ольги
Семеновны. Преданія Суворовскія и свѣжія воспоминанія великой
грозы 1812 года жили и дѣйствовали въ Аксаковской семье и
легли основою въ воспитаніи нынѣ почившаго Ивана Сергѣевича.
Съ его кончиною у всякаго истинно-русскаго человѣка, всѣхъ

*) Изъ «Русскаго Архива».

направлений и положений, отъ дворца до хижины, что-то оторвалось отъ сердца... Величавый его образъ не изгладится въ памяти отдаленнѣйшаго потомства, и никогда не забудется его прямая, задушевная, звонкая и прекрасная, какъ переливы московскихъ колоколовъ, его честная рѣчь. Какъ достойно возблагодарить его за то, что онъ всю свою жизнь былъ будителемъ нашей политической совѣсти, за то, что свои необыкновенные дарованія сочеталъ онъ съ желѣзнымъ трудолюбиемъ и беззавѣтно, безрасчетно служилъ благу родины?

И неизмѣнно, жизни новой
Дошелъ къ таинственнымъ берегамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходить цѣлый къ берегамъ.

Эту-то цѣльность души и неизмѣнную вѣрность святымъ началамъ православной жизни завѣщалъ намъ отшедшій собрать нашъ.

Вѣчная, вѣчная ему память, память любви, уваженія, всенародной благодарности!

П. Б.

Памяти Ив. С. Аксакова *).

27 января вечеромъ преставился И. С. Аксаковъ, отъ края и до края не только Руси, но и всего Славянскаго міра известный и глубокочтимый писатель и патріотъ, единственный въ наше время искренний, безъ заднихъ мыслей, и смѣлый провозвѣстникъ ученія славянофиловъ и, къ великому горю, незамѣнимый,—и когда же? Когда его горячо-сердечное и правдивое отрезвляющее слово, въ виду великаго шатанія русскихъ умовъ и сердецъ, было такъ необходимо. Для подробныхъ описаній патріотической дѣятель-

*) Изъ № 3 «Холмско-Варшавскаго Епархіального Вѣстника».

ности въ Бозѣ почившаго Ивана Сергиевича—мѣсто на страницахъ свѣтской прессы. Но мы не можемъ не пополнить проблѣа, уже у едва охладѣвшихъ останковъ представльшагося допущенаго этою прессою, по поводу его безвременной кончины: ни въ „Новомъ Времени“, ни въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, ни въ провинціальныхъ русскихъ газетахъ, въ краткомъ очеркани личности Ивана Сергиевича, мы не нашли даже намека на то, что почившій бытъ горячимъ искреннимъ, не страже ради іудейска, не изъ-за повышеній и наградъ, хранителемъ и провозвѣстникомъ величайшаго, по нашему мнѣнію, завѣта славинофиловъ—предносить предъ всѣми Славянами святое знамя вселенскаго, соборнаго православія, подъ которымъ однимъ почившій, по примѣру своихъ предшественниковъ, прозрѣвалъ возможнымъ истинное возрожденіе всего Славянства. На скорую руку мы признаемъ неумѣстнымъ бѣгло перечислять многочисленныя статьи и замѣтки почившаго по этому вопросу. Особенно намъ памятны его передовыи статьи въ „Днѣ“ (съ 1860 г.) и „Руси“ по этому предмету, когда ему приходилось свѣтлый образъ Вселенской Церкви и ея православія бережно охранять отъ пятенъ и тѣней, которыя пытались набросить на этотъ образъ какъ писатели католические, такъ и нашъ католичествующій писатель Влад. Соловьевъ. Писанія Ивана Сергиевича въ защиту православія тѣмъ драгоценнѣе, что они чужды и школьной схоластики и ея пріемовъ, и всякаго фанатизма. Доставалось ему за его вѣрность православному знамени и отъ своихъ чедовѣковъ и отъ чужихъ: даже такие, по видимому, умные дѣятели, какъ Ригеръ, находили умѣстнымъ съ своеї католически-схоластической точки зрѣнія глумиться надъ горячимъ призывомъ Ивана Сергиевича, обращеннымъ къ Чехамъ, какъ лучшимъ изъ западныхъ Славянъ хранителямъ древнѣйшихъ христіанскихъ преданій своего народа, стать подъ знамя православія. Въ возникшей по сему случаю полемикѣ фанатикомъ и мракоблюнемъ, увы! оказался, въ другихъ отношеніяхъ досточтимый, д-ръ Ригеръ. Да и близорукимъ, при его умѣ, онъ оказался: не прошло и пяти лѣтъ со времени этого спора, какъ вотъ въ самой Вѣнѣ, подъ строгимъ надзоромъ іезуитской полиції, чешскія патріотическія общества поставили публично и открыто вопросъ о возвращеніи Чешскаго народа къ святымъ преданіямъ и завѣтамъ Йоанна Гуса и Еронима Пражскаго. На сѣжай могилѣ независимаго Ивана Сергиевича слѣдовало бы особенно горячо по-

молиться — не объ упокоеніи только многолюбившаго и многострадавшаго русскаго православнаго сердца его въ селеніяхъ Праведныхъ, а и о скорѣйшемъ сбытии его православныхъ чаяній и унованій во всемъ Славянствѣ.

Чтò же будетъ съ его любимымъ дѣтищемъ — „Русью“? Газеты извѣщаютъ, что вдова почившаго обратилась въ С.-Петербургъ съ просьбою разрѣшить ей продолженіе изданія подъ редакціей Д. Самарина. Прекрасное дѣло! Но передовыхъ статей Ивана Сергеевича, увы! не суждено уже намъ читать! И какое совпаденіе! истинно-русская и славянская „Русь“ съ ея редакторомъ сходитъ въ могилу, а фальшивая, подложная и іезуитско-панская „Русь“ нарождается въ Галичинѣ, — на погибель славянскому дѣлу. Невольно по этому совпаденію припоминается извѣстный стихъ Гомера про Ахилла:

Мирно доблестныи Ахилль во гробѣ спить...
Живъ презрительныи Терситъ!

Передовая статья № 28 „Русского Курьера“.

Москва, 29 января.

Вчера московскими газетами было сообщено извѣстіе о смерти Ивана Сергеевича Аксакова, редактора-издателя газеты „Русь“, послѣдовавшей 27-го января, въ восьмомъ часу вечера. Эта смерть несомнѣнно глубоко огорчить не только многочисленныхъ поклонниковъ и почитателей знавшихъ лично покойнаго, но и всѣхъ честныхъ русскихъ гражданъ, знакомыхъ съ его литературной, общественной и публицистической дѣятельностію.

Наше славянофильство въ немъ потеряло одного изъ самыхъ видныхъ, влиятельныхъ и честныхъ своихъ представителей. Въ лицѣ покойнаго, кромѣ того, весь Славянскій міръ потерялъ одного изъ передовыхъ борцовъ и защитниковъ „славянской идеи“.

Должны также пожалѣть немало и читатели „Руси“, бывшей „личнымъ органомъ“ покойнаго и которая, тѣмъ самымъ, едва ли уже будетъ продолжать свое существованіе, лишившись своего творца и вдохновителя, положившаго въ этотъ органъ столько

трудовъ, энергіи и силы, неустанно и безбоязнико ратовавшаго за святое „славянское дѣло“, несмотря на всѣ неблагопріятныя для этого обстоятельства, когда-то существовавшія.

Вѣроятно и самый порокъ сердца, бывшій причиною внезапной смерти Ивана Сергеевича, появился въ его груди отъ того, что сердце это сильно билось и страдало за славянское дѣло,— за славянскую идею!

Утрата этого истиннаго Славянина и честнаго патріота, поистинѣ, невознаградима!

Но „славянскій вопросъ“, „славянская идея“, „вопроѣтъ объ объединеніи Славянъ“,—все это, къ нашему счастію и спасенію, было и есть достояніемъ еще многихъ славянскихъ писателей, ученыхъ и публицистовъ—представителей славянской и русской прессы, и потому, какъ ни чувствительна утрата, понесенная Славянствомъ въ лицѣ почившаго Ивана Сергеевича Аксакова, но сознаніе великаго значенія „славянской идеи“ не умретъ, потому что борцы за „славянскую идею“ еще не перевелись.

Въ настоящее время „славянская идея“ получила особенное значеніе, и такъ сказать—„выступила на сцену“, въ виду антагонизма Германского міра противъ Славянского, заявленного въ рѣзкой и рѣшительной формѣ массы изгнаній Славянъ-Поляковъ изъ восточной Пруссіи и въ виду недавней рѣчи, сказанной княземъ Бисмаркомъ въ прусскомъ ландтагѣ, по адресу всѣхъ Славянъ.

Чтобы почтить достойно память покойнаго, мы считаемъ лучшимъ средствомъ—слѣдовать по незапятнаннымъ стопамъ Ивана Сергеевича Аксакова и защищать и отстаивать, сколько возможно, братское дѣло Славянъ—„славянскую идею“, конечно, такъ, какъ мы ее понимаемъ и какъ мы высказывали это читателямъ.

И. С. Аксаковъ *).

„Энтузіазмъ—великая сила“. Такъ писалъ съ небольшимъ недѣлю тому назадъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ въ № 28 „Руси“.

*.) Изъ № 28 „Русскаго Курьера“.

Сегодня Москва, а съ нею, можно не ошибаясь сказать, и Россія проникнута скорбью о невозграждимой потерѣ, о смерти незамѣнимаго человѣка—Ивана Сергеевича Аксакова.

Полтора мѣсяца тому назадъ, производя общий обзоръ публицистической своей дѣятельности, тотъ же Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, приглашая поручницею себѣ всю Россію, достаточно знакомую со всѣмъ строемъ его почти непрерывныхъ трудовъ, свидѣтельствовалъ, что пока онъ держитъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и ужъ несомнѣнно искренно-патріотическимъ, какимъ было и есть—теперь и всегда.

И вотъ, этого-то болѣе чѣмъ двадцатипятилѣтняго энтузіазма, этого-то болѣе чѣмъ двадцать пять лѣтъ съ полной искренностью и независимостью раздававшагося честнаго голоса не стало. Умеръ не только талантливый публицистъ, даровитый поэтъ, честный и выдающійся гражданинъ Русской земли,—умерла крупная, незамѣнимая и, увы! въ одномъ только лицѣ сосредоточившаяся сила.

Кто видѣлъ или хотя встрѣчалъ только Ивана Сергеевича Аксакова, невольно сравнивалъ его, по его широкоплечей, мучай фигурѣ, съ типомъ народныхъ богатырей древней Россіи—тѣхъ самыхъ богатырей, которые когда-то сторожили и охраняли „святорусскую землю отъ всяческихъ змѣевъ-горынычей и отъ свивавшихъ себѣ гнѣздо на семи дубахъ соловьевъ-разбойниковъ, и отъ всяческой силы татарской. Кто зналъ Ивана Сергеевича,—а кто же во всей Россіи не зналъ его вовсе?—зналь, что онъ имѣеть дѣло и съ душою богатырскою, которой можно, пожалуй, даже и не симпатизировать, но мощь, прымкну и безусловную искренность которой отрицать было бы также нелѣпо, какъ нельзя отрицать силы морскаго прибоя отъ летящаго все прямо и прямо, никогда не сворачивая въ сторону, паровика.

И этой великой силы не стало. Бросимъ же взглядъ на то, какъ сложился и какъ подвигалася этотъ послѣдній для настоющаго времени богатырь Русской земли. Не бѣлаго бы только взгляда заслуживала эта трудовая, исключительно благу Русскаго народа и неукоснительному поддержанію его на пути его исторической миссіи посвященная жизнь, но мы торопимся отдать эту первую дань его неостывшему еще трупу.

Сынъ Сергея Тимофеевича Аксакова, братъ Константина Сергеевича,—Иванъ Сергеевичъ съ самаго ранняго дѣтства вра-

щался, такъ сказать, въ самомъ горнилѣ кипучей, хотя и тщательно охлаждаемой извѣтнѣй литературной дѣятельности послѣ пушкинского периода. Едва сойди съ ученической скамьи школы правовѣдѣнія, онъ уже примкнулъ къ литературнымъ кружкамъ, къ которымъ принадлежали его отецъ и братъ, дышать воспоминаніями о Пушкинѣ, слушать Жуковскаго, привѣтствовалъ Гоголя... Къ этому же времени принадлежать и первыя произведенія его энергической музы. Юношеской энергией и прямолинейностью суроваго стоицизма дышать его первыя стихотворенія.

Когда мы въ сердце бѣть, звяня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій безпощадный стихъ,
Съ глубокой скорбью я внимаю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ.

Такъ писаль когда-то Я. П. Полонскій къ молодому еще тогда И. С. Аксакову. Поэзіи посвящены были первыя силы будущаго публициста, который, прежде чѣмъ стать „славяно-филомъ“, глубоко изучилъ богатую литературу Запада, зналъ наизусть Гёте и Шиллера и пѣнкомъ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ поэтомъ Боденштедтомъ (авторомъ Мирза-Шафи) обошелъ всю Германію. Иванъ Сергеевичъ любилъ рассказывать, какъ передъ деревяннымъ изображеніемъ Саламандры онъ былъ торжественно причисленъ къ членамъ общества поэтовъ, носившаго почему-то название этого загадочнаго животнаго.

Но блужданіе по нѣмецкимъ землямъ мало повлияло на характеръ его музы. Долгіе годы послѣ этого застаемъ мы его пишущимъ огромную поэму „Бродяга“, которая и до сего еще времени осталась неоконченной и отъ которой только отрывки сдѣлались известны русскому обществу. Всесильный въ тѣ времена гр. Закревскій тоже былъ заинтересованъ судьбами медленно подвигающейся поэмы. Вызванный къ нему Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ долженъ былъ выслушать суровый выговоръ за то, что дерзнула сдѣлать „безпаспортнаго человѣка“ героемъ поэмы. Въ оправданіе суроваго администратора мы должны прибавить, что первыя стихи „Бродяги“ были первымъ беллетристическимъ произведеніемъ на чисто „народнической“ почвѣ, ибо тогда не было еще ни „Записокъ охотника“ Тургенева, ни „Рыбаковъ“ Григоровича.

Но служеніе музамъ не отвлекало нашего поэта отъ служенія существеннымъ потребностямъ многострадального, закрѣпощенаго, всѣми позабываемаго Русскаго народа,—отъ исполненія суровыхъ и тяжелыхъ въ то время обязанностей гражданина. Гдѣ же совершились эти подвиги или точнѣе этотъ постоянный, этотъ непрерывный подвигъ гражданскаго мужества?—Въ уголовной палатѣ.—Иванъ Сергеевичъ опредѣлился на службу въ уголовную палату для того, чтобы, какъ говорится теперь,—идти въ народъ, для того, чтобы страдать нравственно въ то время, когда онъ страдалъ и нравственно и физически, для того, чтобы прочитывать рѣдко кѣмъ прочитывавшіеся акты письменнаго судопроизводства, для того, чтобы быть честнымъ тамъ, гдѣ не всѣ были честны, гуманнымъ тамъ, гдѣ не многіе были гуманны. По каплямъ, по немногу приходилось облегчать страданія Русскаго народа, ничтожными зернами приходилось сѣять вѣру въ правду и справедливость суда. Знавшіе Ивана Сергеевича въ эту пору его дѣятельности знаютъ, какъ томилась и мучилась молодая еще тогда душа его въ эту суровую эпоху и какъ побораль онъ въ себѣ чувство личнаго отвращенія, чтобы нести эту тяжелую службу, зная, что несеніемъ этого креста ему удастся все-таки уменьшать хотя немного количество обильно расточаемыхъ члѣтей, пролагать хотя ничтожный просторъ правдѣ и справедливости. Извѣстная литературному миру Авдотья Петровна Елагина послала ему въ этотъ періодъ его отчужденія отъ Москвы мраморное Распятіе, на которомъ ликъ облеченаго терновымъ вѣнкомъ Спасителя представлялся ей особенно хорошо выражющимъ глубь нравственнаго страданія. Въ письмѣ, которымъ сопровождалась эта посылка, старая уже и тогда Авдотья Петровна писала, что, взирая на этотъ ликъ Представителя высшаго страданія, она всегда вспоминала о тѣхъ внутреннихъ мукахъ, о той нравственной пыткѣ, которую приходится переживать И. С. на добровольномъ поприщѣ суроваго его служенія. Два года тому назадъ Ив. Сер. самъ вспомнилъ это время въ превосходной статьѣ о старомъ и новомъ судѣ въ Россіи.

Но не легко было жить и служить въ это тяжелое время. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, вообще не любившій Некрасова, съуваженіемъ вспоминаль всегда сдѣланную имъ характеристику эпохи:

Когда свободно рыскаль звѣрь,
А человѣкъ бродилъ пугливо...

Въ это время понятны были моменты полнаго отчаянія. Одинъ изъ такихъ моментовъ подмѣчаемъ мы и у Ивана Сергеевича Аксакова, если вѣрить его стихамъ:

Слабѣйте силы,—вы не нужны,
Замолкли жизни,—довно пора!
Разсѣйтесь всѣ, чтобъ были дружны
Во имя правды и добра!

Но силѣ не пришлось ослабнуть. Севастопольская война увидала Ивана Сергеевича въ числѣ первыхъ ополченцевъ. Но не театральныя наслажденія битвы прельщали его: Иванъ Сергеевичъ является казначеемъ Московской дружины и изумлять міръ или по крайней мѣрѣ Россію—мужествомъ честности. Командующій ополченіемъ даже не рѣшился подписать отчетъ, представленный изумительнымъ казначеемъ, ибо отчетъ этотъ былъ въ силу великой экономіи обвинительнымъ актомъ чуть не всѣхъ другихъ поголовно. Отчетъ такъ и остался неподписанымъ, несмотря на всѣ настоянія Аксакова.

Очистительные Севастопольскіе громы замолкли. Россія вздохнула свободнѣе. Завидѣлась заря новой жизни... Кто энергичнѣе и восторженнѣе Ивана Сергеевича привѣтствовалъ первые лучи этого свѣта? Припомнимъ его мощные стихи:

День встаетъ багрянь и пышенъ.
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни шепотъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ дышетъ день.

Такъ могъ писать только тотъ, кто испыталъ всю тягость мрака и не бѣжалъ отъ него, не старался спрятаться отъ него и укрыться, но жилъ въ немъ и дѣйствовалъ, и сохранилъ въ немъ свои силы.

Съ этого-то приблизительно времени начинается редакторская дѣятельность Ивана Сергеевича Аксакова, такъ хорошо известная всѣмъ. Первымъ по времени изъ его изданій выступаетъ „Парусъ“. Напрасно привѣтствуетъ появление „русскаго

паруса“ вдохновенными стихами А. С. Хомяковъ, напрасно передовая статья первого номера взываетъ ко всѣмъ добрымъ и злымъ божествамъ, моля ихъ покровительствовать этому парусу и защитить его отъ всякихъ лютыхъ силъ... Парусъ прекратился на шестомъ или седьмомъ номерѣ.

За „Парусомъ“ шли поочередно „День“, „Москва“, „Москвичъ“ и, наконецъ, „Русь“.

Перо Ивана Сергеевича Аксакова выпало изъ рука его вадъ страницами „Руси“ такимъ же честнымъ, смѣлымъ, независимымъ и энергичнымъ, какимъ было оно въ самомъ началѣ его многолѣтней дѣятельности.

Такъ подвизался въ жизни своей одинъ изъ послѣднихъ батырей Русской земли.

Н. А.

Памяти И. С. Аксакова *).

Не стало Аксакова Ивана Сергеевича... Закатилась неожиданно посмѣнила звѣзда славянофильства на Руси. На сѣну некому выступить... Аксаковъ болѣль душою за Славянство, и, можно сказать, это приблизило его и къ могилѣ... Умеръ отъ разрыва сердца тотъ, чье сердце уже много разъ разрывалось на части при видѣ „вольной и невольной измѣны славянскому дѣлу“, при видѣ того „политического маразма“, который покойный патріотъ не разъ жестоко бичевалъ и въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ, нѣкогда въ рукописи облетѣвшихъ всю Россію, а въ послѣднее время и въ своей газетѣ. „Русь“ была его личнымъ органомъ; тутъ видѣнъ былъ весь, налицо, этотъ неподкупный, честный журналистъ и горячій патріотъ, не кривившій душою ради чьихъ-либо партійныхъ вождѣній. Онъ стоялъ какъ-то особнякомъ даже отъ той партіи, къ которой ближе всего подходилъ по своимъ убѣжденіямъ, и не разъ высказывалъ своимъ

*) Изъ № 110 «Еженедѣльного Обозрѣнія».

прошенымъ и непрошенымъ союзникамъ горькія истины. Съ нимъ могли сходиться, его уважали даже люди иныхъ лагерей. Но тѣмъ тяжелѣе потеря! Его голосу внимали, его статьи читали въ самыхъ высокихъ сферахъ; это давало такую независимость его рѣчамъ, какой другимъ не суждено имѣть... Не въ вопросахъ только вѣнѣній политики, но много разъ и не безплодно возвышалъ онъ свой протестующій, вѣскій голосъ и по вопросамъ политики внутренней. „Я нисколько не расположень говорить иносказательно, а намѣренъ говорить *прямо*, для чего рѣшился и газету издавать“, писалъ онъ намъ въ 1880 году предъ самымъ началомъ изданія. И онъ дѣйствительно говорилъ *прямо*. Въ этомъ еще недавно всѣ имѣли случай убѣдиться. Можно было съ нимъ не соглашаться, можно было съ нимъ спорить, но никто не отказывалъ Аксакову въ прямотѣ и честности. Теперь пуста трибуна журналиста, некому подать съ нея голосъ; со смертю издателя умерла и „Русь“, какъ бы ни старались оживить ее...

И въ какое время умеръ послѣдній изъ могикановъ славянофильства! Когда со всѣхъ сторонъ надвигаются на Славянство тучи, когда братъ точитъ ножъ на брата, дѣти бѣгутъ отъ матери, когда баттенбергскій клинъ вбивается въ славянское тѣло, когда спасенная цѣною русской крови Болгарія осоюзилась, въ лицѣ своего князя, съ вѣковымъ палачемъ Славянства и обѣщается поднять за него оружіе противъ своихъ же братій... И въ эту-то минуту, когда все Славянство живеть наканунѣ страшныхъ потрясеній, смежились очи одного изъ наиболѣе видныхъ борцовъ за славянскую идею!.. Это былъ человѣкъ *чувства* по преимуществу, и глубокаго, неподкупнаго чувства, которое всего сильнѣе сказывалось въ моменты всеобщаго одушевленія общества, въ тѣ дни, когда умъ молчитъ и говорить одно сердце... Въ эту пору Аксаковъ былъ незамѣнимъ. Достаточно вспомнить войну 1878 года. Теперь наступаетъ, повидимому, такая же пора, когда нужны будутъ эти люди чувства,—а гдѣ они?..

Удивительна судьба славянофиловъ на Руси: почти всѣ они сошли со сцены задолго до той поры, когда пробудилось въ обществѣ сознаніе своего родства, своей близости къ братьямъ по вѣрѣ и крови. Но даже и тѣ борцы за славянскую идею, которые видѣли зарю славянского возрожденія, умирали далеко еще не свершивъ въ предѣлѣ земномъ все земное. Вспомнимъ Ю. Самарина, кн. Черкасскаго, Скобелева. Новая и, кажется, уже

посмѣшная могила въ лагерь истинныхъ славянофиловъ (увы! теперь уже и умирать изъ нихъ некому!) говорить о томъ же. Жить бы еще и жить Ивану Сергеевичу... *Sit ei terra levis!*

И. Сиворцовъ.

И. С. Аксаковъ *).

Телеграфъ принесъ вчера извѣстіе, глубоко опечалившее всѣхъ тѣхъ русскихъ людей, которымъ дорого православіе, дороги интересы отечества и народности: въ Москвѣ скоропостижно скончался самый популярный, самый извѣстный, всѣмъ Русскимъ народомъ самый уважаемый и почитаемый писатель и публицистъ—Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ.

Россія и русское общество потеряли въ лицѣ покойнаго лучшаго выразителя своихъ упований и надеждъ, мощнаго и непреклоннаго борца за свободу совѣсти, за самостоятельность народнаго развитія, за честь и достоинство отечества. Съ именемъ покойнаго Ивана Сергеевича соединялось цѣлое направленіе нашей духовной и общественной жизни, направленіе, которое неправильно называютъ славянофильскимъ, но которое по сущей справедливости должно быть названо народнымъ. Никогда это направленіе не исчезало у насъ, оно всегда имѣло на своей сторонѣ сочувствіе основныхъ, коренныхъ русскихъ людей; но оно не всегда до самыхъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія выражалось съ подобающею ему силою и энергию. Они, эти славянофилы, эти народники, самымъ могущественнымъ образомъ послужили дѣлу нашего самосознанія, и имена Хомяковыхъ, Самариныхъ, Милютинихъ, имена Аксаковыхъ, Сергея, Константина и нынѣ усопшаго Ивана, въ исторіи нашей культуры займутъ ярко выдающееся мѣсто, ибо съ ихъ именами неразрывно связано все, что дорого русскому сердцу: православіе, народность, любовь къ отечеству. Самые злѣйши противники этихъ истинно-русско-православныхъ людей чистосердечно сознавались, что съ ними можно спорить, можно не соглашаться, но не уважать ихъ

*) Изъ № 23 «Рижскаго Вѣстника».

нельзя: до того честны и чисты они были въ своихъ убѣжденіяхъ, до того правдивы они были въ своихъ словахъ и дѣлахъ.

Покойный Иванъ Сергеевичъ душою и сердцемъ принадлежалъ къ этой плеядѣ истыхъ русско-православныхъ людей, и, разъ поднявъ русское знамя, онъ не преклонилъ его ни передъ какими невзгодами, въ обилии постигавшими его со стороны тѣхъ распаршивавшихся, по его выраженію, предъ Европою лже-либераловъ, которые, называя себя Русскими, презирали все русское, которые, не отрекаясь отъ православія, были отъяленными врагами ему, которые, находясь во власти, служили не Русскому народу, а чуждымъ интересамъ. Рѣзкимъ словомъ осужденія возставалъ онъ противъ такихъ людей, быть крайне непріятенъ имъ, и они дѣлали все возможное, чтобы только заставить молчать этого человѣка, не давать ему возможности срывать маску съ ихъ лицемѣрія, съ темныхъ, неразумныхъ дѣлъ ихъ, съ забвенія кровныхъ интересовъ Русского народа и государства. Но скорѣе топоръ, по лѣтописному выраженію, началъ бы плавать въ водѣ, чѣмъ покойный измѣнилъ бы тому, что онъ признавалъ честнымъ и справедливымъ, и исходящимъ изъ народнаго духа. И онъ крѣпчалъ въ буряхъ и, нещадно срамя нашихъ оевропеизвихшихъ либераловъ, указывалъ всѣмъ намъ, къ чему мы должны стремиться, чѣмъ любить и уважать, отъ чего съ презрѣніемъ отворачиваться.

Покойный Иванъ Сергеевичъ быть публицистомъ по преимуществу, высоко талантливымъ, отзывчивымъ на всѣ явленія нашей жизни, публицистомъ до того популярнымъ, что появленіе его періодическихъ изданій встрѣчалось въ публикѣ какъ важное событие дня. Стбить вспомнить только появленіе его „Паруса“, его „Дня“, его „Москвы“, его „Руси“, чтобы эти слова не казались преувеличенными. Въ высшей степени поучительны судьбы этихъ изданій, и въ высшей степени важны для всѣхъ насы тѣ начала, во имя которыхъ ратовалъ покойный.

Мы, коренные русскіе жители Прибалтійской окраины, если чѣмъ имѣемъ въ наши дни, если добились кое-какихъ успѣховъ, то этимъ всецѣло обязаны покойному Ивану Сергеевичу. Онъ первый въ своемъ „Днѣ“ заговорилъ о нашемъ положеніи, первый указалъ къ чему мы должны стремиться, чѣмъ добиваться. Его мощное слово ободрило, его энергическая рѣчь вызвала къ дѣлу унывающихъ и впадавшихъ въ отчаяніе. Онъ, когда все безмолвствовало, первый заговорилъ словами достойными русскаго

гражданина и истинного патріота, и первый подорвалъ въ основъ то средостѣніе, какъ онъ выражался, которое заслоняло и нась и край нашъ отъ остальной Россіи. Можемъ ли забыть это когда-либо, можемъ ли отвестись къ памяти почившаго безразлично, безъ душевнаго прискорбія, безъ горячей молитвы за упокоееніе души этого вѣрнаго сына Православной Церкви и отечества, надежнаго слуги Русскаго Царя?

Царство небесное покойному! Да пребудеть память его съ похвалами изъ рода въ родъ! Да послужить жизнь усопшаго отчизнолюбца примѣромъ для нась, для нашихъ потомковъ!

Передовая статья № 23 „Виленского Вѣстника“.

Скончался Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. Сколько гдrestныхъ мыслей возбуждаетъ въ душѣ каждого мыслящаго русскаго человѣка это печальное извѣстіе! Прекратилось существованіе свѣтлой личности, дорогой всѣмъ близкимъ и знатавшимъ его людямъ, но для нась кончина И. С. Аксакова имѣеть не одно только это частное значеніе; нѣтъ, она имѣеть для нась значеніе другое, болѣе высокое, ставящее эту кончину въ рядъ тяжкихъ потерпѣній для всего нашего отечества. Иванъ Сергеевичъ былъ живымъ воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ народныхъ идеаловъ и чувствъ. Съ чуткимъ русскимъ сердцемъ, высокимъ умомъ, онъ соединялъ величайшій публицистический талантъ нашего времени и несокрушимую твердость и честность убѣжденій. Благодаря такому крайне рѣдкому сочетанію вышихъ человѣческихъ качествъ, слово Ивана Сергеевича высоко цѣнилось всѣми современниками. Наиѣрное можно сказать, что дѣятельность покойнаго оставила глубокіе слѣды во всемъ складѣ міровоззрѣнія Русскаго народа, указала истинный путь исторической жизни Россіи, разяснила истинную картину народнаго бытія. Только потомки наши, можетъ быть, въ состояніи будуть оцѣнить все значеніе Ивана Сергеевича Аксакова, какъ публициста, равныхъ которому наше столѣтіе, кажется, еще не представляло. Вызывая въ насъ горячее чувствоуваженія и удивленія, покойный несомнѣнно возбуждалъ противоположныя чувства во всѣхъ врагахъ Славянства, национальной русской идеи, въ космополитахъ и западникахъ,

сбитыхъ ложными и болѣе или менѣе гибельными теоріями, принесшими и приносящими Россія неисчислимый вредъ. На вѣки закрылись уста, на вѣки замолкъ могучій краснорѣчивый голосъ великаго патріота-Славянина и честнѣйшаго человѣка! Велика, велика наша потеря!

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

† 27 января 1886 года.

Смерть Ивана Сергеевича Аксакова составляетъ тяжелую и незамѣнимую утрату. Въ теченіе всей своей жизни покойный страстно и настойчиво боролся съ тѣми узко-бюрократическими началами, которыя такъ долго и много тормозили правильное развитіе Русскаго народа. Величайшею заслугой знаменитаго публициста мы считаемъ его энергическую защиту свободы совѣсти и печати. Самому Ивану Сергеевичу пришлось не мало потерпѣть отъ неправильной оцѣнки его взглядовъ на истинные интересы и національное достоинство Россіи. Сильно и рѣзко нападая на противниковъ, Аксаковъ никогда не унижался до требованія заставить этихъ противниковъ замолчать. Иванъ Сергеевичъ былъ искренній и честный публицистъ, онъ беззавѣтно любилъ Россію, земскую Русь, на старый до-Петровскій ладъ. Много было въ его возврѣніяхъ неяснаго и, на нашъ взглядъ, неправильнаго, но такого, какъ онъ, противника нельзя было не уважать глубоко. Со смертью Ивана Сергеевича Аксакова смолкаетъ честный, громкій и авторитетный голосъ, и русская печать лишается одного изъ достойнѣйшихъ своихъ представителей. Эта потеря почувствуется во всемъ русскомъ обществѣ.

Вѣчная память и чистая слава публицисту, вся дѣятельность, вся жизнь котораго были посвящены защитѣ простой и великой мысли, что „духа единственнаго мечь—свободное слово“.

*: Изл. журнала «Русская Мысль».

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Род. 26-го сентября 1823 г., † 27-го января 1886 г. **).

События все болѣе и болѣе усложняются, въ двери стучится роковой „исторической день“ съ его запросомъ на живыя, твердые силы, „гроза близится“, какъ выразился въ своей самой послѣдней печатной строкѣ покойный.

А люди уходятъ, все лучшіе люди!

Содрогнется же ли, наконецъ, наше вѣтреное племя?

Мы дружно проводили въ могилу Аксакова, проводили именно дружно — съ забвенiemъ, повидимому, всякихъ старыхъ счетовъ, съ подавленiemъ всякаго духа партіи. Но нась начинаетъ уже разбирать раздумье. Не слишкомъ ли много мы выказали и высказали относительно покойнаго, не пора ли поудержать свой пыль, пропрѣзвиться въ свою очередь? Но тѣ, которые за даются такими вопросами, знаютъ ли они хорошенъко Аксакова? Много ли они прочитали его статей и многое ли изъ нихъ запомнили? Самъ покойный замѣтилъ какъ-то разъ въ своемъ „Днѣ“, что у нась слѣдовало бы вторично печатать однѣ и тѣ же передовыя статьи года два спустя послѣ ихъ появленія. Такое изданіе могло бы послужить для нашего общества самою лучшою школою общественной доблести.

А трудно было Аксакову, ему, какъ и старшимъ, ранѣе его умершимъ сподвижникамъ, вырабатывать въ себѣ эту доблестъ. Порою тяжелаго испытанія была для нихъ самая заря жизни. Вотъ какъ вспоминалъ о ней Иванъ Сергеевичъ въ передовой статьѣ „Дня“ 1-го января 1862 г. „Одиноко нарождалась мысль, созрѣвала и увидала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ, и общество, и ничто не могло вызвать Руси изъ этого томительного застоя! Хоть бы движеніе, хоть бы звукъ живаго вольнаго слова!... Да, помнимъ мы эти

*) Изъ № 3 «Русской Старинѣ».

**) Настоящій очеркъ читанъ проф. О. Ф. Миллеромъ въ торжественномъ собраниі Славянскаго Общества, въ С.-Петербургѣ, 14 февраля 1886 года.

печальные годы, когда не знали мы куда дѣвать ненужный праздничный избытокъ силь, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!“

Мысль ихъ созрѣвала и увядала въ одиночество, потому что ей, какъ и всякой другой сильной мысли, нельзя было высказываться открыто и открыто вести борьбу съ противною мыслью. Имъ нельзя было выяснить и отстаивать настоящій смыслъ тѣхъ словъ своего исповѣданія, которыхъ громко раздавались надъ ихъ головой, но опозоренные и опоплещенные. Нельзя было нападать на противниковъ, остававшихся, искренно или притворно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ такой профанациі,—нельзя было уже потому, что имъ было такъ удобно ссылаться на свою безответственность и безоружность. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ пылкой, наболѣвшей души И. С. Аксакова стихи, которымъ можно было появиться въ печати только десять лѣтъ спустя:

Пусть гибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ бытъ:
Трудилась мысль, дерзalo слово,
Въ запасѣ много было силъ ..
Слабѣйте силы! вы не нужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бѣдныя,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней.

Такъ сокрушишь души гордыни,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошного зла стоить твердыня.
Царить безмысленная ложь!

Она страшней враговъ опасныхъ,
Сильна не виѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силь прекрасныхъ
Въ борьбѣ тупой, пустой, нѣмой!

Ликуй же, ложь! и нась, безумцевъ,
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте-жь, силы! вы не нужны!
Засни ты духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

(„Русская Бесѣда“ 1859 г., кн. 6.)

Но такая нота отчаянія, никогда еще, можетъ быть, не звучавшая у нась такъ сильно, не могла оставаться постоянно господствующей нотой въ поэзии Аксакова.

Въ немъ было слишкомъ много бодрой силы, и онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что должна же, наконецъ, наступить пора, когда сдѣляется возможною открытая борьба съ ложью... Общее и господствующее впечатлѣніе его поэзіи оставалось закалиющимъ нравственные силы въ горнилѣ терпѣнія и выносливости. Не даромъ онъ говорилъ про себя въ 1850 году:

. . . . понялъ я, что подвиговъ живыхъ.
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла,—и намъ въ замѣну ихъ
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
Отважныхъ силь не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ—затѣмъ, что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Страхъ въ немъ первыя скорый пламенѣ;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точить дубъ... Долбить и капая камень.

Невзрачный путь! тебе я въренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенъ;
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья...

(„Русская Бесѣда“ 1856 г.).

Вокругъ себя, между тѣмъ, замѣчалъ онъ не мало людей, которые только ссылались на трудности борьбы, на невозможность настоящаго жизненнаго дѣла, людей только извинявшихъ всѣмъ этимъ свою собственную лѣнъ и дряблость. Вотъ какую отповѣдь прочиталъ имъ Аксаковъ еще въ 1847 году:

(„Московскій Сборникъ“.)

Смотри! толпа людей нахмурившись стоять:
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданiemъ томяся неизвѣстныемъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣсныемъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и бесплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели пламя ихъ добра не принесеть?
Досада тайная подчасъ меня беретъ —
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скучи,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И толки прекративъ обѣ участіи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!

Но вотъ, наконецъ, пропала та пора, на которую жаловались и эти люди фразы, тогда какъ для нихъ она скорѣе была удобною, и именно съ прекращенiemъ ея и должна была оказаться вся ихъ негодность. Съ воцаренiemъ Государи Александра Николаевича наступила, наконецъ, пора, когда настоящими, притаившимся только силами стало возможнымъ дѣйствовать на просторѣ... Прежде всего стало явнымъ и несомнѣннымъ, что правительство не желаетъ болѣе слушаться мудрости Екатерининскаго „Наказа“, утверждавшаго со словъ Монтескье, будто „не слѣдуетъ вдругъ

и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденыхъ⁴. Въ 1857 г. уже открыто сказалась воля покойнаго Государя по-рѣшить, наконецъ, не внимая никакимъ застращиваніямъ и вос-пользовавшись своею самодержавною властью, съ роковымъ кресть-янскимъ вопросомъ. И вотъ И. С. Аксакову можно было при-вѣтствовать наступающій 1858 годъ извѣстными стихами:

День встаетъ, багрянь и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотрѣть день.
Съ сонныхъ вѣждъ стражнувъ дремоту,
Бодрой съѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещеть утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,—
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ ..

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣть.
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣть.
Все простить онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Нѣсно радости поеть:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ.

Люднъ миръ, благословенъ;
Долгихъ мукъ исчезнетъ сльдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

(„Русская Бесѣда“ 1858 г., книга 1.)

Но трезвый, мужественный духъ поэта, сумѣвшій въ свое время удержаться отъ отчаянія, не могъ окончательно отдать себя и во власть надеждамъ. Онъ чуялъ, какъ трудно идеѣ перейти въ дѣло, какой грубый отпоръ чистотѣ принципа дается обыкновенно неохотно поддающеся ему дѣйствительностью... Онъ понималъ, что болѣзни, что роковыя послѣдствія болѣзней излѣчиваются не сразу; онъ видѣлъ, зоркимъ своимъ глазомъ видѣлъ, какъ упорно держатся общественные недуги и тамъ, куда заглянуль онъ не ради развлеченія и отдыха въ 1860 г., пробираясь въ Славянскія земли,—на Европейскомъ Западѣ; и вотъ въ Мюнхенѣ вылились изъ-подъ его пера стихи, въ которыхъ то, что называется у Нѣмцевъ *мировою скорбью* (*Weltschmerz*), звучить, можетъ-быть, съ такой силою, какой не бывало ни у одного изъ нашихъ байронистовъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склонїться давно
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою,—
Но могу ли? удастся-ль оно?
Отвращусь ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны?—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины.

.
Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ —
Обреченыхъ работъ и пѣну,
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ!

.
А сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра ироносится стонъ,
Стонъ тоски, міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—

Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ волемъ впервые
Огласился ликующій міръ...
Съ той поры и понынѣ ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днина,
О, владычница міра, тоска!

(„День“ 1862 г., № 16)

По возвращеніи изъ-за границы, дождавшись, наконецъ, радостнаго дня 19-го февраля, но встрѣтивъ его уже не съ отцомъ, не съ братомъ Константиномъ Сергеевичемъ, не съ Кирѣевскими и не А. С. Хомяковымъ (они умерли, одинъ за другимъ, на рубежѣ обѣтованной земли), Иванъ Сергеевичъ, разставаясь съ „Русской Бесѣдой“, получаетъ, наконецъ, право стать редакторомъ собственного органа — еженедѣльной, составившей у насть своего рода эпоху, газеты „День“. Она стала выходить, какъ известно, въ самый годъ освобожденія крестьянъ, — съ осенней поры.

Въ передовыхъ статьяхъ публициста продолжала сказываться поэзія — поэзія въ мысли и въ оборотахъ, самый возвышенный и самый глубокій лиризмъ. Вспомнимъ начало первой статьи:

„Мелкій дождь моросятъ, не переставая; сырь, мокро, скользко... Безотрадно путнику. Но что же внезапно сквозь туманную пелену воздуха поражаетъ и приковываетъ и радуетъ взоръ?... Это озими... это зеленые всходы будущей жатвы...“

„И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ, — душой, наболѣвшій отъ долгаго тщетнаго ожиданія, сердцемъ, не устававшимъ любить и вѣрить, — съ радостнымъ упованіемъ привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни!... 19-мъ февраля 1861 г. начинается новое лѣтосчислѣніе русской исторіи...“

„Въ народной почвы нѣть основы“.... продолжалъ Аксаковъ, усматривая въ освобожденіи крестьянъ толчокъ и къ будущему развитію на просторѣ, развитію во всю его глубь и ширь настоящаго народнаго духа, приосновеніе съ которымъ должно послужить живою водой и для насть — для русского образованнаго общества. Въ слѣдующемъ № „Дня“ (21-го октября) народъ уже

прямо представляется Аксакову призывающимъ всѣхъ нась къ отвѣту.

„Если народъ, наконецъ, подыметь усталыя отъ долгой дремоты очи.... говорить Аксаковъ, чтѣ скажетъ онъ? Куда дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Чѣдѣ сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, мою прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ?... Гдѣ наука, вами взращенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово?... Какого хламу нанесли вы на мою почву?... Нѣть, вы не мои, вы безобразные снимки съ чужихъ народовъ, подите къ нимъ, если они васъ примутъ, я не знаю васъ, вы мнѣ не нужны, вы чужды мнѣ“,— скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,—и смететь ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа!“ Аксаковъ понималъ, что слова его озадачать. Онъ едвали смягчаетъ впечатлѣніе тѣмъ, что „еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, заключаетъ онъ, что голосъ нашъ раздается напрасно, но, примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи, скажемъ и мы: „Гласъ воинющаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господень! Покайтесь!“

Зорко слѣдя за всѣми явленіями новой поры, далекій отъ безусловнаго єю увлеченія, въ статьѣ 11-го ноября 1861 г. Аксаковъ замѣчаетъ:

„Потянуло новымъ, еще не передышаннымъ воздухомъ.... Но движение свѣжей воздушной струи *ускоряетъ* самое разложеніе.... Нравственная среда нашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ *нихъ ильтъ другою итьленія*, какъ преизбытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго тлѣніе.... Настежь же двери и окна,—пусть безъ помѣхъ и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольными, свѣжими, цѣлебными струями!“...

Обращаясь къ ближайшимъ послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ, къ измѣнившемуся положенію общественныхъ классовъ, онъ останавливается на томъ, что такое теперь его собственное слово—дворянство? Онъ находитъ, что оно, слава Богу, избавилось своего существеннаго у насъ отличія, своей еще столь недавней печальной „прерогативы“, и спрашивается: за чѣдѣ же держаться ему теперь? „За отличіе по происхожденію? Но русское дворянство гордится только однимъ русскимъ происхожденіемъ

и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться породою безнравственно само по себѣ и несомнѣнно съ достоинствомъ человѣческимъ ... Нравственное единство и цѣлостность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія, были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ началѣ 2-го тысячелѣтія ея историческаго бытія было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ“....

Въ заключеніе Иванъ Сергеевичъ хотѣлъ бы угадать мысли нашего дворянства, хотѣлъ бы имѣть право отъ его имени заявить, что оно „считаетъ долгомъ выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе, чтобы ему было позволено: торжественно, передъ лицомъ всей Россіи, совершить великий актъ уничтоженія себя, какъ сословія (№ 6-го января 1862г.). Дворянство, по мнѣнію Аксакова, могло бы удовольствоваться тѣми преимуществами образованія, которыя до сихъ поръ были ему болѣе доступны чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ общества, и которыми ему предстоитъ воспользоваться для блага общаго. Вотъ тутъ-то и открывается рядъ знаменитыхъ статей „Дня“ объ обществѣ.

17-го марта 1862 г. онъ пишетъ:

„Общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создаются его только образованные люди, или, вѣрнѣе, люди всѣхъ сословій и состояній безразлично,—связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможной дѣятельность общественная, выражаяющаяся въ наше время въ литературѣ.... Никакіе парламенты, генеральные штаты, собранія государственныхъ чиновъ, не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями... Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть, безъ англійской прессы.... Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ и во времени, и въ пространствѣ представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся... ему надо поле пошире, и такимъ вполнѣ соотвѣтственнымъ полемъ для общественного слова есть—печать“.

На печать, какъ на могучее орудіе общественной мысли, Аксаковъ, какъ и вся его школа, имѣлъ свой особый, своеобраз-

но выражаемый, взглядъ, подробно развитый Иваномъ Сергеевичемъ еще въ статьѣ 10 марта 1862 г.

„Сила общества, какъ явленія неполитического, есть сила нравственная, сила „общественного мнѣнія“. Орудіе дѣятельности общества есть слово, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, свободное. Напрасно воображаютъ некоторые, что свобода слова устнаго или печатнаго есть политическая свобода. Послѣ этого и свобода есть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами есть также политическая „прерогатива“.. Между тѣмъ свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно такъ же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, есть къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы, въ предупрежденіе зла, которое можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вѣжущихъ“...

Главная бѣда нашей исторической жизни, по мнѣнію Аксакова, и заключалась въ томъ, что „между государствомъ и землею не было той среды, которую мы называемъ обществомъ и которая—независимо духовною дѣятельностью народнаго самосознанія—могла бы придать силу земской стихіи и сдержать напоръ государственного начала: въ теченіи восьми вѣковъ не создалось у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную победу стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности“... Иванъ Сергеевичъ говорить тутъ о томъ явленіи нашей древней жизни, которое впослѣдствіи называлось у Ф. М. Достоевскаго „недоскаткомъ культуры“. Именно невыработанность своей культуры и по взгляду Достоевскаго вызвала у насъ, наконецъ, нетерпѣливое стремленіе обзавестись ею сразу, выписать ее изъ-за моря, при ближайшемъ участіи правительственной власти. Такимъ характеромъ нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишкомъ много заботъ возложили на попечительное правительство. Вотъ какъ писаль обѣ этомъ Аксаковъ 12-го января 1863 г.: „Правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и ближнему, развивай талантъ... забавляй насъ, одѣвай, умывай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби,

негодуй, даже наконецъ либеральничай за нась, или поучи нась либеральничать, если либерализъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ...

„Намъ кажется, продолжаетъ онъ, можно было бы отвѣтить обществу слѣдующее: „вы хотите, чтобы правительство помогло вамъ остаться въ вѣчномъ младенчествѣ и чтобы кромѣ великихъ, важныхъ государственныхъ обязанностей, на немъ лежащихъ, оно обращало бы въ государственное дѣло всякия ваши домашнія дѣлишки“... Примѣромъ нашей общественной лѣни служить ему слѣдующее: „Православные храмы въ Бѣлоруссіи находятся въ бѣдности... Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору и предоставляемъ строить церкви въ западно-русскомъ краѣ... Кому же? Самому правительству!... Гдѣ въ мірѣ слыхано и видано, спрашиваетъ Аксаковъ, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу?“

Построеніе въ Бѣлоруссіи храмовъ связывалось съ поднятіемъ въ нашемъ Западромъ краѣ забитой русской народности, о которой пришлось, наконецъ, вспомнить при дерзкихъ притязаніяхъ на этотъ край польской справы, заявленныхъ въ 1862—1863 гг. Аксаковъ имѣть на польскій и западно-русскій вопросъ или, лучше сказать, на способы его решенія, свой особенный взглядъ, рѣзко отличавшійся отъ взгляда другаго влиятельнаго московскаго органа. „Чтобы обрусить, писалъ онъ 23-го марта 1863 г., надо быть Русскимъ, а Русскихъ-то между нами и нѣтъ... Чѣмъ дѣлаетъ русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою?... 275,000 Русскихъ, уѣхавшихъ въ 1860 г. за границу, служатъ самыми краснорѣчиными отвѣтомъ... Это почти цѣлая четверть русского дворянства... Хороши выйдутъ Русскіе—эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ Русскимъ народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуловимыми нитями съ его землею... впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу—народнаго ума, народной рѣчи“...

Говоря объ обрусѣніи, Аксаковъ къ тому же имѣть въ виду не что иное, какъ возвращеніе въ лоно русской народности того, что ей несомнѣнно принадлежало. Другіе готовы были въ своеемъ особенномъ смыслѣ обрусивать и чужое, ссылаясь въ сущности не на что иное, какъ на право меча.

„Мы не считаемъ цѣну крови“, писалъ Аксаковъ 4-го мая 1863 г. въ отпоръ этимъ людямъ, „основаніемъ какого-либо права. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактамъ... Еслибы всякий послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это бы значило давать торжествовать насилию... т. е. чья возьметъ, кто кого пересилить... Человѣкъ не можетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту“.

11-го мая 1863 г. онъ къ этому прибавилъ: „Мы, Русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера и насиливать наше народное благодушіе. Намъ не зачѣмъ учиться птаться-наукѣ у Нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ—угности, стереть, обезнародить чужую народность, какъ Пруссаки или Австрійцы“.

Съ окончательною ясностью высказался онъ 20-го іюля 1863 г. „Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и со-знаемъ себя вполнѣ и по праву хозяевами... здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польского духа, и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы въ Польшѣ, и едвали найдется Русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣзомъ, не почувствовалъ бы себя гостемъ, пришельцемъ въ этой средѣ—сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной... хотя-щей жить и предъявляющей право на жизнь“... Относительно Польши Аксаковъ вполнѣ признавалъ одну совершенно закон-ную мѣру.

... „Было бы полезно, писалъ онъ тутъ же, если бы Россія, не изъ своекорыстныхъ расчетовъ, но для выгоды самой Польши, выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма—простаго народа, крестьян-скаго населенія“... И другіе говорили о томъ же, но, имѣя въ виду съ нашей стороны именно тѣ „своекорыстные расчеты“, кото-рыхъ такъ чуждался Аксаковъ.

„Если мы теперь, писалъ онъ 31-го августа 1863 г., надѣ-лимъ польское крестьянство землею, крестьянскимъ самоуправле-ніемъ, гражданскими и политическими правами, то нѣтъ сомнѣ-нія—это положеніе, эти права уже никакою силою не будутъ отъ нихъ отняты польскими панами, даже въ случаѣ совершенной са-мостоятельности Польши... Мы введемъ въ ея жизнь новую исто-рическую идею, противупоставимъ силу устоя ея многовѣковому

общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ, подъ управлениемъ шляхты, по прихоти воли и всяческихъ вѣтровъ!... Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколовія относительно значительной части угнетенного человѣчества, и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны сильной простонародностью, самой демократической въ лучшемъ, не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова⁴. Люди, гладѣвшіе такъ же, да не такъ, желая отмежевать себѣ польскій вопросъ въ монополію, желали совершенно устранить отъ него Аксакова...

Вотъ что ему пришлось „отмѣтить“ въ передовой статьѣ 7-го сентября 1863 г.

— „Московскія Вѣдомости“ приходятъ къ слѣдующимъ, поистинѣ изумительнымъ, выводамъ:

„Газета „День“ учить презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ. Для газеты „День“ хлопы ничего не значатъ, и она жертвуетъ ими панамъ, толкуя въ то же время о крестьянскомъ самоуправлении въ Россіи, которое въ Россіи не имѣть смысла... Примемъ это къ свѣдѣнію“, — отмѣтили это презрѣніе „Моск. Вѣдомостей“ къ мірскому устройству простаго Русскаго народа, — прибавляетъ Аксаковъ, въ отвѣтъ „Вѣдомостямъ“ только отмѣчая поучительный фактъ. Онъ продолжаетъ разоблачать всѣхъ противниковъ своихъ во всѣхъ сферахъ и въ статьѣ своей 16-го ноября 1863 г.

„Какъ вы будете стоять за русскую народность въ Западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ восточномъ, сѣверномъ, срединномъ краѣ Россіи?.. Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если она только роль, и въ душѣ, для „своихъ“, entre nous autres, вы остаетесь тѣми же аристократами петербургскихъ салоновъ?...“

Относительно сепаратизма у Аксакова опять-таки былъ свой особый взглядъ, связанный съ его общимъ возврѣніемъ на общество, какъ на такую силу, которой во многихъ случаяхъ не можетъ никакимъ образомъ замѣнить государство.

„Если васъ беспокоятъ, писаль онъ 28-го ноября 1865 г., сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на виѣшие искорененіе этихъ тенденцій виѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притайтесь), сколько

на возбуждение той органической силы сращенія въ нашемъ собственномъ организмѣ, о которой вы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условия, при которыхъ слабѣть въ народѣ всепобирающая вѣра въ самого себя, въ свою народность,—на насть самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственного единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ“.

Когда, во время тогдашнихъ на насть атакъ европейской дипломатіи, одно время запахло даже войной, „День“, съ своей точки зрения, замѣтилъ:

(20-го іюля 1863 г.): „Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая—небывалое явленіе въ нашей исторіи — была бы для насть крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ оть Австріи и всѣхъ дѣлъ ея...“

,Но войну съ Австріей, пояснилъ онъ въ статьѣ 27-го іюля, мы можемъ вести, только водрузивъ славянское знамя, знамя освобожденія славянскихъ племенъ (въ томъ числѣ и польского) изъ-подъ нѣмецко-австрійского гнета, для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни... Можеть быть, Россія еще не со зрѣла для выполненія этого своего исторического призванія, еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей русской народности, еще въ насть самихъ много Нѣмца, — и слабы наши русскія общественные силы...“

Межу тѣмъ какъ мы не только тогда отписывались оть европейской дипломатіи, но, при помощи общественного мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ раздѣливались съ ней, внутреннія мѣропріятія рѣшительного свойства продолжались своимъ чередомъ. Прямо восторженный, радостно увлекающейся тонъ послышался въ передовой статьѣ „Дня“ 27-го апрѣля 1863 г. „Силь прибываетъ... еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготой меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется...“

,Плети, кошки, шпицрутены, клейма, торговья казни — все это было, всего этого уже нѣтъ, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, пережитаго русского горя. Долой, гласигъ между строкъ Государевъ указъ Сенату — всѣ орудія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки, вся эта позорная терминология, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти „сквозь строй“, „отодратъ“, „засѣчь“, „пере-

пороть“, со всѣми ихъ отвратительными безчисленными варіантами! „Заплечному мастеру“ нѣтъ ужъ дѣла въ Русской землѣ“ *).

Продолжающіяся преобразованія представлялись вообще Аксакову въ такомъ, опять совершенно своеобразномъ, свѣтѣ (статья 17-го августа 1863 г.):

„Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится“, писали московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ Государю. Мы можемъ также сказать, что въ новизнахъ нынѣшнаго времени слышится, даетъ себѣ вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, русская народная старина. Полуторавѣковой слой петербургскаго периода нашей исторіи еще не вполнѣ сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя наслажденія Русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,—и едва только лучь тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густые и толстые пласти чужеземлаго хлама,—она вновь ожила, и склоненныя зерна готовы вновь дать ростки, можетъ-быть пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ—можетъ-быть. Еще бы тепла и свѣта! Еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха“.

Къ „полуторавѣковому периоду“ нашей новой исторіи Аксаковъ, какъ извѣстно, очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ. Онъ не особенно сочувственно относился къ этому периоду, конечно, не ради того, что этому периоду обязаны мы появлениемъ у насть, наконецъ, науки, а ради того, что, какъ все другое, такъ и самая новозаведенная у насть наука была отобрана въ казну.

„Когда читаешь, писаль онъ 11-го января 1864 г., исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ I, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усилиями государства создать во что бы то ни стало штатъ-просвѣщеніе, штатъ-науку, штатъ-искусство, штатъ-журналистику, штатъ-поэзію, штатъ-литературу, штатъ-галантерейность, штатъ-право, штатъ-нравственность.

*) Тутъ же, однако, Аксаковъ также и оговаривается: «Если тѣлесное наказаніе исключается изъ уголовнаго кодекса... то стало-быть оно уничтожено вовсе?—замѣтилъ бы, вѣроятно, какой-нибудь иностранный юристъ. Такое ошибочное замѣчаніе совершенно понятно со стороны иностранца, незнакомаго съ особенностями нашей русской жизни...»

... „Конечно, ни одно общество въ мірѣ не стоило такихъ издержекъ казнѣ, какъ русское общество! Нигдѣ, впрочемъ, и не давалось ему свыше, отъ казны, воспитаніе.

... „Скоро оказалось, пояснялъ Аксаковъ, что государство обременило себя черезъ силу... открылась необходимость въ обществѣ, какъ въ материалѣ, въ грузѣ для государственного судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управлению. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляеть исторія другихъ странъ: правительство само, непринужденно, поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями, часть своихъ правъ... и большую частью встрѣчаетъ со стороны самого общества,— если не отпоръ, то равнодушіе или пассивную покорность... Послѣднимъ новѣйшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются земскія учрежденія. Но для того, чтобы усиленія государства увѣнчались усиліемъ, чтобы государство и общество стали въ надлежащее равновѣсіе другъ къ другу... необходимо отрѣшиться отъ преданій Петровской реформы... Необходимо, чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу“...

Въ статьѣ этой указывается уже на земскія учрежденія. Къ нимъ, какъ и къ новому суду, Аксаковъ относился со всею полнотою сочувствія—т. е. сочувствія въ принципѣ. Но онъ оставался далекимъ и тутъ, какъ и вообще, отъ тона похвального слова; онъ даже указывалъ въ выполненіи принципа на такія подробности, которыя, не обнаруживая достаточнаго знакомства съ условіями нашей жизни и слишкомъ отзываюясь прямымъ подражаніемъ, могли кое въ чёмъ подорвать пользу дѣла. На необходимость для нась суда присяжныхъ съ его гласностью, Аксаковъ указывалъ еще до введенія его у нась—въ статьяхъ о свободѣ слова, указывая на то, что кара за злоупотребленія этою свободою должна принадлежать не администраціи, а только суду, и именно суду присяжныхъ. За новый судъ въ его принципѣ Аксаковъ, какъ извѣстно, ополчился и въ послѣдніе годы, ополчился уже въ „Руси“, и въ сильной мѣрѣ содѣйствовалъ своимъ горячимъ ратованіемъ за новый судъ благополучному исходу тѣхъ нападокъ, которыя были на него направлены его противниками.

Вообще же, въ самые даже пылкіе дни напискъ увлеченій реформами, Аксаковъ былъ далекъ отъ того, чтобы приписывать имъ чудотворную силу, чтобы видѣть въ нихъ панацею отъ всего. Писалъ же онъ еще—18 декабря 1865 г.: „Не легко живется теперь на Руси. Неможется ей во вѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ... Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатного слова,—самое необходимое мы уже имѣемъ... Но это еще не дастъ намъ здорова, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественного нравственного уровня и сама нуждается въ притокѣ для себя изнутри новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами... По пути вѣшнихъ учрежденій и мѣропріятій двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе какъ средства къ жизни, ея вѣшняя форма, а не сама жизнь... вѣшняя искусственная обстановка государственного строя еще не въ силахъ сама по себѣ вдохнуть жизнь въ ту органическую силу творчества, которой именно ей недостаетъ и недостатокъ которой оказывается въ нась такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямаго прирожденного пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобы отыскать эту дорогу, а не въ томъ, чтобы обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казеннымъ“.

Разпростиавшись самъ съ своимъ „Днемъ“, Аксаковъ затѣмъ вернулся къ газетной дѣятельности, но и въ статьяхъ „Москвы“ и „Москвича“ оставался вѣрнымъ своему широкому взгляду на свободу слова. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ далеко не сходился въ то время со взглядами административныхъ сферъ.

.....Тогда-то онъ и сосредоточилъ всю энергию своей дѣятельности на Московскомъ Славянскомъ Обществѣ, котораго онъ былъ не только душою, но и безсмѣннымъ труженикомъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяготу той поры, которая наступила въ 1876 г. О силѣ народнаго увлеченія, народной готовности пострадать за братьевъ живо вспоминалъ онъ еще въ предсмертной своей статьѣ. Какъ очевидецъ, участникъ и орудіе народнаго увлеченія той поры, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ относился къ европейскимъ стремленіямъ вырвать изъ нашихъ рукъ все добытое русскою кровью и готовностью русскаго человѣка жертвовать и послѣднею трудовою копѣйкою. Когда Россія пред-

стала предъ судомъ Европы въ Берлинѣ, онъ произнесъ 22 июня 1878 г. въ Москвѣ громовую рѣчъ...

... Онъ продолжалъ проводить свои прежніе взгляды и въ новѣйшее время—проводить ихъ въ послѣднемъ своемъ органѣ—“Русь”, котораго изданіе стало опять возможно съ 1880 г.....

Аксаковъ не успѣлъ дожить до великой годовщины, годовщины того, чтѣ оставалось для него до конца особенно дорогимъ. Многіе ожидали его слова въ этотъ великий день. И онъ сказалъ бы это слово въ силу правды внутренней..... Не стало того чловѣка, который достойнымъ образомъ помянуть бы великаго Государя!... Плачь Русская земля!... Но когда подобнаго рода призывъ раздавался у насъ въ старину, съ нимъ соединялся и другой призывъ—къ молитвѣ и покаянію. То былъ обычный кличъ древней Руси. Вѣрный ея завѣтамъ, и самъ Аксаковъ, припомнимъ это, еще въ началѣ своего „Дня“, обратился къ намъ съ словами: „Гласъ вопіющаго въ пустыни: уготовайте путь Господень!... Покайтесь“.....

Ор. Ф. Миллеръ.

И. С. Аксаковъ *).

Некрологъ.

Русская литература и русское общество понесли опять тяжелую утрату. 27 января скончался въ Москвѣ, на 62 году своей жизни, одинъ изъ лучшихъ представителей современной русской мысли, образованности, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ.

И. С. Аксаковъ принадлежалъ къ той замѣчательной группѣ просвѣщенныхъ русскихъ людей, которые почти за полвѣка передъ симъ выступили у насъ съ горячею проповѣдью о самобытныхъ духовныхъ началахъ русской народной жизни и о тѣсной духовной связи Россіи съ міромъ Славянскимъ. Было время, когда эти идеи казались чѣмъ-то не только странными, но и враждебными просвѣщенію; теперь основныя начала этого ученія стали очевидною истиной для всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ русскихъ людей. Ивану Сергеевичу суждено было пережить всѣхъ своихъ

*) Изъ № 2 „Журнала Министерства Народного Просвѣщенія“.

первоначальныхъ единомышленниковъ, но до послѣдней минуты своей жизни онъ оставался вѣрнымъ и горячимъ представителемъ убѣжденій, который высказывалъ нѣкогда лишь небольшой кругокъ, и онъ имѣлъ счастливую долю видѣть, какъ широко разрослось доброе сѣмя, брошенное имъ и его друзьями на нашу умственную ниву.

Слишкомъ сорокъ лѣтъ раздавался въ русской литературѣ его краснорѣчивый и правдивый голосъ, какъ поэта, изслѣдователя русскаго быта и публициста. Русской поэзіи онъ далъ небольшое число произведеній, но запечатленныхъ печатью блестящаго таланта и проникнутыхъ живымъ чувствомъ. Русская экономическая наука обязана ему превосходнымъ изслѣдованіемъ о торговлѣ въ Южной Россіи, въ которомъ онъ соединилъ здравыя экономическія начала съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта. Въ изученіе духовной жизни нашего народа онъ внесъ дорогой вкладъ своимъ изслѣдованіемъ о сектѣ бѣгуновъ. Ему же принадлежитъ глубоко продуманный и мастерски написанный критико-біографической очеркъ объ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ умовъ — Ф. Ив. Тютчевѣ. Наконецъ, въ періодической печати Аксаковъ всегда дѣйствовалъ какъ пламенный сынъ своей земли, какъ глубоконскренній и горячо убѣжденный сторонникъ тѣхъ высокихъ началь духовной самобытности, на которыхъ должно покойиться благоденствіе нашего отечества.

Правдивое патріотическое слово Аксакова доставило ему широкую популярность во всѣхъ концахъ Россіи; искренняя преданность его интересамъ Славянства пріобрѣла ему большую известность во всемъ Славянскомъ мірѣ: и тамъ, и здѣсь преждевременная кончина этого безкорыстнаго общественнаго дѣятеля и патріота вызоветъ самую глубокую скорбь.

Поминки по И. С. Аксаковѣ *).

Вовремя умеръ И. С. Аксаковъ. Разумѣется, вовремя для себя, а не для нась, не для русской литературы, не для Россіи. Мы должны, безъ сомнѣнія, горько пожалѣть о себѣ, о томъ,

*) Изъ № 3599 «Нового Времени».

что лишились такого человѣка. Но нужно же намъ пожалѣть и о немъ. Много ли ему было отъ насть радости? Много ли радости ждало его впереди? Если этому бодрому дѣятелю, этому богатырю по тѣлу и по духу, предстояли разочарованія, если ему суждено было впереди переходить отъ унынія къ унынію, то нельзя развѣ сказать, что смерть вовремя избавила его отъ неминуемыхъ горестей?

Можетъ-быть найдутся люди, которые замѣнятъ его въ нашихъ славянскихъ дѣлахъ, но какъ писатель, какъ русскій публицистъ онъ не имѣлъ себѣ равнаго, и его никто не замѣнить. Мы говоримъ здѣсь о *внутреннемъ* значеніи Аксакова, о нравственномъ складѣ, въ немъ воплощавшемся, о томъ чувствѣ, которое подсказывало его рѣчи и свѣтилось въ нихъ, о томъ несравненному тонѣ, которымъ онѣ произносились. Какое безукоризненное благородство! Какая искренняя чистота! А въ силу этого, какая смѣлость и твердость!

Въ публицистикѣ, на этой аренѣ, гдѣ такъ непрерывно и такъ жестоко оскорбляется наше нравственное чувство, явленіе подобное Аксакову есть нѣчто изумительное, и еще больше мы должны удивляться, если подумаемъ, гдѣ и какъ возникло это явленіе. Когда наши потомки будутъ судить о нашемъ времени, то они конечно строго осудятъ насъ не только за дурное состояніе нашей литературы, за нашу безвыходную умственную лѣнъ и распущенность, но также и за отсутствіе у насъ истинныхъ гражданскихъ чувствъ, за то, что мы, когда не имѣли власти, вели себя какъ рабы, а когда имѣли власть, то смотрѣли на другихъ какъ на рабовъ. И тогда имя Аксакова удивить историка и можетъ-быть спасеть насъ отъ полнаго осужденія.

Онъ былъ вполнѣ гражданинъ своего государства. Понимаемъ ли мы какъ слѣдуетъ смыслъ этихъ словъ? Онъ искренно и вполнѣ признавалъ самый принципъ той власти, подъ которой жилъ. Всякая власть обращается въ насилие для тѣхъ, кто не признаетъ ее, и никакая власть не лишаетъ насъ свободы, если признается нами, если внутри насъ есть согласіе на нее. Но для этого необходимо гораздо больше, чѣмъ для простаго подчиненія власти. Для этого нужно видѣть во власти извѣстный смыслъ, имѣть ясную ея идею; только тогда у насъ будетъ согласіе на ея осуществленіе. И у Аксакова это было. Мы не будемъ излагать здѣсь эту его идею; мы указываемъ только тѣ общія условія,

которые давали ему возможность быть у нас истинным гражданиномъ.

Между управляющими и управляемыми всегда и вездѣ существует нѣкоторый антагонизмъ. И какъ не быть здѣсь антагонизму, когда онъ неизбѣжно появляется во всякихъ отношеніяхъ, даже между отцами и дѣтьми, между мужьями и женами? Это зло однако же легко переносится, когда выше и крѣпче антагонизма стоитъ связующее, объединяющее начало, надъ которымъ онъ никогда не можетъ взять верхъ. Въ этомъ отношеніи, свойства нашего государства ѣсмъ извѣстны и не ясны развѣ только ослѣпленнымъ! Глубокое внутреннее единство проникаетъ всю массу огромнаго тѣла и даетъ ему крѣпость несокрушимую. Но, въ то же время, частные проявленія антагонизма, его дѣйствія въ наружномъ выѣтритившемся слоѣ, достигаютъ иногда остроты почти безпримѣрной. Благодаря имъ, Россія сдѣлалась позоромъ всего міра; на нее указываютъ, какъ на поучительный примѣръ извращенія человѣческой природы; злорадные иностранцы убѣждены, что нигилизмъ развѣдаетъ нашу силу, и что скоро рухнетъ эта громада, наводящая на нихъ страхъ и заботу. Они не видятъ, что это—частные явленія, всплески, подымаемые вихрями на поверхности, и что невозмутимый покой царить въ глубинѣ народнаго моря.

Какъ же Аксаковъ стоялъ въ этихъ сферахъ внутренней политики? Отношеніе его къ правительенному строю и дѣйствію есть для насъ примѣръ и поученіе. Имѣя опредѣленную идею власти, онъ желалъ и полнаго воплощенія этой идеи, осуществленія ея въ дѣйствительныхъ формахъ государственной жизни. И здѣсь, мы не хотимъ и не будемъ излагать его воззрѣній; мы хотимъ лишь указать, что они у него были, что у него была такая формула отношеній между властью и всею массою людей управляемыхъ, при которой власть не только сохраняла всю свою силу, но, по его убѣждению, все больше проникалась животворнымъ духомъ ее создавшемъ. Въ человѣческомъ мірѣ—такъ онъ вѣрилъ и такъ должно вѣрить—только то сильно и растетъ, что живеть нѣкоторою идеою.

Вотъ въ какомъ духѣ велъ свою публицистику Аксаковъ. Онъ стоялъ почти въ постоянномъ антагонизмѣ къ управляющимъ сферамъ, но именно потому, что ратовалъ противъ искаженія идей воплощаемой властью. И такъ какъ онъ твердо сознавалъ свою

высшую благонамѣренность, то и говорилъ смѣло, считать свою рѣчь и ея смѣлость своимъ долгомъ. Теперь, когда мы плачимъ объ этой умолкнувшей рѣчи, намъ яснѣе прежняго ея несравненно-благородный характеръ. Это была не лукавая дерзость человѣка, который дышетъ враждою, но укрывается за формы закона, или лицемѣрно показываетъ видъ, что онъ самъ не замѣтаетъ, къ чему клонятся его слова. Это была и не поддѣльная храбрость человѣка, который самъ такъ или иначе прикиновенъ къ власти и лишь потому можетъ давать много воли своимъ рѣчамъ, но дѣлаетъ видъ, что его увлекаетъ за положенные предѣлы одна горячность къ общимъ интересамъ. Нѣть, рѣчь Аксакова была прямая, искренняя рѣчь русского гражданина, не имѣющаго никакихъ заднихъ мыслей, опирающагося въ своей смѣлости только и единственно на чистоту своего чувства, на ясное сознаніе правъ этого чувства. Вотъ откуда та неотразимая прелестъ, которую имѣла эта рѣчь для всѣхъ чуткихъ сердецъ. Лукавство и ложь есть самое обыкновенное явленіе въ политической печати, и можно сказать, что вся наша литература, все больше и больше проникаясь политическими идеями, вмѣстѣ съ тѣмъ прониклась и ложью. Для многихъ и многихъ лукавство стало естественнымъ дѣломъ; лавировать между препятствіями, изворачиваться и отводить глаза— для многихъ это занятіе стало прятнымъ и привычнымъ упражненіемъ ихъ ловкости, и они даже забыли, что значитъ говорить прямо и искренно.

Среди этой атмосферы лжи, среди всеобщаго лукавства разныхъ видовъ и степеней, какъ отрадно было слышать откровенную, чистую рѣчь Аксакова! Онъ имѣлъ даръ краснорѣчія, говорилъ красиво и обильно, но эта блестящая форма не закрывала, а только яснѣе выказывала сердечную теплоту его мыслей. Много было такихъ минутъ, когда, казалось, въ цѣлой Россіи онъ одинъ говорилъ, одинъ подавалъ голосъ, потому что всѣмъ другимъ голосамъ нельзя было придавать никакого дѣйствительнаго значенія, такъ что они равнялись молчанию или даже были хуже молчанія.

И ко всѣмъ тѣмъ предметамъ, за которые онъ стоялъ, у него было одинаково прямое, чистое отношеніе. Если онъ говорилъ о Церкви и православіи, то не такъ, какъ люди только уважающіе Церковь, или только считающіе нужнымъ показывать уваженіе къ Церкви, даже радѣющіе обѣй ней, но не для себя, а для другихъ, для людей низшаго разбора. Аксаковъ говорилъ какъ истинный

сынъ Церкви, благоговѣйно почитавшій ее своею духовною матерью, жившій дѣйствительно въ ея лонѣ и подъ ея покровомъ. Понятно, почему въ его рѣчахъ не было и не могло быть и тѣни рабскаго лукавства.

Если онъ заявлялъ любовь къ Россіи, то это была не полу-животная привязанность къ мѣсту, не ревнивая забота о домѣ, гдѣ мы живемъ и подъ кровомъ котораго можемъ имѣть удобства, выгоды и наслажденія; иѣтъ, это была преданность глубочайшимъ началамъ русской жизни, осмысленное, сознательное исповѣданіе этихъ началъ. Безсознательного патріотизма, живущаго въ массахъ, Аксаковъ никогда не употреблялъ какъ орудіе, какъ средство, которое отбрасывается когда миновала въ немъ надобность. Онъ говорилъ всегда въ смыслѣ *высшаго* патріотизма, въ которомъ государственная мощь и государственные интересы получаютъ свое освященіе отъ духовной жизни народа. Для истиннаго поэта, какъ говорилъ Шиллеръ, музя должна быть не дойною коровою, а богинею. То же самое нужно сказать и объ истинномъ патріотѣ въ его отношеніи къ отечеству.

Точно то же и въ Славянскомъ вопросѣ, въ нашихъ отношеніяхъ къ родственнымъ племенамъ. Эти темные массы, тяготѣющія къ Россіи, не потому были предметомъ мыслей и дѣйствій Аксакова, что ихъ тяготѣніе имѣть важность во внѣшнихъ государственныхъ дѣлахъ, можетъ повредить или помочь этимъ дѣламъ, а потому, что въ основѣ его лежитъ духовное родство съ Россіею, что истинная жизнь Славянъ неразрывна съ этимъ глубокимъ тяготѣніемъ и что способствовать этой жизни значитъ способствовать тому духу, который ищетъ себѣ воплощенія и въ этихъ племенахъ такъ же, какъ въ Россіи. Если бы мы отвергали заботы о Славянахъ, то мы, значитъ, отрицались бы отъ того духа, которымъ сами живемъ. И вотъ отчего рѣчи Аксакова о Славянахъ имѣли полную задушевность и, такъ сказать, чистоту звука.

Возьмите теперь все это вмѣстѣ; представьте публициста, который такимъ образомъ имѣлъ возможность вести свою рѣчь съ совершенной прямотою, съ отсутствіемъ малѣйшаго лицемѣрія, и вы поймете, отчего никто не могъ равняться съ Аксаковымъ и отчего для многихъ его писанія были незамѣнною отрадой и утѣшениемъ. Когда послѣ большихъ или малыхъ перерывовъ являлся вновь нумеръ его изданія, то иному казалось, что онъ изъ

мрачнаго и гнилого погреба вдругъ выходилъ на широкія поля, гдѣ свѣтить солнце. Люди, страдающіе отъ зрѣлища нашей смутной и болезнай общественной жизни, измученные тѣмъ нестерпимымъ диссонансомъ, который непрерывно звучитъ въ ней, отыхали душою на строкахъ Аксакова. Чувство бодрости, великихъ надеждъ, кровной любви къ Россіи опять теплою струею приливало къ сердцу. Читатель становился лучше, видѣль яснѣе свое положеніе и сознавалъ, что онъ и долженъ и можетъ быть гражданиномъ вмѣстѣ съ этимъ богатыремъ, такъ бодро несущимъ тягости дня.

Можетъ-быть мы слабо и невполнѣ очертили здѣсь особенные свойства дѣятельности Аксакова; пусть читатели сами постараются дополнить и исправить этотъ очеркъ. Мы же хотимъ здѣсь настаивать лишь на томъ, что эти свойства были возможны и осуществлялись только подъ условиемъ *идей* Аксакова; если бы онъ не былъ исповѣдникомъ нѣкоторыхъ идей, то онъ не могъ бы быть ни прямымъ, ни смѣлымъ, ни твердымъ и одушевленнымъ, не заслужилъ бы того имени *истиннаѧ гражданина*, которое невольно пришло и приходитъ на мысль самымъ разнообразнымъ его почитателямъ. Въ статьѣ К. П. вѣрно и прекрасно сказано, что Аксаковъ принадлежалъ къ „подвижникамъ великой идеи“ (см. выше статью: „Аксаковы“).

Какъ мы видѣли, къ идеямъ такого рода мы должны устремляться всею душою. Если въ насъ не заглохло нравственное чувство, если мы не хотимъ жить во лжи и двусмысли, то намъ должно быть безконечно дорого ученіе, которое осмысливаетъ нашу жизнь, указываетъ намъ въ ней нѣкоторый правильный и ясный путь. Когда мы плачемъ объ Аксаковѣ, то плачемъ о человѣкѣ, который высоко держалъ знамя такого ученія, быть чистымъ и прекраснымъ его воплощеніемъ.

Но если такъ, то нужно же намъ взять дѣло и съ другой стороны, и добросовѣстно спросить себя: что же мы сдѣлали и дѣлаемъ съ этимъ ученіемъ? Какъ приняла и принимаетъ его публика? Какие оно имѣло успѣхи, и можетъ ли мы думать, что Аксаковъ сошелъ въ могилу не безъ радостныхъ мыслей о плюдахъ своего подвига?

Увы! Въ исторіи нашего литературнаго и умственнаго движения нѣть ничего печальнѣе судьбы славянофильства, и такой одновременный опытъ невольно приводить къ заключенію, что и

впереди этому учению предстоять одни горькие неудачи. Наша неизоценимая умственная языческость, та самая, которая известна подъ именемъ живости и бойкости русского ума, дѣлаетъ насъ неспособными къ усвоенію широкихъ и глубокихъ идей, и не только къ усвоенію, но и къ простому пониманію. Можно очень опасаться, что Аксаковъ будетъ большинствомъ занесенъ въ исторію литературы какъ писатель совершенно честный, но и совершенно ошибавшійся въ своемъ направленіи, мало того,—имѣвшій очень вредное влияніе. Такою враждою постоянно отзывалась наша образованность на проповѣдь славянофильства, отзыается и теперь, и будетъ отзываться впереди. Тому, что называется нашимъ образочинствомъ, эта проповѣдь не нужна, всегда была антиагнична и, безъ сомнѣнія, всегда будетъ. И тутъ нѣтъ ничего удивительного и странного, если мы подумаемъ, какъ глубоко лежитъ основаніе этого антагонизма.

Не будемъ же обманывать себя и, прославляя Аксакова, забывать, какъ мало плода мы принесли, несмотря на всю работу славянофильскихъ подвижниковъ, забывать, что можетъ-быть никогда не было болѣе трудной минуты для того дѣла, которому была посвящена эта работа.

Въ одномъ изъ некрологовъ сказано такъ: „Было время, когда эти идеи (славянофильскія) казались чѣмъ-то не только страннѣмы, но и враждебными просвѣщенію; теперь основная начала этого учения стали очевидной истиной для всѣхъ истинно-просвѣщенныхъ русскихъ людей“. И далѣе: „Онъ (Иванъ Сергеевичъ) имѣлъ счастливую долю видѣть, какъ широко разрослось доброе семя, брошенное имъ и его друзьями на нашу умственную ниву“. („Журналъ Мин. Нар. Просв.“, февраль,—см. выше, стр. 91).

О, еслибы такъ! Какъ утѣшительно это было бы для насъ, и какъ сладко было бы думать, что Иванъ Сергеевичъ могъ передъ смертью повторить слова: „Нынѣ отпущаеши раба Твоего!“ Но, къ несчастью, трудно такъ думать; къ несчастію, едвали не вѣришь будетъ сказать, что наша умственная нива и теперь больше всего растить бурьянъ и крапиву, среди которыхъ легко могутъ заглохнуть добрыя сѣмена, и что кружокъ истинно-просвѣщенныхъ людей можетъ-быть иногда бываль и больше нынѣшняго. Не забудемъ, что славянофильство было провозглашено почти полвѣка тому назадъ, и что Иванъ Сергеевичъ былъ тридцать лѣтъ его проповѣдникомъ. Сколько времени! Представимъ себѣ

юношу, проникнутаго и одушевленнаго этими прекрасными идеями; не имѣть ли онъ права далеко заноситься своими надеждами, ожидать великихъ успѣховъ отъ своихъ силъ, отъ тѣхъ началь, въ которыхъ твердо и ясно вѣрилъ? Если такъ, то жизнь Ивана Сергеевича должна намъ представиться цѣлымъ рядомъ разочарованій, рядомъ тщетныхъ усилий и несбытий надеждъ; и можетъ-быть горькое чувство этого разочарованія никогда не было горше, чѣмъ передъ смертью.

Прошлое царствованіе было временемъ шумнаго движенія, почти непрерывныхъ преобразованій. Но. принципы, которыми руководилось и поддерживалось это движение, были мало похожи на славянофильскіе. Была однако же доля, и притомъ значительная доля въ преобразованіяхъ, которая совпадала съ стремленіями славянофильства, и Аксаковъ сочувствовалъ ей всею душою. Все доброе, что принесло намъ минувшее царствованіе, освобожденіе крестьянъ, расширение печати, облегченіе всякихъ административныхъ узъ и всеобщее смягченіе нравовъ, — все это было вполнѣ въ духѣ ученія наслѣдованнаго и проповѣдываемаго Аксаковымъ. Но все это лишь мѣры отрицательныя, а не зиждительныя; все это входитъ въ программу того общаго либерализма, который есть правило всякаго хорошаго правительства, которому слѣдуетъ даже военная диктатура во всемъ, что не касается ея прямаго дѣла. И что же вышло? Въ умахъ большинства очевидно тогда не было вичего, что составило бы противовѣсь чисто-отвлеченнымъ, чисто-отрицательнымъ понятіямъ, ничего подобнаго тѣмъ положительнымъ и живымъ понятіямъ, къ которымъ стремились славянофилы. Потому и не было въ умахъ отпора разнымъ уродливымъ и крайнимъ порожденіямъ либерализма, неожиданно созрѣли идеи смутъ и покушеній, и Тотъ, Кто такъ любилъ освобождать и въ этомъ полагалъ свою заслугу, былъ убитъ безумцами, одурѣвшими отъ дѣтской мысли, что убивая Его, они убьютъ самую власть. Государство и его внутрення объединяющая сила, недоступная никакому динамиту, остались незыблѣмыми, не потерпѣли и самомалѣйшаго ущерба. Но на умы наши этотъ ударъ произвелъ неизгладимое впечатлѣніе. Общественное сознаніе почувствовало, что въ путяхъ прежнихъ прекрасныхъ реформъ былъ какой-то существенный недостатокъ, что ихъ слѣдовало бы чѣмъ-то восполнять. И движение остановилось, потому что прежніе пути оказались опасными, а нового путиника

кого не видно; онъ, конечно, существуетъ, но совершенно намъ неизвѣстенъ. Такимъ образомъ кажется, что мы какъ будто вернулись назадъ, къ той точкѣ, съ которой начались преобразованія. Этотъ опытъ, продолжавшійся четверть вѣка, какъ будто ничему не научилъ настъ; по крайней мѣрѣ мы не умѣемъ извлечь изъ него поученія. Растворимость общественной мысли очевидна; эта мысль нисколько не созрѣла, потому что вовсе и не работала надъ вопросами объ основахъ нашей государственной жизни, и хотя прошлое царствованіе, казалось бы, давало сильнѣйшіе подводы къ занятію этими вопросами, наши понятія о такомъ существенномъ дѣлѣ не подвинулись впередъ ни на шагъ. Зачѣмъ же мы жалуемся иногда на ретроградство, когда сами не двигаемся съ места?

Въ доказательство сказанаго можно сослаться на одинъ знаменательный фактъ. Недавно Министерство народнаго просвѣщенія предложило написать университетамъ задачу создать „науку русскаго государственного права“, въ которой бы было представлено „существо русскаго монархического начала“. А чтобы показать основательность и необходимость этой задачи, Министерство опирается на такое общее соображеніе: „У Нѣмцевъ есть „изобиліе философскихъ учений; у Французовъ, Англичанъ и другихъ народовъ есть также свои возврѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрењія Русскаго народа?“

Нельзя не привѣтствовать всею душой такихъ приглашеній къ самостоятельной работѣ мысли, такихъ указаний на то, что слѣдуетъ намъ быть самобытными, если желаемъ стать рядомъ съ иностранцами. Будемъ философствовать какъ Нѣмцы, т. е. по своему; будемъ консерваторами какъ Англичане, но только по своему; будемъ и прогрессистами, но по своему, а не какъ Французы. Только тогда у насъ будетъ настоящая умственная и общественная жизнь.

Но вѣдь этого самого и желали и требовали славянофилы; это есть только общая и отвлеченная формула, которую они не только давно заявили, но которую поддерживали живымъ и глубокимъ сочувствіемъ къ русскимъ началамъ. Они не только искали этихъ началъ, а уже написали ихъ въ своей душѣ и много трудились надъ тѣмъ, чтобы довести ихъ до логической формулировки и до яснаго выраженія въ словѣ. Эта попытка на самостоятельную мысль, это стремленіе къ сознательной самобытности уже

больше сорока лѣтъ тому назадъ выступило у насъ во всеоружії научныхъ и литературныхъ достоинствъ. Поэтому намъ слѣдуетъ предположить, что университеты теперь, конечно, прежде всего займутся славянофильствомъ; можетъ-быть они его расширять, углублять или даже совершенно измѣнять; но во всякомъ случаѣ, оно должно быть примѣромъ и основаниемъ всякихъ новыхъ попытокъ.

Выводы эти ясны; но, безъ сомнѣнія, было бы великимъ легковѣріемъ надѣяться на ихъ осуществленіе. Какъ можно думать, что получить свой вѣсъ ученіе, которое сорокъ лѣтъ было заглушено и подавлено невниманіемъ и враждою? Развѣ измѣнились обстоятельства, подъ влияниемъ которыхъ живетъ нашъ умственный міръ? Развѣ всемогущее влияніе Запада и наша рабская ему подражательность ослабѣли? Развѣ мы прозрѣли, поумѣли, почувствовали въ себѣ большіе нравственной крѣпости, большие желанія жить руководясь определенными идеями, а не случайностями дня? Совершенно ясно, что все у насъ обстоитъ по прежнему, потому что недоумѣніе, въ которое мы попали, не побуждаетъ насъ искать выхода въ новыхъ началахъ, а только ослабило вѣру въ какія бы то ни было начала.

Ни одна изъ надеждъ, ни одно изъ задушевныхъ желаній Аксакова не имѣть впереди себя яснаго будущаго. Церковь осталась въ томъ же своемъ положеніи; укрѣщеніе и развитіе ея внутренней жизни по прежнему идетъ шатко и медленно, и не возможно предвидѣть откуда явится поворотъ къ лучшему. Славянскія дѣла ясно свидѣтельствуютъ, что духовное значеніе Россіи не развило. Послѣ подвиговъ, достойныхъ Аннибала или Александра Македонскаго, мы вдругъ съ сокрушениемъ видимъ, что старанія иностранцевъ и ихъ политическое и культурное влияніе берутъ верхъ надъ тою связью по крови, по вѣрѣ и по истории, которая соединяетъ насъ со Славянами. Но вѣдь весь узелъ Славянского вопроса заключается именно въ нашей культурѣ, и если самобытныя духовные и исторические силы наши не развиваются, если наша религіозная, политическая, умственная и художественная жизнь не растетъ такъ, чтобы соперничать съ развитиемъ западной культуры, то мы неизбѣжно должны отступить для Славянъ на задній планъ, сколько бы мы крови ни проливали. Какая же для насъ надежда въ этой борьбѣ? Становясь грудью за единовѣрцевъ, мы должны спрашивать себя: не убываетъ ли

и въ насть, и въ нихъ та вѣра, въ которой весь смыслъ дѣла и виѣ которой бесплодны всякие подвиги? Такъ точно мы должны спросить себя и о всякой другой чертѣ нашей духовной связи со Станнами. И если такъ, то развѣ можно теперь глядѣть впередъ безъ унынія и боязни?

Все это, и лучше и яснѣе всякаго, видѣлъ и чувствовалъ Аксаковъ. Поэтому больше чѣмъ когда-нибудь ему стало тяжело передъ смертью. Не могу выразить, какъ изумили, какъ болѣо поразили меня нѣсколько унылыхъ словъ, вырвавшихся у него въ послѣднихъ письмахъ, и тѣмъ сильнѣе поражавшихъ, что выходили изъ устъ такого богатыря. „Чувствуешь“,—писалъ онъ, между прочимъ,—„что настоящій переживаемый нами періодъ — долгій періодъ и что его ничѣмъ не сократишь“. И вотъ ему не довелось переживать этотъ періодъ; смерть избавила его отъ этого страданія. Онъ такъ долго ждалъ, такъ долго обманывался въ своихъ надеждахъ, и вдругъ убѣдился, что еще долго, долго ждать минуты, когда онъ могъ бы сказать свое *ничию отпускаемъ*. Въ этомъ смыслѣ смерть была для него милостью. Въ самомъ дѣлѣ, при такомъ ходѣ дѣла, когда мы оказываемся такъ мало способными къ воспріятію и развитію внутренней духовной жизни Россіи, когда для возбужденія нашихъ умовъ и сердецъ потребуются можетъ-быть новыя бѣдствія, новыя тяжкія испытанія, когда всякий призывъ къ сознанію, къ уясненію смысла нашей жизни, къ пониманію и развитію ея идеи, неизбѣжно глохнетъ въ нашихъ умахъ, уроки истории не выводятъ насть изъ слѣпоты, а только наводятъ на насть недоумѣніе,—при такомъ ходѣ вещей, какая судьба предстояла Аксакову? Чѣдолженъ былъ чувствовать этотъ Сизифъ, столько разъ подымавшій камень на гору и подъ конецъ увидавшій, что камень опять скатился, но гораздо ниже прежняго?

Нѣть, для себя онъ вовремя умеръ. Благочестивые люди вѣрятъ, что смерть всякаго человѣка совершается не безъ соизволенія Божія. И на этотъ разъ мы какъ будто можемъ понять смыслъ этого соизволенія. Аксаковъ довольно потрудился, и вѣрный рабъ былъ наконецъ отпущенъ отъ своей работы. Чѣдолженъ быть? Конечно то, чего мы заслуживаемъ.

Н. Страховъ.

3-го марта.

И. С. Аксаковъ.*)

Вчера еще могучая русская грудь высоко вздымалась; вчера еще русское чувство, русское слово, всю Россію потрясало; вчера еще великий Славянинъ изъ самаго центра славянской мощи—изъ Москвы посыпалъ высокое, славянское, благостынное, православное слово всему Славянскому миру; вчера еще онъ *собиралъ, подымалъ, призывалъ* всю Россію, весь Востокъ, и шель впереди съ дрожащимъ знаменемъ въ рукахъ, съ сияниемъ побѣды на челе, съ непоколебимою увѣренностью въ величинѣ и могуществѣ своей отчизны, въ правотѣ ея дѣла. Онъ чуилъ приближеніе великихъ временъ, онъ слышалъ уже отдаленный гулъ великой славянской волны—выступленіе Славянскаго мира на всемирную арену; съ скрижалю въ рукахъ—съ готовою, начертанною программой, съ православнымъ образомъ стоялъ онъ на рубежѣ Россіи, лицомъ къ Востоку, и молвиль: „внемлите, други братья, гласу Божью, глаесу православной Россіи—общей нашей матери, возлюбите другъ друга, сомнитесь, соединитесь!...“ Вчера еще все это было,—а сегодня всего этого *ничьи* уже! Удалила смерть, и вдругъ все стемнѣло.

Отчего эти безпощадные удары?

Отчего поражаетъ смерть такихъ сыновъ?

Отчего человѣчество не можетъ привыкнуть.... оно никогда не привыкнетъ къ смерти?

Но къ чему всѣ эти ропоты, слезы и тихія рыданія? Есть Провидѣніе! Покоримся волѣ Божіей, утѣшимъ себя мыслю о всеконечной правдѣ, о *жизненности* всего существующаго. Если смерть не есть миражъ, обманъ, то можетъ-быть она существуетъ только для всего порочнаго и дурнаго; это порочное и дурное—наше тѣло, нужно же его уничтожить.

Ивану Сергеевичу нужно было успокоеніе,—и какое чудное для него успокоеніе, если онъ только стоить теперь невидимо въ сторонѣ и глядить на свои дѣла! Какое прекрасное *успокоеніе*, какая прекрасная *вѣчность* въ ореолѣ доброты, честности и правды!

*) Изъ «Новороссійскаго Телеграфа».

Но пойдемъ теперь къ его могилѣ—онъ лежитъ теперь тамъ, съ великой тайной міра, въ гробу. Кругомъ уже все стихло, все вошло въ обыденную свою колею; природа какъ бы сдѣлала свое дѣло—создала, похоронила и опять стала безстрастною въ сторонѣ. Тихо и безмятежно теперь вокругъ Ивана Сергиевича; глубоко и величаво теперь вокругъ него. Тутъ можно поплакать теперь здоровыми, мужественными, гордыми гражданскими слезами, слезами умиленія; тутъ можно воодушевиться высокими мыслями; тутъ можно погрѣть и укрѣпить свою русскую душу, вымыть и усилить свою любовь къ родинѣ.... Вѣдь слово Ивана Сергиевича *не умерло!* Оно парить надъ его могилой,—оно запечатлѣлось въ мірѣ: въ умахъ и въ душахъ; оно никогда не изгладится изъ памяти Россіи и Славянства: *моимъ надъ ею словомъ, надъ ею дѣломъ не будетъ!* И при этой мысли, радость передъ его земной, неизбѣжной могилой охватываетъ всю вашу душу, все ваше существо, и вы видите Ивана Сергиевича живымъ передъ собою, и вы видите воочію при нѣй могилѣ торжество жизни и счастья,—и вы отъ могилы отходите для еще большаго прославлевія жизни, міра и Создателя.

Но гласъ Ивана Сергиевича изсякъ,—тѣмъ драгоцѣннѣе долженъ быть теперь каждый его завѣтъ; мы не услышимъ болѣе пламенныхъ его рѣчей; мы не услышимъ болѣе своеобразнаго, сильнаго его слова, горячаго его призыва къ долгу и самоотверженію; мы не услышимъ болѣе назидательнаго, наставническаго его слова, — мягкаго, сердечнаго его отношенія ко всему, что мыслило и стремилось къ правдѣ въ жизни: онъ, *съ своей высоты, спускался въ самыя низшія, начинающія, если можно такъ выражаться, мыслящія сферы, и не отказывалъ въ своихъ драгоцѣнныхъ совѣтахъ самому маленькому пишущему люду:* мы, недавно еще, имѣли счастье получить отъ него письмо, изъ котораго можно видѣть съ какою готовностью, съ какимъ участіемъ, съ какою теплотою и съ какою любовью онъ относился и къ этому дѣлу.

Прощай, Иванъ Сергиевичъ! Мы никогда не забудемъ твоихъ словъ,—ты твердо, прочно начертилъ въ сердцахъ свой завѣтъ: любить Россію, народъ и беззавѣтно отдать себѣ на служеніе великому славянскому дѣлу.

П. Леонардъ.

И. С. Аксаковъ. *)

Аксаковъ мастерски владѣть перомъ и словомъ.

Аксаковскій слогъ можно считать классически-русскимъ. Онъ отличался неистощимымъ богатствомъ той литературной рѣчи, кла-дяземъ для которой служать уста народа. Онъ бытъ старательно очищенъ отъ всякихъ вѣшнихъ примѣсей и заимствованій, и зву-чалъ необыкновенно мелодично и чисто. Это бытъ вполнѣ мос-ковскій стиль великолѣпнаго образца, сравнительно съ которымъ и неудобопонятенъ нашъ сборный, космополитически-русскій ли-тературный слогъ. У Аксакова въ этомъ отношеніи можно было и слѣдовало учиться. Ему свойственна была настоящая виртуоз-ность слога. У всякаго другаго писателя рѣчь подобная Аксаков-ской казалась бы дѣланной, искусственной, вычурной. Она сплошь и рядомъ пользовалась архаическими, вовсе вышедшими изъ упо-требленія словами и оборотами. Въ ней попадались въ первый разъ встрѣчавшіяся прилагательныя и удивительные глаголы, не-слыханныя нарѣчія. Она была настолько русской, что могла ка-заться вовсе нерусскою. Но это бытъ, повторяемъ, прекрасный и замѣчательный языкъ. Въ немъ была бездна энергіи, карти-ности и блеска. Каждое слово стояло на свое мѣстѣ, каждая фраза имѣла свое законное бытіе, а въ общемъ единеніи ихъ чув-ствовались сила, связность и обаятельный эффектъ тонкой и ху-дожественной риторики. Лучше Аксакова писать только Хомя-ковъ. Но Аксаковъ писать значительно лучше другихъ славяно-филовъ, не исключая и Юрия Самарина. Вмѣстѣ съ Аксаковымъ умреть и его языкъ. Теперь такимъ слогомъ даже и на академическую премію никто не напишетъ.

А какимъ ораторомъ бытъ Аксаковъ! Его живое, спокойное и величественное, строго размѣрное и необыкновенно образное слово производило глубокое и очень сильное впечатлѣніе. Пом-ниу, слышаль я его въ Москвѣ во время Пушкинскихъ празднествъ. Въ громадномъ залѣ, за параднымъ пиромъ, которымъ москов-ское дворянство угождало прѣзжихъ депутатовъ, послѣдователь-

*) Изъ № 3274 «Новороссийскаго Телеграфа».

но говорили заслуженнійшіе „отцы“ русской литературы. Рѣчи принадлежали Тургеневу, Достоевскому, Островскому, Юрьеву, Писемскому. Говорилъ и Аксаковъ. Къ нему внутренне не тянуло петербургскихъ слушателей, но онъ магически побѣдилъ избранную аудиторію и заставилъ ее разразиться оглушительными и восторженными рукоплесканіями. Сама природа создала Аксакова вождемъ. Въ немъ несомнѣнно было нѣчто, такъ сказать, понтификальное. Широкая, выпуклая, чисто богатырская грудь, крѣпкая прямая и свободная посадка, огромный мы囊ящій, открытый лобъ, окладистая, подстриженная, чисто - русская, бѣлая борода, умные, прозорливые и вдумчивые глаза въ золотыхъ очкахъ и крупныя мускулистыя руки придавали Аксакову полную физиономическую самостоятельность и оригинальность. У Аксакова все было на виду, и онъ невольно обращалъ на себя вниманіе. Аксаковъ не, рисовался, но у него имѣлись всѣ внѣшнія средства превосходнаго артиста и талантливѣйшаго декламатора. Въ Аксаковѣ чувствовался природный первоклассный трибунъ. Вась подкупалъ риторъ, но въ строгомъ классическомъ, серіозномъ смыслѣ слова. Аксаковъ, говоря, какъ бы париль, приподнималь, вознося съ собой, и слушателя. Ни одинъ слогъ, ни одинъ голосовой эффектъ, ни одинъ внушающій раздумье вопросъ и ни одно заключительное восклицаніе не пропадали въ Аксаковской рѣчи. И она, какъ и его литературный слогъ, какъ бы наряжена была въ царственные одежды красоты и величія. Мысли и періоды развертывались у него медленно, плавно, съ мастерскимъ выдѣленіемъ всѣхъ оттѣнковъ и періодовъ. Голосъ Аксакова былъ органомъ спикера, говорящаго съ массою. Онъ отличался звучностью, мощью и разнообразiemъ въ тонахъ и нотахъ. Внимая ему, вы чувствовали, что голосъ этотъ сразу способенъ завладѣть массою, заставляя ее любить и ненавидѣть, восторгаться и ужасаться, плакать и радоваться. Жестикуляція у Аксакова была красивая, величавая и выразительная. Она стояла на высотѣ оратора, какъ разъ на той грани, где кончается область трибуны и начинается сфера театра. Въ говорящемъ Аксаковѣ кромѣ того поражала и увлекала необыкновенная вѣра его въ свои слова, стремлени¤ и идеалы. Слушателю почему-то казалось, что человѣкъ, который *такъ* говорить, не можетъ ошибаться. Аксаковъ подавлялъ слушателя ораторскимъ талантомъ и ни на минуту не освобождалъ его изъ-подъ своего обаянія. Смѣло можно

сказать, что Аксаковъ былъ самымъ краснорѣчивымъ и самымъ возвышеннымъ русскимъ ораторомъ. Онъ точно родился на каѳедрѣ, и въ словѣ его была та волшебная музыка, которая обезоружила и враговъ.

Вообще говоря, дѣятели подобные Аксакову стоять, какъ верстовые указательные столбы, на общественной дорогѣ, по которой идутъ цѣлые поколѣнія. Ихъ у насъ очень немного, меньше чѣмъ пальцевъ на рукахъ, и потому внезапная и преждевременная кончина Аксакова можетъ и должна служить тяжелой утратой для всей русской интеллигентіи, независимо отъ тѣхъ лагерныхъ дѣлъ, на которыхъ распадается она, посильно стремясь къ одной и той же общей цѣли: къ обессиленію вредного и къ укрѣплению благого и полезнаго.

Памяти И. С. Аксакова *).

Въ трудные для русского человѣка дни, когда онъ такъ нуждается въ честномъ словѣ учителя, не стало писателя, стоявшаго всю свою жизнь за народность въ жизни, искусствѣ и политикѣ, такъ высоко державшаго знамя родной земли.

То, о чѣмъ думали лучшіе изъ русскихъ людей, ту вѣру въ духовную мощь Русскаго народа, какъ Славянскаго, какъ выше другихъ единоплеменныхъ поставленнаго судьбами,—безустанно съ сороковыхъ годовъ проповѣдывалъ онъ въ цѣломъ рядѣ своихъ и чужихъ московскихъ изданій, стоявшихъ подъ русскимъ знаменемъ. Не было до него и не стало по его смерти человѣка, который въ лицѣ своемъ соединялъ бы столько дарованій и силъ для тяжкой задачи будителя массъ, для проповѣди въ пустынѣ русской журналистики о грядущемъ для Русскаго, какъ Славянскаго, міра. Его поистинѣ пророческія рѣчи начинались и оканчивались словами: „покайтесь“! Сознавая сущность духовныхъ силъ русского человѣка и громадныя вещественные силы Русской земли, онъ не увлекался видимымъ вѣшнимъ могуществомъ Русскаго государства, видѣлъ разладъ между тѣмъ, что было и

*) Изъ № 24 «Волжскаго Вѣстника».

что должно и могло быть, и требовалъ дѣятельного раскрытия всѣхъ силъ Руси для выполненія ея призванія въ ряду другихъ государствъ. Не блестящая внѣшность исторической жизни обольщала пытливый взоръ писателя. Нельзя было глубже его понимать всю ложь, часто скрывающуюся подъ такой внѣшностью, всю мишуру театральныхъ костюмовъ извѣстныхъ видныхъ лицедѣевъ на подмосткахъ житейской сцены. Часто „повашленные гробы“ видѣлись ему въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ другие находили и привѣтствовали краски жизни. „Кому много дано, съ того много и спросится“,—говорилъ онъ въ еженедѣльныхъ бесѣдахъ своей немногочисленной аудиторіи. Несомнѣнная внѣшняя мощь Руси должна была воплотиться въ мощное дѣло во имя права и свободы цѣлыхъ народностей. Русь должна была жить по русски, на свой ладъ, прирожденный ей, какъ живому организму. Русь изъ своихъ силъ должна была вырабатывать свой строй, не гоняясь за чуждыми узорами и выкройками, не стремясь, разумѣется безплодно, походить на то или другое европейское государство. Всестороннее знакомство съ европейской жизнью въ прошломъ и настоящемъ, полное усвоеніе учений европейскихъ мыслителей и знаніе Славянскаго міра—подсказали ему не только пути, но и возможность осуществить его соціальныя и политическія задачи. Изученіе своего, какъ дѣла Европа, уваженіе къ роднымъ началамъ, какъ поступала Европа, пользованіе и развитіе собственныхъ вещественныхъ и невещественныхъ силъ, какъ единственный двигатель европейскихъ государствъ, только и могли поставить Русь на ноги и проявить въ ея лицѣ типъ самостоятельного Славянскаго государства, полноправнаго по развитію съ европейскими. Съ такими возврѣніями на русскую жизнь, въ границахъ государства, у писателя послѣдовательно связывались возврѣнія и на политическія задачи Руси по отношенію къ другимъ Славянскимъ племенамъ, у которыхъ, впрочемъ, онъ различалъ стихіи общія съ русскими и чужды русскимъ, внесенные въ заброшенный Славянскій міръ заботливымъ Западомъ. Общность призванія всѣхъ Славянскихъ племенъ, полное преуспѣніе каждой славянской вѣтви въ томъ, что не вредно общимъ интересамъ Славянства—дополняли программу публициста, который смѣло выдвигалъ духовно-сплоченный Славянскій міръ—предъ политически - сплоченными мірами Германскимъ и Романскимъ. Словомъ, отстаивая тезисы такъ - называемой славянофильской

школы, Аксаковъ былъ и первымъ и послѣднимъ яркимъ выразителемъ того европеизма на Руси, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, который былъ не по плечу многимъ изъ его литературныхъ и нелитературныхъ противниковъ. И въ ту минуту, какъ Славянскій или Восточный вопросъ, что въ сущности одно и то же, опять выступилъ на первый планъ въ Европѣ,—могучій, неподкупный голосъ Аксакова снова стать было вносить свѣтъ въ темное царство политическихъ интригъ, направленныхъ противъ Руси, и требовалъ у этой послѣдней готовности къ грядущему, полному тяжкихъ неожиданностей. События перепутывались все болѣе и болѣе, и понятно, что славянскому сердцу великаго дѣятеля все тяжеле и тяжеле было переживать прискорбныя явленія начинаящейся борьбы..... Оно не вынесло.....

Что-жь? Веселитесь! Онъ мученій
Послѣднихъ перенестъ не могъ....

М. П. П—ій.

О кончинѣ И. С. Аксакова. *)

27 января, въ 7. 30 м. вечера, скончался отъ разрыва сердца, на 63-мъ году жизни, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ—одинъ изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ умовъ, имя которого занимаетъ видное мѣсто въ исторіи русской культуры. Это былъ громадный талантъ и человѣкъ высокой честности и рѣдкаго прямодушія. Онъ отличался горячей и глубокой любовью къ родинѣ и Русскому народу. Смерть этого великаго патріота не можетъ не вызвать искренней печали въ каждомъ просвѣщенномъ русскомъ человѣкѣ.

Нѣть такой сферы въ области русской жизни, въ которой бы публицистическая дѣятельность почившаго писателя не находила своего отраженія. Вотъ почему и мы не можемъ не подѣлиться печальной вѣстю съ своими читателями. Незабвенный И. С. вспоминаль въ своей осиротѣвшей „Руси“ и родную сельскохо-

*) Изъ № 15 «Сельского Хозяина».

заятственную промышленность. И для нея у него находилось въс-
кое слово, которымъ онъ такъ много послужилъ и родинѣ, и все-
му Славянскому міру!.. (Далѣе слѣдуютъ біографическія свѣ-
дѣнія.)

Статья изъ № 29 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Кончина И. С. Аксакова представляеть важную обществен-
ную утрату. Со смертью его русское общество лишилось одного
изъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей, честнаго и независимаго
публициста, воплощавшаго въ своемъ лицѣ цѣлое самобытное на-
правление, которое при немъ и чрезъ него не только приняло наи-
болѣе опредѣленныя формы, но и успѣло заявить себя рядомъ
важныхъ фактическихъ результатовъ. Только утративъ такую
личность, можно сознать вполнѣ всю величину потери; только
теперь стала очевиднымъ тотъ пробѣль въ рядахъ русскихъ об-
щественныхъ дѣятелей,—пробѣль, котораго замѣнить некѣмъ, ибо
нѣть лица, которое могло бы явиться столь же независимымъ,
искреннимъ, честнымъ, талантливымъ, вдохновеннымъ выражите-
лемъ лучшихъ идей и стремлений такъ-называемаго славянофиль-
ства. Можно было не соглашаться съ тѣми или другими мнѣнія-
ми Ивана Сергеевича, можно было даже расходиться съ нимъ въ
основныхъ убѣжденіяхъ и въ пониманіи политическихъ и обще-
ственныхъ идеаловъ, но нельзя было не относиться съ глубокимъ
уваженіемъ къ неуклонной вѣрности этого человѣка разъ усвоен-
нымъ убѣжденіямъ, къ пылкости искренняго чувства, не охладѣ-
вшаго съ годами, къ горячей вѣрѣ въ излюбленные идеалы, къ
вдохновенному дару слова, увлекавшаго сердца, къ неизмѣнной
честности и высокому благородству, съ которыми онъ шелъ столько
лѣтъ по пути своего призванія, не уклоняясь съ него съ пере-
мѣнной вѣтра и сохраняя, какъ публицистъ, всегда независимость
своихъ патріотическихъ убѣжденій, несмотря на всѣ трудности
такого прямолинейнаго пути, на всѣ преграды и невзгоды, съ
которыми ему приходилось при этомъ считаться.

Передовая статья № 30 „Русскихъ Вѣдомостей“.

Москва, 31 января.

Сегодня Москва провожаеть на вѣчный покой одного изъ лучшихъ своихъ гражданъ. Люди самыхъ различныхъ общественныхъ положений, представители печати всѣхъ оттѣнковъ собираются ко гробу Ивана Сергеевича Аксакова, чтобы выразить свою скорбь объ утратѣ горячо убѣжденного общественного дѣятеля, правдиваго публициста и талантливаго русскаго писателя. Кто изъ русскихъ людей не зналъ покойнаго, какъ неутомимаго борца за интересы Славянскихъ народовъ? Кто не помнить его энергической работы словомъ и дѣломъ предъ послѣднею войною, во время ея и послѣ нея, когда историческія случайности лишили Славянство значительной доли результатовъ, добытыхъ кровавой борьбой? Каждый, кто слѣдилъ за русскою печатью, привыкъ цѣнить въ покойномъ литературнаго дѣятеля, смѣлаго, рѣшительнаго, не стѣснявшагося высказывать свое убѣжденіе, какъ бы ни шло оно въ разрѣзъ съ господствующими теченіями. Можно рѣшительно расходиться съ взглядами покойнаго, но нельзя не цѣнить той искренности убѣжденій, того мужества мысли, которымъ отличали его, начиная съ первыхъ шаговъ его дѣятельности до кончины. Русская литература потеряла въ Аксаковѣ писателя, который, унаследовавъ преданія лучшаго ея времени, обладалъ тайною мощнаго слова, достающеюся въ удѣль немногимъ.

Еще съ ранней молодости Аксаковъ готовилъ себя не для радостей жизни, а для упорной общественной работы. Въ поэтическихъ произведеніяхъ молодыхъ лѣтъ покойный заявлялъ о себѣ, что „изъ хора всѣхъ доступныхъ музъ“ онъ „съ музой бодрой, строгой, гнѣвной вступилъ въ воинственный союзъ“.

Проникнутый искреннею любовью къ народу, онъ видѣлъ его благо въ свободномъ и самостоятельномъ развитіи, и съ этой точки зрѣнія всю жизнь боролся противъ посягательствъ на эту свободу, откуда бы они ни исходили. Уже одно изъ самыхъ раннихъ произведеній Аксакова, поэма „Бродяга“, представляло собою протестъ противъ тѣхъ путь, которыми сковывалась человѣческая личность крѣпостнымъ правомъ въ союзѣ со старой казенной ру-

тиной. Затѣмъ въ цѣломъ рядѣ литературныхъ предпріятій, которыхъ руководителемъ являлся покойный Аксаковъ, онъ ревниво охранялъ самостоятельность народа отъ разныхъ охотниковъ испробовать на немъ властную руку. Не дешево доставалось ему твердое служеніе идеаламъ, но несмотря на всѣ превратности, онъ остался вѣренъ имъ до конца. Эта-то вѣрность своимъ убѣждѣніямъ, эта нравственная твердость, эта энергія въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ задачъ,—воть черты, которыя не могутъ не вызывать самаго искренняго сочувствія и уваженія къ личности покойнаго, даже независимо отъ оцѣнки его заслугъ передъ русскимъ обществомъ.

Памяти Ивана Сергеевича Аксакова *).

Не простая случайность, что именно сегодня, 19 февраля, въ славный день двадцатипятилѣтія великаго дѣла освобожденія крестьянъ, доводится мнѣ помянуть незабвенаго поэта, воспѣвшаго первую вѣсть о готовившейся въ то время реформѣ. Именно въ этотъ день, когда рознь, вражда и всѣ недобрья чувства замолкаютъ передъ торжественностью событий, помянемъ мы честность, искренность, беззавѣтную любовь къ освобожденнымъ братьямъ и непоколебимую вѣру въ мощь и творческую силу своего народа дорогаго намъ общественнаго дѣятеля и русскаго патріота. Эти двадцать пять лѣтъ дали намъ уже новое поколѣніе свободныхъ гражданъ, ставшихъ живой стѣной между безвозвратнымъ прошедшимъ и грядущимъ будущимъ великаго народа.

Едва, едва стала заниматься заря свободы, при первой вѣсти о реокриптахъ дворянству въ концѣ 1857 года, какъ поэтъ ужъ сиѣшилъ привѣтствовать новорождающуюся эру сильными по чувству и мысли строками:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь.
Новой жизпи трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотрѣть день!

*) Изъ № 2 журнала „Сѣверный Вѣстникъ“.

Съ сонныхъ въжь стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна.
Вышла, съ Богомъ, на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могиль!

Пусть почлютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько жѣть!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣть.
Все простить онъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ жѣту
Пѣсню радости поеть:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благословенъе,
Долгихъ мукъ исчезнеть сльзъ,
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Вполнѣ сознавая нѣкоторые недостатки Положенія 19 февраля, онъ тѣмъ не менѣе горячо отстаивалъ его отъ нападокъ тогдашнихъ реакціонеровъ, пріютившихся въ газетѣ „Вѣсть“.

„Да, какъ бы ни совершилось освобожденіе, но въ самой свободѣ столько блага, столько животворящей силы,—такое добро этой святой даръ, что имъ могутъ уврачеваться и самыя раны, исправиться всѣ недостатки“.

Просторъ мысли и слова являлся ему не только самымъ желаннымъ даромъ, но самой крайней необходимости, условіемъ

зіпекаціоп истинного розвитія и возмужанія нашого общества, пробужденія, оживленія и направлений къ благой дѣятельности нашихъ общественныхъ силъ *).

„Недостаетъ намъ путеводителя, пишеть онъ, свободы мнѣнія и выраженія его въ словѣ.

„Чѣмъ же такимъ станетъ земство (котораго возрожденія такъ желаетъ правительство), если оно не будетъ знать простора своему мнѣнію и своей рѣчи? Освобожденіе крестьянъ должно неминуемо привести, и мы этому вѣримъ,—къ расширенію правъ мысли и печати. Недостаточно развязать руки въ смыслѣ вещественномъ, какъ сдѣлалъ это благодѣтельный манифестъ 19 февраля, но нужно еще дать больше воздуха, больше свѣта,—а что же такое просторъ мысли и слова, какъ не воздухъ и свѣтъ?...“

Неустанно проповѣдываль онъ сближеніе съ народомъ, но сближеніе, понимаемое не однимъ вѣнчальнымъ образомъ.

„Сколько ни приписывайся къ волостямъ, писаъ онъ **), сближенія не достигнешь, пока не соединишъ съ народомъ въ области духа, пока не проникнешься его основными духовными и историческими началами. Внѣ этого условія, какую бы ни взяли ноту, она будетъ фальшива и только усилить всеобщій диссонансъ, отъ котораго и безъ того ужъ таکъ давно страждеть слухъ и не слыхать голоса истины“.

„Если помѣщикъ, пишеть онъ въ другомъ мѣстѣ ***), будетъ свято чтить неприкословенность крестьянскихъ правъ и независимость крестьянскаго самоуправления и соединить свои интересы съ интересами села или волости, если онъ сумѣеть внушить къ себѣ довѣріе крестьянамъ и сдѣлается ихъ естественнымъ совѣтчикомъ и посредникомъ, тогда, нѣть сомнѣнія, крестьяне и землевладѣльцы явятся въ земскія учрежденія уже предварительно сближенные и придадутъ земству значеніе дѣйствительной силы: органической, а не механической,—живой, а не бюрократической,—народной, а не мертвоя-казенной или офиціальной“.

Кому не родственна та „владычица тоска“, что такъ всесильно завладѣваетъ нами при сознаніи избытка силъ и невоз-

*) День 1864 № 1.

**) День, 1864, II.

***) День, 64, февр. 22.

можности примѣнить ихъ на пользу родины? въ какую прекрасную форму вылилась эта „владычица тоска“ въ его стихотвореніи:

Опять тоска! опять раздоръ!
Знакомыхъ думъ, знакомый сокръ!
Давно ли я мечту спровадилъ,
На мирный строй себя наладилъ,
И самъ повѣрить былъ готовъ,
Что жизнь права, что я доволенъ?..
И коть я боленъ, боленъ...
И для тоски не знаю словъ!...

и т. д.

Сколько разъ приходилось намъ слышать отъ него, что жизнь есть подвигъ, тяжелый подвигъ въ борьбѣ съ ложью, этимъ непримиримымъ врагомъ человѣчества, и что стремленіе къ искренности должно стать главной задачей въ жизни!

Въ одну изъ трудныхъ минутъ упадка духа при видѣ царящаго зла, у него вырывается крикъ отчаянія, мощная сила котогого невольно сообщается читателю:

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово,
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзalo слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте силы, вы не нужны!
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Всемъ правды и добра!

Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Бессиленъ подвигъ обличенья.
Безуменъ всякий честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности—и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святая бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоять твердыня,
Царить безмысленная ложь!

Она страшный враговъ опасныхъ,
Сильна не виѣшию бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ
Въ борьбѣ пустой, тупой, нѣмой!...

Ликой же ложь, и часъ, безумцевъ.
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!..
Слабѣйте-же силы! вы не нужны!
Засии ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружины
Во имя правды и добра!

Ужь не та же ли ложь сокрушила наконецъ неутомимаго
борца за свой идеалъ?

Анна Евреинова.

Передовая статья № 11 „Казачьяго Вѣстника“.

Новочеркасскъ, 5 февраля.

Смерть великаго гражданина земли Русской Ивана Сергеевича Аксакова, общественная и политическая дѣятельность котораго стяжала ему искреннее уваженіе тѣхъ, кому дороги русскіе и славянскіе интересы, составлять такую утрату, которая во всѣхъ концахъ обширнаго царства Русскаго отразилась глубокою скорбію. Вѣсть объ этомъ и на Дону, какъ вездѣ въ Россіи, опечалила знавшихъ дѣятельность и направленіе Ивана Сергеевича и благоговѣвшихъ предъ его именемъ, предъ его мощнымъ словомъ, какое онъ смѣло и твердо высказывалъ, когда нужно было говорить объ интересахъ родной земли, объ интересахъ братскихъ намъ Славянъ. Еще недавно раздавалось это могучее слово, но пропала часть—и уста великаго патріота умолкли навсегда!

Опечаленные этою утратою, всѣ мыслящіе русскіе люди вѣруютъ однако же, что тѣ идеи, которыхъ проповѣдывалъ великий покойникъ, не умрутъ вмѣстѣ съ нимъ, но будутъ развиваться все болѣе и болѣе, и принесутъ плодъ въ свое время...

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Въ настоящее время почти вся мыслящая Россія скорбитъ о безвозвратной потерѣ высокаго патріота и вполнѣ русскаго человѣка Ивана Сергеевича Аксакова. Юристъ по образованію, публицистъ по профессіи и призванію, Ив. С. Аксаковъ представляетъ собою рѣдкій типъ общественнаго дѣятеля, всецѣло преданнаго интересамъ Россіи и славянскаго единства.

Иванъ Сергеевичъ, во всѣхъ своихъ статьяхъ, ставилъ постоянно на первомъ планѣ благо Россіи, ея истинныя нужды; все, что онъ писалъ или говорилъ, было искренно, задушевно, сильно.

Его образный, иногда нѣсколько туманный, языкъ производилъ неотразимое впечатлѣніе.

Конечно, многое высказанное Иваномъ Сергеевичемъ носило на себѣ отпечатокъ нѣкоторой крайности, а отчасти призматичности въ воззрѣніяхъ,—тѣмъ не менѣе то, что было высказано этимъ русскимъ патріотомъ, являлось продуктомъ личнаго неподвижимаго его убѣжденія, было проникнуто неподѣльнымъ чувствомъ увѣренности въ правильности высказаннаго.

Иванъ Сергеевичъ былъ публицистъ неподкупной, идеальной честности, не свивавшій себѣ—подобно многимъ другимъ—редакціоннаго гнѣздышка за чужой счетъ...

Голосъ Ивана Сергеевича поэтому былъ всегда авторитетный.

Широко понимая интересы Россіи, онъ и смотрѣлъ на Русской народѣ и его нужды такъ, какъ это было свойственно его русской натурѣ, оставаясь всегда на стражѣ этихъ интересовъ и нуждъ.

Вотъ чѣмъ главнѣйше объясняется общая печаль, которая такъ неподѣльно проявилась при извѣстіи о кончинѣ И. С. Аксакова.

Мы не погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что печаль о потерѣ такого серіознаго русскаго публициста и почтеннаго дѣятеля раздѣляется у насъ почти всѣми, безъ различія на направленій и партій.

Если къ тому присовокупить, что Россія пока не очень богата выдающимися писателями въ области публицистики, то ста-

*) Изъ № 254 «Юридического Обозрѣнія».

неть понятнымъ, почему въ данномъ случаѣ всеобщая печаль еще болѣе увеличивается.

Главная заслуга покойного заключается въ томъ, что онъ прямо ставилъ вопросъ и давалъ на него отвѣтъ.

Можно было не соглашаться съ его воззрѣніями, но нельзя было не выслушать его.

Глубоко вѣря въ историческое призваніе Русскаго народа, И. С. Аксаковъ во многомъ понималъ вещи не такъ криво и узко, какъ некоторые публицисты какъ бы одного съ нимъ попиба. Поэтому когда эти публицисты—еще такъ недавно—забили въ набатъ противъ суда присяжныхъ, Иванъ Сергеевичъ, со свойственnoю ему искренностью, стала на защиту этого народно-правового института.

Его мужественная рѣчъ на защиту суда присяжныхъ была выслушана какъ слово правдиваго русскаго человѣка, правильно, съ убѣждениемъ говорящаго о томъ, что полезно для Россіи.

Мы особенно подчеркиваемъ эту заслугу Ивана Сергеевича на пользу нашихъ судебныхъ уставовъ.

Въ то время, когда отовсюду сыпались ярыя нападки на судебные уставы, слово независимаго публициста, въ честность котораго всѣ вѣрили, имѣло рѣшающее значеніе. Его защита суда присяжныхъ, конечно, произвела большее впечатлѣніе, нежели софизмы разныхъ публицистовъ, мѣнявшихъ свое убѣженіе объ этомъ лучшемъ изъ судебныхъ учрежденій смотря по надобности.

Такая великая заслуга Ивана Сергеевича Аксакова уже сама по себѣ способна вызвать въ каждомъ Русскомъ искреннее пожеланіе надъ свѣжою могилою его: миръ праху твоему, честный патріотъ, истинный сынъ отечества!

Статья изъ № 28 „Кавказа“.

Глубокою, тяжкою скорбью поразить всю Россію и весь Славянскій міръ смерть лучшаго представителя русской прессы и одного изъ самыхъ честныхъ русскихъ людей, Ивана Сергеевича Аксакова, скончавшагося, какъ сообщилъ намъ телеграфъ, 27-го января, отъ разрыва сердца. Смерть великаго русскаго гражда-

нина воспослѣдовала именно въ то время, когда его беззатѣтная преданность Россіи и правдивое, смѣлое слово особенно считались необходимыми и плодотворными для разясненія сложныхъ недоразумѣній возникшихъ въ Славянскомъ мірѣ и въ отношеніяхъ къ нему Европы и Россіи.

.....Глубокая фальшь постановки Славянского вопроса европейскими дипломатами возмущала честную душу Ивана Сергеевича, и онъ, со свойственною ему правдивостію, высказалъ свое патріотическое негодованіе въ передовыхъ статьяхъ издававшейся имъ въ настоящемъ году „Руси“. Можно, конечно, не соглашаться съ Иваномъ Сергеевичемъ въ деталяхъ, можно осуждать его за рѣзкость выраженій, можно обвинить его въ слишкомъ прямолинейныхъ нападкахъ на современныхъ дѣятелей,—но нельзя не признать правдивости постановки имъ Славянского вопроса, нельзя не увлекаться чистотою, искренностью и глубиною его любви къ Россіи, его высокопатріотическимъ энтузіазмомъ по поводу современныхъ интересовъ Россіи и заботами объ огражденіи ея будущаго могущества. Вся жизнь, вся литературная и публицистическая дѣятельность покойнаго Ивана Сергеевича имѣли ту же самую патріотическую подкладку, и никогда не закрывалъ онъ фразою прямой смыслъ своей неподкупной проповѣди объ интересахъ Россіи, которыхъ онъ не отдалъ отъ интересовъ всего Славянства. Никакія препятствія и помѣхи не могли заставить его идти на компромиссъ съ своими убѣжденіями и сколько-нибудь измѣнить правдивую и смѣлую оцѣнку нашей внутренней жизни и внѣшней политики. Онъ предпочиталъ прекращать на время свою публицистическую дѣятельность, если, по обстоятельствамъ, его взгляды и убѣжденія не находили себѣ опоры въ тѣхъ сферахъ, гдѣ стремился онъ выяснить истинные интересы Россіи.

Миръ праху твоему, великий гражданинъ земли Русской! Славное твое имя и честная твоя служба Россіи будетъ помниться изъ рода въ родъ, пока будетъ существовать Россія! Миръ праху твоему, неустанный борецъ за великую славянскую идею, за соединеніе всѣхъ Славянъ въ одинъ общій Славянскій міръ съ его будущею самостоятельною культурою!

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

† 27-го января 1886 г.

Въ нашъ холодный, практической вѣкъ, когда низкопоклонство, продажность, бездушный индифферентизмъ ко всему, что выходитъ за сферу личныхъ потребностей каждого, сдѣлялись единственными руководящими принципами въ жизни, истиннымъ героемъ надо считать того, кто, имѣя твердая и опредѣленная убѣжденія, не боится высказывать ихъ прямо и открыто рѣжетъ правду-матку, не опасаясь за послѣдствія, которыя, въ большинствѣ случаевъ, влечетъ за собою такой образъ дѣйствій; кто, среди общаго безвѣрія и мрачнаго пессимизма, проникнуть глубокою вѣрою въ идею, служенію которой посвящаетъ всѣ свои силы, ради коей готовъ переносить лишенія и невзгоды. Такихъ людей, являющихся свѣтлыми пятнами на темномъ фонѣ нашей непріглядной жизни, правда, немного, но они все же есть.

Однимъ изъ такихъ людей былъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, кончина которого поразила глубокою скорбью всю мыслящую Россію.

Едва разнеслась печальная вѣсть, какъ общее неподѣльное горе сожалѣнія о тяжкой утратѣ овладѣло всѣми и вылилось въ формѣ безчисленнаго множества телеграммъ по адресу его вдовы и панихида по усопшему. Въ горѣ этомъ приняли участіе не только друзья, но и многочисленные враги покойнаго; замолкли голоса, поносившіе его при жизни; передъ трупомъ его почти тепло преклонили головы тѣ, чьи взгляды и убѣжденія шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями только-что скончавшагося общественнаго дѣятеля.

Въ чёмъ же сила и величіе его, передъ которыми не могли устоять—ни зависть, ни злоба, ни другія низменныя побужденія, свойственные, въ большей или меньшей степени, каждому человѣку?

Въ непоколебимой честности и прямотѣ его характера, въ неподѣльной искренности, неподкупности и юношеской горяч-

*) Иль № 35 «Кавказъ».

ности его убѣжденій, въ самоотверженіи и преданности, съ которыми онъ служилъ своей родинѣ,—однимъ словомъ, въ томъ, что

Сокровища душевной красоты
Совмѣщены въ немъ были благодатно

Покойный былъ публицистомъ, и къ нему болѣе чѣмъ къ кому-либо примѣнны слова Бѣрне, что онъ писалъ „не чернилами, а кровью своего сердца и сокомъ своихъ цервовъ“. И въ жизни, и въ многочисленныхъ статьяхъ своихъ Иванъ Сергеевичъ являлся горячимъ патріотомъ, причемъ патріотизмъ его не былъ подогрѣтъ искусственно, не исходилъ изъ какихъ-либо корыстныхъ побужденій, а выливался изъ глубины души его, составлять одно цѣлое со всѣмъ его существомъ. Онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ магикановъ той плеяды славянофиловъ, которая считала въ своихъ рядахъ такихъ известныхъ дѣятелей, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій, С. и К. Аксаковы...

На Славянское племя онъ возлагалъ почетную миссію—обновленіе міра. Онъ мечталъ объ объединеніи всего Славянства. Во многомъ онъ былъ утопистомъ, мечтателемъ, но мечтателемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова—искреннимъ, пламеннымъ, горячо убѣжденнымъ. При всемъ томъ, онъ былъ горячимъ приверженцемъ монархического образа правленія, лучшимъ слугою престола и отечества. Его убѣжденія не могли не создать ему литературныхъ враговъ, борьбѣ съ которыми онъ и посвящалъ свои силы и труды. Но борьба эта была честная, прямая, открытая. Ни одно пятно не легло на его дѣятельность, какъ общественную, такъ и частную. Истиннымъ патріотизмомъ онъ считалъ—говорить смѣло правду, если бы даже правда эта влекла за собою непріятности. И слово его никогда не расходилось съ дѣломъ: на своемъ вѣку онъ много пострадалъ, но никогда онъ ни передъ кѣмъ не склонилъ свою гордую голову, онъ всегда высоко держалъ знамя съ надпиесью: долгъ—прежде всего.

Если прибавить ко всему этому, что покойный былъ человѣкомъ въ высшей степени гуманнымъ, человѣколюбивымъ, откровеннымъ, обязательнымъ, обладалъ даромъ „глаголомъ жечь сердца людей“, то не трудно понять ту симпатію, которую покойный пользовался при жизни, то обаяніе, которое производилъ онъ на всѣхъ, кто только приходилъ съ нимъ въ соприкосновеніе,

то горе, наконецъ, которое овладѣло, послѣ его смерти, всѣми русскими людьми. Замѣтимъ еще, что покойный отличался необыкновенно въ наше время религіозностью, быть самымъ искреннимъ христіаниномъ. Имя Ивана Сергеевича пользовалось популярностью не только въ Россіи, но и за границей, среди Славянскихъ народностей.

Для полной характеристики Ивана Сергеевича, заимствуемъ изъ статей газетъ краткія біографическія свѣдѣнія о покойномъ. (Слѣдуютъ біографическія свѣдѣнія.)

Таковъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Ивана Сергеевича Аксакова. Прибавить къ этому можно только то, что вся многосторонняя и долголѣтняя дѣятельность его носитъ одинъ общий характеръ: вездѣ и всегда Иванъ Сергеевичъ являлъ себѣ примѣръ высокой честности и горячей любви къ отечеству, не знающей ни устали, ни компромиссовъ. Еще въ проломѣ году доктора совѣтовали Ивану Сергеевичу бросить литературные занятія, такъ какъ они вредно отражались на его здоровье, но онъ до послѣдней минуты не хотѣлъ сложить оружія, которое всю жизнь употреблялъ для честнаго служенія идеѣ. „Служеніе обществу требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ и самоотверженія“, говорилъ покойный, и онъ вою свою жизнь стѣдоваль этому изреченію.

Замолинуть газетные толки о покойномъ, „пройдутъ вѣка, промчатся годы“, но имя Ивана Сергеевича Аксакова не забудется и будетъ служить путеводной звѣздой многимъ поколѣніямъ, которые будутъ брать съ него примѣръ честнаго и безкорыстнаго служенія идеѣ.

Хотя уже неоднократно употреблялись слова поэта:

Природа-матъ! Когда-бъ такихъ людей
Ты изрѣдка не посыпала міру,
Заглякла-бъ и наа жизни!

но мы полагаемъ, что они болѣе чѣмъ къ кому-либо примѣнны къ покойному Ивану Сергеевичу.

Передовая статья № 52 газеты „Навказъ“.

Тифлисъ, 14 февраля.

.... Трудно сказать что-нибудь болѣе искренное, болѣе вѣрное, какъ высказанное въ послѣдней передовой статьѣ „Руси“, отъ 13 февраля, по поводу того великаго для Россіи вопроса, которому служилъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. Приведемъ эти слова:

,Въ послѣднія десять лѣтъ Иванъ Сергеевичъ одинъ поддерживалъ огонь въ томъ свѣтильникѣ, который былъ зажженъ его предшественниками, и онъ оставилъ этотъ свѣтильникъ горящимъ. Съ Аксаковымъ умеръ послѣдній представитель московской славянофильской школы—она совершила свое дѣло. Отнынѣ вся Россія будетъ блюсти огонь на этомъ свѣтильникѣ, и онъ будетъ разгораться все ярче и ярче, и свѣтъ отъ него возсіяеть вѣнцомъ славы на приснопамятныхъ сподвижникахъ русской мысли“.

Лучше ничего сказать нельзя! Сердце патріота, читая это, наполняется глубокою благодарностью къ великимъ трудамъ покойнаго Ивана Сергеевича, и каждый можетъ теперь успокоиться, такъ какъ отнынѣ вся Россія будетъ продолжать его дѣло, и оно будетъ разростаться и блестѣть все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ, къ величію и славѣ нашего отечества. Прекрасно, но... Россія есть отвлеченное понятіе, которое, въ силу этого, не можетъ обнаружить никакой практической дѣятельности, если русскіе люди, совокупность которыхъ именуется Россіей, не будутъ каждый въ отдѣльности работать усиленно въ томъ направлѣніи, въ которомъ трудился покойный Иванъ Сергеевичъ. Гдѣ же тѣ русскіе люди, которые стояли бы у свѣтильника, зажженного покойнымъ, и не дали бы ему погаснуть? До сихъ поръ еще многочисленные наши органы печати даже и не намекнули на фамилию кого-нибудь изъ сотрудниковъ и друзей покойнаго, который могъ бы продолжать его дѣло, а прекращеніе изданія газеты „Русь“ фактически свидѣтельствуетъ, что такого человѣка не нашлось въ настоящемъ, и потому приходится ожидать въ будущемъ, когда свѣтъ зажженного свѣтильника возсіяеть ярче, и позволить намъ увидать тѣхъ, кто будетъ держать знамя, носителемъ котораго былъ покойный Иванъ Сергеевичъ. Надъ его могилой

высказана была надежда, что полное собрание сочинений Ивана Сергеевича будет напечатано, но не слышно, чтобы кто-нибудь изъ известныхъ или неизвестныхъ жертвователей, поддерживавшихъ славянскую идею въ Россіи, уже принялъ за это дѣло, безспорно составляющее непремѣнныи патротический долгъ русскихъ людей *). Умеръ великий народный трибунъ и не можетъ болѣе возбуждать насъ къ дѣятельности своимъ глубокимъ живымъ словомъ. Но онъ оставилъ намъ всѣ свои мысли и недоконченныи задачи въ наслѣдство вмѣстѣ съ обязанностью продолжать ихъ дальнѣйшее развитіе, начиная съ той точки, на которой онъ остановлены его смертью. Поэтому то, что сказалъ и сдѣлалъ Иванъ Сергеевичъ, должно быть известно не только его близкимъ и почитателямъ, но должно быть распространено и въ тѣхъ сферахъ Русскаго народа, куда не успѣло проникнуть живое слово. Такъ по крайней мѣрѣ понимаютъ свой патротический долгъ Англичане и, не дожидаясь, чтобы сама Англія заговорила о важности сохранія господства въ Остъ-Индіи, не останавливаются передъ пожертвованіями, чтобы распространить въ средѣ Англійскаго народа тѣ мысли и убѣжденія, которыхъ необходимо ему имѣть для того, чтобы сохранить за собою Индію и тѣмъ удержать Англію на высотѣ того политическаго положенія, какое она заняла въ силу предшествовавшей исторической жизни.

Памяти И. С. Аксакова **).

...И вѣщее перо въ рукахъ упало:
Какой свѣтыльникъ разума угасъ!
Какое сердце биться перестало!..

Некрасовъ.

По извѣстіямъ газетъ, въ Москвѣ на похоронахъ И. С. Аксакова было такое же громадное стеченіе народа, какое было при

*.) Издание сочинений Ивана Сергеевича Аксакова готовится и будетъ сдѣлано на средства вдовы его, Анны Федоровны. Другихъ пожертвованій на это дѣло, къ участію, не требуется.—Ред.

**) Изъ № 7 «Оренбургскаго Листка».

погребеніи Скобелева въ Москвѣ и Достоевскаго въ Петербургѣ. Но не одна Москва почтила достойно память покойнаго. Посмертные почести оказываются И. С. и во множествѣ другихъ городовъ земли Русской.

Чѣмъ заслужилъ ихъ покойный?

Онъ не былъ выдающимся политическимъ дѣятелемъ. Онъ не пріорврѣлъ себѣ славы, подобно Скобелеву, на поляхъ битвы. Онъ не потрясалъ, какъ Достоевскій, читателей художественными образами, хотя и обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Онъ былъ публицистъ и человѣкъ въ лучшемъ и благородѣйшиемъ значеніи этихъ словъ.

I.

Публицистика занимается государственными и общественными вопросами въ примѣненіи ихъ къ современности. Какой умъ, сколько познаній въ области наукъ историческихъ и юридическихъ требуется для правильного пониманія, а тѣмъ болѣе для разрѣшенія этихъ вопросовъ! И этими качествами покойный обладалъ вполнѣ. Глубокій и обширный умъ его всегда схватывалъ сущность дѣла и обнималъ вопросъ во всей его полнотѣ. И. С. не былъ ученымъ специалистомъ, но знать и понимать исторію Русскаго народа не хуже многихъ и многихъ специалистовъ. Юристомъ онъ былъ по образованію. Если мы прибавимъ къ этому его участіе и въ практическомъ разрѣшеніи нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, то намъ вполнѣ будетъ понятно, почему его голосъ былъ всегда авторитетнымъ и вѣско звучалъ въ хорѣ нашихъ, правда, нѣмногочисленныхъ публицистовъ. Но однако ума и званій еще недостаточно для публициста. Его обязанность— не только разъяснять значеніе и указывать правильную постановку того или другого вопроса, его обязанность и убѣждать, находить возможно-большее число приверженцевъ своимъ мнѣніямъ, а для этого необходимъ писательскій талантъ, необходимъ даръ слова. И. литературный талантъ И. С. вѣвъ всякаго сомнѣнія. Его рѣчъ, сильная, всегда воодушевленная и страстная, часто образная, оказывала неотразимое вліяніе на читателя. Ея вліянію подвергалась и лица не раздѣлявшія едо убѣжденій. Можно сказать, что какъ публицистъ И. С. едвали имѣть равнаго себѣ въ нашей печати, и съ грустью приходится думать, что его мѣсто останется незанятымъ.

II.

Но въ каждомъ публицистѣ выше всего должны, конечно, цѣниться его убѣжденія, взгляды проводимые имъ въ печати и практической дѣятельности.

По убѣжденіямъ своимъ И. С. былъ, прежде всего, однимъ изъ самыхъ послѣдовательныхъ славянофиловъ.

Здѣсь не мѣсто распространяться объ ученіи и значеніи этой школы, считавшей въ своихъ рядахъ даровитѣйшихъ писателей и сослужившей такую добрую службу русскому самосознанію. Мы укажемъ только на основныя положенія этой школы, насколько это нужно будетъ для выясненія взглядовъ и убѣжденій Ивана Сергеевича.

Главнымъ пунктомъ славянофильского ученія было положеніе, что каждый народъ имѣть право жить и развиваться по своему, имѣть право на свободу политическую и духовную. Въ пору увлеченія жизнью западно-европейскихъ народовъ, ихъ государственными порядками, ихъ политическими, научными, религіозными и экономическими идеалами, въ ту пору, когда стремились во имя этихъ идеаловъ передѣлать и русскую жизнь, не признавая за нею права на самобытное развитіе, высказывать и поддерживать такое мнѣніе было дѣломъ не совсѣмъ обычного мужества. Если это мнѣніе вошло въ сознаніе всякаго мало-мальски образованнаго русскаго человѣка, то этимъ русское общество обязано преимущественно И. С. Аксакову, на долю которого преимущественно выпало проводить славянофильскія мнѣнія въ разныхъ periodическихъ и другихъ изданіяхъ. Защищая право Русскаго народа на самостоятельное развитіе, славянофилы указывали и главныя основы, на почвѣ которыхъ оно должно идти: самодержавіе, православіе и общинное устройство крестьянскаго быта.

Идеальный государственный порядокъ, до известной степени осуществленный въ Руси Московской, представлялся славянофиламъ и И. С. въ слѣдующемъ видѣ: во главѣ государства находится Самодержавная Власть и рядомъ съ нею Земля, которая живеть и развивается подъ ея охраною, не вмѣшиваясь въ политическая дѣла. Въ критические моменты Власть совѣтуется съ Землею (земскіе сборы). Естественно поэтому, что И. С. недружелюбно относился какъ къ приверженцамъ конституціонныхъ учрежденій западно-европейскихъ народовъ (не говоря уже, ко-

нечно, объ анархистахъ), такъ и къ притязаніямъ бюрократіи на непогрѣшность въ своей дѣятельности и ея пренебреженію къ мнѣніямъ Земли.

Предоставленія дѣла политическія Власти, Земли, по мнѣнію И. С. и другихъ славянофиловъ, имѣть право свободно выражать свои мысли. И, надо правду сказать, едвали кто-нибудь у насъ высказывалъ такъ настойчиво и съ такою силой и убѣдительностью желаніе полной свободы печати, какъ Иванъ Сергеевичъ, самъ много пострадавшій отъ стѣсненій цензурныхъ.

Бесѣмѣтную заслугу И. С. и другихъ славянофиловъ составляетъ ихъ дѣятельность по вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права. Приверженцы западно-европейскихъ порядковъ настаивали на личномъ только освобожденіи крестьянъ. И въ „Русской Бесѣдѣ“, издававшейся И. С. и въ приложении къ ней („Сельское Благоустройство“) проводилась мысль о необходимости, для полнаго освобожденія крестьянъ, дарованія имъ и земельнаго надѣла, мысль одержавшая верхъ, хотя, къ сожалѣнію, и не вполнѣ.

Освободительныя реформы покойнаго Императора находили вообще въ И. С. горячаго защитника. Самое вѣкое слово въ защиту новыхъ судовъ отъ нападений, открывшихся противъ нихъ въ послѣднее время, принадлежало ему.

Указывая на необходимость самостоятельнаго развитія Русскаго народа, И. С. проповѣдывалъ и строго-национальную политику по отношенію къ другимъ народностямъ. Онъ думалъ, что Русскій народъ и внутри своего государства, и внѣ его долженъ занимать подобающее ему положеніе. Оттого онъ былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ того исключительнаго положенія, которое занимали и занимаютъ немецкіе бароны въ Остзейскомъ краѣ въ ущербъ остальному, русскому и эсто-латышскому, населенію его. Оттого же онъ возвставалъ противъ всякихъ уступокъ въ польскомъ вопросѣ. Съ особенною силой возвставалъ онъ противъ польскихъ притязаній на преобладаніе въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ Россіи, противъ ихъ притязаній на Кіевъ.

Не мало пользы принесъ И. С. въ этомъ отношеніи своимъ статьями въ газетѣ „День“, во время польскихъ волненій начала 60-хъ годовъ.

Дѣломъ національной чести и достоинства считалъ И. С. независимую политику въ отношеніи западно-европейскихъ госу-

дарствъ, особенно Германіи и Австрії. Достаточно припомнить его статьи въ „Руси“ о нашей границѣ съ этими государствами и другія.

Талантливаго и образованнаго публициста съ глубоко-симпатичными убѣжденіями теряетъ въ Иванѣ Сергеевичѣ Россія. Но это потеря не одной Россіи, а всего Славянскаго міра. И. С., какъ и другіе славянофилы, смотрѣлъ на Россію какъ на естественную представительницу всего великаго Славянскаго племени и какъ на защитницу его интересовъ. Подобно другимъ славянофиламъ онъ вѣрилъ въ великое будущее Славянства. Онъ вѣрилъ также, что на пути къ этому будущему Россія станетъ во главѣ другихъ Славянскихъ народовъ. Но и въ современныхъ судьбахъ ихъ онъ принималъ живѣйшее участіе и лично, и какъ одинъ изъ выдающихся членовъ бывшаго Славянскаго Комитета. Со многими видными славянскими дѣятелями онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Имя И. С. хорошо знакомо Славянамъ, и южнымъ и западнымъ, и нѣть сомнѣнія, что вѣсть о его кончинѣ тяжело отзовется въ сердцахъ ихъ.

III.

Но вліянію покойнаго содѣйствовали не одни только его публицистические таланты и убѣжденія. Къ И. С. вполнѣ примѣнны слова Гамлета: „человѣкъ онъ былъ“. Да, среди общественныхъ дѣятелей не легко найти человѣка съ такимъ привлекательнымъ нравственнымъ обликомъ, какимъ является И. С. въ своей дѣятельности.

Горячо отстаивая интересы духовные и материальные Русского народа, онъ обнаруживалъ въ себѣ глубокаго и искренняго патріота. Онъ, можно сказать, жилъ и страдалъ вмѣстѣ съ Россіей. Лучшимъ проявленіемъ этой черты была его рѣчь о Берлинскомъ конгрессѣ.

Въ то же время онъ былъ и глубоко-религіознымъ человѣкомъ.

Это вообще характерная черта славянофиловъ. Считая православіе одною изъ основъ русскаго національного развитія, они много потрудились надъ изложеніемъ и уясненіемъ ученія Православной Церкви. Но религіозные вопросы не были для нихъ только вопросами теоретическими; они имѣли для славянофиловъ и глубокое жизненное значеніе.

Отстаивая свободу слова, И. С. показывалъ въ то же время и примѣръ вполнѣ честнаго отношенія къ нему. Никогда не пользовался онъ печатнымъ словомъ для своихъ личныхъ интересовъ, и убѣжденій его нельзя было купить ничѣмъ. Тяжелыя испытанія также не вынудили у него отреченія отъ завѣтныхъ мыслей. И эта-то черта болѣе всего и привлекала къ нему симпатіи; даже его политические противники не могли не оцѣнить ея. Найдутся, можетъ быть, дѣятели талантливые, болѣе влиятельные и популярные, но едвали найдутся люди болѣе И. С. и такъ же какъ онъ безкорыстно и искренно преданные своимъ идеямъ.

И. Бѣловинъ.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

27-го минувшаго января скончался въ Москвѣ, на 63 году жизни, редакторъ „Руси“, И. С. Аксаковъ, глава русскихъ славянофиловъ, честнѣйшій и благороднѣйшій труженикъ на литературной нивѣ, высоко образованный человѣкъ и искренній русскій патріотъ. Кончина этого необыкновенно талантливаго русскаго публициста вызвала глубокую скорбь на всемъ пространствѣ не-объятной Россіи, ибо имя Ивана Сергеевича успѣло глубоко проникнуть въ сознаніе Русского народа, снискавъ ему симпатію и уваженіе со стороны всѣхъ слоевъ русскаго общества. Поэтому не удивительно, что прискорбная вѣсть о кончинѣ глубокочтимаго русскаго дѣятеля вызвала у всѣхъ непритворныя чувства состраданія къ вдовѣ покойнаго, которое сказалось въ многочисленныхъ телеграммахъ, присланыхъ г-жѣ Аксаковой со всѣхъ концовъ Россіи и въ повсемѣстномъ служеніи літургій и панихидахъ почти въ каждомъ уголкѣ Россіи, гдѣ только бьется русское сердце. Вся русская печать безъ различія направленія посвятила покойному глубоко-прочувствованная статьи, а многія изъ газетъ въ дни кончины и погребенія вышли въ черной каймѣ. Такова сила вліянія честнаго дѣятеля и патріота!...

*) Изъ № 7 «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

Передовая статья № 23 „Варшавского Дневника“.

Коячина Ивана Сергеевича Аксакова—глубокое горе для всѣхъ любящихъ Россію и дорожащихъ ея честью и славою! Это былъ не только блестящій и идеально-честный публицистъ,—это былъ представитель цѣлой системы понятій, выражаемыхъ словомъ „славянофильство“,—это былъ послѣдній могиканъ славянофильства. Сердце, которое могло такъ горячо любить, лопнуло...

Мы высоко чтимъ и славянофиловъ лично,—начиная съ Хомякова и Кирѣевскихъ, какъ людей безусловно честныхъ, неподкупныхъ, правдивыхъ, искреннихъ,—и славянофильство, какъ ученіе и систему. Это ученіе было у насъ какъ реакція противъ появленія первыхъ почекъ того ядовитаго цвѣтка, который былъ вызванъ космополитическимъ революціонизмомъ Герцена и пошедшаго по его слѣдамъ въ послѣдніе годы своей жизни Бѣлинскаго. Статьи „Современника“, „Полярной Звѣзды“, „Съ Того Берега“ и проч. писались въ тонѣ преобладавшемъ въ то время на всемъ Западѣ и производили громадное впечатлѣніе на молодежь конца 40-хъ годовъ. Въ 60-хъ годахъ эта молодежь, воспитанная на Герценѣ и Бѣлинскомъ (послѣдней эпохи), захватила въ свои руки почти всю нашу литературу,—и къ чему она, эта литература, привела русское общество—о томъ достаточно уже написано. И вотъ, одновременно съ разрушительнымъ кличемъ Герцена и Бѣлинскаго (послѣднихъ годовъ) раздается кличъ иного рода, изъ Москвы, изъ среды коренныхъ Россійскихъ дворянъ, изъ среды людей высоко-просвѣщенныхъ и горячо любящихъ Россію. Вы проповѣдуете намъ, говорили они своимъ противникамъ, западная теорія, можетъ-быть онѣ и хороши, но—для Французовъ и Нѣмцевъ, а не для насъ. Россія прожила 1000 лѣтъ не даромъ. Она выработала свои собственные идеалы и политические, и соціальные; у нея есть свое собственное, хоть и весьма юное еще искусство; у насъ есть свой особый быть, свои привычки, свои вѣрованія, свое особое міросозерцаніе; мы должны развиваться изъ самихъ себя, *faga da se*, съ тѣмъ, чтобы стать во главѣ Славянскихъ и Православныхъ народовъ и въ центрѣ ихъ, во главѣ ихъ, занять новое, самостоятельное мѣсто въ исторіи міра...

Очень странными показались такія рѣчи современникамъ первыхъ славянофиловъ. А когда эти послѣдніе позволили себѣ сказать, что изъ всѣхъ элементовъ Русскаго народа наиболѣе национальныхъ чертъ сохранилось въ русскомъ крестьянствѣ и что образованнымъ сословіямъ не мѣшало бы изучить міровоззрѣнія сельского люда, то одни подняли славянофиловъ на сѣхъ, а другіе провозгласили ихъ людьми опасными. За ними, какъ известно, былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, а одинъ изъ крупныхъ сановниковъ первой половины 50-хъ годовъ, отличавшійся веселостью, замѣтилъ: „Чему же намъ учиться у мужиковъ: носить рубашку съ косымъ воротомъ и выпускать ее сверхъ?“...

Вотъ, въ эту весьма тяжелую для славянофиловъ эпоху, выступилъ покойный Иванъ Сергеевичъ. Большая часть старыхъ славянофильскихъ бойцовъ уже сходила со сцены или была подъ землею. Иванъ Сергеевичъ выступилъ, опираясь на руку своего брата Константина, въ сообществѣ Ю. Ф. Самарина, и привѣтствуемый уже начавшему образовываться славянофильскою школою. Насмѣшки и преслѣдованія еще продолжались (Иванъ Сергеевичъ былъ лишаемъ права издательства, кажется, двѣнадцать разъ), но славянофильскія понятія видно прививались ко многимъ и, — слѣдуетъ замѣтить, — лучшимъ представителямъ русскаго общества. Н. А. Милютинъ и князь В. А. Черкасскій были сильно проникнуты славянофильскими понятіями и находились въ близкихъ сношеніяхъ съ вожаками славянофиловъ. Да и не одни они. Если бы национальное самосознаніе, которое было написано выше всего на славянофильскомъ знамени, не проникло въ добрую часть русскаго общества начала 60-хъ годовъ, то развѣ могли бы выйти изъ его среды тѣ бойцы-миссіонеры, которые совершили въ Царствѣ Польскомъ реформу 1864 года? Катковъ не славянофиль въ ортодоксальномъ смыслѣ этого слова, но если бъ онъ не былъ проникнутъ тѣмъ чувствомъ национальности, которое проповѣдавали славянофилы, развѣ могла бы найтись у него та чудесная мощь, которая при началѣ польскихъ волненій совершила полный переворотъ въ общественномъ мнѣніи Россіи, сбросила Герценъ съ его пьедестала и наступила ногою на горло революціонному нигилизму?

Славянофильство, стали говорить въ послѣднее время, идея отжившая; она совершила свое дѣло и содержаніе ея исчерпано.

Это совершенно справедливо; въ виду именно этого мы назвали Ивана Сергеевича послѣднимъ магиканомъ славянофильства. Но не долгая исторія этого ученія доказываетъ, что появленіе его въ половинѣ 40-хъ годовъ было спасительно, и что дѣятельность его была въ высшей степени полезна, а что содержаніе его исчерпано, то куда же оно дѣвалось? Оно проникло въ русское общество,—и это лучшая ему похвала. Совершенно тоже иные libies penseig'ы говорять о христіанствѣ: христіанство—де совершило свое дѣло и пора его похѣрить! Да, оно совершило такое дѣло, что вы, невѣрующіе въ Бога и законъ Имъ данный, исполняете, однако, этотъ законъ, не нападаете въ лѣсу на людей съ ножомъ, какъ дѣлали ваши предки до познанія истиннаго Бога, и вообще по вашему быту, по вашимъ поступкамъ васъ не отличить отъ христіанъ.

Вотъ что мы считали нужнымъ сказать о содержаніи публицистической дѣятельности покойнаго И. С. Аксакова. О силѣ, блескѣ, смѣлости, правдивости и искренности выдающагося его таланта говорить нечего: это извѣстно всякому грамотному Русскому, да и всякому интересующемуся литературой иностранцу. Но вотъ что мы считаемъ нужнымъ прибавить. Званіе писателя и публициста,—какъ ни грустно въ этомъ признаться,—давно утратило то обаяніе, которое оно имѣло въ началѣ нынѣшняго вѣка. И это не только у насъ; у насъ это прискорбное явленіе можетъ-быть еще менѣе замѣтно, чѣмъ въ другихъ странахъ. Покойный Аксаковъ составлялъ въ этомъ отношеніи одно изъ самыхъ блистательныхъ исключений: это была одна изъ самыхъ благороднѣйшихъ личностей, это былъ человѣкъ, котораго нельзя было не уважать, и нравственная красота его произвела въ концѣ концовъ свое благотворное дѣйствіе; власти убѣдились наконецъ, что даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда Аксаковъ горячо и рѣзко нападалъ на ту или другую правительственную мѣру, онъ все-таки былъ проникнутъ желаніемъ блага и правительству, т. е. Царю, и Россіи; онъ естественно стали относиться къ нему снисходительнѣе; а оказанное ему снисхожденіе неизбѣжно вліяло въ освободительномъ смыслѣ и на прочихъ публицистовъ. Такимъ образомъ покойный Аксаковъ оказалъ большую услугу дѣлу свободы русской прессы.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

И безъ того невелика литературная семья, но она становится все меньше и меньше; смерть беспощадно уносить лучшихъ, честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ по своимъ убѣжденіямъ и стремлѣніямъ „оратаевъ слова живаго“. Давно ли Россія потеряла Тургенева, а теперь она хоронить Аксакова... Невыразимо тяжело становится на сердцѣ, когда вспомнишь сколько мощныхъ, честныхъ и талантливыхъ литературныхъ силъ липшились мы въ послѣднее десятилѣтіе...

Рѣка временъ въ своемъ теченьи
Уносить всѣ дѣла людей,

сказалъ Державинъ, но мы свято убѣждены, что дѣла И. С. Аксакова никогда не потонутъ въ „омутѣ забвенья“—этой беспощадной, всепоглощающей рѣки!...

Миръ праху твоему честный, благородный дѣятель!... Вѣчная, вѣчная ему память!...

Ниль А—гъ.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. **)

Извѣстіе о внезапной кончинѣ И. С. Аксакова, „пламенного борца за русскую честь“, какъ было написано на одной изъ лентъ при многочисленныхъ вѣнкахъ, присланныхъ отовсюду къ его гробу,—и прибавимъ—за русскую пользу и правду, поразило всю Россію. Газеты и очевидцы похоронъ рассказываютъ массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ глубоко смерть Аксакова отзвалась въ душѣ Русского народа. Вся русская журналистика, безъ различій партій и направленій, признала важность этой великой

*) Изъ № 6 «Екатеринбургской Недѣли».

**) Изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника», выходящаго въ Варшавѣ.

утраты, понесенной русской жизнью. Масса телеграммъ, писемъ, заявлений, полученныхъ супругой покойного со всѣхъ концовъ Русской земли и изо всѣхъ славянскихъ предѣловъ виѣ Россіи, можетъ служить доказательствомъ того великаго значенія, которое имѣлъ покойный И. С. Аксаковъ, какъ общественный дѣятель.

Государю Императору было угодно въ телеграммѣ, которую имѣла счастіе получить вдова покойного русскаго писателя, назвать Аксакова „честнымъ человѣкомъ, преданнымъ русскимъ интересамъ“. Глубоко справедливы и многосодержательныя слова! Аксаковъ былъ поистинѣ русскій человѣкъ по своей широкой натурѣ: онъ чувствовалъ радость и скорбь Россіи, чувствовалъ во всѣ минуты прожитой имъ жизни такъ, какъ могутъ чувствовать лишь люди громаднаго духа и необычайно любящаго сердца. Онъ чувствовалъ всѣ бѣды и радости Славянскаго міра, онъ глубоко сознавалъ, что Славяне какой бы отрасли, какого бы вѣроисповѣданія, какого бы воспитанія они ни были, братья Русскаго народа, и твердя Славянамъ о ихъ обязанности чтить истинно народное у себя дома, онъ напоминалъ Россіи о ея обязанностяхъ и пользахъ, какъ Славянской державы. Онъ радовался великою радостью при видѣ всякаго успѣха Россіи. Развитіе русской литературы, русскаго просвѣщенія, русской науки, русскаго слова, распространеніе ихъ и ихъ воздействиѣ на Славянъ— доставляли ему истинную, искреннюю радость. Но онъ и горевалъ великимъ горемъ при видѣ того антинароднаго или—лучше сказать—космополитического духа, который одно время обуялъ и русскую печать, и русскую науку, и русское общество. Онъ имѣлъ утѣшеніе однако видѣть въ послѣдніе годы ростъ русской мысли, какъ будто бы освобождавшейся отъ плѣна и болѣзни...

Въ западно-славянскомъ мірѣ распространено мнѣніе, что Аксаковъ былъ нетерпимый человѣкъ въ религіозномъ отношеніи, что онъ, строго православный, отрицалъ всякое иное вѣроисповѣданіе. Да, И. С. Аксаковъ былъ глубоко вѣрующій и строго православный русскій человѣкъ, но именно потому никогда не былъ нетерпимъ, и едва ли можно поставить ему какой-нибудь упрекъ въ этомъ отношеніи, если взглянуться хоть немного въ его жизнь и дѣятельность. Онъ, конечно, былъ убѣжденъ, что католичество среди Славянъ есть уклоненіе отъ истинныхъ началъ славянской жизни, онъ твердо зналъ, что возвращеніе Славянъ,

увлеченныхъ Западомъ и Римомъ, къ исповѣданію, данному имъ Св. Славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, было бы для нихъ спасенiemъ среди бѣдъ, ихъ постигшихъ и постигающихъ,—и какъ прямой русскій человѣкъ, говорилъ имъ смѣло эту великую правду. Не его вина, что его прямая, ничѣмъ не прикрытая правда могла казаться признакомъ нетерпимости людямъ, привыкшимъ къ хитросплетеніямъ рѣчи.

Пройдетъ немного лѣтъ, и нравственный обликъ И. С. Аксакова освѣтится такимъ ореоломъ, получить въ исторіи русскаго просвѣщенія такое значеніе, ему подобающее, что примѣръ дѣятельности и жизненнаго подвига Аксакова станетъ воспитывать русскихъ людей, послужитъ образцомъ, подниметь духъ будущаго русскаго дѣятеля въ трудные дни русской жизни. Покойный И. С. Аксаковъ любилъ называть свою физическую природу богатырскою. Мы можемъ вполнѣ убѣжденно сказать, что и душа его была богатырская, что широкій богатырскій умъ его гармонично соединялся съ безконечною добротою его широкаго, любящаго по богатырски сердца.

Русское слово потеряло въ лицѣ И. С. Аксакова одного изъ величайшихъ своихъ дѣятелей. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ сверстниковъ и дѣятелей времени Аксакова умѣль такъ гармонично сочетать важность и торжественность историческаго начала въ русскомъ слогѣ съ живостью, разнообразiemъ и силою живаго русскаго слова? Кто умѣль такъ чисто, стройно, такъ возвыщенно и сильно, такъ *исторически* писать, какъ писаль Аксаковъ въ „Днѣ“, „Москвѣ“, „Руси“? Читая его статью, о какомъ бы предметѣ ни трактовалъ покойный И. С., вы чувствуете, что писаль ее человѣкъ, глубоко сознающій тысячелѣтнюю исторію русскаго языка, точно пережившій ее. Послѣ Карамзина нельзя указать русскаго писателя, слогъ и языкъ котораго носиль бы слѣды такого явнаго, глубоко проникшаго всю душу сознанія почти тысячелѣтія русской литературной рѣчи.

Обыкновенно считаютъ покойнаго И. С. Аксакова—только дѣятелемъ и публицистомъ. Но думающіе такъ забываютъ, что покойный былъ и художникомъ русскаго слова. Анна Федоровна Аксакова приготовила къ печати сборникъ его стихотвореній, изъ которыхъ многія вошли уже въ хрестоматіи для школъ и служать образцами русскаго стиха. Готовится къ печати и собраніе его главнѣйшихъ статей, помѣщенныхъ покойнымъ въ его изданіяхъ.

Этотъ сборникъ будетъ служить не только монументальнымъ памятникомъ его дѣятельности, не только поученіемъ для политического дѣятеля и публициста, но и дасть образцы по истинѣ художественной, исторической и живой прозы. Глубокій знатокъ русской рѣчи во всемъ ея разнобразіи и просторѣ, И. С. Аксаковъ показалъ, какъ можно пользоваться богатствами живаго русского слова для исторически сложившейся русской книжной рѣчи.

Мы не намѣрены въ этомъ краткомъ некрологѣ подробнѣ опредѣлить мѣсто, занимаемое И. С. Аксаковымъ въ русской литературѣ, и дать оцѣнку той философской и литературной школы, представителемъ которой былъ покойный. Славянофильство и школа славянофиловъ вызываютъ уже изслѣдованія. Сынъ извѣстнаго писателя С. Т. Аксакова, братъ К. С. Аксакова, другъ и ученикъ А. С. Хомякова, другъ Ю. Ф. Самарина, покойный Иванъ Сергеевичъ былъ доблестнымъ выразителемъ и проповѣдникомъ-публицистомъ идеаловъ славянофильскихъ ученій. И эти идеи славянофильства не умерли вмѣстѣ съ нимъ: онѣ сдѣлались народнымъ достояніемъ, онѣ въ извѣстной степени стали общими для русской литературы; поскольку она служить выраженіемъ настроенія, мнѣній, идей, господствующихъ въ русскомъ обществѣ, и безпочвенность литературныхъ типовъ и идеаловъ, отчасти проистекшая отъ болѣзненнаго направленія, пережитаго русскою мыслью, отчасти навязанная извнѣ, теряетъ всякий смыслъ, и русская литература все болѣе и болѣе становится и по духу народною. Русская наука, которой современники и враги славянофиловъ и Аксакова не признавали, получаетъ болѣе и болѣе национальную окраску, и быть-можетъ недалеко то время, когда научное произведеніе, написанное на русскомъ языке, проникнутое свойствами русского испытующаго духа, займетъ почетное подобающее ему мѣсто въ ряду научныхъ произведеній европейской науки.

Славянофиль Аксаковъ глубоко вѣрилъ въ русскій талантъ и русскія дарованія, и никто больше его не скорбѣлъ, что эти дарованія, становясь на службу западно-европейскимъ новѣйшимъ доктринаамъ, размѣнивались на мелочь и отчуждались отъ истинныхъ потребностей русской жизни.

Семья Аксаковыхъ тѣсно связана съ исторіей русской новѣйшей литературы. Связи Гоголя съ Аксаковыми отразились и

я Иванъ Сергеевичъ, глубокомъ знатокъ и поклонникъ знаменитаго русскаго писателя-реалиста.

Когда умеръ Достоевскій, вотъ что писалъ Аксаковъ въ „Руси“ (№ 13, 1881, 7 февр.): „Достоевскій принадлежить весь будущему. Кумиры настоящаго времени, учители отрицанія забудутся или займутъ приличное себѣ мѣсто въ историческихъ архивахъ, а наслѣдие, оставленное Достоевскимъ, еще ожидаетъ достойныхъ наследниковъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. Онъ любилъ, онъ вѣрилъ въ русскую молодежъ... Съ небольшими измѣненіями можно приложить эти слова и къ И. С. Аксакову. Разница лишь въ томъ, что Аксаковъ-публицистъ, принадлежа настоящему, умѣль начертить Русскому народу идеалы его будущей политической жизни, Аксаковъ—художникъ слова, какъ бы оно ни казалось „пахнущимъ на ладонь и елей“ инымъ изъ неразумныхъ поклонниковъ Запада,—ждеть оцѣнки и всегда будетъ поучать молодыхъ русскія поколѣнія.

Въ одной изъ своихъ статей въ „Днѣ“ (№ 42, отъ 19 октября 1863 г.) покойный И. С. Аксаковъ писалъ: „Любовь къ Россіи, любовь къ своему народу—призываютъ насъ къ дѣлу, требуютъ отъ насъ не мужества воина, не энергіи разрушенія, не стойкости, презирающей смерть,—а мужества гражданина и упорного дѣятельного труда, творящаго и зиждущаго“. И всю жизнь онъ вель эту борьбу „дѣятельного труда, творящаго и зиждущаго“ на пользу Россіи, на пользу Славянства...

П. Кулаковскій.

Варшава, 20 марта, 1886 г.

Иванъ Аксаковъ *)

Если не одинъ изъ самыхъ влиятельныхъ, то безспорно одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ людей въ Москвѣ сошелъ въ могилу. Иванъ Аксаковъ, видимый глава славянофиловъ этой старой сто-

*) Изъ № 8 варшавскойпольской газеты «Еженедѣльное Обозрѣніе» („Przegląd Tygodniowy“).

лицы русской, умеръ 27 января старого стиля. Кончина наступила неожиданно; покойный, правда, довольно давно уже былъ боленъ и прошлую зиму провелъ въ Крыму, но ничто однакоже не предвѣщало столь близкаго конца; наканунѣ смерти онъ ъездилъ совѣтоваться съ докторомъ и скончался въ полной памяти за работой надъ послѣднимъ нумеромъ „Руси“, которую издавалъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ. Неожиданная эта смерть произвела глубокое впечатлѣніе на высшіе классы русского общества; воздействиѣ Аксакова не простидалось, конечно, на сферы государственные; но какъ вождь приверженцевъ славянофильской партии, какъ предсѣдатель бывшаго Славянскаго Благотворительного Комитета, организаторъ добровольцевъ въ Сербскую войну и типъ русскаго пропагатора идеи панславянской, наконецъ какъ редакторъ „Руси“, изданія съ независимыми и свободными убѣженіями — онъ былъ личностью, которую знала Россія, знали народы Славянскіе и даже вся политическая Европа.

Аксаковъ родился и былъ воспитанъ въ семье, съ давняго времени занимавшейся литературой, искусствомъ и политикой. Отецъ его, Сергій, былъ писатель, о которомъ сохранился благодарная память въ исторіи литературы. Воспитанный на великихъ гуманистахъ XVIII вѣка, онъ былъ типъ тѣхъ людей, которыхъ такъ симпатично характеризовалъ Тургеневъ въ „Отцахъ и Дѣтяхъ“. Занимался хозяйствомъ и охотой, а въ промежуткахъ переводилъ Буало и французскихъ трагиковъ; переселившись въ городъ, былъ цензоромъ, а потомъ издавалъ очень свободный по убѣженіямъ, но подчинявшийся французскому классицизму журналъ. Кончилъ однако же чисто-народнымъ направленіемъ, ибо только „Семейная Хроника“ прославила его какъ русскаго писателя. Въ такой семье Иванъ съ раннихъ лѣтъ могъ заняться вопросами литературными, тѣмъ болѣе что старшій братъ его, Константинъ, принадлежалъ къ разряду ученыхъ съ выдающимся талантомъ и выработанными убѣженіями *)...

Судь обѣ Аксаковъ и его трудахъ — дѣло не легкое. Собственно онъ не былъ славянофиломъ ни стараго, ни новаго покроя, и тѣ органы, которые считаютъ его дѣятелемъ чисто-народной

*) Слѣдуетъ часть біографическая, которую для краткости опускаемъ.

Ped.

русской идеи, наиболѣе правы. Его славизмъ былъ чисто-русскій, религию господствующую въ Россіи, ее ipso русскій языкъ и политическую идею онъ считалъ за интегральные признаки Славянства и безъ этихъ признаковъ Славянства не понималъ. Искренность, съ которой онъ выразилъ это въ извѣстномъ письмѣ къ Ригру, многое подтверждала депопуляризациіи защищаемаго имъ тезиса. Многіе, даже Русскіе, обвиняли его за это, но, по нашему мнѣнію, Аксаковъ доказалъ этимъ лишь правоту своего характера. Мы должны однако прибавить, что такъ понимаемое Славянство съ Аксаковымъ, кажется, сходить въ могилу: отъ нынѣшнихъ эпигоновъ славянофильства трудно добиться въ чемъ собственно состоять ихъ Средо...

Что касается нашей народности, то Аксаковъ, какъ кажется, былъ рѣшительнымъ ея противниковъ, — это простая логика его посылокъ. Однако же, до извѣстной степени онъ признавалъ 'сбыточнымъ' возрожденіе Поляковъ, хотя и не высказывалъ, какимъ путемъ это должно наступить. Особенно въ послѣднія времена, въ дѣлѣ прусскихъ высылокъ, Аксаковъ, кажется, подъ воздействиемъ младшей генераціи славянофиловъ, занялъ болѣе послѣдовательное положеніе. „Русь“ не пресмыкалась, какъ другіе органы, предъ могуществомъ Бисмарка и умѣла подвергнуть критикѣ его дѣятельность съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, что для трезво мыслящихъ Поляковъ и наиболѣе желательно. Кто займетъ принадлежавшее Аксакову мѣсто, найдется ли эпигоны его мысли — предрѣшать не наше дѣло. Мы хотѣли лишь указать на убѣжденность и искренность, съ которыми этотъ мечтатель и политический поэтъ русскій — народникъ въ глубинѣ души — исполнялъ свою миссію въ Славянствѣ.

Латышскія газеты о кончинѣ И. С. Аксакова.

I.

Латышская газета „Rota“ (Краса) помѣстила въ свое мѣсяцесочиненіе № 10 отъ 11 марта изображеніе Ивана Сергеевича и посвятила его памяти статью подъ вышеупомянутымъ заглавиемъ.

Въ этой статьѣ, послѣ короткаго жизнеописанія покойнаго и перечня его литературныхъ произведеній, газета говоритъ: „Смерть

славнаго писателя была сильнымъ ударомъ для всей Россіи. Какъ въ столицахъ, такъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ обширнаго русскаго отечества были по покойномъ отслужены панихиды. Отовсюду вдова Ивана Сергеевича получила соболѣзнующія телеграммы. Мало того: даже нашъ Государь Императоръ удостоилъ ее телеграммой въ знакъ уваженія къ памяти великаго патріота.

„Во вниманіе къ великому значенію дѣятельности И. С. Аксакова вообще и къ его теплому заступничеству за Латышей въ особенности, представители латышской печати послали глубокоогорченной вдовѣ покойнаго телеграмму слѣдующаго содержанія: (Слѣдуетъ телеграмма, напечатанная въ „Руси“, № 32).

„31 января былъ день похоронъ Ивана Сергеевича. Похороны представляли небывалое зрѣлище: людей принимающихъ сердечное участіе въ этомъ скорбномъ торжествѣ было столько, сколько собралось развѣ только на похороны славнаго генерала Скобелева.

„Если бъ покойный зналъ, что онъ пользуется такимъ почестомъ, то у него явились бы новыя силы“, сказала, какъ утверждаютъ, вдова покойнаго.

„И. С. Аксаковъ написалъ много. Самыя лучшія произведенія, помѣщенные въ его періодическихъ изданіяхъ, писаны имъ самимъ. Онъ работалъ неутомимо, видя въ патріотическомъ трудѣ своей долгъ, задачу своей жизни. Обращалось ли его слово къ друзьямъ или къ противникамъ—всегда и во всемъ оно являло неподкупную честность и глубокій патріотизмъ. Вотъ почему его слову внимали съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ былъ писатель, который строго держался своихъ убѣждений и который умѣль согрѣвать сердца и убѣждать умы. Основой его мыслей и стремленій были: правдивость, любовь, вѣра и непреклонное исканіе добра“.

Статья названной латышской газеты заканчивается выдержкою изъ рѣчи профессора Бестужева-Рюмина, къ которой „Рота“ отъ себя прибавляетъ слѣдующія слова: „Не забудемъ этихъ словъ. И. С. Аксаковъ былъ горячимъ защитникомъ и нашихъ интересовъ. Миръ праху его!“

II.

Тотчасъ по полученіи телеграфнаго извѣстія о кончинѣ Ивана Сергеевича, латышская газета „Baltijas Wehstnesis“, отъ 29 ян-

варя, напечатала слѣдующее: „Русскій народъ понесъ весьма чувствительную потерю: одинъ изъ его самыхъ славныхъ патріотовъ и политическихъ писателей, редакторъ „Руси“, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, скончался отъ разрыва сердца. Уже въ прошломъ году было сообщено о его болѣзни, которая заставила его предпринять путешествіе въ Крымъ, такъ что газета „Русь“ пріостановилась на нѣкоторое время. Нѣсколько времени спустя насы обрадовала вѣсть, что онъ будто выздоровѣлъ. Онъ воротился въ Москву и продолжалъ издавать свою газету. Но видно, что полнаго исцѣленія не было достигнуто: старый недугъ сломилъ знаменитаго писателя. Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ принадлежалъ къ такъ-называемымъ славянофиламъ, которые стремятся освободить Русскій народъ отъ иноплеменного и чужеземного умственнаго и духовнаго ига и руководства; онъ принадлежалъ къ славянофиламъ, которые держатся того мнѣнія, что всестороннее развитіе Русскаго народа должно быть самостоятельнымъ, должно быть *народнымъ*, и что не слѣдуетъ искажать свою природу изъ слабохарактерной страсти къ подражанію чужимъ. Иванъ Сергеевичъ твердо стоялъ за подъемъ простаго русскаго человѣка и за *самоуправление* въ разныхъ областяхъ Россіи. Поэтому ему часто приходилось писать противъ бирократіи, противъ лицъ высокостоящихъ, и этимъ дѣлать себѣ не мало враговъ. Но онъ не далъ себя своротить со своего пути. Во вѣтшихъ дѣлахъ онъ постоянно отстаивалъ *национальную* политику и былъ рѣшительнымъ противникомъ союза Россіи съ Германіею и Австріею. Къ тому же онъ неуклонно защищалъ интересы разныхъ небольшихъ Славянскихъ племенъ, а также и интересы Латышскаго народа. Смерть И. С. Аксакова произведетъ въ русской политической литературѣ большой, невосполнимый пробѣлъ. Замѣчательная газета „Русь“ по всей вѣроятности прекратиться вмѣстѣ со своимъ творцомъ—редакторомъ-издателемъ“.

III.

НЕКРОЛОГЪ И ВОСПОМИНАНІЯ.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. *)

Некрологъ.

Января 27-го, въ 7 часовъ вечера, скончался въ Москвѣ И. С. Аксаковъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей настоящаго столѣтія. Смерть подкралась къ нему почти незамѣтно и застигла его на томъ же боевомъ посту, на которомъ создалось его громкое имя и завидная слава.

Самъ И. С. не собирался такъ скоро покончить земные счеты, хотя и не забывалъ о бремени лѣтъ, надъ нимъ тяготѣвшихъ и подтачивавшихъ его крѣпкое здоровье. Но не въ его правилахъ было слагать оружіе, пока оставались силы для работы, т. е. для борьбы, потому что работа была для него борьбой—неустанной, кипучей, полной одушевленія и отваги, а эта борьба—работой, призваніемъ жизни, нравственнымъ долгомъ передъ родиной. Подкрѣпившись кратковременнымъ отдыхомъ въ Крыму, втеченіе весны и лѣта прошлаго года, И. С. по возвращеніи въ Москву съ обычною бодростью принялся за свое дѣло. Всѣмъ еще па-

Изъ № 3 «Исторического Вѣстника».

мятны его блестящія статьи о событіяхъ въ Славянскомъ мірѣ, его филишики противъ нашихъ дипломатовъ, его исполненное достоинства объясненіе съ цензурнымъ вѣдомствомъ... Все это было недавно, и все это было живымъ свидѣтельствомъ, что И. С. остается тотъ же, какимъ былъ до болѣни—съ своимъ неувѣдающимъ талантомъ, съ своею пламенною рѣчью, съ своимъ даромъ страшно увлекаться и увлекать.

Есть извѣстіе, что съ весны нынѣшняго года И. С. намѣревался поставить свое изданіе иначе, чтобы обезпечить себѣ больший досугъ для приведенія въ порядокъ своего обширнаго семейнаго архива (почти за 75 лѣтъ) и для изложенія своихъ воспоминаній. Въ письмѣ къ одному изъ старыхъ друзей, харьковскому профессору Безсонову, незадолго до смерти, И. С., сообщая объ этихъ планахъ своихъ, прибавилъ: „если не будетъ войны“—до такой степени была ему чужда мысль, что вотъ онъ можетъ преспокойно снять съ себя боевые доспѣхи и отдаваться дѣлу, хотя и не чисто личному, даже очень нужному, но въ сторонѣ отъ текущихъ злобъ дня.

Судьба рѣшила иначе. Не прошло и полугода послѣ крымскаго отдыха, какъ недуги Аксакова возобновились. Надломленное здоровье настоятельно требовало устраниенія отъ срочной утомительной работы, требовало душевнаго покоя, а тутъ какъ разъ подоспѣли событія, глубоко взъявшія весь Славянскій міръ. И. С. не могъ въ такую минуту оставаться спокойнымъ зрителемъ, тѣмъ больше не могъ оставить дѣла, которое лежало на немъ одномъ. И этотъ яркій свѣточъ русской мысли догорѣлъ и погасъ почти внезапно, къ великой скорби всѣхъ мыслящихъ патріотовъ Русской и другихъ Славянскихъ земель...

И. С. Аксаковъ, второй сынъ извѣстнаго писателя Сергія Тимофеевича Аксакова, родился въ селѣ Надежинѣ, Куроѣдовѣ тоже, Белебеевскаго уѣзда Уфимской губ., 26-го сентября 1823 г. Черезъ три года послѣ того, семья Аксаковыхъ перебралась въ Москву, гдѣ Сергій Тимофеевичъ нѣкоторое время служилъ сперва въ должности цензора, а потомъ—инспектора Межеваго училища, преобразованнаго при его близайшемъ содѣйствіи въ Константиновскій межевой институтъ. Какъ въ эти, такъ и въ послѣдующіе годы, семья Аксаковыхъ жила по преимуществу

интересами литературы и искусства. Переводчикъ Мольера, знатель и любитель театра, отецъ Ивана Сергеевича былъ въ тѣсной дружбѣ съ корифеями тогдашней московской сцены, начиная Щепкинымъ. Въ то же время сотрудничество въ тогдашнихъ московскихъ изданіяхъ („Московскій Вѣстникъ“ Погодина, „Атеней“—Павлова, „Галатея“—Раича, „Молва“—Надеждина и „Труды Общества любителей российской словесности“) сблизило его со многими выдающимися писателями. Гоголь питалъ къ семье Аксаковыхъ, можно сказать, родственные чувства и былъ не рѣдтимъ гостемъ Сергея Тимофеевича. При чисто-русскомъ благодушіи и хлѣбосольствѣ просвѣщенного хозяина, домъ Аксаковыхъ сталъ въ Москвѣ оживленнымъ центромъ образованности, ума, даровитости и изящнаго вкуса.

Таковы были особенности этой русской семьи, въ атмосферѣ которой слагались первыя мысли и первый сознательный стремленія дѣтей Сергея Тимофеевича Аксакова. Съ другой стороны, въ семье Аксаковыхъ крѣпко держались патріотическія преданія Суворовскаго времени (мать И. С., Ольга Семеновна, была дочь Суворовскаго генерала Заплатина) и воспоминанія Двѣнадцатаго года. Эти счастливыя условія первоначального воспитанія, безъ сомнѣнія, играли важную роль въ послѣдующемъ направленіи дѣятельности Ивана Сергеевича, какъ и его старшаго брата Константина. Богато одаренный природою, отъ младыхъ лѣтъ вращаясь среди писателей, артистовъ и художниковъ, съ молокомъ матери всосавши возвышенныя патріотическія чувства, И. С. очень рано угадалъ свое призваніе. Уже на 21 году своей жизни, онъ, какъ бы провидя будущее, въ энергическихъ строфахъ высказалъ (стихотвореніе „Колумбъ“, 1-го ноября 1844 г.):

Пойду впередъ съ своимъ стремленьемъ,
Исторгну помыслъ изъ глупи,
Съ неколебимымъ убѣжденьемъ,
Залогомъ искреннѣй души!
И вѣрю я: наступить время,—
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,—
Но долетить святое съмѧ
До почвы избранной своей!..
Я не страшусь суда людскаго,
Я двину смѣло мысль впередъ,

И далеко отгрынетъ слово
И слухъ внимательный найдетъ!
Крикъ близорукаго участья
Меня не трошеть, не смутить...
Я равнодушно жду несчастья,
Миѣ тайный голосъ говорить:
Терпи, Колумбъ, терпи и вѣдай:
На зло сомнѣнью и врагамъ,
Ты увѣщаешься побѣдой...
Но быть грозѣ, гремѣть бѣдамъ!

Образованіе Иванъ Сергеевичъ получилъ въ Училищѣ правовѣдѣнія, которое тогда только-что было учреждено. Первоначальная цѣль этого училища и идеи, смутно бродившія въ его преподавателяхъ и воспитателяхъ,—идеи суда справедливаго, неподкупнаго, о чемъ тогда можно было только мечтать,—тоже не остались безъ вліянія на впечатлительную душу И. С. По окончаніи курса въ Училищѣ, онъ поступилъ на службу (въ 1842 г.) въ одинъ изъ московскихъ департаментовъ Сената. Эта судебная служба была своего рода чистилищемъ для будущаго писателя: здѣсь онъ впервые лицомъ къ лицу встрѣтился съ неказистою дѣйствительностью тогдашней Руси, и уже никогда не могъ излѣчиться отъ первыхъ впечатлѣній дoreформенного суда. Въ послѣдній годъ своей жизни, какъ и при началѣ писательской карьеры, И. С. не могъ безъ содроганія вспоминать видѣнное на судебнѣй службѣ и не могъ безъ негодованія слушать или читать хвалебные диэирамбы судебнѣмъ поридкамъ по образу и подобію суда дoreформеннаго, предлагаемымъ въ отмѣну и замѣну суда новаго.

Изъ Сената, въ сентябрѣ 1848 года, И. С. перешелъ въ Министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ въ Бессарабію по нѣкоторымъ раскольничимъ дѣламъ, причемъ имѣлъ случай основательно ознакомиться какъ съ положеніемъ раскольниковъ, со складомъ ихъ отношеній между собой и ко внѣшнему миру, такъ и съ общимъ смысломъ раскола въ русской жизни. Вскорѣ затѣмъ, И. С. былъ командированъ въ Ярославскую губернію для ревизіи городскаго управлѣнія, для обсужденія на мѣстѣ вопроса объ единовѣріи, введенію которого противился

Ярославскій архіепископъ, а также для изученія, въ составѣ особой комиссіи, секты бѣгуновъ или странниковъ. Эта коман-дировка дала Аксакову случай близко ознакомиться съ условіями народной жизни въ Великороссії. Едва ли не впервые И. С. съ поразительною ясностью увидалъ тогда жизненную антитезу, рас-крытие которой составляло потому одну изъ главнѣйшихъ заботъ и вмѣстѣ важнѣйшую заслугу его публицистической дѣятельно-сти. Эта антитеза: самобытное и самородное, или земское, въ русской жизни, и казенное, или „казенщина“, какъ онъ выражался. Вотъ любопытный фактъ, съ которымъ, встрѣтился И. С. при ревизіи городскихъ управлений Ярославской губерніи и который онъ любилъ вспоминать какъ въ своихъ статьяхъ, такъ и въ устныхъ бесѣдахъ: по полученіи въ городѣ Мологѣ, Ярославской губерніи, Екатерининской жалованной грамоты городамъ и по торжественному, какъ слѣдуетъ, открытии Городской Думы съ городскимъ головой и гласными, жители постановили секретный общественный приговоръ такого содержанія: такъ какъ вновь учреждаемая Дума имѣеть распоряжаться лишь доходами, указанными въ законѣ, расходовать на предметы, также указанные, вообще дѣйствовать на точномъ основаніи закона, подъ контролемъ начальства, то рядомъ и одновременно съ нею имѣть не-гласно прежнее общественное управление подъ завѣдываніемъ того же городского головы и тѣхъ же гласныхъ, и въ распоря-женіе этого негласнаго управления предоставить небольшой капи-таль, нарочно для сего и составленный по общей раскладкѣ. Та-кимъ образомъ съ 1786 по 1847 г., втечение 61 года, существо-вало два городскихъ самоуправлія: одно офиціальное, казенное, съ 4 тысячами руб. дохода; другое тайное, но въ сущности на-стоящее, достигшее 20 тысячъ руб. дохода; по одному велись сѣѣты, отчеты представлялись Губернскому Правлению и Казенной Палатѣ, по другому велись особыя книги, въ которыхъ отчетъ отдавался самому обществу. Городъ процвѣталъ, къ удивленію всѣхъ губернаторовъ, пока, наконецъ, начальство не узнало слу-чайно причины процвѣтанія. Узнавъ, оно предало голову суду, прекратило неказенное самоуправление и отдало капиталы ка-зенному. „Городъ пришелъ въ упадокъ, и довольно скоро“, — прибавлялъ обыкновенно И. С. вмѣсто всякихъ выводовъ...

Изученіе секты бѣгуновъ дало матеріаль для солиднаго труда „О бѣгунахъ“. Въ печати появилась только заключительная глава

этого сочиненія, замѣчательнаго въ особенности характеристикой причинъ, вслѣдствіе которыхъ возникла секта.

Въ 1852 году, И. С. вышелъ въ отставку и возвратился въ Москву, къ отцу и брату, которые около того времени усердно занимались литературой *). Литературная дѣятельность И. С. началась, какъ упомянуто, значительно раньше, а именно его первое напечатанное стихотвореніе („Колумбъ“) появилось въ № 1 „Москвитянина“ за 1845 г. Кроме другихъ стихотвореній, къ этому же времени относится и поэма „Бродяга“, по поводу которой автору, ранѣе появленія ея въ печати, именно въ 1849 году, пришлось держать отвѣтъ передъ III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, на письменно предложеній вопросъ: „почему онъ, Аксаковъ, безпаспортнаго человѣка выбралъ себѣ въ героя... Эти непріятности въ связи съ литературными занятіями (напримѣръ, въ 1848 г. И. С. неизвѣстно за что былъ арестованъ на нѣкоторое время), вѣроятно, ускорили рѣшиимость его оставить службу, такъ какъ выбора между службой и литературой для него не представлялось по существу его стремлений и убѣждений.

Въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, именно около времени возвращенія И. С. къ отцу, въ Москвѣ сплотился литературный кружокъ такъ-называемой славянофильской окраски. Кружокъ имѣлъ въ виду пропагандировать свои идеи путемъ печатного слова. Первымъ опытомъ изданій кружка былъ „Московскій Сборникъ“, предпринятый въ 1852 году. И. С. былъ редакторомъ I тома, гдѣ, между прочимъ, появилась въ отрывкахъ и упомянутая поэма „Бродяга“, но на томъ и остановилось предпріятіе кружка, впрочемъ, для „Сборника“, а не для И. С. Аксакова: послѣднему, по выходѣ I тома „Московскаго Сборника“, дальнѣйшее продолженіе этого изданія было запрещено, съ лишеніемъ права быть и впредь редакторомъ какого бы то ни было изданія.

Послѣ этого въ литературной дѣятельности И. С. послѣдовала значительный перерывъ, которымъ онъ воспользовался для ознакомленія съ народнымъ бытомъ въ различныхъ его формахъ

*) С. Т. Аксаковъ издавалъ (1847 г.) «Записки объ уженьѣ рыбы», а Е. С. печаталъ диссертацию свою о Ломоносовѣ (тоже 1847 г.).

и проявленияхъ. Такъ, въ 1853 году, И. С. принялъ предложеніе Русскаго Географическаго Общества — описать торговлю на Украинскихъ ярмаркахъ. Въ концѣ 1853 года, И. С. отправился въ Малороссию и провелъ въ разыздахъ по ней весь слѣдующій годъ. Результатомъ этой поездки явилось обширное „Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ“, изданное впослѣдствіи Географическимъ Обществомъ (въ 1859 году). Автору Географическое Общество присудило за его изслѣдованіе большую Константиновскую медаль. Академія наукъ за то же изслѣдованіе удостоила И. С. половинной Демидовской преміи. Изслѣдованіе это основывалось на фактахъ, собранныхъ, большою частью, самимъ авторомъ, такъ какъ статистические материалы, имѣвшіеся въ то время, были ниже всякой критики. По свойству задачи И. С. не могъ ограничиться однѣми малороссийскими ярмарками, но долженъ былъ обнять почти все торговое и промышленное движение въ тогдашнихъ главныхъ центрахъ его, такъ какъ малороссийскія ярмарки имѣли важное значеніе не только для юга, но и для сѣвера Россіи. Изслѣдованіе это познакомило И. С. съ нашимъ торговымъ сословіемъ, съ характеромъ и нуждами русской торговли. Установленное имъ различіе Великорусса и Малоруса, по скольку тотъ и другой со своими особенностями проявляются въ торговлѣ и въ частности на ярмаркахъ, до сихъ поръ не утратило своего интереса и значенія.

Изъ Малороссіи И. С. вернулся въ Москву въ самый разгаръ Восточной войны и вызванного ею патріотического одушевленія. Онъ добровольно поступилъ въ ополченіе, именно въ Серпуховскую дружибу, бывшую подъ начальствомъ князя Гагарина. Пылкая, прямая натура И. С. сказалась во всей силѣ. Начальникъ дружины очень не радъ былъ имѣть подъ своимъ начальствомъ такого человѣка. Серпуховская дружина дальше Бессарабіи не пошла и въ дѣлахъ противъ непріятеля участія не принимала. При первыхъ извѣстіяхъ о мирѣ, въ мартѣ 1856 года, И. С. вернулся въ Москву; но въ маѣ того же года онъ снова отправился на югъ, именно въ Крымъ, приглашенный княземъ Васильчиковыемъ участвовать въ слѣдственной комиссіи по дѣлу о злоупотребленіяхъ интенданства во время войны. Вирочемъ, конца слѣдствія И. С. не дождался. Въ декабрѣ 1856 года, онъ возвратился въ Москву.

Извѣстно, какое тогда наступало время, какіе вопросы были

выдвинуты на очередь. И. С. всецѣло посвятилъ этимъ вопросамъ свои недюжинныя силы и свой блестящій талантъ. Въ 1858 году, онъ принялъ на себя (неофициально) редакцію журнала „Русская Бесѣда“, официальнымъ редакторомъ которого считался А. И. Кошелевъ. Вокругъ этого органа сплотились всѣ лучшія силы такъ-называемаго славянофильскаго кружка. И. С. выпустилъ III и IV томы „Русской Бесѣды“ за 1858 годъ и шесть книжекъ за 1859 годъ. Въ то же время сняли съ него запрещеніе быть редакторомъ, и И. С. Аксаковъ предпринялъ съ 1859 г. изданіе еженедѣльной газеты „Парусъ“. По замыслу издателя, „Парусъ“ долженъ быть служить центральнымъ органомъ славянской мысли. Но этому изданію не посчастливилось: по выходѣ двухъ первыхъ №№, оно было прекращено за нарушеніе цензурныхъ правилъ. Цензурѣ не понравилось обозрѣніе событий предшествовавшаго года и нѣкоторыя изъ стихотвореній, въ томъ числѣ и принадлежавшія самому И. С.

Весь 1860 годъ, отчасти вслѣдствіе болѣзни брата Константина Сергеевича, котораго врачи послали умирать на островъ Занте, И. С. провелъ въ заграничномъ путешествіи, главнымъ образомъ по Славянскимъ землямъ, чтобы лично ознакомиться съ выдающимися политическими и литературными дѣятелями западнаго и южнаго Славянства. Между прочимъ, это путешествіе И. С. ознаменовалось известнымъ эпизодомъ въ Бѣлградѣ, куда онъ привезъ „Посланіе къ Сербамъ“, подписанное многими, частью людьми его кружка, частью сочувствовавшими лишь нѣкоторымъ изъ его взглядовъ. Незадолго передъ тѣмъ закончившаяся итальянская война, неудача Австріи и торжество идеи национального объединенія Итальянцевъ,—все это отразилось сильнымъ броженіемъ въ Славянскихъ земляхъ. Среди Сербовъ и Хорватовъ усилились освободительные стремленія относительно Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи. И. С. былъ встрѣченъ здѣсь съ распостертыми объятіями, хотя „Посланіе къ Сербамъ“ въ Бѣлградѣ не понравилось.

Возвратившись въ Москву, И. С. выхлопоталъ разрѣшеніе издавать подъ своей редакціей еженедѣльную газету „День“. Газета была разрѣшена ему безъ политического отдѣла и съ тѣмъ, чтобы цензура имѣла особое наблюденіе за этимъ изданіемъ. „День“ стала выходить въ концѣ 1861 года, при участіи того же славянофильскаго кружка, и сразу заняла выдающееся положеніе.

„День“, конечно, отводил видное мѣсто Славянскому міру и славянскимъ дѣламъ; тогда къ этому и вѣнчаній былъ поводъ, потому что въ Герцеговинѣ вспыхнуло восстание. Но едвали не больше славянскихъ вопросовъ занимался „День“ жгучими задачами начавшагося преобразования Россіи, такъ какъ сразу на очередь стали вопросы о крупнѣйшихъ реформахъ, какъ то: крестьянской, судебнай, земской. Наконецъ, около того же времени зашевелилась Польша, и польскій вопросъ занялъ немаловажное мѣсто въ ряду живыхъ интересовъ русскаго общества, хотя на первыхъ порахъ лишь въ академической постановкѣ. Все это давало „Дню“ множество случаевъ выказать во всемъ блескѣ одушевляющія его высокія стремленія и надежды, пылкій энтузіазмъ его рукородителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непоколебимую вѣру въ Россію, въ ея особое призваніе. Голосъ Аксакова, мужественный, бодрый, увлекательный и всегда нѣсколько дерзновенный, не могъ оставаться гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Это былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ періодовъ дѣятельности И. С.; за нимъ окончательно упрочилась слава талантливаго, честнаго, смѣлаго вождя славяно-фильской партіи. Имя Аксакова стало извѣстно всей образованной Россіи и Европѣ, и, какъ нынѣ выражаются, сдѣлалось политическимъ знаменемъ. Личный, рыцарски безупречный, характерь Ивана Сергеевича стяжалъ ему не только горячія симпатіи друзей, но и общее уваженіе противниковъ.

Издание „Дня“ шло довольно благополучно, если не считать сравнительно маленькихъ цензурныхъ непріятностей, напримѣръ, запрещенія отдѣльныхъ статей, вслѣдствіе чего газета нерѣдко выходила безъ передовой статьи съ помѣткой лишь даты: „Москва, N. N. числа“. Въ 1862 году, послѣдовала, впрочемъ, крупная непріятность, именно временное отстраненіе Аксакова отъ редакторства. Случилось это, по объясненію самого И. С., единственно вслѣдствіе того, что онъ не счелъ для себя нравственно возможнымъ объявить, какъ отъ него требовалось, имя автора одной корреспонденціи. Въ виду положительного закона, И. С. предпочелъ принять на себя и понести за автора отвѣтственность, но это предложеніе не было принято, и И. С. на время былъ отстраненъ отъ редакторства, съ разрѣшеніемъ передать званіе редактора Ю. Ф. Самарину, хотя фактически оставался редакторомъ самъ же И. С. Это было въ іюнѣ 1862 года, а въ октябрѣ того же года И. С.—чу послѣдовало разрѣшеніе издавать „День“

подъ собственной редакціей. „День“ просуществовалъ до конца 1865 года, когда личныя обстоятельства заставили И. С. добровольно прекратить это изданіе. Его послѣдняя передовая статья въ „Днѣ“—прощальная—заканчивалась словами:

„Прощай, читатель, и да спасеть тебя русская правда отъ всякой иноземной лжи, которой долго еще не перестанутъ наши аристократы и демократы, доктринеры-чиновники и нигилисты и все это старое общество — мутить поверхность нашего могучаго, величаваго, глубокаго народнаго моря“.

Одновременно съ изданіемъ „Дня“ И. С. принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ учрежденного въ 1858 г. Московскаго Славянскаго Комитета, — при жизни Погодина въ качествѣ ближайшаго его сотрудника, а послѣ смерти Погодина въ качествѣ его преемника, по званію предсѣдателя Комитета. Этого рода дѣятельность И. С. была очень разнообразна и порой хлопотлива, не говоря уже о постоянныхъ материальныхъ пожертвованіяхъ, съ которыми она связывалась для самого И. С.—а. Тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ И. С. не покидалъ ея, несмотря на всѣ послѣдующія перемѣны какъ въ собственныхъ его дѣлахъ, такъ и въ судьбѣ Славянскаго Комитета.

Перерывъ издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики продолжался для И. С. одинъ годъ. Его пылкая натура была какъ нельзя болѣе на мѣстѣ въ политической газетѣ, и въ 1867 г. онъ вновь предпринялъ изданіе газеты — „Москва“. Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ газетъ, когда-либо возникавшихъ въ Россіи. Она просуществовала съ 1-го января 1867 года по 21-е октября 1868 года, т. е. менѣе двухъ лѣтъ, и втеченіе этого короткаго времени подверглась девяти предостереженіямъ и тремъ простоянкамъ — на три, на четыре и, наконецъ, на шесть мѣсяцевъ. Другими словами, просуществовавъ неполныхъ два года, „Москва“ болѣе года (13 мѣсяцевъ) была въ простоянковъ. Частью во время этихъ простоянокъ ее замѣнялъ „Москвичъ“, отличавшійся отъ Москвы только заголовкомъ, хотя выходившій подъ редакціей (номинальной, конечно) другаго лица. Главнымъ поводомъ административныхъ гоненій на „Москву“ были статьи ея противъ генерала Потапова, удивительно управлявшаго Сѣверо-Западнымъ краемъ, и противъ тогдашихъ порядковъ въ Прибалтійскомъ краѣ, гдѣ нѣмецкое меньшинство проводило политику онѣмеченія большинства, не стѣсняясь для того самыми

крутыми средствами противъ населенія. Раздраженный этими гонениями и придирками, И. С., конечно, не всегда соблюдалъ въ своихъ статьяхъ академической стиля, а нерѣдко и чувствительно затрагивалъ самолюбіе самого Министерства, къ чему немало представлялось поводовъ, особенно въ неискренней политикѣ бюрократіи относительно земскихъ учрежденій и печати. Но въ общемъ „Москва“ была газетой строго выдержанной въ томъ самомъ направленіи, которое всегда отличало такъ - называемый „славянофильскій“ кружокъ, и которое если чѣмъ прегрѣшало противъ взглядовъ правительственной среды, то единственно развѣ допущеніемъ критики о дѣйствіяхъ самихъ правительственныхъ лицъ, въ предположеніи, что и они могутъ ошибаться. Но этого-то и не прощали „Москвѣ“ вмѣстѣ съ ея независимымъ отношеніемъ къ различнымъ текущимъ вопросамъ политики. Незадолго до своей смерти, по случаю нового столкновенія съ цензурой, И. С. припоминалъ въ „Руси“, безъ сомнѣнія съ чувствомъ нравственного удовлетворенія, что въ вопросахъ, за которые больше всего пострадала „Москва“, правительство въ настоящее время само стоитъ на точкѣ зреінія, которую тогда защищала „Москва“ и за которую это изданіе въ концѣ концовъ было запрещено.

Запрещенію „Москвы“ предшествовалъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ нашей печати процессъ, который И. С. велъ въ Сенатѣ противъ тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютанта Томашева. Послѣдній, пріостановивши „Москву“ на 6 мѣсяцевъ, согласно нынѣ отмѣненной статьѣ законовъ о печати 1865 года, вошелъ въ Сенатъ съ рапортомъ о необходимости, по его мнѣнію, вовсе прекратить изданіе „Москвы“. Узнавъ объ этомъ, И. С. Аксаковъ подалъ въ Сенатъ прошеніе допустить его къ представленію, въ свою защиту, объясненій противъ министерского рапорта, и прошеніе это было Сенатомъ уважено. Тогда И. С. по каждой статьѣ обширнаго обвинительнаго рапорта представилъ объясненія и справки въ тѣхъ видахъ, чтобы опровергнуть основную мысль обвиненія, будто „Москва“ — изданіе вреднаго направленія, и въ отношеніи этого главнаго пункта обвиненія И. С. выигралъ процессъ: изъ департамента за разногласіемъ дѣло было перенесено въ общее собраніе первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи. Но и въ общемъ собраніи на сторонѣ генераль-адъютанта Тимашева не получилось потребныхъ двухъ третей голосовъ. Разногласіе не

устранилось и послѣ согласительнаго предложенія министра юстиціи, вслѣдствіе чего дѣло перешло на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, но и тамъ единогласіе не получилось, такъ что потребовалось перенести дѣло въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Здѣсь большинство согласилось со мнѣніемъ министра внутреннихъ дѣлъ, но при окончательной редакції мнѣнія большинства сдѣлана была оговорка въ томъ смыслѣ, что хотя газета и запрещается, однако же направленіе ея по существу нельзя признавать вреднымъ.

Съ закрытіемъ „Москвы“ И. С. въ отношеніи издательской дѣятельности на поприщѣ журналистики оставался подъ запрещеніемъ цѣлыхъ 12 лѣтъ. Всѣ хлопоты его и друзей его снять это запрещеніе не имѣли успѣха до самаго 1880 г., когда во главѣ общаго управлѣнія поставленъ былъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Но этотъ продолжительный перерывъ въ издательскихъ трудахъ не былъ для И. С. періодомъ успокоенія отъ патріотической и общественной дѣятельности, или періодомъ отрѣшенія отъ политическихъ и вообще высшихъ интересовъ своего времени; такого успокоенія и отрѣшенія не могло быть ни по свойствамъ натуры И. С., ни по особенностямъ его общественного положенія. Вотъ именно здѣсь мы и встрѣчаемся съ тѣмъ, совершенно исключительнымъ у насъ, явленіемъ, что человѣкъ частный, стоящій вдали отъ вліятельной официальной среды, въ добавокъ пользующійся прямо неблагосклонностью этой среды,—человѣкъ, не имѣющій ни высокихъ чиновъ, ни какихъ-либо особыхъ отличій въ условномъ смыслѣ,—наконецъ, человѣкъ, насильственно лишенный права голоса на той единственной аренѣ, которая открыта у насъ частнымъ людямъ, въ печати,—И. С. Аксаковъ, несмотря на все это, сдѣлался не только виднымъ, но и несомнѣнно вліятельнымъ политическимъ центромъ, вокругъ котораго естественно совершался обмѣнъ симпатій и надеждъ между Востокомъ и Западомъ Славянскаго міра... И случилось это какъ-то само собою, безъ всякихъ усилий со стороны И. С. Будучи членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ Славянскаго Комитета, И. С. дѣлалъ то, чего требовало отъ него принятное на себя званіе, но онъ дѣлалъ это съ душой и по убѣженію, онъ находилъ опору для этой дѣятельности въ себѣ самомъ, въ своихъ славянскихъ чувствахъ, вѣрованіяхъ, идеалахъ; увлекаясь самъ, онъ увлекалъ за собой и другихъ.

Когда на Славянскомъ Юго-Востокѣ, въ первой половинѣ се-
мидесятыхъ годовъ, появилось движение, перешедшее сперва въ
Герцеговинское восстание (1875 г.), а потомъ въ Сербско-Турец-
кую (1876 г.) и Русско-Турецкую или вторую Восточную войну
(1877—1878 гг.), И. С. Аксаковъ выступилъ естественнымъ ру-
ководителемъ русскихъ общественныхъ симпатій. Московскій
Славянскій Комитетъ, имъ предсѣдательствуемый, превратился
въ самое оживленное коммиссіонерское бюро, куда со всѣхъ кон-
цовъ Россіи стекались пожертвованія на славянское дѣло, рас-
предѣлявшіяся Комитетомъ, т. е. въ сущности его предсѣдате-
лемъ, черезъ особо довѣренныхъ людей. Наконецъ, потекли въ
Славянскія земли уже не рубли только, а и люди русскіе для
помощи Славянамъ личнымъ трудомъ и, если нужно, личнымъ
пожертвованіемъ на полѣ брани... Объ этомъ времени И. С. вспо-
миналъ въ послѣдней статьѣ, вышедшей изъ-подъ его пера: „Пи-
шущему эти строки привелось въ 1876 и 1877 годахъ быть не
только свидѣтелемъ, но отчасти и практическимъ посредникомъ
высокаго народнаго одушевленія, охватившаго Русскую землю;
непосредственно изъ народныхъ рукъ (онъ) принималъ народныя
ленты, не святѣ коихъ была лента евангельской вдовицы; (пе-
редъ нимъ) живы до сихъ поръ образы мужиковъ заволжскихъ,
новохоперскихъ и иныхъ отдаленныхъ мѣстностей Россіи, на ко-
льнахъ упрашивавшихъ, какъ о „Божеской милости“, дарованія
имъ способовъ „помереть“, мученическій вѣнецъ прѣять за осво-
божденіе братій-христіанъ, Сербовъ, Черногорцевъ, Болгаръ отъ
бусурманскаго ига или нашествія“. Нельзя не прибавить къ
этимъ строкамъ, что тогдашняя рѣчи Ивана Сергеевича въ Сла-
вианскомъ Комитете передавались изъ устъ въ уста, облетали всю
Россію, электризуя русскихъ людей своимъ энтузіазмомъ, зажи-
гая одушевленіе высокой идеей „мученическаго вѣнца“ за осво-
божденіе братьевъ по вѣрѣ и племени...

Отвѣтомъ народному движению въ той же Москвѣ явились
приснопамятныя слова покайнаго Императора въ Кремль къ пред-
ставителямъ дворянства и купечества,—слова, говорятъ, неожи-
данныя для нашихъ дипломатовъ и не входившія въ ихъ планы,
но которыя рѣшили дальнѣйшую судьбу славяно-турецкой распри.
Впрочемъ, и послѣ того Славянскому Комитету еще не была да-
на отставка. Преобразованный правительствомъ, въ началѣ 1876 г.,
въ „Московское Славянское Общество“, онъ оставался у дѣлъ, и

дѣла эти были посеріознѣй обычнаго благотворенія. Между про-
чимъ Славянское Общество, т. е. опять-таки главнымъ образомъ
И. С. Аксаковъ, заготовило въ Германіи оружіе для Болгарскихъ
дружинъ, которая первоначально предполагалось сформировать
на сербской террорії,—что-то около 20 тысячъ ружей, съ со-
отвѣтственнымъ количествомъ патроновъ, и 12 крепковскихъ ору-
дій съ необходимыми къ нимъ снарядами... Всѣ эти запасы ору-
жія, дѣйствительно, пошли на вооруженіе Болгарскихъ дружинъ,
хотя и не тѣмъ путемъ, какой предполагался въ началѣ. И до-
нынѣ подарокъ Московскаго Славянскаго Общества не потерялъ
цѣны для освобожденной Болгаріи...

Берлинскій трактать послѣ богатырскихъ подвиговъ русскаго
солдата и въ награду за великія жертвы, понесенные Россіей,—
былъ для русскаго чувства нечто невмѣстимое, невозможное, и
русское чувство прорвалось громовою рѣчью И. С. Аксакова въ
въ томъ же Славянскомъ Обществѣ... Эта рѣчь сдѣлалась цѣ-
лымъ политическимъ событиемъ... И она, дѣйствительно, была
именно событиемъ: она показала Европѣ, что за русскими дипло-
матами, умѣющими такъ очаровательно улыбаться, стоять рус-
ские люди, у которыхъ въ груди—не полированная фраза, а на-
стоящее сердце, горячее, дерзновенное, живо чувствующее оби-
ду и позоръ... И хотя Славянское Общество было тотчасъ за-
крыто, даже безъ соблюденія установленныхъ на такие случаи
формальностей (капиталами, напримѣръ, распорядились даже безъ
вѣдома жертвователей и т. п., словомъ: „съ отмѣннымъ упро-
щеніемъ формъ“, какъ выразился И. С. незадолго до своей смер-
ти...), а самъ И. С. былъ высланъ изъ Москвы въ деревню, но
Берлинскій трактать былъ принятъ Россіей не въ той оцѣнкѣ,
какую дѣлали ему наши дипломаты, а въ той, какое дало ему
патріотическое проклятие Аксакова на собраніи Славянскаго Об-
щества...

Въ 1880 году, благодаря графу М. Т. Лорисъ-Меликову, И.
С. Аксаковъ получилъ, наконецъ, разрѣшеніе издавать въ Москвѣ
еженедѣльную газету „Русь“, которой и посвятилъ остатокъ сво-
ей жизни, казалось, еще крѣпкой, бодрой не однѣми надеждами,
но и силами. Пишущій эти строки имѣлъ случай познакомиться
съ И. С. какъ разъ передъ выпускомъ первыхъ номеровъ „Руси“.
Нужно было видѣть, съ какой свѣжестью чувства трактовалъ
И. С. задачи своего новаго изданія; какъ вѣрилъ онъ въ силу

тврдаго, искренняго слова, съ какой отвагой смотрѣлъ впередъ. Онъ не ошибался на счетъ того, что „Русь“ встрѣтять въ печати недружелюбно, онъ неособено расчитывалъ и на сочувствіе къ ней со стороны тогдашней правицї среды. Но онъ все-таки надѣялся имѣть вѣсъ въ рѣшеніи самоважнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, которые были тогда поставлены на очередь. И. С. хорошо зналъ, что ему придется идти противъ теченія, но это не обезкураживало его,—напротивъ...

Когда черезъ три съ половиной мѣсяца по выходѣ „Руси“ случилось позорное злодѣяніе 1-го марта, И. С., потрясенный вмѣстѣ съ всѣми русскими людьми, почувствовалъ тѣсноту въ газетѣ и выступилъ съ торжественнымъ исповѣданіемъ „гражданскихъ и нравственныхъ задачъ и идеаловъ Русского народа“ въ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительного Общества, 22-го марта. Его блестящая рѣчъ произвела огромное впечатлѣніе; то бытъ страстный протестъ противъ увлеченія чужеземциной и грозное предостереженіе, выраженное съ необычайною силой. „Не обольщайтесь тѣмъ,—говорилъ И. С.,—что великій народъ нашъ бесмощенъ. Онъ недоумѣваетъ. А понимаете ли, что значитъ недоумѣніе многомилліоннаго народа? Точно Океанъ вздыхается теперь его грудь, удрученная мрачнымъ раздумьемъ.... Заныла вся душа его, изъязвлена совсѣмъ“.

...„Это и скорбь, и горесть, и стыдъ, и ужасъ, какой-то торжественный, вѣцій ужасъ. Это судъ Божій творится надъ нами“...

Очертивъ затѣмъ вожделѣнія, которыми жила значительная часть нашей интеллигентіи, Аксаковъ съ полною прямотою и откровенностью заявилъ: „Нѣть, этому не бывать! отъ духа лестча, враждебенъ нашему народу и преуспѣнію его въ доброй христіанской нравственности тотъ либерализмъ, который сулить намъ политическія и соціальныя блага, проповѣдуя въ то же время презрѣніе къ политическому и духовному исповѣданію Русской земли!“

Эта пламенная рѣчъ заканчивалась „исповѣданіемъ“ положительной программы въ слѣдующихъ словахъ: „Нужно, необходимо, до крайности нужно припасть къ стопамъ Богомъ даннаго намъ Царя и молитъ его, молитъ неотступно... да обновится вновь въ животворной силѣ и дѣйствіи старый союзъ Царя съ народомъ,

въ началахъ любви, довѣрія, единенія духа и взаимнаго искренняго общенія”...

Мы съ подробностью остановились на этой замѣчательной рѣчи не только потому, что она обнимаетъ сущность всего, чѣмъ проповѣдывалъ Аксаковъ въ своей долголѣтней публицистической дѣятельности, но и потому еще, что эта рѣчь была первымъ всенароднымъ исповѣданіемъ началъ, долгое время бывшихъ, такъ сказать, подъ опалой у „общественнаго мнѣнія“. Аксаковъ лицомъ къ лицу предсталъ передъ обществомъ и имѣлъ мужество рѣзко высказать ему въ глаза то самое, за чѣмъ общество будто бы отвернулось отъ людей Аксаковскаго направленія... И чѣмъ же?—петербургское избранное общество проводило Аксакова, послѣ его рѣчи, съ настоящимъ триумфомъ!...

„Русь“ начала выходить 15-го ноября 1880 года и продолжала выходить по день смерти И. С., съ полугодовымъ перерывомъ въ 1885 году, по случаю болѣзни редактора. Въ 1883 году, „Русь“ была преобразована въ двухнедѣльное изданіе, и два года выходила въ этомъ преобразованномъ видѣ. Но въ 1885 И. С. вернулся къ первоначальной формѣ еженедѣльника. Газета эта, какъ и объяснялъ И. С., была его личнымъ органомъ, и значеніе ей давали главнымъ образомъ статьи самого редактора, имѣвшія несомнѣнно „громкій резонансъ“, по любимому его выраженію, хотя материального успѣха въ тѣсномъ смыслѣ „Русь“ не имѣла, да Иванъ Сергеевичъ и не искалъ такъ-называемой популярности. У него было совершенно особый взглядъ на задачи журналиста, къ сожалѣнію, очень рѣдкій въ наше время. Вслѣдствіе этого взгляда онъ, напримѣръ, печаталъ нѣкоторыя статьи завѣдомо „для немногихъ читателей“, но для такихъ, которые сами имѣютъ около себя значительную аудиторію или которые могутъ оказать, гдѣ нужно, давленіе въ желаемомъ направленіи. Къ печатному слову И. С. относился какъ къ дѣлу самому серьезному, которое несомнѣнно даетъ человѣку въ руки могучее орудіе воздействиѳ на общество и даже на ходъ событій, но съ которымъ связаны не одни права, а еще больше обязанностей. Иногда, подъ живымъ впечатлѣніемъ дѣйствительности, И. С. бросалъ слово сомнѣнія въ пользу этого особаго служенія родинѣ путемъ печатного слова, но то были скоро преходящія минуты дурнаго настроенія, ибо служеніе Аксакова тѣмъ основнымъ началамъ, органомъ которыхъ была его газета, столь-

ко же вытекало изъ глубокаго проникновенія этими начальами съ молодыхъ лѣтъ, сколько изъ свѣтлаго взгляда на даровитость русскаго племени, изъ непоколебимой вѣры въ его высокое призваніе на міровой аренѣ.

Въ дополненіе этого бѣлага очерка общественной дѣятельности Аксакова, нелишне упомянуть, что среди своихъ главныхъ занятій онъ находилъ досугъ и силы служить обществу и иными путями. Такъ, онъ былъ втчечеиѣ нѣсколькихъ лѣтъ товарищемъ предсѣдателя въ Русскомъ Миссионерскомъ Обществѣ, предсѣдателемъ въ московскомъ Обществѣ любителей российской словесности и гласнымъ Московской Думы.

Значеніе И. С. Аксакова во всемъ объемѣ опредѣлилось лишь по случаю его кончины, и опредѣлилось не какой-либо мѣткой формулой, обнимающей его заслуги передъ Россіей и Славянствомъ, а самимъ фактъмъ общественныхъ заявлений, вызванныхъ этой кончиною и сразу показавшихъ, что смерть Аксакова не что-нибудь заурядное въ жизни стомилліоннаго народа Русскаго, а цѣлое событие—столько же горестное, сколько важное въ политическомъ и общественномъ смыслѣ. Не только въ Россіи, но и за границей именно такъ понята и оцѣнена утрата, понесенная нами въ лицѣ И. С. Аксакова.

Государь Императоръ соизволилъ почтить память покойнаго телеграммой, на имя его вдовы Анны Федоровны, и съ трогательною сердечностью выразилъ общую русскую скорбь передъ этой тяжкой утратой въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Императрица и Я съ душевнымъ прискорбиемъ узнали о внезапной смерти вашего мужа, котораго уважали, какъ честнаго человѣка и преданнаго русскимъ интересамъ. Дай Богъ вамъ силь перенести эту тяжелую сердечную потерю.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Выраженіемъ соболѣзнованія почтили память И. С. Аксакова: князь Николай Черногорскій, Великая Княгиня Александра Петровна, Сербскій митрополитъ Михаилъ, Болгарскіе митрополиты Климентъ и Герасимъ со всѣмъ болгарскимъ духовенствомъ, общественные учрежденія многихъ болгарскихъ городовъ, выдаю-

щіеся політическіе кружки Болгарії, Сербскій посланикъ Груичъ, Бѣлградское ученое общество, Славянская учащаяся молодежь Вѣнскаго университета, Хорваты, Галичане, галицко-русская печать,—вотъ кто откликнулся на русско-славянскую утрату изъ заграничныхъ Славянъ. Что же касается Россіи, то кончина Аксакова оплакивается всюду, гдѣ есть просвѣщенные патріоты, способные цѣнить истинныя заслуги передъ отечествомъ. Достаточно сказать, что однѣхъ телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзвованія по случаю этой кончины доставлено на имя вдовы покойнаго свыше 130, изъ того числа едва ли не большая часть колективная—отъ правительственныйыхъ и общественныхъ учрежденій, отъ сословій, городовъ, ученыхъ корпораций, учащейся молодежи, органовъ печати и т. д., и т. д. Здѣсь, въ Петербургѣ, высшіе чины государства—военные и гражданскіе—присутствовали на торжественныхъ панихидахъ по скончавшемся русскому гражданину; Петербургская Городская Дума особымъ постановленіемъ выразила уваженіе къ памяти И. С.; Московская Дума рѣшила поставить въ своей залѣ портретъ И. С., учредить стипендію его имени въ университетѣ и присутствовать въ полномъ составѣ на его похоронахъ. Почти всѣ органы печати столичной и провинціальной, независимо отъ направленій, посвятили памяти И. С. статьи, проникнутыя сознаніемъ, что смерть его—огромная потеря для Россіи. Московскія и вѣкоторыя петербургскія изданія, различныя общества и учрежденія возложили на гробъ И. С. вѣнки. Редакціи петербургскихъ изданій послали на похороны И. С. особую депутацію съ хоругвью, нарочно изготовленную для этого печального торжества. Было много другихъ депутацій на похоронахъ отъ общественныхъ учрежденій и кружковъ. Похоронная процессія сама собой превратилась въ величайшую общественную манифестацію; за гробомъ Аксакова шла вся Москва, въ лицѣ представителей всѣхъ классовъ московского населения, а самый гробъ отъ университетской церкви до Ярославскаго вокзала несла на рукахъ университетская молонежь.

Тѣло И. С. Аксакова погребено въ Троице - Сергіевской Лаврѣ.

А. Никольскій.

Передовая статья № 31 „Современныхъ Извѣстій“.

Москва, 31 января.

Сегодня хоронимъ И. С. Аксакова. Къ чувству обществен-
ной утраты присоединяются и личные воспоминанія, подступаю-
щія тѣмъ настойчивѣе, что мѣстомъ вѣчнаго покоя усопшему
избрана Троице-Сергіева Лавра, гдѣ 33 года назадъ впервые до-
велоось узнать молодаго публициста и сблизиться съ нимъ, съ
молодымъ, повторяемъ, но уже побывавшимъ въ Третьемъ Отдѣ-
леніи и затѣмъ выпущеннымъ оттуда съ резолюцією покойнаго
Николая Павловича, обращенною къ шефу жандармовъ: „призови,
прочти, вразуми и отпусти“. Вспоминаются тогдашнія бесѣды
наши о расколѣ, который только-что передъ тѣмъ былъ предме-
томъ служебныхъ занятій Ивана Сергиевича. Вспоминается и
отѣзду его на изслѣдованіе Украинскихъ ярмарокъ, и по воз-
вратѣ оттуда вечеръ, когда для приведенія въ порядокъ собран-
ныхъ матеріаловъ пріѣхалъ изслѣдонатель къ Троицѣ изъ Абрам-
цева, бѣжа отъ деревенскаго уединенія еще въ большее уединен-
іе, чтобы легче опознаться въ грудѣ собранныхъ свѣдѣній. Въ
номерѣ монастырской гостиницы, въ часы глубокой полночи, за
за большими чашками крѣпчайшаго чая (для прогнанія сна) испо-
вѣдывался онъ о тѣхъ новыхъ впечатлѣніяхъ, которыя вынесены
имъ изъ наблюденія надъ купеческимъ бытомъ, надъ разницею
характера великороссійскаго и малороссійскаго. Несмотря на свои
тридцать всего лѣтъ, онъ уже сравнительно со своими годами
обладалъ богатою опытностью, побывавши съ самаго начала служ-
бы въ Астрахани, затѣмъ перекинувшись въ Ярославль, изѣз-
дивши кромѣ того Бессарабію. И ни одна поѣздка не оставалась
безъ того, чтобы не возбудить его замѣчательной наблюдатель-
ности, не привести его къ мѣткимъ выводамъ, соціальнымъ и
этнографическимъ.

Припоминается и еще вечеръ,—нѣть, это было днемъ, когда
изслѣдователь, окончивъ предисловіе къ своему статистическому
труду, читалъ его въ кругу близкихъ, а вѣчно памятный роди-
тель его, Сергій Тимофеевичъ, бывшій въ числѣ слушателей,
вѣчно юный, несмотря на свои семидесятые годы, всегда отзыв-
чивый, восторженный, отозвалъ пишущаго эти строки, среди са-

маго чтенія, въ другую комнату. „Вы запомните это слово, запомните, сказалъ онъ: Иванъ будеть великимъ писателемъ, великимъ!“ Старца поразила основательность и глубина изслѣдованія; поразило въ особенности мастерство, съ какимъ поэтъ (а только поэтомъ числился пока его сынъ въ литературѣ) справился съ сухимъ предметомъ, съ данными, состоявшими изъ мертвыхъ цифръ, только изъ цифръ—и умѣль освѣтить ихъ не только точно, но и художественно.

Но воть и отъѣздъ въ ополченіе, и напутствіе друзей, и благословеніе А. С. Хомякова, отвѣчавшаго на возраженіе нѣкоторыхъ о безполезности Ивана Сергеевича въ этой новой дѣятельности. „Нѣтъ, должно, чтобы изъ насъ, людей слова и мысли, дѣломъ засвидѣтельствовали свое слово и мнѣніе“. И началась ополченская служба, сопровождаемая полемикою литератора-ополченца съ командовавшимъ Московскою дружиною графомъ Строгоновымъ. Оригинальная полемика, философская и политическая, ведшаяся подъ видомъ офиціальныхъ приказовъ и официальныхъ рапортовъ, гдѣ Аксаковъ-ополченецъ былъ тотъ же непреклонный боецъ за меньшую братью, какъ Аксаковъ-редакторъ „Дня“, „Москвы“ и „Руси“. „Это Аксаковское вліяніе!“ воскликнулъ Строгоновъ, когда при распускѣ ополченія, собравъ дружину, обратился къ рядамъ съ предложеніемъ, не хотеть ли кто изъ ратниковъ перейти въ военную службу. „Кто хочетъ, ребята? воскликнулъ графъ, поднимайте руку, кто хочетъ!“ И услышавъ въ отвѣтъ невольный каламбуръ: „кто-жъ, ваше сіѧтельство, на себя руку подниметъ?“

А время бѣжитъ, бѣжитъ... Воть ужь роковое 18 февраля 1855 года. Воть мягкий февральскій день—то былъ день присяги для троицкихъ жителей; Иванъ Сергеевичъ пріѣзжаетъ изъ Абрамцева подѣлиться впечатлѣніемъ, вызваннымъ перемѣнною царствованіемъ. Послѣ обмыненныхъ нѣсколькоихъ словъ, поѣздка обоихъ въ Абрамцево обратно тройкою, гуськомъ, „при ласкающемъ полувесеннемъ солнцѣ“, съ цѣллю отвести душу въ общей бесѣдѣ и со старикомъ-отцемъ, и со всею семьею. Ополченецъ говорилъ о новомъ ощущеніи, которое охватило писателя, о непривычномъ положеніи, въ которое писатель поставленъ,—что „приходится перестраивать лиру“, какъ сказалъ онъ своимъ образнымъ языкомъ...

Чтобъ же мы распространяемся однако?

Столбцовъ, страницъ, листовъ не достанеть, чтобы перечислить эти обмыны мыслей, впечатлѣній, чтобы перечислить всѣ разнообразныя событія, въ которыхъ выражалась душа оплакиваемаго нынѣ дѣятеля, та его неустанная энергія, несокрушимая, упорная настойчивость, которая при полномъ единствѣ образа мыслей отличала его среди всѣхъ его ближайшихъ и близкихъ. Помимо всего, этаотъ неугомонный дѣятельный нервъ былъ его характеристическою чертою, выдѣлявшою его изъ славянофильской плеяды: Хомякова, К. Аксакова, Кирѣевскихъ, Самарина, Чижова и проч. Съ этой стороны онъ изъ перечисленныхъ сейчасъ ближе подходилъ къ Чижову, который точно также былъ весь энергія.

Предсказаніе отца сбылось. „Иванъ“ сдѣлался великимъ писателемъ, но не писателемъ только, а дѣятелемъ, чего не предвидѣлъ, по крайней мѣрѣ не предсказывалъ ни Сергій Тимоѳеевичъ, ни Хомяковъ. Но то были времена, когда тѣсная семья единомыслящихъ, заподозрѣнная и гонимая, не мечтала о практическомъ вліяніи, ограничивая свою дѣятельность теоретическими усилиями къ исправленію общественного сознанія. 19 февраля вызвало эти силы на поприще практической дѣятельности, и только съ Ю. Ф. Самарина начался благопріятный славянофиламъ поворотъ общественной оцѣнки, если и не государственной все еще. И теперь, при удручающемъ чувствѣ глубочайшей скорби, которую вызываетъ свѣжая переживаемая утрата, находишь еще утѣшеніе въ единодушіи выраженнаго сожалѣнія. Насъ трогаетъ между прочимъ отношеніе петербургской печати, столь восторженно почтившей усопшаго славянофила, какъ тронуло десять лѣтъ назадъ подобное же единодушіе почтенія, оказанного Ю. Ф. Самарину по его кончинѣ. Но какая иронія въ то же время! Когда всѣ прославляютъ его, нынѣ почившаго, какъ памятнѣшаго патріота, когда Высочайший отзывъ находитъ въ немъ „честнаго человѣка, преданнаго русскимъ интересамъ“, онъ умираетъ однако съ официальнымъ аттестатомъ „недостаточнаго патріотизма“. И одного мѣсяца же вѣдь не прошло еще, какъ редакторомъ „Руси“ получено публично официальное предостереженіе именно въ этихъ выраженіяхъ...

Воспоминаніе Ярославца объ И. С. Аксаковѣ *).

Ярославская губернія еще помнить И. С. Аксакова. Его живое, сильное слово раздавалось въ предѣлахъ всѣхъ городовъ губерніи въ концѣ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ, состоялъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскому и командированъ былъ въ Ярославскую губернію для обозрѣнія городовъ ея. А съ какимъ интересомъ и увлеченіемъ читались въ то время всѣ ревизіонныя записки, которыхъ И. С. представлялъ министру, а имъ препровождались къ губернатору или для доставленія объясненій и соображеній, или для распоряженія и исполненія!.. Читались они и тѣми, кто стоялъ въ средѣ губернской администраціи, губернскаго и уѣзднаго надзора, руководящихъ дѣлами общественнаго и хозяйственнаго устройства городовъ; читались и тѣми, кто состоялъ въ городскихъ учрежденіяхъ и даже въ городскихъ полиціяхъ, дѣйствія которыхъ подлежали ревизіи собственно по хозяйственной части, т. е. по обмундированію и содержанію полицейской и пожарной командъ, содержанію пожарныхъ инструментовъ, содѣйствію городскимъ Думамъ по взысканію недоимокъ и въ надзорѣ за торговлею, а также по наблюденію за наружнымъ благоустройствомъ; читались и тѣми, кто даже не имѣлъ служебнаго положенія, но былъ болѣе или менѣе заинтересованъ новымъ, яснымъ, безпристрастнымъ взглядомъ молодаго чиновника на дѣла управлѣнія, читались и перечитывались особенно тѣми, кто были виновниками тѣхъ или другихъ существовавшихъ недостатковъ и неправильностей въ общественныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ городовъ, и кто долженъ былъ дать объясненія. Никто изъ ревизовавшихъ ни прежде, ни послѣ Ивана Сергеевича не представлялъ своихъ ревизіонныхъ записокъ высшему начальству въ такомъ правдивомъ и изящномъ изложеніи всѣхъ замѣчаній и соображеній, въ какомъ получались отъ него эти записки и сообщались по порядку губернскому начальству, а чрезъ него и городскимъ управлѣніямъ. Быстрота и неутомимость И. С. въ работахъ ревизіонныхъ были поразительны. „Онъ не знаетъ отдыха“, говорилъ тогда чиновный міръ. А знаніе И. С.—чѣмъ

*) Изъ № 11 «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

общихъ законовъ, частныхъ положеній и всѣхъ изданныхъ въ разное время оть М. В. Д. циркуляровъ изумляло даже прославленныхъ въ то время дѣльцовъ—чиновниковъ, уже посѣдѣвшихъ надъ практическимъ изученiemъ законовъ и циркуляровъ и надъ примѣненiemъ ихъ къ дѣламъ. Обозрѣніе Ив. С—чемъ городовъ Ярославской губерніи сопровождалось полезными послѣдствіями. Если когда, то въ настоящее время, въ виду свѣжей могилы Ив. Сергеевича, какъ даровитаго чиновника, необходимо сдѣлать извлеченіе изъ архивныхъ дѣлъ о тѣхъ указаніяхъ его, которымъ или открыли новые источники городскихъ доходовъ, или послужили къ увеличенію существовавшихъ доходныхъ статей и проч. Можетъ - быть окажется, что нѣкоторыми указаніями и до сего дня еще не воспользовались городскія управлѣнія. Вѣроятно, по г. Ярославлю при составленіи историческаго обозрѣнія городскаго управлѣнія за 100-лѣтіе, предпринятаго, какъ говорять, нашимъ просвѣщеннымъ градскимъ головою, будуть пересмотрѣны всѣ дѣла, возбужденныя И. С. Аксаковымъ; но въ уѣздныхъ городахъ кто и когда обратить вниманіе на нихъ?

Но Ив. Сергеевичъ памятенъ для Ярославской губерніи не только какъ замѣчательный чиновникъ, но и какъ человѣкъ, который вызвалъ здѣсь общія симпатіи къ себѣ. Въ г. Ярославлѣ онъ нашелъ время и возможность отыскать людей мыслящихъ, близиться съ ними, оживить дѣятельность каждого изъ нихъ по специальности. И этихъ людей онъ находилъ не въ однихъ высшихъ губернскихъ сферахъ; онъ бесѣдовалъ часто съ любителемъ истории С. А. Серебряковымъ, съ археологомъ Е. В. Трехлѣтальнымъ, приласкалъ молодаго поэта Ф. Свѣщникова, поощрялъ писаря гор. общества Н. Гашукова, писавшаго уже стихи. И нѣкоторыхъ даровитыхъ студентовъ Лицея онъ успѣль своимъ зоркимъ взглядомъ ютмѣтить, напр. А. А. Потѣхина и др. Ив. Серг. и самъ занимался литературной, написалъ и читалъ въ то время, въ избранномъ небольшомъ обществѣ, „Бродягу“.

При движениі мысли въ обществѣ народился въ Ярославлѣ „Литературный Сборникъ“, издававшійся въ 1849 и 1850 гг., въ которомъ приняли участіе, кроме поименованныхъ выше лицъ, Н. П. Семеновъ, бывшій ярославскій прокуроромъ, а нынѣ—сенаторъ, И. Н. Косаткинъ, Ю. В. Жадовская и другіе. Съ угодническимъ крестьяниномъ А. Я. Артыновымъ Иванъ Сергеевичъ любилъ вести бесѣду.

И. С. былъ и защитникомъ угнетенныхъ. Рассказывали тогда, что, находясь въ Р.-Борисоглѣбскѣ, И. С. узналъ о неправильномъ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣла о правахъ наслѣдства одной сироты, купеческой дочери, къ недвижимому имѣнію, отъ которого она и была противозаконно устранина. Безъ всяаго сторонняго вліянія и безъ всякихъ просьбъ, онъ обратилъ на это вошіющее дѣло вниманіе тѣхъ, кто имѣлъ власть, и дѣло было направлено къ законному порядку и рѣшенію. Молодая дѣвушка съ слезами радости пожелала благодарить И. С. и, когда онъ вновь пріѣхалъ въ Р.-Борисоглѣбскъ, пришла къ нему. Молодой человѣкъ сначала переконфузился появленіемъ въ его квартирѣ дѣвицы, но скоро справился съ своимъ смущеніемъ и сдѣлалъ ей строгое отеческое внушеніе за то, что она не должна была приходить къ нему, что дѣло рѣшено *по закону*, и проч.

А какъ отзывчивъ былъ И. С. къ общественнымъ нуждамъ! Вотъ одинъ близко намъ извѣстный фактъ его любви къ ближнему: въ 1868 г. отъ неурожая предыдущаго года въ Могилевской губерніи особенно чувствовался населеніемъ недостатокъ въ хлѣбѣ, на который цѣны съ каждымъ днемъ возвышались. Бѣдные голодали и испытывали вредныя послѣдствія скучного питания. Въ то время одинъ изъ знакомыхъ Ив. С. по Ярославлю послалъ къ нему въ Москву, съ почтою, образцы хлѣба, какими питались крестьяне. И. С. тотчасъ по полученіи хлѣбовъ распорядился произвести химическій анализъ ихъ, по которому оказалось въ хлѣбахъ на половину сорныхъ травъ, такъ что и голодные собаки, которымъ давали куски этого хлѣба, не ёли ихъ. Въ первомъ же номерѣ издаваемой тогда И. С. газеты „Москва“ появилась передовая статья о голодающихъ въ Могилевской губерніи, обратившая общее вниманіе на ихъ положеніе,—и независимо отъ сего И. С. прислалъ 1000 р. въ распоряженіе Могилевского православнаго братства на пособіе жителямъ губерніи, страдавшимъ отъ безхлѣбія, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ еще 400 р. для четырехъ волостей Могилевскаго уѣзда, страдавшихъ отъ неурожая.

Все это намъ припомнилось сегодня, по случаю совершения въ храмѣ Демидовскаго Юридического Лицея заупокойной литургіи и панихиды по почившемъ рабѣ Божиѣмъ Іоаннѣ. Въ храмѣ присутствовалъ г. губернаторъ, съ семействомъ, и представители всѣхъ частей военныхъ, гражданскихъ и обществен-

ныхъ, и многія дамы. Слѣдовало бы Ярославской губерніи почтить память этого русскаго патріота и другимъ способомъ,—напри-мѣръ, стипендіею въ одномъ изъ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеній.

2 февраля.

Памяти И. С. Аксакова *).

Скончавшійся на дняхъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, помимо своихъ разительно выдающихся достоинствъ, какъ знаменитый публицистъ, честнѣйшій человѣкъ и величайшій патріотъ земли Русской, имѣлъ замѣчательно добрую душу, чутко отзывавшуюся на страданія ближняго. Въ Правленіи Купеческаго Общества взаимнаго кредита, гдѣ онъ много лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ, его чуть не ежедневно осаждали бѣднаги безъ различія званія и пола: тутъ было и гимназистъ, и бѣдная, плохо одѣтая старушка, и отставной офицеръ, и студентъ университета... Иванъ Сергеевичъ терпѣливо выслушивалъ ихъ просьбы или прочитывалъ при сланныя предварительно на его имя письма и всѣмъ рѣшительно помогалъ, при чемъ благотворительность его выражалась или въ доставленіи занятій, или въ болѣе или менѣе крупной суммѣ денегъ, могущей оказать действительную помощь бѣдному человѣку. Такова истинная евангельская любовь къ ближнему! Прямыми свидѣтелями, очевидцами его щедрой благотворительности могутъ быть всѣ служащіе въ Правленіи Купеческаго Общества взаимнаго кредита.

Вспоминаю одинъ случай, бывшій со мною и имѣвшій мѣсто въ 1876 году, когда я первый разъ увидалъ этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

Въ 1876 г., во время войны Сербовъ съ Турками, пламенныя рѣчи Ивана Сергеевича въ засѣданіяхъ Славянскаго Благотворительного Комитета вызвали въ русскомъ обществѣ всеобщее сочувствіе къ нашимъ единоплеменникамъ, изнемогавшимъ въ непосильной борбѣ съ своими притѣснителями: въ Славянскій Комитетъ отовсюду полились широкой волной пожертвованія въ

*) Изъ № 33 „Современныхъ Извѣстій“.

пользу Сербовъ. Энтузіазмъ былъ полный. Не ограничиваясь отсылкой этихъ пожертвованій по назначению, Иванъ Сергеевич явился главнымъ руководителемъ движенія русскихъ добровольцевъ на театръ военныхъ дѣйствій.

Въ это же время, въ Москвѣ, стараніями докторовъ Головачева и Колюбакина, былъ сформированъ отрядъ добровольцевъ-санитаровъ, отправившійся въ Сербію подъ начальствомъ доктора Колюбакина. Средства отряда, въ которомъ находился и я, состояли изъ пожертвованій, поступившихъ въ редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“.

По возвращеніи изъ Сербіи я, какъ человѣкъ, не располагавшій средствами къ жизни, естественно долженъ былъ отыскать ихъ путемъ какихъ-либо служебныхъ занятій. Однако, тщетно стараясь найти ихъ, я уже окончательно выбивался изъ силъ, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль сходить къ Аксакову и попросить у него занятій въ правленіи Купеческаго Общества взаимного кредита, котораго онъ былъ уже и тогда предсѣдателемъ. Сказано—сдѣлано. Одѣвшись въ единственный оставшійся у меня сербскій мундиръ, я отправился въ Правленіе, находившееся тогда на Варваркѣ. Войдя въ помѣщеніе Правленія и не успѣвъ, что называется, отрѣхнуться, я увидѣлъ шагахъ въ десяти отъ себя разговаривавшаго о чёмъ-то съ однимъ изъ служащихъ господина лѣтъ пятидесяти, съ сильной просядью, средняго роста, въ золотыхъ очкахъ, съ бумагами въ лѣвой руцѣ, который, замѣтивъ вѣроятно мой оригинальный сербскій мундиръ, быстро подошелъ ко мнѣ. Высокій лобъ съ гладко зачесанными назадъ волосами ясно обличалъ въ немъ человѣка большаго ума, а глубокія складки около сдвинутыхъ бровей придавали лицу нѣсколько строгое, почти суровое выраженіе. Не знаю почему, но я, ни разу не видавши Ивана Сергеевича, какъ-то инстинктивно угадалъ, что это былъ именно онъ—знаменитый поборникъ Славянства.

— Вы изъ Сербіи? спросилъ Иванъ Сергеевичъ, отвѣтивъ на мой привѣтственный поклонъ. Чѣмъ могу быть полезенъ?

Я вкратцѣ рассказалъ ему о тѣхъ лишніяхъ, какія приходится выносить мнѣ теперь, по возвращеніи изъ Сербіи, и въ концѣ концовъ просилъ дать какихъ-либо занятій въ Правленіи.

Лицо Ивана Сергеевича приняло добродушное выраженіе.

— Батюшка, сейчас у меня все места заняты, все. Понаведайтесь, постараюсь устроить. Ко мнѣ много обращается добровольцевъ, да что будешь дѣлать?... Отказываю: все места заняты. Вы вѣроятно нуждаетесь?

— Признаюсь, да, Иванъ Сергеевичъ, говорю я.

— На первое время я вамъ могу... подождите немного!... я... и не доказавъ фразы, Иванъ Сергеевичъ быстро удалился въ свой кабинетъ. Возвратившись черезъ двѣ-три минуты, онъ сунулъ мнѣ что-то въ руки, и не успѣлъ я опомниться, какъ онъ, проговоривъ «вотъ пока... понавѣдайтесь... прощайте», быстро удалился...

Въ рукахъ у меня лежали двѣ двадцатипятирублевыя бумажки.

Миръ праху твоему, истинный патріотъ, честный гражданинъ и добрый человѣкъ!

31 января 1886 г.

С. Епифановъ.

Изъ воспоминаній объ И. С. Аксаковѣ.

Знакомство мое съ И. С. Аксаковымъ началось въ августѣ мѣсяца 1878 года и съ тѣхъ поръ до самой кончины его я пользовался постояннымъ расположениемъ его, вѣль съ нимъ переписку и во время прїездовъ въ Москву веегда бываль у него.

Послѣ знаменитой рѣчи, произнесенной имъ 22-го июня 1878 года въ московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, послѣднее было закрыто и И. С. подвергся административной высылкѣ изъ Москвы. Въ это тяжелое для него время Е. Ф. Т—ва, по родственной любви и дружбѣ къ И. С. и А. Ф. Аксаковымъ, предложила имъ для житья свой хорошо устроенный домъ съ прекрасною усадьбою въ селѣ Варваринѣ, Юрьевскаго уѣзда Владимірской губ., куда они и переселились въ послѣднихъ числахъ июля 1878 года.

Чрезъ недѣлю по прїездѣ И. С. Аксакова, имѣя къ нему письмо Е. Ф. Т—вой, я отправился въ Варварино. Признаюсь, не безъ нѣкотораго рода смущенія и робости я переступалъ порогъ дома, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ литераторомъ и

публицистомъ, неутомимымъ борцомъ за Русскій народъ и весь Славянскій міръ. Но съ первого же раза самое внимательное и вмѣсть исполненное простоты обращеніе И. С. и А. Ф. Аксаковыхъ прогнало всю мою рабость, и, послѣ кратковременной бесѣды съ И. С., я почувствовалъ какъ будто давно знакомъ съ нимъ. Въ этотъ первый прїездъ мой въ Варварино, я встрѣтиль здѣсь извѣстнаго художника Рѣпина, который, по желанію П. М. Третьякова, снялъ съ Аксакова очень хороший поясной портретъ масляными красками.

И. С. Аксакова нашелъ я въ то время мужественнымъ, болѣрмъ, совершенно здоровымъ и, повидимому, спокойнымъ душою; потому мнѣ кажется невѣрнымъ сообщеніе г. Безсонова, помѣщенное имъ въ „Южномъ Край“: „что первое наиболѣе глубокое потрясеніе для здоровья Аксакова произошло въ послѣднюю войну за Болгаръ, когда онъ вынужденъ былъ уединяться въ подмосковныхъ деревняхъ своихъ родственниковъ, чтобы не мѣшать тогдашнимъ успѣхамъ славянскаго дѣла. Кипѣніе внутри души выразилось чѣмъ-то въ родѣ наружнаго воспаленія кожи съ краснымъ оттѣнкомъ на лицѣ (такъ и снять было въ ту пору портретъ, сколько мы знаемъ и видѣли послѣдній, красками, по заботѣ одного изъ почитателей)“.

Въ неточности сообщенія г. Безсонова можно убѣдиться изъ того, что ни въ какія подмосковныя деревни своихъ родственниковъ не уединялся И. С., въ силу послѣдовавшей ссылки прямо прїѣхалъ въ Варварино, и затѣмъ повторяю, что здоровье И. С. въ то время было въ превосходномъ состояніи, никакого воспаленія кожи на лицѣ у него не было, и если портретъ его г. Безсонову представлялся имѣющимъ красноватый оттѣнокъ въ лицѣ, то И. С. имѣлъ въ то время лицо красноватое отъ загара въ дорогѣ и вообще отъ полнокровія. Физически крѣпкимъ здоровьемъ И. С. Аксаковъ пользовался и въ послѣдующіе годы вплоть до 1885 года, когда доктора настойчиво посовѣтовали ему, оставивъ все занятія, уѣхать въ Крымъ.

По душѣ, какъ говорится, пришлась И. С. мирная сельская жизнь въ „укромномъ и миломъ Варваринскомъ пріютѣ“. Послѣ тяжелаго и утомительного труга ему нуженъ былъ покой и физический, и нравственный. „Здѣсь на просторѣ, говорилъ онъ, я буду имѣть возможность разобраться въ моихъ воспоминаніяхъ. Скучать ему не приходило, да и никогда было: время все бы-

ло распредѣлено для занятій. Кромѣ составленія записокъ, относящихся къ эпохѣ борьбы Россіи съ Турціею, онъ велъ огромную переписку. Къ нему присыпалась масса писемъ изънутри Россіи и изъ Славянскихъ земель, въ томъ числѣ изъ Македоніи; въ письмахъ изъ этой несчастной области яркими красками изображались мученія жителей. Такія письма болѣзненно вліяли на впечатлительную натуру Ивана Сергѣевича.

Живописное мѣстоположеніе села Варварина, расположеннаго на горѣ, внизу которой, между зелеными лугами, прихотливо, извиваясь, течетъ рѣка Колокша, а вдали, за рѣкою, видныются поля, рощи и многочисленныя села съ ихъ церквами, вдохновило Ивана Сергѣевича, двадцать лѣтъ, по его словамъ, оставившаго музу поэзіи, написать стихотвореніе: „Варварино“, посвященное Е. О. Т—вой.

Насколько стояла хорошая, ясная и теплая осень въ 1878 году—можно судить изъ того, что И. С., гуляя въ Варваринскомъ саду, въ послѣдніхъ числахъ сентября, нашелъ разцвѣтшую розу, и по этому случаю написалъ свое стихотвореніе: „Среди цветовъ поры осенней“, напечатанное недавно въ „Новомъ Времени“. Стихотвореніе это, написанное собственноручно И. С., отдано было мнѣ на память.

Лично для меня, жившаго въ глухой провинціи, бесѣды И. С. имѣли особую прелесть и оставили во мнѣ навсегда самое отрадное впечатлѣніе. Касаясь въ разговорахъ минувшей Русско-Турецкой войны, И. С. высказывалъ мнѣ и о томъ, какъ черезъ его руки прошли сотни тысяч рублей, пожертвованныхъ московскимъ купечествомъ на святое дѣло—освобожденіе единовѣрныхъ намъ Славянъ отъ турецкаго ига. Ни разу въ печати не выскажался И. С. о той выдающейся роли, какая выпала на его долю во время войны Россіи съ Турціею, и Россія не ранѣе бы узнала обѣ этой плодотворной его дѣятельности, какъ по выходѣ въ свѣтъ его воспоминаній, еслибы редакторъ „Гражданина“ такъ неблагодарно не вызвалъ его на объясненія.

1-го декабря 1878 г., перечитывая русскія газеты, я въ одной изъ нихъ нашелъ извѣстіе изъ Болгаріи о томъ, что Болгаре на сходкахъ громко заявляли о желаніи своемъ предложить княжескій престолъ Ивану Сергѣевичу. Я послалъ къ нему № газеты. Въ тотъ же день И. С. присыпалъ мнѣ письмо слѣдующаго содержанія: „Возвращаю вамъ газету, мнѣ присланъ подлинный

№ газеты „Болгаринъ“ и я уже знакомъ съ лепетомъ этихъ наивныхъ дѣтей эпического периода, изъ которого они еще не совсѣмъ вылупились. Имъ я представляюсь издали, какъ Чичиковъ самъ себѣ представлялся почти *военнымъ человѣкомъ*, способнымъ командовать арміей, хитрѣйшимъ дипломатомъ и, вѣроятно, состоящимъ въ особой чести у русскаго правительства. Болгарскимъ княземъ можетъ и *долженъ* быть тотъ, кто угоденъ Русскому Государю, распоряжающемуся миллионами штыковъ: силѣ реальной, способной защитить Болгарію подѣйствительнѣе словъ“.

Время шло своимъ чередомъ и близилось къ зимѣ—самой скучной порѣ въ деревнѣ. Вьюги и мятежи вносились въ деревняхъ такіе большіе сугробы снѣга, что и выдти иногда долго невозможно, и думалось мнѣ, что вдали отъ умственного центра, отъ друзей и близкихъ, при всѣхъ занятіяхъ, тоска обуяетъ И. С. Но, слава Богу, ему не пришлось зиму прожить въ деревнѣ: 29-го ноября 1878 г. получено было имъ Высочайшее разрѣшеніе возвратиться въ Москву. Въ этотъ же день я получилъ отъ него письмо, извѣщавшее меня объ окончаніи его опалы. „Ну, Александръ Феодоровичъ, писалъ онъ, вотъ и конецъ Варваринскому эпизоду моей жизни. Но мы не поѣдемъ отсюда ранѣе прочнаго саннаго пути, т. е. конца декабря, и надѣемся еще увидѣть васъ въ Варваринѣ. Посылаю вамъ на память о себѣ четыре книги сочиненій моего отца съ надписями“. На 1-й страницѣ книги „Записокъ ружейнаго охотника“ рукою И. С. сдѣланъ стѣдующій эпиграфъ: Гоголь однажды, на вопросъ моего отца, когда же окончить онъ 2-й томъ „Мертвыхъ душъ“, отвѣчалъ въ письмѣ такой фразой: „Когда мои люди будутъ такъ же живы, какъ ваши птицы“.

Днемъ отѣзда Аксаковыхъ изъ Варварина назначено было 13-е декабря, и наканунѣ я поѣхалъ въ Варварино проститься съ ними, поблагодарить ихъ за расположение ко мнѣ и пожелать имъ благополучнаго пути. При прощаніи И. С. сѣль къ столу и написать мнѣ на память стихотвореніе, сочиненное имъ 1-го декабря:

Затворы сняты у дверей
Свободно стелется дорога,—
Но я... я медлю у порога
Тюрьмы излюбленной моей, и т. д.,

какъ напечатано было оно въ Руси и затѣмъ въ № 3576 „Новаго Времени“ за нынѣшній годъ. Въ концѣ стихотворенія

И. С. написалъ въ скобкахъ: „не кончено“. 13-го декабря Аксаковы уѣхали въ Москву.

По возвращеніи въ Москву И. С. нашелъ общество въ состояніи какой-то апатіи. Въ письмѣ своемъ отъ 11-го января 1879 г., поговоривъ о своемъ физическомъ и нравственномъ утомлении, какія пришлось имъ вытерпѣть по случаю пріисканія удобной квартиры, устройства хозяйства и въ особенности приведенія въ порядокъ библіотеки, онъ письмо свое заканчиваетъ такъ: „вотъ наши виѣшнія обстоятельства. Затѣмъ, обѣ обстоятельства не виѣшнаго или материальнаго свойства и сказать нечего. Послѣ возбужденія послѣднихъ трехъ лѣтъ общество какъ бы спѣшило отдохнуть, вздрѣнуть и совсѣмъ задремать...“

Предъ началомъ изданія газеты „Русь“, И. С., заявляя желаніе имѣть меня корреспондентомъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 27-го сентября 1880 года, изложилъ программу главныхъ вопросовъ, которые должны были подлежать всесторонней разработкѣ. „Мнѣ не нужно, писалъ онъ, ни сплетень, ни анекдотовъ о частныхъ случаяхъ злоупотребленій, мнѣ нужны тѣ черты, какія скаживаются въ существенныхъ явленіяхъ общественной жизни, какими по преимуществу слѣдуетъ называть — всѣ виды самоуправленія. Вопросы стоящіе теперь на очереди:

„I. О земствѣ. Почему земскія учрежденія не имѣютъ авторитета для народа и земскія управы представляются ему наравнѣ съ казеннымъ управлениемъ? Какъ устранить это зло? Правительство думаетъ теперь о расширѣніи правъ земства, но все-таки это дѣло будетъ мертворожденнымъ, если не пустить корней въ народномъ сознаніи.

„II. О крестьянскомъ самоуправлениі, а именно о волостяхъ. Какъ смотрѣть на послѣднія крестьянѣ? подлежать ли они уничтоженію, какъ обѣ этомъ нѣкоторые проектеры мыслять, или только преобразованію, сообразно потребности и воззрѣніямъ сельскаго народа?

„III. Объ уѣздныхъ мировыхъ судьяхъ, о Присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ? о полиції?

„Вообще нейдя въ даль и вѣсъ, задайтесь мыслю обѣ устройствѣ уѣзда на началахъ самоуправлениія не искусственнаго, а живаго и дѣйствительно плодотворнаго, поразумнавъ и народную мысль обѣ этомъ и личныхъ землевладѣльцевъ, взявъ въ соображеніе именно вашу мѣстность.

„IV. Теперь либеральная печать раздуваетъ вопросъ о недостаточности надѣловъ, видя въ этомъ главную причину обѣднѣнія крестьянъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надѣлы недостаточны, это правда, но въ общемъ едвали слѣдуетъ признать размѣръ надѣловъ причиною настоящаго положенія сельскаго населенія. Возбуждать „агарный“ вопросъ (это слово именно и прельщаетъ легкомысленныхъ птенцовъ нашей прессы) въ Россіи нѣть повода, но въ частности здѣсь, тамъ можетъ встрѣчаться ихъ недостаточность. Какъ въ вашемъ уѣздѣ? Вотъ разныя темы, которыя было бы полезно разработать на мѣстѣ. Не возьметесь ли за это дѣло?“

Съ первыхъ же номеровъ „Руси“, въ ней и начали разрабатывать стоявшіе тогда на очереди вопросы, касавшіеся самоуправліенія. Цѣлый рядъ статей былъ посвященъ всесторонней разработкѣ этихъ жизненныхъ вопросовъ.

Многіе считали И. С. за идеалиста, но идеалы его были „не нѣчто носящееся въ воздухѣ, чemu и названія дать было нельзя“; нѣть—идеалы его имѣли въ сознаніи его опредѣленность и при общихъ дружныхъ усилияхъ были достижимы. Только твердая вѣра въ идеаль и могла дать И. С. непреклонную волю и силу всецѣло посвятить себя на служеніе благу Россіи и братьямъ Славянамъ до тѣхъ поръ, пока смерть, подкравшись неожиданно, подкосила его жизнь. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, на просьбу родныхъ, онъ не могъ оставить изданіе „Руси“. Вечеромъ, стоя у конторки, онъ работалъ по 6 часовъ сряду, и иногда, какъ говорилъ онъ мнѣ, чувствуя себя взволнованнымъ или сильно утомленнымъ, выпивалъ стаканъ молока, которое его успокаивало, и ложился спать. Крѣпкій организмъ И. С., при ежедневномъ сильномъ напряженіи физическомъ и умственномъ не выдержалъ и жизнь порвалась. Смерть его (въ чёмъ, какъ медикъ, я не сомнѣваюсь) послѣдовала отъ паралича сердца при органическомъ порокѣ онаго и общемъ анемическомъ состояніи организма.

Еще 19-го декабря прошлаго года я нашелъ И. С. бодрымъ, спокойнымъ и веселымъ, но 12-го января, по прїѣздѣ моемъ въ Москву, я замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: онъ похудѣлъ и лицо его было очень блѣдно, я узналъ отъ него, что онъ страдалъ сильнымъ геморроидальнымъ кровотеченіемъ. Поговоривъ о разныхъ средствахъ, полезныхъ въ этой болѣзни, я посовѣтовалъ

И. С. прогулки, но онъ сказалъ, что не можетъ гулять, ему тяжело ходить въ шубѣ, и что онъ чувствуетъ одышку. Послѣдняя указывала на пораженіе сердца. Прощаясь съ И. С., я выскажалъ ему, что для окончательнаго его выздоровленія нужно совершенное спокойствіе, которое возможно только съ прекращеніемъ изданія газеты, и И. С. сказалъ мнѣ, что если не будетъ войны, то онъ на все лѣто пріѣдетъ для отдыха въ Варварино. Съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ я отъ искренно и глубоко почитаемаго мною И. С., успокаивая себя мыслю, что лѣтомъ здоровье его можетъ поправиться, будучи далекъ отъ мысли, что дни его жизни сочтены и что смерть занесла уже на него свою неумолимую руку.

Будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ біографіи такой же полной и подробной объ умершемъ И. С., какую самъ онъ написалъ объ одномъ изъ русскихъ людей, съ которымъ было связанъ и узами родства и тѣсной дружбою—Ф. И. Тютчевѣ, тоже горячо любившемъ и *вършившемъ* въ Россію и въ освобожденіе братьевъ Славянъ.

А. Благонравовъ.

Памяти Ивана Сергеевича Аксакова *).

Пишу изъ далекаго городка... Съ 1844 года, когда началась литературная дѣятельность Аксакова, онъ въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ откликался живо, сознательно и зрѣло на теченіе общественной жизни. Поэтому онъ началъ свою дѣятельность, вѣщими поэтомъ остался онъ и въ публицистикѣ.

Его серіозное и сердечное отношеніе къ жизни подмѣтилъ едва ли не ранѣе всѣхъ. Гоголь: въ ноябрѣ 1845 года онъ пишетъ Шевыреву: „*Извѣстіе твое о таланѣ Ивана Аксакова меня порадовало, и я пожалѣлъ, что тво не присыпалъ его стиховъ*“; и вслѣдъ затѣмъ просить и старика Аксакова и Языкова присыпать ему стихотворенія Ивана Сергеевича: „*Миръ хвалами очень его „Зимнюю дорогу“*. Пришилите ее и все то, что ни было имъ написано въ послѣднее время““. Прочитавши ихъ, Гоголь писалъ Языкову

*) Изъ № 3576 «Нового Времени», въ извлеченіи.

въ мартѣ 1846 года: „Мыль особенно понравились стансы „Среди удобныхъ и льниныхъ“. Въ юношѣ виденъ талантъ ритмический, стремление приспособить поэзію къ дѣлу и къ законному вліянію на текущія современные сбытия“.

Вообще о молодыхъ людяхъ той поры Гоголь говорилъ, что у нихъ есть внутри сила, требующая дѣла, алчущая дѣйствовать, и только не знающая, гдѣ, какимъ образомъ, на какомъ мѣстѣ.

Всѣдѣ затѣмъ стало высказываться сочувствіе къ Ивану Сергеевичу и другихъ поэтовъ. *Языковъ* въ посланіи къ нему писалъ:

Прекрасны твои пѣснопѣнья живыя,
И сильны, и чисты, и звонки они...

Графъ А. К. Толстой, раздѣляя любовь его къ родному быту, говорилъ ему:

И всѣ мнѣ дороги явленья
Тобой описанныя, другъ,
Твои гражданскія стремленья
И честной рѣчи трезвый звукъ.

Полонскій характеризовалъ строгую музу Аксакова слѣдующими стихами:

Когда мнѣ въ сердце бѣть, звяня какъ мечъ тяжелый,
Твой жесткій, безощадный стихъ,
Съ невольнымъ трепетомъ я внемлю невеселой,
Холодной правдѣ словъ твоихъ...
Не внемля шопоту соблазна, строгій гений
Ведеть тебя инымъ путемъ—
Туда, тдѣ нѣть уже ни жаркихъ увлечений,
Ни примиренія со зломъ...
Общественного зла ты корень изучая,
Стоялъ надъ нимъ съ ножомъ, какъ врачъ...

Плещеевъ, посвящая ему свои „Дѣл дороги“, видѣлъ его въ числѣ тѣхъ немногихъ, которые идутъ, чтобы проложить въ пустынѣ слѣдъ:

Хоть угрюма та дорога
И не къ радостямъ ведеть,
Но по ней—за ними много
Новыхъ путниковъ пойдетъ.

Искренно сочувствовали ему К. К. Павлова и Ю. В. Жадовская; первая въ посланіи къ нему писала:

И мы, чья нива не созрѣла,
Которымъ жатвы не сбирать,
И мы свой жребій встрѣтимъ смѣло,
Да будетъ вѣра—наше дѣло,
Страданье наша благодать!

Холмковъ напутствовалъ его изданіе „Паруса“ прекраснымъ стихотвореніемъ, гдѣ одной строчкой характеризуетъ значеніе его дѣятельности.

Поднять флагъ: на флагѣ виденъ
Правды судь и миръ любви...

Среди такихъ сочувствій, такого уваженія, Иванъ Сергеевичъ всегда добросовѣстно и смѣло дѣйствовалъ и въ службѣ и въ литературѣ, и могъ говорить о себѣ:

Сознанье бодрое не дремлетъ,
Неумолкаемо зоветъ.

И хотя не разъ ему приходило замѣтить и ослабленіе въ себѣ, и медленность труда, и недостатокъ дѣятелей, и горько жаловаться на это:

Но время мчится, жизнь старѣеть,
Все также свѣта не видать:
Такъ незамѣтно дѣло зрееть,
Такъ мало васъ, которыхъ грѣеть,
Любви и скорби благодать;—

но въ то же время онъ оставался строго вѣренъ себѣ и пылко восклицалъ:

Нѣтъ! темныхъ сѣлокъ, Боже правый.
Съ неправдой намъ не допусти,
Покрай стыдомъ совѣть лукавый,
Блаженство сонныхъ возмутъ!
Да пробудись въ восторгѣ сиѣломъ,
Съ отвагой пылкою любви,
Мы жизнью всей, мы самыи дѣломъ
Почтимъ величія Твои!

Завѣту своему онъ дѣйствительно послѣдовалъ и могъ говорить о себѣ:

Усталыхъ силъ я долго не жалѣлъ...

И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья.

Съ этимъ терпѣніемъ онъ работалъ всю жизньъ, несмотря на все невзгоды. Онъ самъ говорилъ: „наши изданія лишены были счастія пользоваться расположениемъ высшихъ чиновъ, имѣвшихъ власть надъ литературою“ („Руск. Архивъ“ 1873, книга II, столбецъ 2529). И все знаютъ, что ему запрещали писать, осыпали десятками предостереженій, запрещали изданія. Но онъ ни разу не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, не понизилъ своего тона.

Въ своихъ изданіяхъ, особенно въ „Руси“, онъ работалъ большую частью самъ; какую бы онъ ни печаталъ статью постороннюю, какой бы ни поднимался вопросъ, онъ почти всегда откликался на него своимъ мѣткимъ и вѣскимъ словомъ.

Самые противники его литературные признавали въ немъ искренность и твердость убѣжденій. Нѣкоторыя рѣчи его были переводимы на иностранные языки, издавались въ Лондонѣ, читались на расхватъ и возбуждали серіозныя передовыя статьи въ журналахъ. Во время путешественія его по Славянскимъ землямъ въ 1860 году, его встрѣтилъ рядъ оваций. И при всѣхъ своихъ трудахъ и заслугахъ, онъ былъ необыкновенно скроменъ; хвалебный приговоръ былъ ему обиденъ.

Какъ прямъ и откровененъ былъ онъ въ печати, такимъ былъ и въ частныхъ письмахъ, даже къ незнакомымъ лицамъ, никогда имѣть невидѣннымъ. Не мало молодыхъ людей, пробовавшихъ свои силы на поэтическомъ полѣ, обращалось къ нему, прося его советовъ, указаний, и онъ, среди всѣхъ своихъ трудовъ и хлопотъ, находилъ время писать имъ по 3, по 4 страницы, полныя прямыхъ, глубоко справедливыхъ замѣчаній. Вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ еще въ 1862 году къ одному молодому стихотворцу (изъ трехъ страницъ мы беремъ лишь нѣсколько строкъ, которая и теперь могутъ быть полезны многимъ).

„Не спѣшите печататься. Раннее печатаніе бываетъ (конечно, не всѣмъ) вредно: авторъ удовлетворяется малымъ, миниатюрнымъ

успѣхомъ и принимаетъ невольно складъ и сгѣбъ, отъ котораго нелегко потомъ избавиться. И теперь уже изъ вашей тетради, видно, что вы уже сочинили себѣ известную позицію, уже рисуетесь сами себѣ или желаете рисоваться передъ другими въ излюбленномъ вами видѣ. Отъ этого въ вашихъ прекрасныхъ, молодыхъ стихахъ недостаетъ искренности. Вы говорите про *хворое сердце*, про *могилу*, *усталую грудь* и проч. и проч., а между тѣмъ все это не возбуждаетъ ни малѣшаго состраданія! Мало этого, вовсе не вѣрится этой хвости и усталости! Это такъ, для прикрасы! про могилу вы говорите такъ, какъ человѣкъ о могилѣ вовсе не думающій, про горе—какъ не испытавшій дѣйствительнаго горя. Иначе сказывается истинная болѣть сердца.

.... Я бы позволилъ себѣ совѣтовать вамъ: немножко строже отнесись къ себѣ, не слишкомъ дорожить своими созданыциами, не злоупотреблять стихомъ, не тѣшиться этой забавой, а писать стихи, когда есть что писать, когда на то почувствуется внутренняя, сердечная потребность. Виртуозовъ у насъ много, а композиторовъ мало!... Если у вѣсъ есть другіе стихи и сочиненія, то мнѣ будетъ всегда интересно прочесть ихъ... Во всякомъ случаѣ скажу вамъ искренно мое мнѣніе...“

Другому лицу, извиняясь въ долгомъ молчаніи, онъ писаль, объясня и причины его, и характеръ своей дѣятельности (въ 1881 г.).

.... Изданіе газеты—дѣло не только тяжелое, но — что всего хуже—*суетливое*. Едва-едва ночью урываю я себѣ нѣсколько часовъ спокойнаго времени для того, чтобы написать свои статьи, которыхъ всегда не менѣе двухъ въ каждомъ номерѣ. Всю свою тяжестью газета лежитъ на мнѣ одномъ: талантливыхъ единомышленниковъ кругомъ меня совсѣмъ вѣтъ: всѣ перемерли, другие живутъ не въ Москвѣ, нѣкоторые, наконецъ, перешли въ чужой лагерь... Я не успѣваю читать ни статей, ни писемъ, которыхъ получается множество отовсюду... Призваніе газеты—связаться на вопросъ *текущей минуты*,—въ этомъ ея *raison d'être*, иначе—въ наше время, столь отличное отъ прошлой литературной эпохи,—газету и читать не стануть, а не будетъ подписчиковъ—не въ состояніи она и существовать. Къ тому же и изданіе газеты предпринялъ я единственно съ цѣлью борѣнья. Ея задача: бороться съ ложнымъ политическимъ либерализмомъ современного общества, съ анти-национальнымъ, материалистическимъ направленіемъ, заполонившимъ всю такъ-называемую „интеллигенцію“. Кругомъ

насъ, въ „культурной“ средѣ общественной, кишать революционно-отрицательные элементы. Поэтому газета поневолѣ становится трибуной, на которой несовсѣмъ-то мѣсто досужимъ воспоминаніямъ о прекрасномъ старомъ, мирномъ времени, гдѣ самые жгучіе интересы были интересы мысли, науки и искусства. Людямъ револьвера и динамита приходится держать рѣчи совсѣмъ иного свойства...“

Заканчиваемъ наши извлеченія народнымъ словомъ: „Твоимъ добромъ — тебѣ челомъ!“ И въ глубокомъ умиленіи кланяемся твоей могилѣ, душевно-чтимый нашъ поэтъ и пророкъ, и учитель!..

С. П.

Рѣчь произнесенная 31 января на панихидаѣ по въ Бозѣ почившемъ Иванѣ Сергеевичѣ Аксаковѣ ректоромъ Черниговской Духовной Семинаріи, протоіереемъ Н. Марковымъ *).

Скорбнымъ чувствомъ, великимъ горемъ отзовется въ сердцахъ истинно-русскихъ людей, т. е. мыслящихъ и чувствующихъ *по русски*, неожиданная вѣсть о кончинѣ Ивана Сергеевича Аксакова. Ибо скончался не только славный писатель, который долгое время былъ лучшимъ, честнѣйшимъ, самымъ горячимъ и могучимъ выразителемъ *русской мысли*, — почилъ одинъ изъ доблестнѣйшихъ сыновъ земли *Русской*, великий патріотъ, писатель-гражданинъ, посвятившій всю жизнь свою отъ ея раззвѣта до послѣднихъ минутъ кончины, все великое богатство своихъ духовныхъ талантовъ на борьбу и подвигъ за правду (идею) Россіи, за истину и святость коренныхъ основъ ея самобытнаго развитія, за ея высшее духовное призваніе въ мірѣ православно-славянскомъ, — умолкъ вѣцій глашатай разума и чувства Руси!

Грозная судьба написана, кажется, вверху нашему времени... Падаютъ одни за другимъ наши лучшіе, благороднѣйшіе люди

*) Изъ № 4 «Черниговскихъ Епархиальныхъ Извѣстій». Рѣчь эту пришлось напечатать здѣсь, въ III-мъ, а не въ I-мъ отдѣльно Сборника, какъ бы слѣдовало: редакція получила ее слишкомъ поздно, уже по отпечатаніи I-го отдѣла. По той же причинѣ слѣдующая за нею статья не могла быть помѣщена во II-мъ отдѣльно Сборника».

и дѣятели. Не успѣмъ схоронить одного,—рой могилу другому и готовыся оплакивать и пѣть *спѣчную память* третьему... Аксаковъ скончался! слышшишь и невѣришь. Неужели умеръ онъ, въ которомъ волновалася сть такою силою избытокъ энергіи жизни, съ которымъ не соединялась даже въ воображеніи дума о чѣмъ-нибудь неподвижномъ. Что это была за натура талантливая, оригинальная, сердце горячо любящее, душа честная и прямая! Какой живой, выспренній и проницательный умъ! Какое богатство идей, самыхъ жизненныхъ, которыхъ у него въ умѣ заключался источникъ неизсказаемый. Какой необыкновенный даръ слова, вырывавшагося изъ-подъ пера его огненнымъ потокомъ, зажигавшимъ сердца людскія! Какая ничѣмъ не колебимая сила убѣжденій, самыхъ возвышенныхъ и благороднѣйшихъ! Какая пламенная и просвѣщенная любовь къ отечеству! Какая, наконецъ, свѣтлая и разумная вѣра въ высшія, нравственные, христіанско-православныя начала жизни!

Да! Величавѣе всего представляется образъ почившаго въ Бозѣ Ивана Сергеевича Аксакова въ отношеніи къ этимъ высшимъ просвѣтительнымъ началамъ жизни человѣческой и идеаламъ Святой Руси. Онъ былъ истинный сынъ Церкви Православной, по своей вѣрѣ и убѣжденіямъ. Мірянинъ—онъ высоко и неуклонно держаль знамя святой православной вѣры, чакъ вышедшаго просвѣтительного начала самобытнаго развитія Россіи. Въ каждомъ своемъ вѣщемъ словѣ, въ своихъ возвышенныхъ вдохновленныхъ произведеніяхъ, исполненныхъ христіанской любви и правды, онъ какъ пророкъ будиль наше омертвѣлое общество — „*къ жизни духа, къ духу жизни*“. Онъ любилъ пламенно Россію, питаль искреннее, глубокое и священное чувство приверженности къ Русскому народу, въ лучшихъ проявленіяхъ его духа, весь жить вѣрою въ успѣхи его развитія самобытнаго, видѣть ясно высокую цѣль, Провидѣніемъ Россіи предопределеннуу, принималъ живо и горячо къ сердцу судьбы Славянъ — единоплеменныхъ и единовѣриыхъ братій—и призывалъ всѣми силами своей великой души ихъ возрожденіе не только политическое, но *духовное*.

Воистину онъ былъ носитель знамени объединенія всего славянскаго рода. Его святымъ убѣжденіемъ было, что міру Славянства, подъ знаменемъ православія, предназначено Богомъ великое историческое призваніе въ судьбахъ человѣчества, и что это міровое предназначеніе осуществляется братскимъ духовнымъ

союзомъ, во главѣ котораго долженъ идти, какъ старшій братъ Славянъ, Русскій народъ съ своимъ Боговѣнчаннымъ Вождемъ—Царемъ. Это убѣженіе проникало его плодотворѣйшее для русскаго общественнаго самосознанія и для дѣла объединенія всего Славянскаго міра изданіе, которое достойно носило столь знаменательное имя: „Русь“, Да, „Русь“ Аксакова—это истинно-русское слово истинно-русскаго чувства и разумѣнія глубочайшихъ задачъ, интересовъ и высшаго призванія Россіи, которымъ посвящена была и вся жизнь и дѣятельность покойнаго.

И вотъ, внезапно, неожиданно, преждевременно умолкъ на вѣки этотъ вѣцій глашатай разума и сердца Руси Святой!... Но дѣло его не умреть, и имя его останется бессмертнымъ и будетъ все съ большимъ и большимъ почтеніемъ произноситься и поминаться будущими поколѣніями. Намъ же, чувствующимъ невознаградимую утрату для нашего времени одного изъ величайшихъ работниковъ на обширномъ полѣ русской общественной жизни, остается одно утѣшеніе, что полоса на этой нивѣ, указанная и отмежеванная покойному Провидѣніемъ, вполнѣ воздѣлана, что имъ прорѣзана глубокая борозда и посѣяно доброе сѣмя, да возрастетъ обильная жатва,— какъ выразилъ увѣренность въ этомъ самъ И. С. Аксаковъ въ одномъ изъ своихъ вдохновенныхъ поэтическихъ произведеній:

И вѣрю я! наступить время,
Хоть громъ греми и вѣтеръ вѣй,
Но долетить святое сѣмя
До почвы избранной своей...

Миръ почившему добруму сѣятелю на нивѣ Божіей правды и истины. Да улоконится духъ его и наслѣдить *блажая на землю живыхъ*, въ селеніяхъ Праведныхъ, куда призываются всѣ жизненные сѣятели добра, въ царствѣ Господа Христа, Который Самъ нисходилъ на землю, какъ сѣятель сѣмени небесной истины и правды. *Выруемъ видѣти ему блажая на той земль живыаго*, радуясь, что почившій, незабвенный собратъ нашъ и рабъ Божій Иоаннъ, отходя, взялъ съ собою, какъ неотъемлемый залогъ этого, сокровище вѣры Христовой, горячей, искренней, дѣтски чистой и православной...

Передовая статья № 1 газеты „Русское Дѣло“.*)

Москва, 2 апреля.

Похороны Ивана Сергеевича Аксакова, единодушный порывъ горя, охватившій сердца, множество телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи съ телеграммой Государя во главѣ,—все это вмѣстѣ взятое сливается въ величавую историческую картину, полную глубокаго смысла. Надъ могилой этого человѣка обѣдающія духовно Русь какъ бы захотѣла посчитаться силами, закрѣпить и выразить свою тѣсную духовную связь съ носителемъ идей, чуждыхъ въ сильной степени ея будничной, сѣренѣкой дѣятельности, но инстинктивно дорогихъ каждому, въ комъ долгое и фальшивое историческое воспитаніе не вытравило еще послѣднихъ сѣдовъ русскаго чувства.

Если мы оглянемъ тотъ путь, по которому шелъ покойный, мы найдемъ, что этотъ путь тѣсно совпадаетъ съ движеніемъ у насъ національного самосознанія. Въ первую пору своей публицистической дѣятельности, Аксаковъ явился младшимъ членомъ кружка, стоявшаго совершенно особнякомъ среди тогдашняго образованнаго общества и литературы. Первые славянофилы работали при условіяхъ весьма тяжкихъ. Правительство смотрѣло на нихъ какъ на опасныхъ проповѣдниковъ какого-то новаго ученія, едвали не враждебнаго государственному строю. Общество, не читая ихъ сочиненій и зная о славянофилахъ лишь по наслышкѣ, предавало ихъ посмѣянію, какъ враговъ прогресса и европейской культуры. Цenzура взвѣшивала подозрительно каждую строку славянофильскихъ писаній; но даже и это не спасало иногда уже разрѣшенныя изданія отъ ареста и прекращенія.

Въ началѣ прошлаго царствованія обстоятельства перемѣнились; но среди наступившей для печатнаго слова относительно широкой свободы, славянофильство продолжало оставаться въ подозрѣніи. Да это и понятно. Для свободолюбивыхъ теченій той эпохи была понятна и, пожалуй, любезна борьба западнаго консерватизма съ западнымъ либерализмомъ. Отрицательное отношение славянофиловъ къ тому и другому пугало самыхъ либеральныхъ государственныхъ людей.

Въ самый разгаръ освободительнаго движенія, столцы сла-

вянофильства, Хомяковъ и Константи́нъ Аксаковъ, сошли въ могилу. Во главѣ кружка остались: И. С. Аксаковъ — лирический поэтъ по темпераменту, но уже стоявшій на дорогѣ публициста и редактировавшій „Русскую Бесѣду“, и Ю. О. Самаринъ — философъ и ученый богословъ въ кабинѣ, — замѣчательный боецъ, практикъ и организаторъ въ жизни. Наступила эпоха, требовавшая полнаго напряженія русскаго чувства и русскаго ума. Поэтъ окончательно повѣсилъ лиру и всталъ на трибуну журналиста, философъ закрылъ свои фоліанты и бросился на дѣло, которое ждало и призывало его и которое онъ во главѣ небольшаго кружка русскихъ талантливыхъ людей сумѣль свернуть съ ложнаго пути и двинуть по національной дорогѣ.

Основанный Аксаковымъ „День“ представлялъ уже явленіе въ тогдашней литературѣ и вѣское и серіозное. Позади Аксакова стояла самобытная русская культурная и философская школа, идеи которой онъ почуялъ и закрѣпилъ въ замѣчательной силой и страстью. Его голосъ не терялся въ вопіющей разноголосицѣ чужихъ, или навѣянныхъ за запада мнѣній. Русская мысль, пользуясь необычнымъ дотолѣ просторомъ, росла изъ-подъ буйно разцвѣвшихъ сорныхъ травъ, крѣпла и проникала въ общество, дѣйствуя пока только отрицательно, но безощадно. Не успѣть русская интеллигенція ухватиться за какой-нибудь новый европейскій идеалъ, глядь! уже проѣденъ онъ, словно кислотой, живой критической мыслю, безощаднымъ сарказмомъ, уже отзвѣтаетъ, не успѣвшіи разцвѣсть, даетъ сплошь пустоцвѣтъ за пустоцвѣтомъ!

И сколько такихъ идеаловъ поконится въ архивахъ исторіи русской литературы!..

„День“ былъ первымъ торжественнымъ выходомъ русского направленія изъ кружка въ общество. Самобытность русскихъ и славянскихъ началъ была торжественно провозглашена и стала съ этихъ поръ не кабинетной, но живой, реальной силой. Таковъ былъ первый шагъ Аксакова, характеризующій цѣлый періодъ въ исторіи русского самосознанія.

Къ слѣдующему періоду относится „Москва“. Она начинала борьбу другаго рода; она выступала съ ясной государственной программой, несла решеніе цѣлаго ряда назрѣвшихъ экономическихъ задачъ и становилась на почву практическаго творчества. За ней стояла уже не кучка адептовъ-читателей, молчаливо

раздѣлявшихъ воззрѣнія редактора, а цѣлая живая сила московскаго практическаго міра, заключавшаго въ себѣ всѣ задатки серьезнаго государственного творчества въ русскомъ духѣ, чувствовавшаго въ себѣ достаточно сильный источникъ этого творчества. Да и сама редакція располагала крупными силами: достаточно назвать имена Ю. О. Самарина, Чижова, Бабета, профес. Чупрова и др.

Петербургскому консерватизму, одолѣвшему въ это время мало-по-малу петербургскій либерализмъ, объявлялась война во имя русскихъ національныхъ началъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ господствовавшими теченіями. Эти начала, живымъ ключемъ кипѣвшія тогда въ Москвѣ и имѣвшія за собой крупную общественную силу, казались уже редактору „Москвы“ несокрушимыми...

Борьба Аксакова имѣла характеръ слишкомъ побѣдный и самоувѣренный. Онъ не допускалъ мысли, чтобы властные представители несочувственнаго ему образа мыслей, связанные притомъ новымъ закономъ о печати, рѣшились идти такъ далеко, и онъ даваль сраженіе за сраженіемъ, продолжалъ вести борьбу и тогда, когда рѣзко былъ поставленъ вопросъ объ измѣненіи самого закона...

Это была ошибка. Тогдашній консерватизмъ оказался рѣшительнѣе, чѣмъ думалъ Аксаковъ, и въ то время, когда самая крайняя проповѣдь разрушительныхъ началъ еще пользовалась широкой терпимостью во имя свободы печати, „Москва“ и „Москвичъ“ были запрещены...

Отъ этого момента отдѣляютъ насъ уже полтора десятилѣтія, и мы можемъ смотрѣть на эту борьбу съ полнымъ спокойствіемъ. Чѣмъ несли та и другая изъ спорящихъ сторонъ? Почему смотрѣли на воинствующую „Москву“ какъ на газету вредную для государственного порядка и спокойствія? Аксаковъ стоялъ за государственный порядокъ, за законность, за самодержавіе, и притомъ не какъ за одну вѣшнюю форму, но какъ за идеалъ, и защищалъ его со всею страстью. Онъ отрицалъ всякия политическія и властолюбивыя притязанія, навязываемыя Русскому народу. Онъ былъ патріотомъ въ высшемъ смыслѣ слова. Правда, онъ требовалъ свободы для жизни, слова и совѣсти... но могли ли эти требования идти въ разрѣзъ съ идеями, господствовавшими въ правительствѣ, если оно само

непринужденно давало тогда не только эти свободы, но даже возможность злоупотреблять ими... Въ чемъ же заключалась самая суть борьбы, доводившая стороны до непримириимаго озлобленія?

Да въ томъ, что это была борьба не личности, не партіи даже, а новаго культурнаго начала, только-что воплощавшагося въ жизнь, съ другимъ культурнымъ началомъ, которое оно стремилось изгнать изъ русской жизни, началомъ европеизма, властно гнувшаго русскую жизнь и не желавшаго терпѣть ея протеста.

Въ томъ, что западный либерализмъ, соціализмъ и даже самый нигилизмъ, какъ законныя дѣти этого начала, родственниe и понятнѣе нашему консерватизму, чѣмъ міровоззрѣніе славяно-фильской школы, столь дикое просвѣщеному Европейцу: подите, втолкуйте ему, почему съ точки зрѣнія славянофиловъ Иоаннъ Грозный можетъ считаться дѣятелемъ гораздо болѣе либеральнымъ, чѣмъ, напримѣръ, императоръ Александръ Благословенный, независимо отъ ихъ личныхъ характеровъ.

Но если по внѣшности западное культурное начало побѣдило и Аксаковъ умолкъ, то въ жизни русскаго общества идеи, выношенныя славянофилами и посѣянныя Аксаковымъ, становились плотію. Послѣ этой послѣдней побѣды не суждено было нашему европеизму сказать ни одного новаго слова! А въ это время назрѣвало другое, еще болѣе широкое дѣло, чѣмъ газетная борьба, подготовлялось славянское движение. Столпы русской школы еще давно заботливо расчистили и подготовили ему почву. Незамѣтно сосредоточивалась въ Москвѣ вся живая и творческая сила страны. Начавшееся славянское движение застало Петербургъ върасплохъ и нашло свой естественный центръ въ Москвѣ съ И. С. Аксаковымъ во главѣ. Всѣ мы помнимъ эту памятную эпоху. Что сдѣжалось съ нашимъ грознымъ и властнымъ всего пять-шесть лѣтъ назадъ европеизмомъ? Онъ замолкъ и стушевался съ той минуты, когда покойный Государь пріѣхалъ въ Москву и произнесъ въ Кремль свои памятныя слова — скрѣпя сердце пошелъ онъ на буksирѣ событий, оставаясь въ душѣ чуждымъ славянскому движению, едва ли не мѣшающимъ только элементомъ. Проснулся Русскій народъ, сердцемъ узналь своихъ, увидаль своего Государя, своихъ работниковъ. Консерваторы — хвалиа имъ! поняли эту минуту и честно посинговались. Не они вели это дѣло, которое по существу было имъ такъ же чуждо,

какъ и всѣмъ инымъ русскимъ Европейцамъ; но они не глумились надъ народнымъ порывомъ, не радовались нашимъ неудачамъ...

Но вотъ, народная страда кончилась и народъ ушелъ *съ себя*. У дѣла явились снова русскіе Европейцы... Берлинскій трактать... путешествіе Аксакова въ Варварино... торжество консерватизма, торжество либерализма, минутное торжество нигилизма, проблескъ русскаго направленія... опять торжество консерватизма... знакомая смѣна иеруссакихъ декорацій!

Во второй разъ пришлось Аксакову увидать воочію, что для серіознаго успѣха и торжества мало однихъ великихъ жертвъ и порывовъ, мало даже богатыря-народа, выступающаго временеменами такъ стройно-торжественно на историческую сцену. Нужна интеллигенція единомысленная и единочувственная съ народомъ, умѣющая не въ порывѣ одушевленіи, но спокойно, *ежедневно* творить то самое дѣло, которое творить народъ въ часъ подвига. Но нѣть у насъ этой интеллигенціи при всемъ изобиліи не знающихъ что съ собой дѣлать „образованныхъ“ людей, или, если есть, то не составляетъ еще она той силы, того слоя, откуда могла бы питаться и самая власть...

А историческій процессъ переработки въ нашемъ общественномъ организмѣ воспринятой нами дозы „европейской культуры“ идетъ неуклонно. Побѣда видна уже и въ томъ, что типъ чистаго, цѣльнаго Европейца, въ родѣ симпатичнаго, конечно, но совсѣмъ не русскаго „человѣка сороковыхъ годовъ“, вылинялъ и становится рѣдкостью. Русское начало, окрѣпшее новыми силами изъ почвы, имѣвшее столько великихъ минутъ въ своей новѣйшей исторіи, разливается широкимъ потокомъ, просачивается и въ жизнь и въ литературу, незримо примѣшивается ко всѣмъ умственнымъ отправленіямъ страны и производить путаницу не-вообразимую въ смѣси съ чуждымъ ему началомъ западно-европейскимъ.

Первый результатъ этого смѣшанія — жестокій сумбуръ въ идеяхъ и возврѣніяхъ и неразлучное съ ними измельченіе типа, анатія, разочарованіе, усталость мысли, какъ бы разложеніе общественнаго организма. Никому ничего страшно не хочется, никто никуда не рвется, господствуетъ въ атмосфѣрѣ таѣ- себѣ что-то кисленькое, тепленькое, чemu нѣть и названія, какая то слякоть...

Въ такія эпохи воздухъ душенъ; распложается и ликуетъ

гадъ; умственного творчества нѣть; очередная поколѣнія молчать и вянуть безъ пользы, страдаютъ сердцемъ и способны на борьбу, на страстные порывы лишь люди старшихъ поколѣній, цѣльные мыслью и сердцемъ, видавшиѣ лучшіе дни.

Воззваніе Аксакова передъ открытиемъ „Руси“ пронеслось какъ раскатъ грома. „Въ этомъ словѣ „Русь“, говорилъ Иванъ Сергеевичъ, сосредоточенъ для насъ весь смыслъ той правды, которой такъ недостаетъ нашему изолгавшему общественному бытію, по которой такъ тоскуетъ, такъ истомился русскій человѣкъ. Страшно устала наша земля отъ сочинительства, мудрованія, фальши, которая такъ долго, такъ властно гнула, муштровала, переиначивала ее на разные чужіе лады и порядки. Вся нужда, вся задача наша теперь именно въ томъ, чтобы внести, наконецъ, правду въ русскую жизнь, чтобы возвратить ей свободу органическаго самороста, чтобы въ самомъ дѣлѣ Русь стала Русью“.

Успѣхъ объявленной на газету подписки превзошелъ всякия ожиданія. Отъ Аксакова имѣли полное право требовать той правды, которую онъ призывалъ для Руси, и за этой правдой, какъ за цѣлебнымъ бальзамомъ, протянулись тысячи рукъ. Онъ и даль ее. Но эта правда явилась не въ видѣ готовой громкой формулы или талисмана, обладающаго магическимъ свойствомъ немедленнаго врачеванія—она была скорѣй холоднымъ душемъ. Въ самый разгаръ газетныхъ разглашательствованій объ „увѣнчанії зданія“, „Русь“ съ первого же номера заявила, что вѣнчать ровно нечего, что зданія никакого нѣть, а есть лишь фундаментъ съ уродливыми лѣсами и временными, кое-какъ нагроможденными постройками на немъ. Фундаментъ этотъ, правда, хорошъ, но онъ заваленъ разными соромъ и заросъ бурьяномъ. Дѣло русской интелигенціи—спуститься внизъ, очистить и строить прочно и обдуманно, начиная снизу. Другими словами, организовать сначала настоящее правильное самоуправлѣніе въ уѣздѣ, водворить тамъ жизнь и правду; и только тогда идти выше.

Наступило нѣкоторое недоумѣніе... Правда вышла слишкомъ прозаична. Но большаго Аксаковъ не могъ сказать вслѣдствіе непоколебимой честности своей натуры. Всю жизнь вѣрь онъ упорную и славную борьбу, видя минуты упоительно-торжественные для русскаго дѣла. И каждый разъ побѣда ускользала изъ рукъ, каждый разъ выплывало и захватывало власть надъ жизнью

чуждое начало, возносились чуждые идеи. Правда, въ великомъ народномъ порывѣ это чужое смолкаетъ, Русь цѣльна и велика. Но наступаетъ отливъ и старый недугъ, сидящій въ отравленной крови сверхнароднаго слоя, выходитъ снова злостной сыпью наружу. Гдѣ же польза порывовъ? Въ нихъ ли цѣленіе?

И вотъ, вся дѣятельность Аксакова, какъ редактора „Руси“, принимаетъ характеръ проповѣди — настойчивой, но спокойной борьбы за перевоспитаніе русской интелигенціи, за сближеніе ея съ народомъ. Умудренный опытомъ Аксаковъ выступаетъ скорѣе мыслителемъ и критикомъ, чѣмъ трибуномъ, но мыслителемъ не-подкупно строгимъ, не дѣлающимъ ни одного шага во имя успѣха у публики, болѣе того, явно презирающимъ этотъ успѣхъ.

Со втораго же года изданія „Руси“ оказалось, что людей, смотрящихъ строго и трезво на русскую дѣйствительность вмѣстѣ съ Аксаковымъ, слишкомъ немного. Общество, не привыкшее къ простой и серіозной русской мысли и ждавшее отъ „Руси“ эффектной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей, той страстной и смѣлой борьбы, которая велась въ „Москвѣ“ и „Москвичѣ“, разочаровалось. Аксаковъ, при всемъ невысокомъ мнѣніи о ставшемъ у дѣль консерватизмѣ, не объявлялъ ему открытой войны... Правильно это было или нѣтъ, пока не будемъ судить, но несомнѣнно, что это обстоятельство было одной изъ причинъ, обусловливавшихъ неуспѣхъ „Руси“ даже у людей, способныхъ выслушать и прочувствовать сердцемъ русское слово.

Негого и говорить, что наша такъ-называемая либеральная печать постаралась извлечь изъ этого нежеланія борьбы все, что могла, и не замедлила прокричать о союзѣ „Руси“ съ органами крайняго консерватизма...

До самаго послѣдняго времени оставался Аксаковъ на избранной имъ позиціи. Его увлекло въ борьбу лишь вновь обѣщавшее возгорѣться славянское движение. Больше всего ему было видѣть рѣзкую перемѣну фронта въ консервативномъ лагерѣ, его покорное отношеніе къ Берлину, и вотъ когда рѣшилъ онъ порвать съ нимъ, не скажемъ союзъ, такого никогда не было, но тѣ вѣжливо-дипломатическія отношенія со стороны „Руси“, на которыхъ другая сторона отвѣчала злымъ и угрюмымъ молчаніемъ...

И — такова публика! Съ того момента, какъ въ Аксаковѣ вновь пробудился оскорбленный трибунъ, его влияніе и успѣхъ

газеты удесятерились... это было почти наканунѣ кончины Аксакова!

Мы сказали выше, что его похороны были какъ бы счетомъ русскихъ силъ; счетъ этотъ показалъ, что силы велики. Аксакова не понимали, или не желали понимать многое—это правда; но важно то, что его умѣли чувствовать, и чувствовать не только какъ крупную и свѣтлую личность, но какъ носителя могучаго начала, роднаго каждому русскому сердцу, какимъ бы хладомъ ни была набита подчашь голова. Хомяковъ, какъ носитель начала, былъ, безспорно, глубже, чѣмъ Аксаковъ; его смерть произвела, однако, сильное впечатлѣніе только въ тѣсномъ и замкнутомъ кружкѣ его учениковъ. Тогдашняя Россія Хомякова *не чувствовала*. Смерть Аксакова явилась въ полномъ смыслѣ слова великимъ национальнымъ горемъ — въ этомъ нельзя не видѣть крупнаго успѣха въ русскомъ самосознаніи. Значить же вошли въ общее достояніе чувства и мысли покойнаго, если на одну вѣсть о его смерти дружнымъ хоромъ откликнулись съ Царемъ во главѣ всѣ концы Русской земли! Въ этомъ горѣ, въ этомъ единодушіи русского чувства лежать залоги побѣды...

Но только залоги...

Сильно подвинулось русское самосознаніе, но его упѣхи еще не выражаются въ русскомъ *творчествѣ*, а тѣмъ временемъ, со страшной быстротой идетъ наше нравственное и экономическое паденіе, растрачиваются силы стомилліоннаго народа. Что изъ того, если по образу мыслей, по нравственному складу наша интелигенція становится болѣе русскою, чѣмъ были ея старшія поколѣнія, что изъ того, что она дорастаетъ до пониманія тѣхъ явлений, какъ смерть Скобелева, смерть Аксакова?

Въ чѣмъ выражаются успѣхи не русского міровоззрѣнія, а русского творчества, *русскую дѣла*?

Не отрицательно ли на первый разъ решается этотъ вопросъ?..

ІV.

ОБЩЕСТВЕННЫЯ ПАННИХИДЫ И ЗАСЕДАНИЯ УЧРЕЖ- ДЕНІЙ И ОБЩЕСТВЪ.

Передовая статья № 25 газеты „Свѣтъ“.

Въ третій день по кончинѣ Ивана Сергиевича Аксакова, по почину С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, была совершена въ соборѣ Казанской Божией Матери заупокойная литургія и затѣмъ отслужена торжественная панихида по почившему. Литургію совершилъ высокопреосвященный митрополитъ Сербскій Михаилъ въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ. Панихиду служилъ онъ же въ сослуженіи съ епискоюмъ Выборгскимъ Сергиемъ, двумя архимандритами и многими столичными протоіереями. Предъ панихидой полное мысли и чувства слово произнесъ съ соборной каѳедры настоятель Казанскаго собора, протоіерей А. А. Лебедевъ *). Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися. Въ числѣ бого мольцевъ были: министры—военный генералъ-адъютантъ Ванновскій и народнаго просвѣщенія дѣйствительный тайный совѣтникъ И. Д. Деляновъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода дѣйствительный

*) Напечатано въ № 32 „Русь“.

тайный советникъ К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ Влангали, члены Государственного Совѣта: графъ Н. П. Игнатьевъ, Н. И. Стояновскій и Г. П. Галаганъ, товарищъ государственного контролера Т. И. Филипповъ, командающій войсками Варшавскаго военнаго округа генераль-адъютантъ Гурко, генералы: Ганецкій, Костанда, Семека, Мирковичъ, Нагловскій, Куропаткинъ, Пржевальскій, Боголюбовъ и многіе другіе; адмиралы: Поповъ, Веселаго и Асланбековъ; литераторы: А. А. Краевскій, Н. С. Лѣсковъ, Д. В. Аверкіевъ, С. В. Максимовъ, кн. Мещерскій и другіе, почти всѣ члены Славянскаго Благотворительного Общества съ членами Совѣта во главѣ—предсѣдателемъ П. П. Дурново, его товарищами М. А. Домонитовичемъ и П. А. Васильчиковымъ, казначеемъ В. Г. Чубинскимъ, секретаремъ, почетнымъ членомъ общества В. И. Аристовымъ, В. К. Касадкеромъ, Н. П. Писаревскимъ и членами общества: И. П. Корниловымъ, И. И. Глазуновымъ, проф. М. О. Кояловичемъ, академикомъ М. О. Микѣшинымъ и др. Въ числѣ молящихся мы замѣтили дамъ изъ высшаго круга: княгиню Е. Э. Трубецкую, М. В. Дурново, княгиню Оболенскую и др. По окончаніи панихиды высокопреосвященный митрополитъ Сербскій Михаилъ около получаса благословлялъ собравшихся богомольцевъ.

Во время панихиды присутствовавшіе обмѣнивались дорогою вѣстью о посланной Его Императорскимъ Величествомъ телеграммѣ вдовѣ почившаго Ивана Сергеевича—Аннѣ Феодоровнѣ. Въ три часа пополудни по Николаевской желѣзной дорогѣ отправились въ Москву, для присутствованія на похоронахъ И. С. Аксакова, нѣкоторые депутаты отъ Славянскаго Общества. Княгиня Е. Э. Трубецкая послала съ однимъ изъ депутатовъ роскошный вѣнокъ, для возложенія на гробъ И. С. Аксакова.

Кромѣ того, были налицо и представители отъ всѣхъ славянскихъ колоній въ Петербургѣ—чешской, чечногорской и другихъ.

Панихида по И. С. Аксаковѣ *).

Сегодня (31 января), въ Казанскомъ соборѣ по И. С. Аксаковѣ служила панихида петербургская печать. Соборъ былъ по-

*) Изъ № 3567 «Нового Времени».

лонъ молящимися. Заупокойную литургію совершало собориѣ мѣстное духовенство, пѣль хорь Архангельского въ полномъ своемъ составѣ. Особенно хорошо исполнены были „Херувимская“ Бортнянского, запричастный „Уявленъ“ и „Со Святыми упокой“.

Панихииду совершалъ преосвященный Сергій, епископъ Выборгскій, викарій Петербургской митрополіи, съ двумя архимандритами и многими столичными священниками. Передъ панихиидой, священникъ Казанского собора Соколовъ произнесъ горячесъ слово *), въ которомъ изобразилъ заслуги покойнаго для русскаго общества, характеризовалъ его дѣятельность какъ гражданина, какъ писателя и какъ Русскаго человѣка и славянскаго дѣятеля. Проповѣдникъ указалъ на главныя черты въ дѣятельности Аксакова—проникновеніе народными интересами, пониманіе народной мысли, глубокое знаніе историческаго развитія народной жизни. Аксаковъ возмущался, напримѣръ, что наша аристократія не говорить по русски, что прежде всего учить дѣтей своихъ иностраннымъ языкамъ, и они, плохо владѣя родной рѣчью, не умѣютъ и думать по русски, не понимаютъ народной жизни, чуждаются ея,—оттого у нихъ космополитическая стремленія заслоняютъ народные русскіе идеалы, и между высшими сословіями и народной массой стоитъ какъ бы стѣна непроницаемая. Аксаковъ, призывая всѣхъ къ единенію и мирному труду, требовалъ, чтобы высшіе классы низошли до низшихъ, и эти послѣдніе черезъ это могли бы подняться въ развитіи. Аксаковъ много содѣйствовалъ разрушенію этой стѣны, распространяя русскія народныя идеи, научая любить и уважать русское. Онъ же былъ горячій поборникъ славянскій и вѣрилъ въ назначеніе Россіи для Славянъ. Для него идея русская—Церковь, царь и отечество—составляла все; онъ ее понималъ, онъ ей служилъ всю жизнь со всей энергией и талантомъ своего цера.

Проповѣдникъ полагаетъ, что лучшимъ памятникомъ для Аксакова будетъ распространеніе его сочиненій, его русскихъ идей въ народной массѣ, ознакомленіе съ нимъ народа, который онъ такъ хорошо понималъ, второе—исполненіе его завѣтovъ любви и единенія, и наконецъ послѣдованіе его примѣрамъ: онъ горячо высказывался противъ всякаго сознательного зла, громилъ

*) Напечатано въ I отдѣлѣ Сборника, см. стр. 15—50.

умышленную ложь; но онъ умѣлъ уважать чужія мнѣнія, умѣлъ обеуждать ихъ спокойно и серіозно, безъ злобы и ехидства, чего нельзя не пожелать всѣмъ трудающимся на писательскомъ поприщѣ. Аксаковъ, человѣкъ научно-образованный, показалъ на себѣ, что и философское образованіе и знаніе естественныхъ наукъ не мѣшаютъ служить Церкви и вѣрѣ для блага родины.

На панихидахъ присутствовали статьи-секретарь Танѣевъ и другія чиновныя лица. Въ числѣ литераторовъ мы замѣтили Григоровича, Данилевскаго, Максимова, кн. Мещерскаго, Потѣхина, Полонскаго, Пыпина, Раппа и нѣкоторыхъ редакторовъ и сотрудниковъ петербургскихъ журналовъ и газетъ. Отъ купечества былъ единственный представитель товарищъ купеческаго старшины Абатуровъ. Въ публикѣ, по преимуществу интеллигентной, находилось много военныхъ, профессоровъ и ученыхъ.

Отъ петербургской печати сооружена, какъ извѣстно, хоругвь. Мысль объ устройствѣ хоругви на собраніи представителей редакцій подана была Г. П. Данилевскимъ, который сообщилъ, что покойный Иванъ Сергиевичъ разъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, высказалъ мнѣніе, что ношеніе вѣнковъ на похоронахъ придаетъ имъ характеръ языческій и затемняетъ ихъ христіанскую идею. Разговоръ этотъ зашелъ по поводу похоронъ Тургенева, причемъ Г. П. Данилевскій, пріѣхавшій къ покойному Аксакову отъ графа Л. Н. Толстаго, рассказывалъ ему, что Толстому не нравятся эти процесіи съ вѣнками. Покойный вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе графа и выразилъ, что онъ тоже не желалъ бы, чтобы на его похоронахъ неслись вѣнки. Это сообщеніе г. Данилевскаго и послужило поводомъ къ проектированію хоругви вместо вѣнка,--- хоругвь можетъ участвовать въ процесіи, въ которой вѣнковъ не будетъ, и послѣ останется на память въ Обществѣ любителей россійской словесности.

Засѣданіе Петербургской Городской Думы *).

Въ сегодняшнемъ (28 января) засѣданіи Городской Думы М. И. Семевскій сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Къ весьма тяжкимъ утратамъ, понесеннымъ русскимъ обществомъ въ послѣдніе годы, въ лицѣ нѣсколькихъ общественныхъ дѣятелей, а также дѣятелей науки и литературы, присоединяется новая и весьма прискорбная утрата: я говорю о неожиданной и столь преждевременной кончинѣ Ивана Сергеевича Аксакова. Талантливый писатель, пламенный патріотъ, И. С. Аксаковъ былъ энергичнымъ, ревностнымъ ратоборцемъ за величие и славу дорогоаго отечества. Онъ служилъ Россіи первомъ, и его горячее слово разносилось по всему Славянскому миру, находя повсюду въ семье Славянскихъ народовъ откликъ и сочувствіе. Всѣ сходятся въ признаніи высокихъ нравственныхъ качествъ этого истиннаго сына земли Русской, всѣ признаютъ въ немъ слугу идеи, одушевлявшей всю его жизнь: видѣть свое отечество на той высотѣ, какъ во внутренней его жизни, такъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ, которая вполнѣ соотвѣтствовала бы какъ духовнымъ, такъ и нравственнымъ силамъ, которыми въ избыткѣ надѣлена Россія.

„Петербургское городское общественное управление, обыкновенно столь отзывчивое къ радостямъ и горю русского общества, конечно, и въ этотъ разъ не останется безучастнымъ къ прискорбной утратѣ, понесенной нынѣ въ лицѣ И. С. Аксакова, не только Русскимъ народомъ, но и всѣмъ Славянскимъ міромъ, а посему я вношу предложеніе: 1) выразитьуваженіе къ памяти покойнаго И. С. Аксакова вставаніемъ собранія Думы; 2) возложить вѣнокъ на гробъ И. С. Аксакова отъ С.-Петербургскаго городскаго общественного управления, и 3) выразить вдовѣ покойнаго писателя сочувствіе къ тяжелой утратѣ, понесенной русскимъ обществомъ въ лицѣ ея супруга И. С. Аксакова“.

Всѣ эти предложенія приняты собраніемъ единогласно.

*) Изъ № 24 газеты «Свѣтъ».

Торжественное засѣданіе Славянскаго Благотворительного Общества *).

Сегодня (14 февраля) въ залѣ Городской Думы происходило торжественное собраніе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительного Общества. Громадная зала оказалась биткомъ набитою, сотни лицъ стояли въ проходахъ и позади у входа. Это имя покойнаго И. С. Аксакова собрало такую массу, ибо все засѣданіе главнымъ образомъ было посвящено чествованію его памяти. На эстрадѣ подъ сѣнью хоругви Св. Кирилла и Меѳодія помѣстились члены комитета и почетные гости. Здѣсь же слѣва стоялъ хоръ г. Архангельского.

Высокопреосвященный Іоанникій благословилъ собраніе, и хоръ пропѣлъ гимнъ: „Слава Кириллу, слава Меѳодію, братьямъ святымъ!“

Собраніе открыто было товарищемъ предсѣдателя г. Васильчиковыемъ, заявившимъ, что ему приходится открывать засѣданіе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по такъ безвременно погибшемъ другъ и гражданинъ. Затѣмъ секретаремъ Общества былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества за 1885 г.

Послѣ отчета сообщена была телеграмма отъ сербскаго митрополита Михаила:

„Кирилица прославлена тысячелѣтнею борьбою, теперь выдерживаетъ послѣднее нападеніе враговъ. Надежда утѣшаетъ, что апостольское дѣло Кирилла восторжествуетъ. Господь спасетъ вѣрныхъ Славянъ. Поздравляю достославное общество съ праздникомъ“.

Въ собраніи присутствовали высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій, преосвященные епископы Серафимъ Самарскій и Германъ Казанскій, генераль-адъютантъ гр. Игнатьевъ, членъ Государственного Совѣта Стояновскій, черногорскій воевода Пеко Павловичъ и др. Въ началѣ, между рѣчами и въ концѣ хоръ г. Архангельского прекрасно исполнилъ славянскіе гимны, духовныя стихиры и пѣсни. Особенно эффектно спѣто было „Кирieleйсонъ“ (Господи, помилуй).

*) Изъ №№ 3581 и 3582 «Нового Времени».

По прочтении отчета начались речи. Говорили три оратора— профессора Ламанский, Бестужев-Рюмин и Ор. Миллер. Речь г. Ламанского длилась съ часъ и была богата цитатами изъ сочинений и записокъ покойнаго.

Профессоръ раздѣляетъ литературную дѣятельность Аксакова на 2 периода: съ 1843 по 1860 г. и второй—до послѣднихъ лѣтъ. „Въ первомъ Аксаковъ былъ поэтъ и художникъ, во второмъ публицистъ, общественный дѣятель. Эта вторая половина началась со времени окончательного поселенія его въ Москвѣ. Она болѣе извѣстна чѣмъ первая половина; здѣсь Аксаковъ-публицистъ заставилъ почти позабыть объ Аксаковѣ-поэте. Между тѣмъ труды его въ этой области даютъ ему право на мѣсто въ ряду лучшихъ поэтовъ новѣйшаго времени. Вначалѣ Аксаковъ былъ на государственной службѣ. Въ собственноручной автобиографической запискѣ покойнаго, между прочимъ, говорится, что онъ никакимъ награжденіямъ знаками отличія не подвергался.

Его литературная дѣятельность, какъ видно, до самой могилы шла не безъ препятствій. Да и въ самой его жизни было не мало терпнія. Въ 1848 г. (черезъ 6 лѣтъ по выпускѣ изъ Училища правовѣдія) онъ былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ выпущенъ. Затѣмъ на службѣ въ провинціи по доносу одного губернатора, сообщившему, что онъ читаетъ знакомымъ какую-то поэму (это было извѣстное художественное произведение „Бродяга“), потребовали отъ него рукопись. Онъ переслалъ въ Петербургъ съ свойственной ему правдивостью всю рукопись. Здѣсь, конечно, ничего не нашли въ поэмѣ и возвратили ее, но сдѣлали при этомъ конфиденціальное сообщеніе, что „занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства“. Аксаковъ вышелъ тогда въ отставку. И въ дальнѣйшей литературной дѣятельности ему приходилось терпѣть не мало. Его русскія убѣжденія не могли быть понятыми тогдашней космополитической бирократіи. Его рукописи арестовывались, его обзываютъ подпискою, уже когда онъ былъ въ Москвѣ, посыпать свои произведения для цензуры не въ мѣстные комитеты, а въ Главное управление по дѣламъ печати. Наконецъ, его лишили права когда бы то ни было быть издателемъ или редакторомъ журнала. Полицейскій надзоръ за нимъ былъ усиленъ.

Хотѣль онъ ѻхать кругомъ свѣта на военномъ кораблѣ, ему III-е Отдѣленіе не позволило этого. Тогда онъ принялъ одно пору-

ченіе отъ Географического Общества. Крымская война побудила его вступить въ Серпуховскую дружину въ ополченіе. По окончаніи ея, когда онъ сталъ издавать журналъ „Парусъ“, тотъ былъ запрещенъ на третіемъ нумерѣ, и далѣе, какъ известно, все шло въ этомъ родѣ.

Въ первомъ періодѣ дѣятельности своей это былъ поэтъ, сатирикъ, соціологъ, въ концѣ его онъ уже приготовлялся быть редакторомъ, но только во второмъ періодѣ развился вполнѣ его талантъ журналиста, публициста и трибуна.

Если братъ его, Константинъ Аксаковъ, идеалистъ, энтузиасть, сильный созерцательный умъ и ребенокъ въ практической жизни, человѣкъ святой души и жизни, любилъ болѣе тихое спокойствіе, то Иванъ, у котораго натура была страстная, искалъ исключительно движенія, борьбы. Въ немъ совмѣстилось два коренныхъ типа семьи Аксаковыхъ и вообще русскаго человѣка: крѣпость отеческихъ преданій, любовь къ старинѣ и вмѣстѣ подмывающая тоска, разрѣшающаяся удальствомъ.

Послѣ прекрасной рѣчи о Берлинскомъ трактатѣ, Аксаковъ долженъ былъ надолго замолчать, а бывшіе министры внутреннихъ дѣлъ преслѣдовали всякое проявленіе его русской мысли, выражавшей всегда истинно-русскія чувства съ неутомимой энергией.

Въ эти 10 лѣтъ молчанія народились въ обществѣ самыя вздорныя идеи нигилизма. Удалились отъ дѣлъ Милютинъ, Черкасскій, Ю. Самаринъ. Ложныя либеральные стремленія вмѣстѣ съ нигилистическими бреднями бродили въ обществѣ и разрѣшились катастрофой.

Дѣятелями были въ это время люди, для которыхъ русская мысль, русское чувство были непонятны; хотя нѣкоторые и носили славные русскія фамиліи, но въ душѣ не принадлежали ни къ какой національности.

Пошлисть и умственная ничтожность этихъ дѣятелей была ясна для Аксакова; онъ указывалъ на трагическія ея послѣдствія, предостерегалъ. До послѣдней минуты онъ былъ на стражѣ интересовъ Русской земли и Славянства.

Поминая Аксакова, мы поминаемъ цѣлую семью, цѣлую плеяду славныхъ именъ, мы поминаемъ его какъ правнука, внука, сына, брата, друга, товарища славныхъ русскихъ дѣятелей, составляющихъ честь и гордость Россіи.

Масса телеграммъ по его смерти, самыя похороны, панихиды, рѣчи, журнальные статьи въ Россіи и за границей—все это показываетъ, кого мы потеряли⁴.

Послѣ рѣчи г. Ламанского предсѣдателяствующій князь Васильчиковъ сдѣлалъ заявленіе, что однимъ изъ членовъ Общества по случаю кончины Аксакова предложено собрать капиталъ для изданій, знакомящихъ съ историческимъ бытомъ и положеніемъ Славянъ въ нашго государства. Совѣтъ Общества охотно принимаетъ пожертвованія для образованія Аксаковскаго литературнаго фонда.

Проф. Бестужевъ-Рюминъ высказалъ обѣ Аксаковѣ:

„Отъ насъ ушелъ послѣдній изъ той славной группы, которая первая ясно сознала основы русскаго и славянскаго духа и на нихъ построила величавое зданіе ученія, которое мы принимаемъ всей душой и которому стараемся служить по мѣрѣ силъ каждого изъ насъ... Всѣ его сочиненія единить одна мысль, одно чувство—чувство любви къ родинѣ, мысль о великому призваніи Славянскаго племени, о томъ, чтобы суeta дня не отвлекала насъ хотя бы и на время отъ поставленной намъ исторіей великой задачи. Да проникнемся же и мы этимъ чувствомъ, этой заботой, да послужить намъ маякомъ его дѣятельность; не каждому дано его мощное слово, его любвеобильное сердце, но каждый можетъ и долженъ служить тому дѣлу, которому онъ служилъ“.

Професоръ О. О. Миллеръ также посвятилъ очень длинную рѣчь покойному Аксакову *). Онъ началъ съ указанія на то, что события приближаются, а мы не только не прониклись духомъ по завѣтамъ Аксакова, но даже и теперь у насъ начинаетъ слышаться: да не слишкомъ ли много мы потратили чувства, не переопѣнили ли его?

Указавъ затѣмъ на то, что намъ для нашего гражданскаго воспитанія нужно приняться перечитывать его сочиненія, принять его за школу общественной должности, профессоръ перешелъ къ объясненію литературныхъ возврѣній покойнаго. Онъ ясно словами Аксакова показалъ значеніе печати въ жизни и развитіи общества.

*) Напечатана выше, во II отдѣлѣ, на стр. 73—90.

Враги Аксакова клеветали на него или нарочно, или ве понимая высоты его идеала. Всю жизнь до могилы приходилось ему проводить въ борьбѣ. Онъ отзывался на всякое явление въ жизни горячо и честно. Будучи Русскимъ, онъ признавалъ одну правду для всѣхъ національностей. Это выяснилось въ его полемикѣ съ „Московскими Вѣдомостями“ по польскому вопросу. Аксаковъ, возставая противъ польскихъ притязаній, доказывалъ ихъ ложность не правомъ побѣды, не правомъ сильнаго, а исторической жизнью русского племени; онъ требовалъ освобожденія изъ-подъ польского гнета одинаковою какъ русскихъ, такъ и польскихъ крестьянъ.

Но русскіе интересы онъ не приносилъ въ жертву чужимъ. Однако онъ не могъ выносить этого униженія нашего передъ Европой, униженія государственного достоинства нашей дипломатіей, ея трусости при храбрости и доблести народа. Онъ видѣлъ, что это происходитъ оттого, „что общество“, тотъ слой, который долженъ быть между Царемъ и Землей, что это общество какъ-то чуждо русскому духу, что оно непатріотично, что въ немъ надо развить и воспитать національное чувство.

А между тѣмъ это общество въ лицѣ властныхъ людей не разъ упрекало въ недостаткѣ патріотизма его, Аксакова! Это было еще недавно, и онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ, что истинный патріотизмъ гражданина состоитъ въ томъ, чтобы честно служить родинѣ, умѣть высказывать правду, хотя бы и горькую, а истинный патріотизмъ правительства въ томъ, чтобы умѣть выслушивать ее.

Ошибочно думать, что патріотизмъ заключается въ подобострастномъ молчаніи, и слова Государя у гроба Аксакова показали всему миру, что Русскій Царь признавалъ въ немъ истинаго патріота...

Русское Географическое Общество. *)

Засѣданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по отдѣленію этнографіи 31-го января было открыто слѣдующею рѣчью предсѣдателя отдѣленія Л. Н. Майкова, посвя-

*) Изъ № 3568 «Нового Времени».

щенною памяти И. С. Аксакова: „Мнѣ приходится начать наше настоящее засѣданіе вновь заявленіемъ о посвященной Обществомъ и всѣмъ Русскимъ народомъ горестной утратѣ въ лицѣ И. С. Аксакова. Я не стану говорить о дѣятельности Аксакова во всей ея полнотѣ. Скажу только, что онъ былъ однимъ изъ давнишнихъ членовъ Общества и былъ командированъ имъ внутрь Россіи для изученія торговли на украинскихъ ярмаркахъ. Въ свое изученіе этого предмета онъ внесъ этнографический интересъ и съ присущею ему талантливостію выяснилъ, какъ различно проявляется на ярмаркахъ Малорусь и Великорусь. Взглядъ Аксакова въ этомъ отношеніи былъ признанъ всѣми вѣрнымъ. Общество за его труды увѣнчало покойного своею медалью. Другое его сочиненіе прямо относится къ области этнографіи. Я говорю о его труде „О бѣгунахъ“, секту которыхъ онъ изучилъ преимущественно въ Ярославской губерніи. Въ печати появилась только заключительная глава этого труда, замѣчательного въ особенностіи по характеристикѣ въ немъ причинъ возникновенія секты. Какъ носитель русского народного духа, Аксаковъ былъ другомъ всякаго изученія русского народного быта и поддерживалъ всякое этнографическое предпріятіе; такъ онъ помогалъ: Безсонову, Шнейну, Матвѣеву и другимъ; словомъ, во второй половинѣ своей ученой и литературной дѣятельности Аксаковъ, если не работалъ самъ, то былъ другомъ этнографического дѣла“. Собрание почтило память И. С. вставаніемъ съ мѣстъ.

Передовая статья № 24 газеты „Свѣтъ“.

Сожалѣніе во всѣхъ слояхъ общества о безвременной кончинѣ И. С. Аксакова выразилось съ силою и задушевностью. Нѣть кружка, нѣть общества въ Петербургѣ, гдѣ бы не почувствовалаась утрата. Сравнить впечатлѣніе, произведенное кончиною Аксакова, можно только со смертью Скобелева. Кончина Аксакова уже по тому одному составляетъ событие, что умеръ русскій человѣкъ, одинаково близкій всему Славянскому миру. Чехи, Сербы, Хорваты, Далматинцы, Черногорцы, Болгары, Поляки, Словинцы, Словаки, Македонцы—одинаково чувствуютъ кончину Аксакова, какъ Русские. Это знаменательный фактъ, впервые повторяющійся послѣ

кончины Скобелева. И такъ какъ Русская земля уже никогда не сойдетъ и не можетъ сойти съ пути народнаго всеобъемлющаго славяно-государственнаго бытія, то надо желать, чтобы число такихъ людей какъ Скобелевъ и Аксаковъ являлось во множествѣ, и чтобы Россія не чувствовала сиротства при гибели одного изъ нихъ.

Петербургская печать отнеслась съ глубокимъ сочувствіемъ къ утратѣ И. С. Аксакова. 28 января вечеромъ редакторы и ихъ уполномоченные— „Свѣта“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, „Новаго Времени“, „S.-Petersburg-r Zeitung“ „S. - Petersburg-r Hrold“, „Правительственнаго Вѣстника“, „Русской Старинѣ“, „Петербургской Газетѣ“, „Русскаго Богатства“, „Петербургскаго Листка“, „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, „Паломника“, „Звѣзды“, „Колосьевъ“, „Осколковъ“, „Вѣстника Страхованій“, „Вечерней Газеты“, „Нови“, „Нивы“, „Биржевыхъ Вѣдомостей“, „Романиста“, „Всемірной Иллюстрації“, „Историческаго Вѣстника“, „Края“, „Минуты“ и др.—рѣшили послать супругѣ Ивана Сергеевича Аксакова, Аннѣ Федоровнѣ слѣдующую телеграмму:

„Смерть Ивана Сергеевича Аксакова потрясла и огорчила насть. Потеря такого человѣка и безукирзеннаго дѣятеля на попришѣ русской литературы не замѣнима. Представители петербургской периодической печати, пораженные неожиданною смертью горячо всѣми любимаго и уважаемаго Ивана Сергеевича, спѣшить выразить вамъ, Анна Федоровна, ихъ глубокое огорченіе по поводу тяжкой утраты, которую понесла Россія“.

Редакторы просили В. В. Комарова, А. С. Суворина, М. И. Семевскаго, А. И. Поповицкаго, Ф. И. Гезеліуса, Н. А. Лейкина присутствовать на погребеніи И. С. Аксакова, какъ депутаты отъ столичной печати.

Отъ печати рѣшено соорудить хоругвь древне-русскаго стиля, по рисунку провессора живописи П. А. Кошелева, известнаго знатока этого дѣла, и въ день похоронъ И. С. Аксакова отслужить заупокойную обѣдню и торжественную панихиду въ Казанскомъ соборѣ.

На совѣщаніи редакторовъ всѣ рѣчи были полны уваженія къ дѣятельности такого патріота, какимъ былъ И. С. Аксаковъ.

Панихида по И. С. Аксаковѣ въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ. *)

9 февраля, въ Одесскомъ каѳедральномъ соборѣ, послѣ божественной литургіи, по инициативѣ епископа Херсонскаго и Одесскаго, преосвященнаго Никанора, отслужена была панихида по скончавшемся недавно въ Москвѣ извѣстномъ русскому писателю-патріоту Ивану Сергеевичу Аксакову. Храмъ переполненъ былъ тысячами молящихся. Панихида совершилась преосвященный Никаноръ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Предъ началомъ панихиды преосвященный Никаноръ произнесъ глубоко - прочувствованное слово, посвященное памяти усопшаго публициста. Во время произнесенія рѣчи преосвященный Никаноръ нѣсколько разъ прерывалъ свою рѣчь отъ душившихъ его слезъ. Слово преосвященнаго произвело на предстоявшихъ въ храмѣ глубокое впечатлѣніе. Сколько намъ помнится, это чутъ ли не первый случай, когда въ церкви, съ архіерейской каѳедры, дѣлается должна оцѣнка жизни и плодотворной дѣятельности свѣтскаго писателя!... На панихидѣ присутствовали: члены и составъ правленія одесского Славянскаго Благотворительного Общества, одесскаго Болгарскаго Настоятельства, представители различныхъ учрежденій города и многихъ другихъ.—Въ биржевомъ залѣ также была отслужена панихида, въ присутствіи 17 гласныхъ Думы. Замѣтно было, что ни одинъ гласный Евреи не явился на панихиду.

Торжественное засѣданіе Одесского Славянскаго Благотворительного Общества. **)

9 февраля, въ чась дня, въ актовой залѣ Новороссійскаго университета происходило торжественное засѣданіе одесскаго Славянскаго Благотворительного Общества имени Свв. Кирилла и Меѳодія.

*) Изъ № 3279 «Новороссійскаго Телеграфа».

**) Изъ № 3279 «Новороссійскаго Телеграфа».

Засѣданіе это посвящено было чествованію памяти умершаго почетнаго члена названнаго Общества, извѣстнаго русскаго патріота - публициста Ивана Сергеевича Аксакова. Въ 1 часу пополудни въ актовый залъ университета прибыли: весь составъправленія и члены одесскаго Славянскаго Общества во главѣ со своимъ предсѣдателемъ М. В. Шимановскимъ, члены одесскаго Болгарскаго Настоятельства, прокуроръ Одесской Судебной Палаты камергеръ Аристовъ, многіе члены одесскаго Юридическаго Общества, профессора и многіе студенты университета, жительствующіе въ Одессѣ Сербы, Чехи, Болгаре, Поляки, Хорваты и другія славянскія народности, и многія другія лица.

Засѣданіе открыто было слѣдующею рѣчью предсѣдателя Славянскаго Общества М. В. Шимановскаго:

„Мм. Гг.! Какъ въ жизни огдѣльнаго человѣка, такъ и въ жизни обществъ и даже государствъ встрѣчаются такого рода факты, которые на извѣстное время или на одинъ мигъ, на болѣе или менѣе долгое время, какъ бы простоянавливаютъ интересъ къ окружающему обыденному, и человѣкъ всесѣло поглощается внезапно совершившимся. Къ такимъ фактамъ безспорно принадлежитъ смерть.

Чѣмъ выше достоинства умершаго, тѣмъ большій кругъ людей она затрагиваетъ, тѣмъ на большее количество людей эта утрата имѣеть то потрясающее впечатлѣніе, о которомъ я сказала.

„Смерть Ивана Сергеевича Аксакова не есть горе лишь его семьи, его близкихъ, его знакомыхъ. Нѣть, эта смерть одинаково поразила всѣхъ, кому болѣе или менѣе дороги интересы Россіи, кто слѣдилъ за развитіемъ русской жизни и русской мысли..

„Угасла на вѣки сила, которой, какъ заявляютъ многіе, нѣть и не было равной на Руси. Угасъ патріотъ, глубоко любившій свой народъ, родину и который свято вѣрилъ въ великое предназначеніе Руси. Уже сказаннаго достаточно было, чтобы вызвать со стороны нашего Славянскаго Общества обязанность почтить память И. С. Аксакова. Но И. С. дорогъ намъ и по тѣмъ великимъ идеаламъ, которыхъ онъ былъ славнымъ представителемъ и которые онъ со свойственной ему силою и энергию проводилъ въ жизнь, какъ представитель славянскаго дѣла.

„Это направленіе въ дѣятельности И. С. давно уже обозначилось. Оно давно уже связывается у насъ и за границей съ фа-

миліей Аксаковыхъ. Дѣло славянофильства, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, давно шло, такъ сказать, съ той фамиліей, которую носилъ покойный.

„Этими обстоятельствами вполнѣ объясняется тотъ фактъ, что одесское Славянское Общество почти въ первый же годъ своей дѣятельности избрало И. С. своимъ почетнымъ членомъ. Этимъ избраніемъ Общество спѣшило выразить свое уваженіе, свою симпатію къ этому поистинѣ великому поборнику славянской идеи.

„Вѣсть о смерти почетнаго члена Общества И. С. не могла не вызвать въ средѣ членовъ нашего Общества сердечнаго соболѣзвованія. Прежде всего Общество поспѣшило послать телеграмму вдовѣ его, Аннѣ Федоровнѣ Аксаковой. Затѣмъ Общество сочло себя обязаннѣмъ почтить память умершаго тѣмъ обычаемъ, который завѣщанъ намъ напими праотцами и который въ одно и то же время и наилучше выражаетъ душевную скорбь, и служить душѣ успокоятельнымъ средствомъ. Общество отслужило панихиду за упокой души усопшаго!...

„Сегодня же Общество собралось, чтобы въ средѣ своихъ сочленовъ и васъ, м. г., собравшихся на нашъ призывъ, еще воспроизвести въ своемъ воображеніи образъ того, кого уже не стало на Руси, и вспомнить то, чтѣ имъ было сдѣлано въ пользу родины.

„Собравшись сегодня творить поминки, Славянское Общество тѣмъ самымъ удовлетворяетъ нравственному чувству долга русскаго человѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяя свой голосъ къ хору другихъ, которые во всѣхъ концахъ Россіи съ истинно христіанскимъ чувствомъ соболѣзвованія отнеслись къ постигшей насъ утратѣ, Славянское Общество словами Церкви говорить:

„Вѣчная память тебѣ, Иванъ Сергеевичъ, за все тобою сдѣянное!..“

„Мы долго и долго будемъ повторять эти слова, сознавая великую утрату... Миръ праху твоему, русскій гражданинъ, такъ высоко державшій знамя патріота-публициста и сумѣвшій на этомъ скользкомъ еще у насъ пути достигнуть такого величія, славы и уваженія!“

Собраніе, выслушавъ рѣчь г. Шимановскаго, почтило память усопшаго публициста вставаніемъ.

Затѣмъ на каѳедру взошелъ профессоръ А. И. Маркевичъ, который прочелъ рѣчь „О значеніи И. С. Аксакова“. Г. лекторъ,

указавъ въ началѣ своей рѣчи на тяжелую утрату, понесенную Россіей, а съ нею вмѣстѣ и всѣмъ Славянскимъ міромъ со смертію Ивана Сергеевича Аксакова, сдѣлалъ затѣмъ биографической очеркъ покойнаго публициста, а послѣ того охарактеризовалъ значеніе литературной дѣятельности И. С. Коснувшись вопросовъ о славянофильствѣ и панславизмѣ, г. Маркевичъ сказалъ, что И. С. Аксаковъ въ Европѣ считался главою панславизма. Заговоривъ объ Аксаковѣ, какъ о славянофилѣ и руководителѣ славянскихъ тенденцій, г. лекторъ сказалъ, что покойнаго публициста въ Россіи называли консерваторомъ, но этотъ „консерваторъ“, какъ извѣстно русской интеллигенції, смѣло, открыто всегда стоялъ за свободу нашей печати, а также за новыя судебнныя учрежденія. „Смерть И. С. Аксакова, закончилъ свою рѣчь г. Маркевичъ, является тяжелою утратой для Россіи и всего Славянскаго міра. Славянофилы остались безъ главы“...

Рѣчъ г. Маркевича покрыта была шумными рукоплесканіями.

Наконецъ, на каѳедру взошелъ членъ Славянскаго Общества С. В. Чаушанскій и съ большимъ чувствомъ прочелъ слѣдующее стихотвореніе, написанное Одесситкой, г-жею Думашевской-Песлякъ, и посвященное памяти И. С. Аксакова:

Борца за истину не стало,
Свѣтильникъ родины погасъ;
Намъ кару Небо ниспослало,
Вождя отнявъ въ тяжелый часъ.
Онъ знамя правды несъ высоко
И родину любить училь.
И преданъ ей онъ быть глубоко,
И до послѣднихъ дней служилъ.

Онъ намъ вѣщаъ: настанетъ время,—
И братская вражда пройдетъ,
И всѣхъ Славянъ могучихъ племя
Въ одну семью любовь сольетъ.
И, сбросивъ иго подчиненъя,
Къ намъ братья младшіе примкнутъ,
Въ великий день освобожденья,
Какъ равные въ союзъ войдутъ.

Ты вѣрилъ: враждовать не въ силахъ
Родные братья межъ собой,
Родная кровь течеть въ ихъ жилахъ,
И всѣ родные мы душой.
И рѣчъ, обычай, преданья,—
Все родственны и близко намъ,
И въ прошломъ бѣствія, страданья,
Вражда всемоющая къ врагамъ...

Скончался ты, и смерть сурово
Сомкнула вѣщія уста,
Но не умретъ съ тобою слово,
Которымъ ты будилъ сердца!

Завѣтъ твой сохранимъ мы свято;
На почву бросилъ ты зерно,
И нива расцвѣтѣть богато:
Сторицю взойдетъ оно!

Стихоговореніе это встрѣчено всеобщимъ одобрѣніемъ и шумными рукоплесканіями.

Панихида по И. С. Аксаковѣ въ университетской церкви въ
Кievѣ *).

Въ воскресенье, 2 февраля, въ университетской церкви, поелъ литургіи, совершина была панихида по почившемъ Иванѣ Сергеевичѣ Аксаковѣ, этомъ незабвенному для всего Русскаго міра труженику-патріоту, горячо и беззವѣтно любившемъ Русь и ея народъ до послѣднихъ минутъ жизни. Панихиду совершаѣ настоѧтель университетской церкви, профессоръ богословія протоіерей Фаворовъ, при участії многочисленнаго хора, состоящаго изъ мужскихъ и женскихъ голосовъ.

На панихидѣ присутствовали: начальникъ края, ректоръ университета, представители кіевскаго Славянскаго Благотво-

*) Изъ № 28 „Кіевлянина“.

рительного Общества, профессора университета, представители мѣстной печати, начальники и преподаватели гимназій, студенты университета, слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ, воспитанники гимназій, лица военного и гражданского вѣдомства и много публики. Нѣкоторые почтенные отцы и матери семействъ явились вмѣстѣ со всѣми домочадцами помолиться о почившемъ дорогомъ всему Русскому народѣ человѣкѣ. Молящаяся публика состояла изъ лицъ всѣхъ возрастовъ и званій.

Панихииды по И. С. Аксаковѣ въ Киевской 1-й гимназіи и въ Нѣжинскомъ институтѣ *).

Въ воскресенье, 2-го февраля, въ церкви Киевской 1-й гимназии, послѣ литургіи, была отслужена панихида по И. С. Аксаковѣ, на которой присутствовали г. попечитель учебнаго округа, директоръ, учителя и воспитанники гимназіи и много постороннихъ лицъ.

2-го февраля, въ церкви института князя Безбородко, въ Нѣжинѣ, послѣ литургіи, отслужена была панихида по И. С. Аксаковѣ. На панихиидѣ присутствовали профессора и студенты института, учителя гимназіи и масса постороннихъ лицъ.

Память объ И. С. Аксаковѣ въ Западной Россіи **)

27-го января, въ 7 час. и 30 мин. вечера, не стало одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи! — Ивана Сергеевича Аксакова не стало! Умеръ благороднейший русскій человѣкъ — человѣкъ высоко державшій русское знамя, своимъ мощнымъ словомъ будившій и поддерживавшій въ насъ русскія чувства, заставлявшій въ сиріозныя годины сильно биться русскія сердца и постоянно призывавшій нашу дорогую Россію — оставаться Русью!

*) Изъ № 20 „Кievлянина“.

**) Изъ № 5 «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Съ неподдельнымъ глубокимъ чувствомъ отклинулось православное населеніе Вильны на горестное извѣстіе о кончинѣ И. С. Аксакова. 28-го января, въ 10 ч. утра, была совершена въ Св.-Духовомъ монастырѣ заупокойная литургія, а послѣ оной преосвященнымъ Алексѣемъ панихида. Въ тотъ же день, въ Пречистенскомъ соборѣ, по почину частныхъ лицъ, въ 3 часа по полу-дни, совершена была панихида, въ присутствіи большей части здѣшней учебной корпораціи съ г. попечителемъ Виленского учебнаго округа Н. А. Сергіевскимъ во главѣ, г. городскаго головы тайного совѣтника Н. И. Рубцова, генераль-маіора П. М. Смыслова, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Станкевича и другихъ частныхъ лицъ. Панихиду совершилъ настоятель собора, протоіерей о. Ioannъ Котовичъ, редакторъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и законоучитель реального училища, соборнѣ съ священниками о. Григоріемъ Бывалькевичемъ и о. Ioанномъ Берманомъ, законоучителемъ Виленского Маріинскаго высшаго женскаго училища.

30 января совершены заупокойныя литургіи и панихииды во всѣхъ Виленскихъ приходскихъ и монастырскихъ церквяхъ: самъ же преосвященный владыка въ сослуженіи съ высшимъ городскимъ духовенствомъ совершилъ торжественную литургію и панихииду въ Свято-Духовомъ монастырѣ, въ присутствіи г. генераль-губернатора И. С. Кахранова, г. попечителя учебнаго округа, г. губернатора дѣйств. статскаго совѣтника Н. А. Гривеница, г. вице-губернатора П. Г. Погодина, городскаго головы, начальствующихъ лицъ разныхъ вѣдомствъ и всего здѣшняго русскаго общества. Всѣ воспитанники и воспитанницы духовно-учебныхъ заведеній присутствовали при литургіи и панихиидѣ и принимали участіе въ общемъ пѣніи нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Во время причастна протоіерей Ioannъ Котовичъ произнесъ слово *).

2-го февраля въ гимназической церкви была отслужена соборнѣ тремя законоучителями среднихъ учебныхъ заведеній г. Вильны торжественная панихида по И. С. Аксаковѣ, въ присутствіи г. попечителя учебнаго округа, его момощника, гг. директоровъ, преподавателей и учениковъ сихъ заведеній.

*) Напечатано въ отдѣлѣ I, см. стр. 8—19.

Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Новочеркасскѣ *).

Память И. С. Аксакова у насъ, въ Новочеркасскѣ, была почтена заупокойною панихиidoю, совершенною въ каѳедральномъ соборѣ въ прошлое воскресеніе, 2 февраля, въ 12 часовъ дня; по окончаніи панихииды вдовѣ Ивана Сергеевича, Аннѣ Федоровнѣ, послана телеграмма.

Панихиды въ городѣ Минскѣ. **)

Кромѣ панихииды по усопшемъ Иванѣ Сергеевичѣ Аксаковѣ, совершенной торжественно 4-го февраля преосвященнымъ Варлаамомъ, епископомъ Минскимъ и Туровскимъ, въ Минскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ сослуженіи всего градскаго духовенства, были еще творимы поминовенія о немъ и въ другихъ церквахъ г. Минска. 9-го февраля была совершена панихида по усопшемъ Иванѣ Сергеевичѣ въ минской гимназической Свято-Димитріевской церкви, при участіі двухъ пѣвческихъ хоровъ—гимназического и городскаго училища. Какъ на литургії, такъ и на панихиидѣ присутствовали: гг. директора учебныхъ заведеній—классической гимназіи дѣйств. ст. сов. Стефани, реального училища дѣйств. ст. сов. Самойло и народныхъ училищъ дѣйств. ст. сов. Тимоющевъ, — гг. преподаватели гимназіи, реального и городскаго училищъ, а также учащіеся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, православнаго исповѣданія. Предъ началомъ панихииды законоучителемъ гимназіи и реального училища П. Г. Тарнопольскимъ была сказана съ нѣкоторыми сокращеніями выше сего напечатанная рѣчь ***), послѣ коей предъ началомъ панихииды, старостою гимназической церкви А. П. Смородскимъ, были разданы всѣмъ присутствующимъ восковыя вожженныя свѣчи.

Особенно умилительно представилась намъ картина, когда присутствующіе во храмѣ, при пѣніи „со Святыми упокой“, дви-

*) Изъ № 11 «Казачьяго Вѣстника».

**) Изъ № 4 «Минскихъ Епарх. Вѣдомостей».

***) См. отд. I, стр. 21—24.

жимые чувствомъ глубокой скорби, всѣ, какъ одинъ человѣкъ, благоговѣйно преклонили колѣна. Вызвать такое выраженіе сочувствія, такую усердную молитву о себѣ, можетъ только высоко-нравственная и могучая сила! И мы вѣруемъ и уповаємъ, что молитва сія, творимая съ такимъ воодушевленіемъ—единымъ сердцемъ и единими устами, будетъ услышана!...

Панихиды по И. С. Аксаковѣ въ Варшавѣ и другихъ городахъ Привислинскаго края. *)

У насъ, въ Варшавѣ, панихида по И. С. Аксаковѣ была отслужена въ субботу, 1-го февраля, въ каѳедральномъ соборѣ высокопреосвященнѣмъ Леонтиемъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Соборъ былъ переполненъ молящимися всякаго сословія и званія; въ особенности было много дамъ и дѣтей. На панихидѣ присутствовала супруга г. главнаго начальника края М. А. Гурко, высшіе военные и гражданскіе чины и лица учебнаго вѣдомства. Между присутствовавшими было нѣсколько Чеховъ и Поляковъ.

Такія же панихиды были отслужены во всѣхъ губернскихъ и многихъ уѣздныхъ городахъ здѣшняго края, въ присутствіи представителей мѣстной власти и многочисленной публики. Во многихъ городахъ были произнесены по этому поводу соотвѣтственные случаю рѣчи, и многіе изъ присутствовавшихъ изъявили готовность почтить память покойнаго учрежденіемъ стипендіи или какимъ-либо другимъ благотворительнымъ дѣломъ. Изъ Варшавы отправился въ Москву на похороны Аксакова профессоръ здѣшняго университета А. С. Будиловичъ.

Засѣданіе Юридическаго Общества въ Москвѣ. **)

Въ среду, 29-го января, въ засѣданіи статистического отдѣленія Юридическаго Общества, прежде очереднаго доклада, пред

*) Изъ № 7 «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей».

**) Изъ № 30 «Русскихъ Вѣдомостей».

съдатель отдельнія А. И. Чупровъ обратился къ собранію съ краткою рѣчью, въ которой охарактеризовалъ въ общихъ чертахъ заслуги умершаго И. С. Аксакова въ дѣлѣ изученія нашеї страны и болѣе подробно остановился на извѣстномъ трудѣ покойнаго обѣ „Украинскихъ ярмаркахъ“. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ отдельнію выразить сожалѣніе о тяжелой утратѣ, причиненной смертью И. С. Аксакова. Все собраніе, какъ члены, такъ и посторонніе посѣтители, поднялись съ мѣстъ и выслушали стоя соотвѣтствующее постановленіе, которое рѣшено занести въ протоколы Общества.

Стипендія въ память И. С. Аксакова.

Московское Купеческое Общество взаимнаго кредита, гдѣ Иванъ Сергеевичъ въ теченіи многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ Правленія, постановило: Въ память незавѣннаго служенія въ Обществѣ покойнаго Ивана Сергеевича Аксакова, отложить изъ суммъ Общества шесть тысячъ рублей для учрежденія стипендіи, подробная условія которой опредѣляются Совѣтомъ Общества, главный же основанія таковы: 1) Стипендія имени Ивана Сергеевича Аксакова учреждается въ Московской Духовной Академіи; 2) пользованіе стипендіею И. С. Аксакова представляется исключительно уроженцамъ Южно-Славянскихъ странъ, готовящимся къ принятію духовнаго сана. Постановленіе это шестнадцатымъ очереднымъ общимъ собраніемъ членовъ, состоявшимся 9 марта 1886 г.,—утверждено единогласно.

Въ собраніи выборныхъ Московскаго купечества 18 февраля было прочтено письмо слѣдующаго содержанія на имя старшины купечества, Н. П. Сергеева:

„Милостивый государь, Николай Петрович! Съ 1874 года предсѣдателемъ Правленія Московскаго Купеческаго Общества взаимнаго кредита состоялъ покойный И. С. Аксаковъ. Въ періодъ этого времени обороты сказаннаго Общества все болѣе и болѣе расширялись, довѣrie къ нему крѣпло, и въ настоящее

время оно занимаетъ видное мѣсто въ ряду другихъ находящихся въ Москвѣ частныхъ кредитныхъ учрежденій. Съ расширенiemъ дѣятельности общества, съ развитиемъ общественнаго къ нему довѣрія, росли и увеличивались отчисляемыя имъ средства на содержаніе благотворительныхъ учрежденій Московскаго купечества (съ 1874 года сумма этихъ отчисленій достигаетъ 700 тыс. рублей).

„Такимъ упроченнымъ своимъ положеніемъ Общество взаимнаго кредита обязано главнымъ образомъ дѣятельности покойнаго Ивана Сергеевича Аксакова и высокому общественному къ нему довѣрію. Не касаясь великихъ заслугъ и исторического значенія его въ области политической, общественной и литературной дѣятельности,—дѣятельность и заслуги его на скромномъ поприщѣ служенія Обществу взаимнаго кредита, по тѣсной связи успѣховъ этого общества съ пользой принесенной имъ благотворительнымъ учрежденіямъ Московскаго Купеческаго Общества, обязываютъ послѣднее сохранить о немъ благодарную память.

„Проникнутые этимъ сознаніемъ, мы позволяемъ себѣ покорнейше просить васъ, милостивый государь, предложить собранію выборныхъ Московскаго Купеческаго Общества, въ одномъ изъ ближайшихъ его засѣданій, учредить отъ имени Московскаго купечества въ память Ивана Сергеевича Аксакова, въ Московской Практической Академіи вѣчную стипендию его имени“.

Письмо это было подписано учредителями Общества взаимнаго кредита и выборными Московскаго Купеческаго Общества.

Учредители: И. А. Ляминъ, С. Д. Ширяевъ, С. М. Третьяковъ, М. А. Горбовъ, П. М. Третьяковъ, Т. С. Морозовъ, К. Т. Солдатенковъ, В. И. Якунчиковъ, И. К. Баклановъ, В. Д. Аксеновъ, А. И. Абрикосовъ, В. С. Марецкій *).

Выборные: Сорокоумовскій П. П., Корниловъ А. Г., Залогинъ А. Е., Кольчугинъ А. Г., Баклановъ Н. К., Щаповъ П. В., Карзинкинъ А. А., Сапожниковъ В. Г., Катуаръ Л. И., Санинъ П. И., Дюшень П. П., Оконишниковъ С. П., Соповъ Д. С., Гучковъ И. Е., Фомичевъ А. В., Щенковъ В. В., Корниловъ

*.) Изъ учредителей состоять выборными Купеческаго Общества: С. Д. Ширяевъ, С. М. Третьяковъ, П. М. Третьяковъ, В. И. Якунчиковъ, И. К. Баклановъ, В. Д. Аксеновъ.

Г. Г., Карцевъ С. П., Осиповъ П. В., Дьячковъ А. Н., Максимовъ Н. П., Шипачевъ И. Г., Боткинъ П. П., Бѣлкинъ С. И., Глушиковъ А. А., Максимоў К. П., Пашенковъ-Тряпкинъ В. И., Перловъ С. В., Калашниковъ М. П., Овчинниковъ П. А., Поповъ В. Д., Живаго В. И., Рогаткинъ-Ежиковъ М. И., Соловьевъ Т. В., Банза К. К., Колли А. А., Мухинъ Д. Ф., Найденовъ А. А., Маттернъ Э. Ф., Прудниковъ П. Е., Боткинъ Д. П., Воробьевъ Д. П., Растворгусевъ А. Д., Коншинъ В. Д., Яппинъ М. И., Залогинъ И. В., Ноченковъ А. И., Владимировъ Д. П., Растворгусевъ Д. А., Бородинъ С. Г., Казаковъ И. И., Якшинъ Г. И., Каразинкинъ С. И., Орликъ В. Я., Грачевъ Д. Е., Климушинъ В. Г., Крашенинниковъ А. И., Мещеринъ Г. И., Урусовъ С. Н., Богау Г. М., Гучковъ П. И., Капустинъ А. М., Нѣмчиновъ П. Е., Назаровъ Т. И., Нырковъ Ф. Ф., Шапошниковъ В. К., Бромлей Э. И., Глинскій В. Б., Пирлингъ П. О., Хлѣбниковъ М. И., Емельяновъ Е. Е., Струковъ Н. И., Ки сляковъ В. М., Буличинъ П. А., Красногоровъ Г. А., Протопоповъ С. А.

По прочтениі сего письма предѣдателемъ собранія—предложеніе объ учрежденіи стипендіи Ивана Сергеевича Аксакова было принято собраніемъ единогласно.

Собрание положило: учредить на счетъ Московского Купеческаго Общества вѣчную стипендію въ Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ въ память Ивана Сергеевича Аксакова, для чего испросить въ установленномъ порядке разрешеніе; по утвержденіи же означенной стипендіи взносить въ Московскую Практическую Академію коммѣрческихъ наукъ установленную плату изъ суммъ Общества.

IV.

СТИХИ.

На смерть И. С. Аксакова *).

Еще одинъ великий Славянинъ
Безвременно взяты отъ насть могилой..
Онъ былъ, о, Русь, твой самый вѣрный сынъ,
Онъ былъ народною твою силой!

Въ его душѣ созрѣло убѣжденье,
И перейдетъ оно отъ рода къ роду,
Что Богъ судилъ Россіи назначенье
Быть матерью Славянскому народу.

Стоялъ на стражѣ онъ роднаго края,
И насть училъ онъ родину любить;
Любя ее онъ умеръ, завѣща—
За идеалами на Западъ не ходить.

И не пройдетъ безслѣдно эта сила,
И не умретъ его благой завѣтъ:

*) Изъ № 3277 «Новороссийского Телеграфа».

Славянская земля его не даромъ чтила
И голоса его боялся злой сосьдь.

Пусть врагъ теперь на радости ликуеть,
Что умеръ тотъ, кто правду говорилъ...
Но будетъ день, когда восторжествуетъ
Тотъ идеаль, что онъ въ душѣ хранилъ.

Пройдутъ вѣка, и многое измѣнитъ время,
Но будетъ живъ Славянъ могущественный родъ,
И патріотами посвященное сѣмя
Взойдетъ, какъ Божій даръ, и пышно расцвѣтеть.

П. И.

Памяти И. С. Аксакова *).

Еще одинъ свѣтильникъ чудный
Средь мглы житейской дрогѣль!...
Свершая жизни подвигъ трудный,
Одной онъ истины хотѣль...
Святны въ сердцѣ убѣжденья.
До гроба смыло онъ носиль,
Родныхъ Славянъ соединенью
Душой и сердцемъ онъ служилъ...
Онъ вѣрилъ въ тотъ союзъ высокій,
Онъ вѣрилъ въ свой народъ родной,
И пламень вѣры той глубокой
Горѣль, какъ солнца лучъ благой,
Во тьмѣ—фальшивыхъ убѣждений,
Служенъ идоламъ чужимъ,
Всего чужаго восхваленій
И смыка надо всѣмъ своимъ...
И этотъ лучъ угасъ!... и снова

*) Изъ «Южнаго Края».

Пустыя фразы зазвучать
Жрецовъ ученія чужого...
О, нѣть!.. его правдивый взглядъ
На современное броженіе,
Примѣръ высокій и святой
Идеѣ честнаго служенія —
Останутся странѣ родной,
Какъ дорогое достояніе,
Какъ вѣчной истины завѣтъ!...
Въ сердцахъ о немъ воспоминаніе
Жить будетъ много, много лѣтъ...

Василій Иваневъ.

Памяти И. С. Аксакова *).

Не стало борца за славянское дѣло,
Чтѣмъ беззатѣно Россію любилъ...
Внезапно печальная вѣсть прилетѣла
И смыслъ ея страшный нась всѣхъ поразилъ.
И горькое чувство тоски и печали
Въ сердцахъ пробудилось всѣхъ русскихъ людей,
И съ радостью тайной враги ликовали,
Что звуки замолкли могучихъ рѣчей...
Любовь въ этихъ звукахъ къ родному дышала,
И рѣчи лилися кипучей волной,
И каждое слово всѣхъ нась призывало
Работать для счастья Россіи родной...
Ты умеръ въ тяжелое время смущенія,
Въ дни смуты и скорби Славянской земли;
Не это ли горе, не этиль мученія
Тебя такъ внезапно въ могилу свели?..

* Изъ № «Новороссійскаго Телеграфа» отъ 2 февраля.

Ты умеръ, но духъ твой, для родины милой,
По смерти твоей будеть долго въ ней жить,
И новые люди съ могучею силой
Возстануть, чтобъ также отчизнѣ служить.

К.

Одесса, 30-го января
1886 года.

На смерть И. С. Аксакова. *)

Еще блестящая скатилася звѣзда,
Еще великаго не стало Славянина!
Рѣдѣеть съ каждымъ днемъ писателей среда...
Уже не много ихъ... Послѣдняя дружина—
Когда-то полныхъ силь борцовъ родныхъ идей
Уже не соберетъ собратьевъ подъ знамена.
Осталось мало ихъ... одни на склонѣ дней
Другіе сгинули на радость для Тевтона

Давно ли, кажется, а были времена,
Изъ плѣна вырвавшись, сверкала мысль родная,
Славянъ разсѣянныхъ родныя племена
Подъ мощное крыло Россіи созывая.
Теперь не то совсѣмъ. Не слышно голосовъ,
Когда-то искренно и высоко цѣнныхъ!
За то гремитъ кругомъ нескладный хохотъ совъ
Какъ приговоръ судебъ неотразимыхъ!
И вотъ теперь, когда намъ дорогъ каждый лучъ,
Какъ память прошлаго блестящаго разсвѣта,
Мерцаеть, гаснетъ онъ, и изъ-за темныхъ тучъ,
Которыми страна родимая одѣта,
Осиротѣлый мнѣ видятся поля,
Чернѣются кресты, чернѣются могилы,
Въ вѣмомъ отчаянья, надъ новой сгибшей силой
Рыдаетъ Русская земля!...

Г. Хрущовъ-Сокольниковъ.

*) Изъ № 23 газеты «Свѣтъ».

Надъ могилой Ивана Сергеевича Аксакова

1 февраля 1886 года.

1.

Мы къ здѣшней такъ привыкли жизни,
Имѣемъ много такъ заботъ,
Что мысль о будущей отчизнѣ
На умъ не часто къ намъ идетъ!

2.

При видѣ дорогаго праха,
Мы проливаемъ токи слезъ;
Но есть ли гробъ источника страха —
Ужели можетъ быть вопросъ?

3.

Не есть ли это „новоселье“
Начало радости скорѣй...
Непрестающаго веселья —
Безъ воздыханій и скорбей?

4.

Безъ всякихъ суетныхъ сомнѣній
О томъ что „недоступно намъ“,
Чтѣ служить пищей словопреній
Пытливымъ, выспреннимъ умамъ?...

5.

Намъ надо сбросить это тѣло,
Чтобы увидѣть Божество!...
Смерть — цѣлой нашей жизни дѣло
И цѣлой жизни — торжество!

6.

Иванъ Сергеевичъ, товарищъ мой любезный,
Отъ всей души моей привѣтствую тебя!
Прошелъ твой славный вѣкъ, отечеству полезный!
Блистательно твоя закончилась судьба!

7.

А что ты встрѣтилъ тамъ, Аксаковъ нашъ безцѣнныи?...
То, безъ сомнѣнія, что волновало
Твою всю эту жизнь—въ твоей борьбѣ почтенной:
Тамъ встрѣтиль именно ты лишь одну любовь!...

8.

Вѣдь „Богъ и есть любовь“! *) Въ сияющей одеждѣ—
Прекрасный труженикъ, иди, спѣши туда,
Гдѣ мѣста нѣть уже ни вѣрѣ, ни надеждѣ,
Гдѣ царствуетъ одна любовь, твоя звѣзда,

9.

Путеводившая всегда твоей душою!—
Во славу родины, на пользу всѣхъ Славянъ;
Снискавшая тебѣ тернистою стезею
Въ ближайшемъ будущемъ патріархальный санъ:

10.

Всѣ подвиги твои исторія Россіи
По справедливости оцѣнить, милый мой!
Съ вѣнкомъ товарищѣй, кладу мои стихи я
На гробъ оплаканный, на гробъ священный твой!..

Свято-Троицкая Сергіева Лавра,
подъ Москвой.

Леонидъ Бутовеній

(товарищъ и однокашникъ И. С. Аксакова
по выпускѣ 1842 г. изъ Императорскаго
Училища правовѣдѣнія: *Милому Ваню*).

*) «Богъ любы есть», говорить апостолъ Павель.

VII.

ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ И ДРУГИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГАЗЕТЬ.

Слово съзанное на панихиидѣ по И. С. Аксаковѣ архимандритомъ Никифоромъ Дучичемъ въ Бѣлградской соборной церкви, 8 марта 1886 года. *)

Кто есть человѣкъ, иже пожиаетъ и не узритъ смерти? (Псал. 88, с. 49).

По вѣчнымъ и непреложнымъ Божіимъ законамъ, угасла жизнь великаго русскаго патріота, члена Сербскаго Ученаго Общества Ивана Сергѣевича Аксакова, о коемъ и мы, душевно со жалѣя, приносимъ нынѣ въ этомъ святомъ храмѣ теплныя христіанскія молитвы Богу истины, Богу правды и милости, да упокоить Онъ душу этого великаго Русскаго и великаго Славянина. Со смертю Ивана Сергѣевича Аксакова угасла блестящая звѣзда на русскомъ пространномъ небѣ,—звѣзда, какія и у великихъ народовъ, какъ Русскій, появляются лишь вѣками, звѣзда, десятки лѣтъ разсыпавшая отъ края и до края великой Россіи свои

*) Изъ № 29 бѣлградской газеты «Уставност». Переводъ съ сербскаго.

теплые лучи, которые согревали русскія народныя сердца, освѣщали русскую историческую жизнь, поддерживали русскій народный духъ и крѣпили русскую народную мысль. Сіяніе этой блестящей звѣзды переходило за предѣлы великаго Русскаго царства и простиравшись и на края и земли Южныхъ и Западныхъ Славянъ, оживляя и укрѣпляя ихъ вѣковыя надежды на свободу, историческія и народныя права, пробуждая и развивая въ нихъ сознаніе духовнаго единства всѣхъ Славянъ. Вотъ та крѣпкая духовная связь,—связь племенная, связь родства между Сѣверными, Южными и Западными Славянами,—о которой усердно заботился Аксаковъ и которую должны развивать всѣ истинные славянскіе патріоты, радѹющіе о преуспѣїи, просвѣщеніи, свободѣ и независимости своего народа. Это вѣрное ручательство за существованіе отдѣльныхъ славянскихъ племенъ въ Россіи—этой могучей защитницы Славянства и православія. Это та сила, которой трепещутъ противники Славянъ, радующіеся раздору между ними и желающіе имъ вѣчнаго рабства у чужеплеменниковъ,—сила, которой и *врата адосы не одолъютъ* (Мат. гл. 16, ст. 18), когда она разовьется и окрѣпнетъ. Богъ праведенъ и благъ,—Славяне молодой и многочисленный народъ—народъ во сто миллионовъ душъ: по общимъ законамъ исторического и общественного развитія, имъ предстоитъ великая будущность, которую своимъ великимъ умомъ Аксаковъ ясно предвидѣлъ и для которой онъ расчищалъ путь. (Далѣе приводятся біографическія свѣдѣнія объ Иванѣ Сергеевичѣ, кои для краткости здѣсь опускаются).

Этимъ хронологическимъ сухимъ перечнемъ не исчерпывается и не оцѣнивается по достоинству вся обильная литературная и блестящая политическая дѣятельность Аксакова. Предоставляемъ большему знатоку и искуснѣйшему перу пополнить некрологъ и начертать пространную его біографію. Наше перо слишкомъ слабо, чтобы изобразить и представить въ полнотѣ все величие ума, учености, патріотизма, дѣятельности и заслугъ Ивана Сергеевича Аксакова предъ Россіей и Славянствомъ. Онъ жилъ, чтобы работать, и весь вѣкъ свой работалъ такъ, чтобы и по смерти вѣчно жить. Дѣйствительно, его великій талантъ, его возвышенныя идеи и его образцовая публицистическая, литературная и патріотическая дѣятельность не могутъ никогда ни затмиться, ни погибнуть. Онъ воплотился въ своихъ дѣлахъ и будетъ жить, покуда

останется хоть одинъ Русскій; ибо онъ посѣять въ сердцахъ Русскаго народа добрая сѣмена, сѣмена безъ плевель, которыя пали на добрую землю и должны принести желанный и обильный плодъ. Да, рѣдко, весьма рѣдко бываютъ смертные, кои бы украшались столь отличными качествами, какъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. Въ домѣ родителей онъ получилъ прекрасное христіанское воспитаніе, а въ школѣ—классическое образованіе; былъ необыкновенно честенъ, имѣлъ твердый, чистый характеръ и крѣпкую волю, былъ рѣдкий отчизнолюбецъ, неподражаемый публицистъ, даровитый ораторъ и поэтъ, глубокий философъ, неистощимый писатель, образцовый гражданинъ, вѣрный Русскій по отношению къ Царскому дому и царству, великий Славянинъ и по евангельскимъ идеаламъ весьма благочестивый христіанинъ. Все это ясно отражается въ его сочиненіяхъ, въ коихъ излиты его умъ, его сердце и его душа. А обѣ его христіанскомъ благочестіи, сверхъ другихъ безчисленныхъ доказательствъ, свидѣтельствуетъ и то, что онъ завѣщалъ похоронить себя въ Троице-Сергиевой Лаврѣ, воспѣвая съ царемъ Давидомъ: „Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте мои: Господь утверждение мое и прибѣжище мое, и избавитель мой, Богъ мой, помощникъ мой, и уповаю на Него“. (Псал. 17, с. 2 и 3).

Для Аксакова Славянство и православіе были тождественны, и онъ сожалѣлъ о томъ, что всѣ Славяне не объединены по крайней мѣрѣ вѣрой и ученіемъ Св. Славянскихъ равноапостоловъ и первоучителей Кирилла и Меѳодія, въ твердомъ убѣждѣніи, что только чрезъ Православную народную Церковь Славяне могутъ сохранить свою народность и свой языкъ, а также скорѣе и легче достигнуть своей народной свободы и государственной независимости. И подтвержденіе этого убѣждѣнія было у него передъ глазами: Сербія, Черная Гора и Болгарія.

Вся жизнь Аксакова была благородною борьбой за свои идеи, свои начала, за свободу и самостоятельность народнаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ за славу и величіе Русскаго царства. Онъ не забывалъ ни Славянъ Южныхъ, ни Западныхъ. Онъ имѣлъ искренно желать, чтобы они освободились и перестали служить чужимъ и противославянскимъ интересамъ, писалъ обѣ этомъ и работалъ для этого самыемъ дѣломъ. Россіи же онъ желалъ, чтобы она переродились по его идеаламъ на основѣ русской народной исторіи, преданій, обычаевъ и народной жизни прежней эпохи и преобразованій Петра Великаго. Все же, что взято съ Запада и противно

русской народной жизни и ея духу, чтò навязано ей и непригодно, Россия должна отвергнуть. Аксаковъ такъ любилъ свое широкое отечество Россію, что размышилялъ даже о томъ, какъ бы могла образоваться въ ней русская народная культура на основѣ восточного христіанства, независимая отъ западной, дабы такимъ образомъ великий Русскій народъ развивался по своему и самостоятельно во всѣхъ отношеніяхъ. Мысль эта, какъ и всѣ его мысли, имѣть глубокое значеніе для Россіи и Славянства. Нѣтъ сомнѣнія, что русскіе просвѣщенные центроты, друзья народа, единомышленники и почитатели Аксакова, въ особенности славянофилы, будутъ продолжать дѣйствовать въ его духѣ и направлениіи. И это будетъ благороднейшій памятъ его русскому духу, прекраснѣйшій вѣрокъ на его могилу и лучшая память его имени.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ какъ думалъ и былъ убѣждень, такъ говорилъ и дѣйствовалъ. Своихъ убѣждений, своихъ началь и своего направленія онъ не мѣнялъ никогда, ни передъ кѣмъ и ни за какія блага. Всегда, а въ особенности съ 1875 года до послѣднихъ дней жизни, онъ оказывалъ могущественное воздействиe на умы всѣхъ въ Россіи. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ не только между Русскими, но и Европейцами великимъ людямъ, къ чьимъ словамъ и рѣчамъ прислушивалась въ послѣднее время вся политическая и образованная Европа. Это была сила нравственная — сила ума, сила философская, сила безъ власти и штыка. Русскій народъ въ правѣ гордиться этимъ. А русская молодежь пусть изучаетъ жизнь, свѣтлый характеръ и великія патріотическія дѣла своего Аксакова. Аксаковъ, вдохновленный идеей духовнаго единства всѣхъ Славянъ, одушевленный братскою славянскою любовью и христіанскими идеалами, энергически поднималъ свой мощный голосъ за освобожденіе Сербовъ и Болгаръ. Его голосъ въ послѣднее время былъ голосомъ Русскаго народа. Въ исторіи всѣхъ народовъ рѣдко встрѣчаются люди, которые бы пользовались въ своемъ народѣ такимъ неограниченнымъ довѣріемъ, какое имѣлъ въ Русскомъ народѣ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. Голосъ его сильно отзывался въ русскомъ народномъ сердцѣ, потому что народъ понималъ его, какъ свой голосъ. Народъ Русскій, чувствуя какъ и Аксаковъ, говорилъ чрезъ его сердце и уста. Голосъ Аксакова доходилъ и до царскаго дворца, и не бывалъ пренебрегаемъ. Въ особенности Царь Александръ III обра-

щаетъ благосклонно свое царское вниманіе на Русскій народъ и на мысли народныхъ любимцевъ, какъ Аксаковъ.

Во время Герцеговинскаго и Боснійскаго возстанія въ 1875 и Сербской войны за освобожденіе и независимость въ 1876 г., Аксаковъ, подвигнутый братскою любовію и славянскою идеей, организовалъ въ Россіи нравственную и материальную помошь, посыпая на подмогу Сербскому народу и русскія деньги, и русскихъ добровольцевъ. Это съ похвалой записано на страницахъ сербской исторіи. Развѣ могутъ быть забыты тѣ патріотическія вдохновенные рѣчи, которыя говорилъ Аксаковъ, и тѣ энергическія статьи, которыя онъ писалъ въ пользу Сербскаго и вообще Славянскаго народа во время и послѣ Сербской войны,—особенно та громовая рѣчъ, которую онъ произнесъ въ Москвѣ, по заключеніи Берлинскаго договора въ 1878 году, какъ предсѣдатель тамошняго Славянскаго Благотворительного Комитета, и въ которой онъ излилъ глубокую боль русскаго уязвленнаго сердца въ сильнейшихъ выраженіяхъ? Развѣ можетъ быть забыть его русскій гостепріимный домъ, бывшій всегда открытымъ для молодыхъ сыновъ Южныхъ и Западныхъ Славянъ, особенно сиротъ, искавшихъ науки и воспитанія въ братской Россіи? Нѣтъ, никогда! Мы вѣдь всѣ знаемъ, что не было такого, кто бы въ нуждѣ противуя къ нему руку и не получилъ; ибо въ его русскомъ благородномъ и христіанскомъ сердцѣ были живы евангельскія добродѣтели и слова Христа Спасителя: *Блажени милостию, яко тии помилованы будуть* (Мате. гл. 5, ст. 7).

Аксаковъ много началь, много и сдѣлалъ. Но, увы! много онъ и унесъ съ собою въ могилу, ибо много онъ еще могъ бы сдѣлать, если бы Богу не угодно было переселить его изъ этого привременного міра въ другой, вѣчный и райскій,—всего на 63-мъ году жизни. О, сколько потеряла въ немъ Россія, сколько потеряли въ немъ и остальные Славяне, по славянски мыслящіе и чувствующіе! Смерть Ивана Сергеевича Аксакова оплакиваетъ его благородная, теперь осиротѣлая, горько опечаленная супруга, Анна Федоровна, дочь русскаго славнаго поэта Тютчева,—коей да пошлетъ милосердій Богъ душевную крѣпость христіански съ терпѣniемъ перенести этотъ тяжкій ударъ! Сожалѣвать о немъ вся Россія отъ царскаго дворца до крестьянской избы, сожалѣвать всѣ истинные Славяне, особенно мы, Сербы. О немъ сожалѣвать многіе и тамъ, гдѣ нѣтъ Славянъ, но гдѣ цѣнятся свѣтлые умы,

желѣзные характеры, примѣрная честность, истинный патріотизмъ, нравственные доблести и возвышенныя идеи, коими былъ одушевленъ Аксаковъ до послѣдняго своего часа.

Сербскій благодарный народъ не легко забудеть имя великаго Аксакова и его братскую любовь и помошь въ самые тяжелые дни своей новой исторіи. А Сербское Ученое Общество, потерявъ въ немъ своего отличнаго члена, коимъ гордилось, выражаетъ свое горе и благоговѣніе къ его памяти сегодняшнею панихиидой, по христіанскому и сербскому обычаю, вознося ко Господу Богу теплныя молитвы объ упокояніи души его.

Да будетъ миръ его праху въ Русской благословенной землѣ, которую онъ безгранично любилъ и для которой онъ жилъ! Да дастъ Всемогущій Богъ свѣтлой душѣ его на небѣ райское селеніе, а на землѣ, между Славянами, его великому имени вѣчную память! „Вѣчная память“! Аминь.

Панихида по И. С. Аксаковѣ *).

Въ субботу, 8 марта, въ 11¹/₂ часовъ, въ Бѣлградской соборной церкви, по почину Сербскаго Ученаго Общества, совершена была панихида за упокой души И. С. Аксакова—великаго русскаго и славянскаго патріота и писателя-публициста. Церковь была полна молящихся, мужчинъ и женщинъ. Присутствовали представители сербской интеллигенціи и именитѣйше граждане, русскій посланникъ, г. Персіані, съ супругой, секретари посольства Боджіо и Кукель, г. Шведовъ и всѣ остальные члены депутаціи русскаго Краснаго Креста.

Панихииду совершалъ ректоръ семинаріи, о. Никаноръ Ружичичъ, съ двадцатью священниками и четырьмя діаконами. По окончаніи панихииды, архимандрица Никифоръ Дучичъ сказалъ слово, въ коемъ очертилъ дѣятельность усопшаго и его заслуги предъ Россіей и Славянствомъ. Проповѣдникъ перечислилъ въ своемъ словѣ и все то, что сдѣлалъ почившій для Сербовъ. Слово произвело на слушателей весьма хорошее впечатлѣніе.

*) Изъ № 29 газеты „Уставност“.

Погода въ день панихиды была прекрасная—настоящая весенняя. Само солнце сербского неба какъ будто радовалось, взирая на то, какъ сербскіе патріоты и ученые молитвеннымъ воспоминаніемъ чествовали заслуги великаго мужа, который своимъ великимъ умомъ и сердцемъ столь искренно и столь много послужилъ великому славянскому дѣлу. Панихида въ сербской столицѣ по И. С. Аксаковѣ, однѣ изъ отличѣйшихъ представителей славянской мысли, показала, что и въ Сербскомъ народѣ имѣть широкую и плодоносную почву эта возвышенная мысль. Добрыя сѣмена посѣяны въ Сербскомъ народѣ, и никто не въ силахъ истребить ихъ. Они должны принести обильный плодъ.

Отецъ архимандритъ Дучичъ прекрасно выразился въ своемъ словѣ, что И. С. Аксаковъ былъ сияющею звѣздой, которая разсыпала лучи свои не только въ широкомъ Русскомъ царствѣ, но и по всему Славянскому миру.... Великіе люди являются истиннымъ откровеніемъ для народовъ, ибо чрезъ этихъ людей Провидѣніе посыпаетъ народамъ великия и славныя дѣла, счастіе и благословеніе. Однимъ изъ таковыхъ и былъ И. С. Аксаковъ. А эти люди не умираютъ, но живутъ вѣчно. И. С. Аксаковъ будетъ жить вѣчно во всемъ Славянскомъ мірѣ, ибо послѣдствія его трудовъ не умрутъ. Онъ будетъ жить вѣчно и въ Сербскомъ народѣ, который онъ обнималъ своимъ великимъ умомъ и сердцемъ. Слава, вѣчная слава да будетъ великому Аксакову!

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Великій русскій и славянскій патріотъ и публицистъ умеръ въ Москвѣ!

Кто былъ Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ и какія дѣла составляютъ высоту и великое значеніе его, нельзя высказать въ нѣсколькихъ словахъ; удрученные скорбю оставляемъ рѣчь объ этомъ до другаго раза.

Аксакова хорошо зналъ и Сербскій народъ. Всякій Сербъ, хотя бы и поверхностно слѣдившій за ходомъ народной жизни

*) Изъ № 13 газеты «Уставность».

Славянъ и мощнаго представителя славянскаго—России, знаетъ Ивана Сергеевича Аксакова. Потому извѣстіе о смерти его сильною жалостію потрясетъ и сердца Сербовъ, какъ и сердца всего Славянства, особенно православнаго. Но чтобы могъ вполнѣ разсмотрѣть непроизримую глубину, кто бы могъ теперь какъ слѣдуетъ, по достоинству, оцѣнить и описать жизнь и обширную дѣятельность Аксакова, который воплощаль въ себѣ идеалъ славянскаго патріота? Умъ и сердце у Аксакова были въ дивной гармоніи, такъ что и враги славянскіе признали, что Аксаковъ былъ человѣкъ сильнаго и великаго ума, высокаго, благороднаго и пламеннаго сердца. Высота его ума и сердца видны были во всякой его дѣятельности, въ каждой строкѣ имъ написанной. Кто прочиталь хотя нѣсколько строкъ написанныхъ перомъ его, тотъ чувствовалъ въ себѣ сладость *воды живой* этой духовной пищи, которая одинаково животворно дѣйствуетъ и на умъ, и на сердце.

Аксаковъ былъ великий славянскій патріотъ. Великий умъ и благородное сердце его обнимало Сербскій народъ и все Славянство. Припомнимъ наши войны за освобожденіе и независимость нашу, и мы найдемъ тутъ многія доказательства этого. Всѣ заслуги и обширную дѣятельность великаго Аксакова оцѣнить лишь наши потомки черезъ нѣсколькихъ поколѣній, оцѣнить исторія. А мы и теперь, и потому что напишемъ объ Аксаковѣ своими слабыми силами? Возьмемъ лишь нѣсколько общихъ чертъ, чтобы исполнить свою обязанность—воздать должное другу нашего народа. Очень мала та свѣчка, которую зажигаемъ мы на гробѣ великаго славянскаго патріота И. С. Аксакова...

Глубоко кланяемся предъ гробомъ Ивана Сергеевича Аксакова и всенародно возвѣщаемъ ему: вѣчная тебѣ память! Слава, слава, слава Ивану Сергеевичу Аксакову!

Иванъ Аксаковъ *).

За одною могилой развергается другая. Послѣ Суботича, владѣвшаго милою сербскою лирой, умираетъ Аксаковъ, обхватывавшій все Славянство. Грустно!... Грустно, мы полагаемъ,

*.) Изъ № 5-го газеты «Српски Листъ», выходящей въ Задѣ.

каждому, у кого человѣческое сердце въ груди. Аксаковъ принадлежалъ къ тѣмъ необыкновеннымъ людямъ, которые, какъ представители великаго народа, оставляютъ глубокій следъ въ исторіи. Нѣкогда изъ первыхъ, нынче онъ былъ первый въ знаменитомъ кружкѣ тѣхъ избранныхъ русскихъ патріотовъ, которые старались очистить Россію отъ чуждой примѣси, которые общественную и государственную жизнь въ Россіи хотѣли поставить на чисто-народное, русское основаніе. Онъ былъ изъ первыхъ и первый между великими людьми, которые проповѣдовали духовное единство всѣхъ Славянъ. Онъ былъ стало-быть вождь славянофильства. Онъ имѣлъ противниковъ,— но развѣ не имѣли ихъ и всѣ изъ ряда выходящіе люди? И въ Россіи славянофильство находило отпоръ... Но мысль русскихъ славянофиловъ остается непреоборимой, ибо непреоборимая истина, что Россія поражена была чужеземеннымъ наплывомъ, что и нынѣ она не свободна еще отъ чужеземеннаго воздействиія. Нигдѣ однако славянофильство не имѣть болѣе ожесточенныхъ враговъ, нигдѣ славянофильское ученіе злѣе не извращается, какъ у Нѣмцевъ, особенно въ Вѣнѣ. Въ Вѣнѣ выдумали и страшилище панславизма. Австрійскіе Нѣмцы, которые рукоплещутъ всяко му шагу князя Бисмарка къ нѣмецкому единству, которые радуются ему даже и тогда, когда нѣмецкая идея находитъ свое выраженіе въ звѣрскомъ гоненіи на Поляковъ,— эти кровожадные Нѣмцы вкопали противъ Аксакова, который проповѣдовывалъ духовное единеніе Славянъ. Дѣла Ивана Сергеевича Аксакова не могутъ быть изложены здѣсь во всей своей красотѣ и величиі, потому что имя его, его семья и его друзей тѣсно связано съ исторіей Русскаго государства въ нынѣшнемъ вѣкѣ, съ лучшими дѣлами народа Русскаго. Напомнимъ лишь новѣйшие и самые блестящіе моменты.

Въ 1867 году открылась въ Москвѣ этнографическая славянская выставка. Эту выставку задумалъ и совершилъ Аксаковъ, предсѣдатель Славянскаго Благотворительного Общества. Въ Москвѣ, въ „матушкѣ Москвѣ“, собрались представители всѣхъ Славянскихъ народовъ. Тогда въ первый разъ сказалось сознаніе славянскаго братства, и Аксаковъ одержалъ блестательную побѣду. Въ 1875 году поднялась несчастная сербская рая, вооружась кое-какъ, чѣмъ кто могъ. На братскій призывъ загремѣлъ Аксаковъ, и пришла въ движеніе вся Россія. На освобожденіе балканскихъ народовъ Аксакову посыпались деньги, стали жертвовать

пушки и ружья. Официальная Россия уступила народной воле и перешла Дунай. Официальная Россия запнулась на Санть-Стенскомъ договорѣ, въ Берлинѣ спасовала. Тутъ опять боль изъ-за оскорбленной народной гордости проговорила устами Аксакова. Его рѣчъ, сказанныя въ Славянскомъ Обществѣ, какъ острая стрѣла ударила въ Берлинскій договоръ и въ русскую дипломатію. На этотъ разъ его пламенная рѣчъ не прошла ему даромъ: Славянское Благотворительное Общество въ Москвѣ было распущенено, а его предсѣдатель высланъ въ деревню на короткое время. Такъ поступили въ Россіи, а въ какомъ-нибудь конституціонномъ государствѣ его постигла бы тюрьма. Затѣмъ Аксаковъ снова предался своему призванию — журналистикѣ. Въ своей газетѣ „Русь“ онъ продолжалъ проповѣдывать свои начала. На этомъ его захватилъ филиппопольскій бунтъ и теперь — прежде временная смерть, въ тотъ самый моментъ, когда изъ этого перваго облака на Балканѣ поднимается буря. Очевидцы рассказываютъ какъ страшно онъ былъ раздраженъ этимъ событиемъ. Да какъ и не раздражаться, когда неожиданный бунтъ, подготовленный славянскими врагами, нанесъ тяжій ударъ идеалу Аксакова? Въ своей „Руси“ онъ съ самого начала и одинъ во всей русской печати защищалъ болгарское объединеніе. Сербскому народу въ Сербіи онъ послалъ призывъ: освободиться отъ нынѣшихъ управителей ради своей чести и достоинства. Не щадилъ онъ и официальной Россіи..., за что опять его постигла кара въ видѣ предостереженія.

Но его не стало. Печально погибъ Скобелевъ послѣ знаменитой рѣчи въ Парижѣ: Нѣмецъ, вотъ нашъ врагъ! Оледенѣло сердце и у Аксакова, когда онъ громче всего долженъ былъ говорить. Самое сильное перо и самая острыя сабли — сломались.

Но все-таки мысль его не погибла. Самъ Императоръ Александръ III выражаетъ соболѣзвованіе вдовѣ Аксакова. Великъ народъ Русскій, и утѣшительную истину сказалъ поэтъ напѣ: „въ великомъ народѣ геній вѣтъ гнѣздо себѣ“.

Аксаковъ *).

Тотъ, кто изъ-за Славянъ потрясль свѣтъ, умеръ... и намъ такъ тяжело стало, точно мы потеряли свѣтъ.

Иванъ Аксаковъ былъ великаний. Когда онъ говорилъ, голосъ его раздавался по всей Европѣ, и къ его голосу прислушивались на всемъ томъ широкомъ пространствѣ, и окуда простирается великая Россія. До сихъ поръ не было публициста съ большимъ значеніемъ, чѣмъ Аксаковъ.

Любовь Аксакова обнимала все Славянство однаково. Если бы мы жили при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ, Аксаковъ безъ сомнѣнія простеръ бы свою любовь на все человѣчество, но онъ видѣлъ, что Славяне всѣхъ болѣе угнетены, что они не имѣютъ ни защитника, ни друга въ широкомъ мірѣ, и онъ всталъ передъ Россіей и сказалъ: „теперь ты должна вступиться за нихъ“.

Сербскій народъ за многое долженъ быть благодаренъ Аксакову. Онъ положилъ много, много труда для освобожденія Сербскаго народа отъ Турокъ. А когда Пеко Павловичъ въ 1875 г началъ кровавый хороводъ свой на Балканахъ, Аксаковъ сталъ работать неутомимо. Наступили трудныя обстоятельства для Славянъ и Россіи. Европа была противъ сербскаго дѣла, но Сербія и Черногорія все-таки начали войну, вопреки совѣтамъ русской дипломатіи...

И пока сербскіе баталіоны отбивали нападенія Турокъ, Аксаковъ со своими друзьями всколебалъ и воодушевилъ всю Россію. Когда дошло дѣло до Дьюниса, царь Александръ II крикнулъ Туркамъ: „стойте“! Знаемъ, что произошло послѣ этого. Общее мнѣніе Россіи подвигнуло ее на войну, и русско-турецкая война 1877 года—это преимущественно дѣло Аксакова!

Намъ представится еще случай сказать больше о жизни Аксакова. Пока вспомнимъ о томъ, что онъ дѣйствовалъ на поприщѣ публицистики и прославился всего больше какъ редакторъ „Москвы“ и „Руси“. Его высокую честность признаютъ даже его враги и говорятъ: „это—онъ, человѣкъ вѣчно заботившійся о другихъ и никогда не искавшій для себя ничего“.

*) Изъ № 16 сербской газеты «Застава», выходящей въ Новомъ Садѣ (на Дунай, въ Южной Венгрии).

Аксакова нѣть болѣе, но если бы его пріятелями и друзьями овладѣло отчаяніе,—то это значило бы—осквернить его память, уменьшить цѣну всего его труда. Аксаковъ не былъ бы Аксаковымъ, Аксаковъ не былъ бы великаниомъ, а карлой, если бы послѣ такого его громаднаго труда легла въ могилу та мысль, которой онъ былъ носителемъ.

Аксаковъ былъ великий другъ Сербовъ, онъ много сдѣлалъ для Сербовъ на Балканахъ. Да будетъ ему великай благодарность и по ту сторону могилы.

Великий Аксаковъ, миръ праху твоему!

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ. *)

Телеграфъ принесъ намъ печальное извѣстіе, что вождь славянофильской партіи въ великой Россіи Аксаковъ умеръ. Извѣстіе это пришло неожиданно и какъ громомъ поразило всѣхъ друзей лучшей будущности Славянъ. Сама природа какъ будто подаетъ руку противникамъ Славянства. Скобелевъ, Аксаковъ сопли преждевременно въ могилу, оставивъ за собой слѣды своей огромной работы, но не дождавшись свѣтлыхъ дней славянского племени, хотя они больше всѣхъ потрудились въ этомъ направлениі.

Аксаковъ былъ симпатичнѣйшее явленіе. Онъ вѣрилъ въ способности неиспорченного Русского народа, почерпнулъ въ этомъ свое одушевленіе, бодро прислушивался къ біеню русскаго сердца и являлся для русскихъ государственныхъ людей истолкователемъ его стремлений. Онъ сталъ достойнѣйшимъ и неутомимѣйшимъ апостоломъ славянской мысли. Сильный, энергическій и несокрушимый какъ въ живой рѣчи, такъ и въ писанномъ словѣ, онъ будилъ свой народъ и указывалъ ему широкія перспективы въ будущемъ. Такимъ образомъ Аксаковъ явился любимцемъ Русского народа и пламеннымъ другомъ остальныхъ Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ проповѣдовывалъ своему народу любовь къ самому себѣ, къ братьямъ своимъ, къ тому нравственному

*) Изъ № 12 сербской газеты «Браник», изданной въ Новомъ Садѣ (Neusatz), передовая статья, которая приводится здѣсь въ извлечении.

союзу, который единить съ Россіей остальныхъ Балканскихъ Славянъ. Онъ училъ, что эти народы на Востокѣ не имѣютъ лучшаго друга какъ Россія, онъ ободрялъ своихъ земляковъ объяснія, что Россія тогда имению является наиболѣе сильною, когда руководится славянскою мыслію.

И на холодномъ Сѣверѣ, и на тепломъ Югѣ понимали его. Нынѣ всякий добрый Сербъ въ Сербіи съ благодарностью вспоминаетъ русское имя, Черногорецъ, произнося русское имя, скидаетъ шапку. Что это такъ, это — великая заслуга Аксакова. Въ Славянскихъ Комитетахъ, которые поддерживали материально Славянъ и Балканахъ, ему принадлежало рѣшающее слово; онъ заставилъ Русскій народъ возгорѣться гнѣвомъ на турецкія насилия, онъ подвигнулъ официальную Россію на войну съ Турціей, и такимъ образомъ возникли свободныя государства на Балканахъ. Онъ научилъ Балканскіе народы, что за высокими горами, за широкимъ моремъ живеть великий народъ, который не отступится отъ нихъ и не можетъ отступиться. Онъ работалъ для осуществленія великой славянской цѣли въ православіи, которое считается Славянской Церковью, какъ протестантство Германской; сообразно со славянскими потребностями, онъ боролся за здоровую культуру; онъ стоялъ за свободу, но полагалъ ее не въ пустыхъ формахъ Запада. Оттого противники славянства его ненавидѣли, Западные Славяне — не понимали. Въ немъ жилъ великий дѣятельный духъ, въ груди его билось великое сердце; которое обнимало горячою любовію всѣхъ Славянъ — и тѣхъ чтѣ на Балканахъ, и тѣхъ чтѣ въ Россіи.

И эти уста, проповѣдывавшія единство и согласіе, онѣмѣли; и это великое сердце, которое было исполнено пламенной любви и великихъ желаній, перестало биться на вѣки! Аксаковъ сдѣлалъ много и все-таки мало, потому что впереди передъ нимъ оставалась еще великая задача; Аксаковъ видѣлъ довольно и опять-таки мало, потому что слишкомъ коротка жизнь человѣческая для совершенія того, что составляетъ задачу многихъ поколѣній. Но сѣмѧ, которое сѣялъ Аксаковъ, пало на добрую землю и должно принести плодъ. Въ послѣдній смертный часъ Аксакову нечего было бояться, что онъ даромъ жилъ въ этомъ мірѣ. Его бренные останки приметъ земля и по естественнымъ законамъ претворить въ прахъ и пепель. Но онъ все-таки будетъ жить въ тѣхъ живыхъ дѣлахъ, которыя созданы его трудомъ и страда-

ніями. Такіе трудолюбцы, какімъ былъ Аксаковъ, не забываются, но живутъ вѣчно въ благодарной памяти потомства.

Осиротѣлая великая Россія достойно оплакиваетъ своего великаго сына. Аксаковъ былъ первый сынъ Русскаго народа. На его гробъ канеть искрення слеза сожалѣнія и Сербскаго народа, ибо Аксаковъ былъ великій другъ Сербскаго народа на Балканскомъ полуостровѣ. Отпѣваніе его тѣла не будетъ вмѣстѣ и отпѣваніемъ его надеждъ, его желаній, его мыслей!

Слава памяти Аксакова!

Аксаковъ *).

Ивана Сергѣевича Аксакова, который неложно могъ примѣнить къ себѣ слова: „Нынѣ отпущаєши съ миромъ раба Твоего, Владыко“, смерть похитила въ Москвѣ, 27 января сего года. Съ нимъ погасла въ Россіи звѣзда, величественно блеставшая на славянскомъ горизонтѣ. Вся славянская братья лишилась въ немъ брата-Русскаго—праведнаго, смѣлаго, непоколебимо стоявшаго за вѣру-правду. Онъ первый воздвигъ невидимую плотину, чтобы Греко-Славянскій міръ не потонулъ въ мірѣ Германо-Римскомъ. Первый возвысилъ голосъ, чтобы въ нашу кровь не проникла иорча чужой крови,—первый отмежевалъ Востокъ отъ Запада. Служилъ народу и вѣрѣ славянской сть ревностью апостола, болѣе всѣхъ проникнутый духомъ Св. Первоучителей Славянскихъ. Былъ славенъ во всемъ свѣтѣ какъ писатель—лучшій изъ лучшихъ; былъ учитель, котораго свѣтлый примѣръ не забудется въ потомствѣ, былъ искра божественнаго зиждительного духа славянскаго.

Миръ праху твоему, великій подвижникъ славянской правды! Сербъ надъ твоимъ прахомъ сердечно плачетъ.

Иванъ Сергѣевичъ,—твоя память не погибнетъ!

*) Изъ № 57 сербскаго листка «Драшков Рабош», выходящаго въ Сплитѣ (Сплато).

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Новый ударъ поразилъ всю великую славянскую семью. Брать выдающійся духомъ и сердцемъ, братъ благороднѣйшій и дѣятельнѣйшій, оставилъ нась и переселился въ вѣчность. Нѣть возвышенного апостола славянской идеи, глубокаго мыслителя, доброго русскаго патріота—Ивана Сергеевича Аксакова! Умеръ онъ третьяго дня, 8 фервраля (27 января) 1886 г., въ Москвѣ на 63 году славной и дѣятельной своей жизни.

Заплачеть не одна Бѣлокаменная Матушка-Москва, горько опечалится не только вся громадная Святая Русь,— зарыдаетъ весь пробужденный широкій Славянскій міръ отъ Урала и Кавказа до Шумавы и высотъ Дормитора.

Ибо если въ Аксаковѣ Русскій народъ оплакиваетъ своего выдающагося сына, который, будучи одаренъ духомъ глубокимъ и пламеннымъ, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и сердце смѣлое, такъ что изъ любви къ своему народу смѣлѣе и энергичнѣе чѣмъ кто-нибудь до него говорилъ правду въ глаза абсолютному правительству, то остальное Славянство теряетъ въ немъ друга преданнаго, мужа, который идеей славянскихъ комитетовъ въ Россіи въ высшей степени содѣйствовалъ практическому сближенію Русского народа съ остальными Славянами,—и кромѣ того, словомъ живымъ и перомъ замѣчательнаго публициста неутомимо въ теченіе двадцати лѣтъ, съ огнемъ и твердостью настоящаго апостола идеи, ширилъ въ народѣ Русскомъ сознаніе его славянскаго призванія и задачъ.

Да, конечно, въ Аксаковѣ народъ Русскій потерялъ одного изъ величайшихъ дѣятелей, а все остальное Славянство оплакиваетъ потерю защитника и преданнѣйшаго друга. Но потеряли ли мы его цѣликомъ и совершенно? Никоимъ образомъ! Люди такого духа и значенія оставляютъ по себѣ для счастія народовъ свѣтлый путь, ничѣмъ не затмѣваемый: это—лучи свѣтлыхъ идей, лучи, которые освѣщаются потомству путь и тогда, когда самая звѣзда уже потухла.

Это не фраза, это наше убѣжденіе, когда мы говоримъ: эта мертвая нынѣ, холодная, какъ мраморъ, голова, чело которой окру-

*) Изъ № 41 чешской газеты «Narodni Listy».

жено, по обычаю Православной Церкви, бѣлымъ вѣнцомъ — знакомъ вѣчнаго покоя—думала и жила не даромъ! Мысли, которыя въ ней родились, не похолодѣютъ и не умрутъ вмѣстѣ съ нею, но изъ нея, какъ изъ оторванной виноградной кисти, для насы истекаетъ живительное вино, полное огня, жизни и правды....

Во время нашего съезда въ Москвѣ, въ 1867 г., въ первый разъ слова Аксакова отзывались въ тысячахъ славянскихъ сердецъ въ земляхъ короны чешской. Во время приема славянскихъ гостей въ Москвѣ, 1 июня 1867 г., Аксаковъ поднялъ чашу за братство между всѣми Славянами. „Отнынѣ, говорилъ онъ воодушевленно, это братство призвано стать не отвлеченою только, абстрактною, какъ говорить Нѣмы, идеей, не платоническимъ только, бесплоднымъ чувствомъ, а дѣйствительною, дѣятельною, животворящею, фактотъ. Братство! братья! Какъ много сказано этими словами, невольно повторишь слова Хомякова:

О, вспомнимъ ли, что это слово братья
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

„Я прибавлю: оно не только святѣй, но и сильнѣй.—О какомъ братствѣ говоримъ? О братствѣ полсвѣта! О братствѣ 90 миллионовъ братьевъ. Славянское братство не умѣщается въ рамки географическихъ и политическихъ отношеній. Членъ славянской семьи, который отказывается отъ братства, этимъ самымъ отказывается отъ своего существа. Но что такое братство? Братство значитъ любовь и равенство. „Всѣ велики, всѣ свободны“, такъ сказалъ Хомяковъ о Славянствѣ. Въ братствѣ нѣть ни высшихъ, ни низшихъ; братья—это значитъ всѣ равны. Кто изъ нихъ лучше и сильнѣе, на томъ лежитъ и большая отвѣтственность. Отъ того, кто много имѣеть, больше и требуется. Обязанность сильнаго—помогать слабому. На Россіи лежитъ великая обязанность: Россія обязана осуществить на землѣ славянское братство и привзвать всѣхъ братьевъ къ свободѣ и жизни. Будемъ же блести это наше братство, какъ наше величайшее богатство, какъ наше драгоценное сокровище, какъ завѣтъ исторіи! Да будетъ далекъ отъ насъ духъ сомнѣнія и гордости; да познаемъ всѣ мы духъ Славянства! Все остальное приложится намъ! Мы всѣ здесь—рабочіе одного общаго дѣла. Дѣло это—осуществленіе славянского братства. Господа! поднимаю тостъ за нашу общую славянскую работу!“...

И слова эти для Аксакова не были просто лишь словами: этот мужъ, истинно-русскій человѣкъ, мысли славянскаго братства посвятилъ всѣ силы своей жизни! Онъ своею мыслью быть всюду, гдѣ славянскій братъ страждеть и борется за свою жизнь. Онъ работалъ посредствомъ Славянскихъ Благотворительныхъ Обществъ въ пользу нравственнаго и материальнаго подъема разсѣянныхъ Славянскихъ племенъ; его рука и голова видны всюду, гдѣ только идетъ дѣло о помощи угнетеннымъ и преслѣдуемымъ братьямъ, на Балканѣ ли, на Тимокѣ, на Велтавѣ или Лабѣ; при этомъ онъ напоминалъ русскому обществу, что помочь остальнымъ Славянамъ не есть дѣло великодушія, но святая нравственная обязанность Русскаго народа, на которомъ, какъ на сильнейшемъ изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, лежитъ великое историческое призваніе помогать Славянамъ: „оевобождать угнетенныхъ, подкрѣплять слабыхъ, соединять несогласныхъ и раздробленныхъ“.

Неутомимо онъ проповѣдуетъ Россіи, и притомъ не только народной, но и офиціальной, это сознаніе „историческаго долга“ по отношенію ко всѣмъ Славянамъ; Россія, по его горячему убѣждению, не должна допускать, чтобы Славянство потеряло свою естественную почву въ срединѣ и на югѣ Европы. „Не должно болѣе погибать славянское наслѣдство“. А когда 22 июня 1868 г. австрійскій канцлеръ Бейстъ въ частной бесѣдѣ угрожалъ Палацкому и Ригру, что-де онъ знаетъ о русско-пруссскомъ планѣ, по которому Россія въ случаѣ распаденія Австріи не станетъ требовать для себя Чехію, Аксаковъ отвѣчалъ на это въ своей „Москвѣ“:

„Конечно, она бы не требовала для себя Чехіи, но она бы никогда не смыла допустить и не допустила бы, чтобы Чехія когда-нибудь была отдана Пруссіи или Германіи: это значило бы создать великую опасность не только для остальныхъ Славянъ, но и для самой Россіи. Велико-нѣмецкая партія можетъ утѣшать себя фантастическимъ планомъ великаго нѣмецкаго государства— это старая пѣсня, но мысль о присоединеніи къ Пруссіи новыхъ славянскихъ странъ такъ противна интересамъ Россіи, что русская дипломатія совершила бы величайшее злое дѣло, если бы на это согласилась, и навлекла бы такой позоръ на Россію, что его не смыли бы всѣ наши побѣды въ Средней Азіи. Россія не нуждается въ томъ, чтобы увеличиваясь свои владѣнія чешски

ми землями, но въ вопросѣ о судьбѣ чешскихъ земель Россія никогда не можетъ быть равнодушною. Напротивъ того, въ случаѣ распаденія Австріи собственные выгоды Россіи прямо требуютъ отъ настѣ желать, чтобы между Германіей и Россіей созданы были нейтральный государствъ".

Аксаковъ былъ въ Русскомъ народѣ самымъ горячимъ изъ тѣхъ дѣятелей, которымъ удалось вдохновить Цара Александра II поднять войну за освобожденіе Славянскаго Юга въ 1877—1878 годахъ. Нѣсколько разъ, говорилъ самъ Аксаковъ, Москва въ эти годы посыпала сотни тысяч рублей въ Черногорію, Боснію и Герцеговину на помощь тамошнимъ Славянамъ противъ Турокъ. Московское купечество вмѣсть со Славянскимъ Благотворительнымъ Обществомъ создало тогда на собственный счетъ болгарскій легіонъ въ Бессарабіи, передало Министерству нѣсколько сотъ тысяч ружей, двѣнадцать Круповскихъ пушекъ со всѣми принадлежностями и т. д.

Нонятно поэтому, какимъ справедливымъ гиѣвомъ долженъ быть восплемениться благородный духъ Аксакова на тѣ правительственные круги, на тѣхъ "духовныхъ измѣнниковъ" народа, которые, по желанію чужеземной шайки, имѣющей многихъ представителей въ русской бурократіи, старались лишить послѣднюю войну ея славянскаго характера, старались уменить значеніе по славянски мыслящихъ военачальниковъ и распространить въ народѣ нерасположеніе къ "войнѣ вынужденной". Тогда, послѣ первыхъ неудачъ русскихъ войскъ подъ Плевною и въ Армении, поднялся Аксаковъ, чтобы 8 октября 1877 г. въ рѣчи, которая сама была геройскимъ подвигомъ, пристыдить этихъ людей "малой вѣры" и возбудить во всемъ Русскомъ народѣ, указавъ ему на его великое призваніе и его великія обязанности въ Славянскомъ мірѣ, новое богатырское воодушевленіе: "Впередъ! Россія не можетъ уступить, мы должны побѣдить: ибо уступить значило бы отступить".

И Россія, благодаря своимъ богатырямъ, которыхъ Аксаковъувѣячалъ вѣнкомъ своихъ феноменальныхъ, полныхъ краснорѣчія и силы рѣчей, дѣйствительно побѣдила, а ея чудо-богатырь Скобелевъ сталъ предъ воротами Царьграда. Но тутъ зависѣ старыхъ враговъ Россіи составила заговоръ противъ нея; "честный маклерь" Бисмаркъ зло отплатилъ Россіи за всѣ ея благодѣянія, а русская дипломатія, потерявъ голову, позволила разорвать Свито-

Стефанскій миръ. Кто не знаетъ и не помнить эту монументальную рѣчь Аксакова въ часъ Берлинскаго конгресса? Какъ ветхозавѣтный пророкъ, который презираеть опасности и гнѣвъ властителей, и провозглашаетъ міру истину, какъ ему велитъ сердце: такъ тогда протестовалъ именемъ Русскаго народа его геройскій мыслитель и ученый противъ этого дѣленія Болгаріи, противъ этого униженія русской славы, противъ этой задержки Славянства въ его кровью добытомъ развитіи.

Исторія нашихъ дней пишеть послѣ словіе къ тѣмъ незабвеннымъ рѣчамъ Аксакова. Предсказаніе Аксакова исполняется: миръ Берлинскій распадается, южное Славянство снова волнуется, Россія окончить свое дѣло, тогда уничтоженное.

Не забудь также и ты, Чешкій народъ, тѣхъ золотыхъ словъ, который написалъ намъ Аксаковъ въ своеемъ знаменитомъ отвѣтѣ д-ру Ригру.

„Вамъ слѣдуетъ стараться о томъ, чтобы вы оказались достойными своего призванія и помнили о завѣтѣ, происходящемъ изъ вашей славной чешской страны:

Не хвались намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону своему.

„Какая польза отъ того, что народъ сохранить свои физіологическія особенности, если онъ не сохранить особенностей своего духа и потеряетъ свои нравственныя особенности? Какой смыслъ имѣть народность, когда лишится своего внутренняго, собственного, существенно отличающаго ее отъ другихъ содержанія?“

Пусть подумаютъ надъ этимъ словомъ всѣ искренніе наши патріоты, которые вмѣстѣ съ миллионами остальныхъ Славянъ въ эти минуты восклицаютъ благородному сыну великой Россіи:

„Вѣчная ему память!“

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Всі великая Россія горюетъ: она потеряла на этихъ дняхъ благороднѣйшаго изъ сыновъ своихъ, котораго въ особенности Москва съ гордостью называла своимъ Иваномъ Сергеевичемъ.

* Изъ № 3 словенской газеты «Ljubljanski Zvon».

Съ нею горюетъ и все Славяниство, ибо оно знаетъ и болѣзненно чувствуетъ, что нѣть уже мужа, который съ такою сознательностью и безо всякихъ предубѣжденій любилъ все Славяниство горячею любовью. Среди благородной борьбы за глубокія убѣжденія смерть исторгла у него изъ рука золотое перо,—перо, которое съ одинаковою ясностью истолковывало намъ прошлое, какъ и настоящее, и указывало намъ пути для правильнаго, благополучнаго развитія въ будущемъ. Благородство ума и сердца признавали въ немъ всѣ русскія партіи. И вотъ теперь, когда онъ такъ неожиданно закрылъ глаза, не слышно порицательныхъ голосовъ даже отъ тѣхъ, которые охотно нападаютъ на „славянофиловъ“, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, славянофилы мыслять или недостаточно „радикально“, или недостаточно „реально“.

И. С. Аксаковъ—сынъ извѣстнаго русскаго писателя Сергія Тимофеевича (1791—1859), родился 8 октября 1823 г. Родъ Аксаковыхъ весьма старинный; предокъ ихъ, Семенъ, пришелъ въ Россію съ Сѣвера—„изъ Варягъ“—и породнился съ Рюриковичами. Нынѣшние Аксаковы добились большихъ отличій,—сначала отецъ, Сергій, и потомъ оба сына—Іванъ и Константинъ. Изъ сочиненій отца больше всѣхъ славятся: „Семейная хроника“ и „Дѣтскіе годы Багрова внука“. Тутъ онъ изображаетъ предъ нами жизнь недавняго прошлаго такъ ясно и самую природу рисуетъ такъ художественно, что сравнятся съ нимъ могутъ лишь немногіе. Тою же ясностью, соединеною съ какою-то чарующею привлекательностью и теплотой, обладали и оба его сына, оба знаменитые славянофильскіе писателя.

Извѣстно, что на исходѣ 30-хъ годовъ этого столѣтія развились въ Россіи двѣ партіи: славянофильская и противоположная ей западническая, и развились онъ именно вслѣдствіе не одинакового толкованія русскаго прошлаго и настоящаго, а также разнаго пониманія важности европейской культуры для Россіи и Славянъ вообще. Первые рѣшительно возставали противъ великихъ реформъ Петра, которыя оторвали интеллигенцію отъ народа. Западники, наоборотъ, прославляли эти реформы—зачастую весьма преувеличенно—и не признавали мнѣнія своихъ враговъ, что европейское влияніе вредно, и что Русскій народъ (и Славяниство вообще) имѣеть достаточно задатковъ для культурной самостоятельности.

Тѣ и другіе стали заниматься Русскимъ народомъ гораздо

болѣе чѣмъ прежде, и хотя жестоко враждовали между собою, оказали великіи услуги русскому прогрессу. Западники, сверхъ того, не признавали положеній своихъ противниковъ: что вся европейская культура основана на „сухомъ рационализмѣ“ римскаго права и Римской Церкви, что живое христіанское чувство сохранилось лишь въ православіи, что въ Россіи не было западнаго феодализма, что Западъ гнѣтъ, но все-таки кое-чemu научились; въ особенности славянофилы научили ихъ любить весь народъ и заниматься положеніемъ самыхъ низшихъ народныхъ классовъ, а также столь важною и занимательною „русскою общиной“ (міръ), въ которой земля дѣлится по числу мужскихъ душъ.

Великая заслуга въ развитіи славянофильской теоріи принадлежитъ Константину Аксакову (1817—60). Онъ усматриваетъ въ старой русской исторіи полное единство между народомъ и властью, не видитъ въ ней западнаго рыцарства „съ кровавыми преимуществами“, не видитъ „западной насильственной религіозной пропаганды“ и вообще „вѣчнаго драматизма страстей“.

Старѣшими защитниками этой партіи были братья Иванъ и Петър Кирѣевскіе, Хомяковъ, Дм. Валуевъ, два брата Аксаковы (Иванъ и Константина), Юрій Самаринъ и другіе. Пыпинъ („Характеристики“, стр. 338 — 39) порицааетъ партію за то, что она была романтична и частію остается такою доселѣ, но хвалить ее все-таки за любовь къ простому народу и за стараніе найти внутреннія основы народнаго характера, безъ чего не можетъ быть объяснена исторія народа и государства. Первымъ чисто-славянофильскимъ журналомъ была „Русская Бесѣда“, основанная въ 1856 г.

Иванъ Сергеевичъ занимался сначала поэзіей, и весьма успѣшно, потомъ посвятилъ себя журналистику, которой остался вѣренъ до смерти. Былъ редакторомъ „Паруса“, а съ 1852 г. началъ издавать „Московскій Сборникъ“. Но въ томъ же году на него донесли, будто онъ принадлежалъ къ тайному политическому обществу, и его постигло наказаніе, какъ и нѣкоторыхъ другихъ выдающихся людей: онъ былъ причисленъ къ политически-неблагонадежнымъ, лишенъ возможности издавать какую бы то ни было газету въ Россіи и принужденъ даже совсѣмъ оставить свою милую „Матушку-Москву“ (?). Но послѣ Крымской войны, когда вся Россія начала дышать свободно, Аксаковъ снова получилъ возможность дѣйствовать публично. Его голосъ былъ слышенъ и

имѣлъ силу по всей Россіи, и онъ много помогъ благополучному совершенію одной изъ важнѣйшихъ реформъ — освобожденію крестьянъ (въ 1861 г.). Такъ же точно и за другую важную реформу—за классическая гимназіи—онъ горячо ратовалъ сообща (?) съ своимъ единомышленникомъ М. Н. Катковымъ, и въ нынѣшнемъ году (въ „Руси“, отъ 30 января) порицалъ „безплодный, мертвый классицизмъ“, который не сроденъ русскому духу и задерживаетъ развитіе народа. Онъ требовалъ въ этой статьѣ, чтобы было обращено вниманіе на важный вопросъ о національной (независимой отъ классицизма) педагогіи.

Въ 1861 г. Аксаковъ сталъ издавать чисто-славянофильскій „День“ (1861—67), потомъ „Москву“ и за нею „Москвича“. Оба послѣднія изданія были запрещены, потому что Аксаковъ съ мужественною откровенностью порицалъ въ нихъ ненародныя мысли русской интеллигенціи и ненародную, неславянскую политику. Писаль потомъ въ другихъ изданіяхъ и горячо защищалъ свои убѣженія—и въ нихъ, и въ публичныхъ собраніяхъ, особенно какъ предсѣдатель Московскаго (Славянскаго) Благотворительного Комитета. А когда началось возстаніе въ Герцеговинѣ, когда запевелились Сербія и Болгарія, Иванъ Сергеевичъ развилъ столь неутомимую дѣятельность, показалъ такое одушевленіе славянскимъ дѣломъ, что огонь, согрѣвавшій его благородное сердце, зажегъ тысячи и тысячи, которыхъ или жертвовали деньги, или какъ добровольцы проливали кровь свою въ бояхъ противъ Турокъ. Когда же пробужденное общее мнѣніе заставило наконецъ русскую власть объявить Туркамъ войну, великій московскій отчизнолюбецъ работалъ день и ночь, ободряя Русскій народъ и стараясь удержать его на высотѣ его великой, съ такимъ одушевленіемъ подъятой задачи—освобожденія Славянъ отъ турецкаго ига.

Тутъ вступилъ Русскій народъ на тотъ путь, который Аксаковъ съ такою радостью называлъ его „историческимъ призваниемъ“: онъ проникся весь яснымъ сознаніемъ своей исторической задачи, и благородная готовность на жертвы вторично (въ первый разъ—въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ) достигла въ этомъ стоянії той высоты и той силы, къ которой способны только великие исторические народы. Но злосчастный Берлинскій договоръ уничтожилъ вскорѣ всѣ пріобрѣтенія славныхъ русскихъ побѣдъ, и Аксаковъ въ Москвѣ громко осудилъ это пораженіе русской

дипломатії. Московское Славянское Общество было закрыто, и Аксакову выразилъ порицаніе самъ Царь. Аксакову на иѣкоторое время пришлось совсѣмъ разстаться съ Москвой. Эта царская немилость должна была тѣмъ болѣзеннѣе на него подѣйствовать, что онъ по убѣжденію ревностно стоялъ за самодержавіе Русскаго Царя и только желалъ, чтобы и народъ получилъ иѣкоторое влияніе въ государствѣ, и чтобы такимъ образомъ было ограничено вредное преобладаніе чиновничества. Но это народное участіе онъ понималъ не по рецепту европейской конституції: оно не ограничивало бы царской власти, а имѣло бы лишь голосъ совѣщательный. Какъ тепло и сколько разъ потомъ онъ развивалъ и защищалъ эти свои взгляды, когда съ 1880 года сталъ издавать „Русь“! Какъ горячо онъ доказывалъ, что Петербургъ не понимаетъ Россіи, и что легкоумное подражаніе Западу съ Петра Великаго не принесло добрыхъ плодовъ, что оно еще болѣе раздѣлило народъ, и что слѣдовательно народъ всѣми силами долженъ стремиться къ црежнему единству.

Онъ поддерживалъ и защищалъ православіе, гдѣ оно было въ небреженіи (например въ западныхъ губерніяхъ), стоялъ за распространеніе его въ Балтійскихъ окраинахъ (между Латышами и т. д.), дабы ослабить преобладаніе тамъ иѣмецкихъ бароновъ и иѣмецкаго мѣщанства... Полякамъ онъ не былъ враждебенъ по принципу.

Нѣмцевъ не любилъ и неоднократно предостерегалъ, что ихъ разселеніе въ пограничныхъ губерніяхъ (въ Польшѣ) опасно въ народномъ, политическомъ и хозяйственномъ отношеніи. Хозяйственная самостоятельность Россіи составляла вообще завѣтнѣйшее его убѣжденіе, и потому онъ съ радостью привѣтствовалъ всякий правительственный шагъ, всякое вообще предпріятіе, направленное къ подъему крестьянства, торговли и промышленности. Онъ горько жаловался, когда видѣлъ, что чиновничій Петербургъ показываетъ мало настоящаго пониманія русскихъ хозяйственныхъ нуждъ, что онъ, находясь будто бы „на высотѣ современного пониманія хозяйственныхъ задачъ и финансовой политики“, идетъ безсознательно по тому пути, на который толкаетъ его себялюбивая чужеземная спекуляція. Тяжело ему было видѣть, что въ послѣдніе года Берлинъ неоднократно устанавливалъ курсъ русского рубля и русскихъ кредитныхъ бумагъ вообще, или что въ Петербургѣ жгутъ бумажные рубли, выпущенные въ Русско-Турецкую войну,

единственno для улучшения курса, о которомъ Русскій народъ, вѣрюющій въ свою мощь, весьма мало думашь, заботясь лишь о томъ, чтобы было довольно денежныхъ знаковъ.

Его любовь ко всему Славянству была сознательная, живая, твердая. Его не смущала даже явная неблагодарность Славянскихъ племенъ къ Россіи, которая такъ много для нихъ сдѣлала и съ такими жертвами. У него любовь эта не ограничивалась, какъ у некоторыхъ другихъ знаменитыхъ славянофиловъ, одвимъ православнымъ Славянствомъ: гдѣ только страдало или страждеть Славянство отъ несправедливости и себялюбія другихъ народовъ, оно всегда находило въ немъ сочувственный откликъ. Между Русскими онъ со всею горячностью будилъ славянское чувство..., боролся за Славянство противъ чужеплеменниковъ не изъ зависти, а изъ любви къ правдѣ, боролся сознательно, съ тою мужественною рѣшимостью, которую даютъ человѣку глубокія убѣжденія и — любовь.

За то любила его и чтила вся Россія, за то горюютъ обѣ немъ вся Рускіе — отъ Царя до крестьянина, горюетъ обѣ Славянство, и телеграфъ разнесъ по всему свѣту извѣстіе, что обѣ Аксаковѣ горюетъ вся Россія, которой нынѣ на новый годъ онъ такъ горячо пожелалъ „бодрости духа“ и „бодрствованія“, ибо „близятся великия испытанія“.

Замолкъ голосъ славянской любви, не бьется уже благородное сердце великаго патріота — патріота съ непоколебимымъ характеромъ, неустрашимаго, неподкупнаго, храбраго борца за славянское преуспѣяніе. Исторія воздастъ ему должное и скажетъ обѣ немъ: онъ много любилъ, много страдаль за свои убѣжденія и заслужилъ себѣ славную память!

Д-ръ Ц.

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

Умеръ великий мужъ славянскій, искреній другъ нашего Словѣнскаго (Словацкаго) народа, хотя главное его стараніе было обращено на восточныхъ братьевъ нашихъ.

*) Изъ № 2 словацкаго журнала „Slovénske Pohľady“.

Великий патріотъ русской и великий носитель славянской мысли сошелъ въ преждевременную могилу. До послѣдней минуты онъ трудился надъ великимъ дѣломъ, огорченный превратностями текущей политики, но сильный вѣрою и ни на шагъ не отступивъ отъ единственного прямаго пути, котораго долженъ держаться всякой истинной Славянинъ.

Да будетъ ему вѣчная память, да будетъ легка ему земля священной Лавры Троицкой!

Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ *).

8-го февраля (27 января) умеръ въ Москвѣ на 63 году жизни, отъ разрыва сердца, издатель и редакторъ еженедѣльника „Русь“, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ—одинъ изъ выдающихся провозвѣстниковъ славянской мысли въ Русскомъ племени. Все Славянство оплакиваетъ кончину этого доблестнаго мужа, положившаго всѣ свои силы на осуществление исторической славянской идеи въ Русскомъ племени. Пламенная любовь Аксакова къ Славянству и отдаленнымъ его племенамъ въ полной мѣрѣ сказалась въ руководящей статьѣ „Русь“ (№ 30, отъ 25 января), написанной имъ за два дня до кончины. Аксаковъ привѣтствуетъ въ этой статьѣ князя Черногорскаго, пребывающаго нынѣ въ Петербургѣ, указываетъ на задачу могучаго и независимаго Русского племени по отношенію къ малымъ и слабымъ, большою частію не свободнымъ, родственнымъ ему Славянскимъ племенамъ, критикуетъ русскую политику на Балканскомъ полуостровѣ и въ концѣ обсуждаетъ рѣчь Бисмарка противъ Поляковъ. „Изъ нея видно“,—говорить онъ,—„какую опасность усматриваетъ для себя Германія въ присутствіи не только польскаго, но вообще славянскаго элемента, какъ въ своихъ восточныхъ провинціяхъ, такъ даже и въ австрійской Богеміи. Русскіе получаютъ внушеніе вступиться за Славянство. Русскіе ни въ какомъ случаѣ не должны отказываться отъ Славянства; сдѣлай они это, Россія перестанетъ быть

*) Изъ № 7—8 славянской газеты «Parlamentärg», издаваемой въ Вѣнѣ на нѣмецкомъ языке.

не только русскимъ, но и славянскимъ государствомъ, и сойдеть съ своего всемирно-исторического пути"... Могучій борець за славянскую идею въ русскомъ племени, Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ умеръ, но славянская идея, но мысль о братствѣ и взаимности Славянскихъ племенъ, о созданіи единаго Славянского культурнаго народа живеть и дѣйствуетъ нынѣ между Русскими со стихійною силой. Не реальными интересами, но славянскимъ чувствомъ долженъ руководиться Русскій народъ во всѣхъ своихъ народныхъ дѣйствіяхъ—доказывалъ въ послѣднее время очень часто Аксаковъ. Ивану Сергеевичу Аксакову, личное знакомство съ коимъ мы вмѣняемъ себѣ въ высокую честь, подобаетъ истинное-славянское прощаніе: „вѣчная память”!

Д—ръ К. Живный.

Иванъ Аксаковъ *).

Къ выдающимся людямъ Россіи, которые были похищены смертью въ послѣднее время, принадлежитъ безспорно Иванъ Сергеевичъ Аксаковъ, скончавшійся 8 февраля сего года въ Москвѣ, на 63-мъ году жизни, отъ разрыва сердца, и похороненный въ знаменитой Троице-Сергіевской Лаврѣ, въ 66-ти верстахъ отъ Москвы. Иванъ Аксаковъ происходить изъ дворянской семьи, весьма извѣстной въ исторіи русской литературы. Отецъ его, Сергій, и братъ, Константинъ, принадлежали тоже къ самымъ уважаемымъ писателямъ ихъ отечества. Иванъ учился въ Петербургѣ, въ Императорскомъ Училищѣ правовѣдія, гдѣ воспитываются преимущественно дѣти русской высшей аристократіи. Свое литературное поприще онъ началъ стихотворными опытами, которые однако не произвели особенного впечатлѣнія. Въ 1853-мъ году онъ исполнилъ порученіе Императорскаго Географическаго Общества изслѣдовывать условія торговли на Украинскихъ ярмаркахъ. Эта работа доставила ему большую Константиновскую медаль Географическаго Общества и половинную Демидовскую

*) Изъ № 90 мюнхенской „Allgemeine Zeitung“, отъ 31 марта, Beilage.

награду Академії наукъ. Еще прежде, въ 1848 году, по порученію Министерства внутреннихъ дѣлъ, онъ занимался изслѣдованиемъ сектантства въ Бессарабіи и исполнилъ нѣкоторыя другія порученія того же Министерства. Въ 1855 году, въ Крымскую войну, онъ поступилъ въ ополченіе, но когда заключенъ былъ миръ, находился еще только въ Одесѣ и потому въ военныхъ дѣйствіяхъ не участвовалъ. Позднѣе онъ принадлежалъ къ комиссіи, на которую было возложено разслѣдовать злоупотребленія по продовольствію войскъ, но вышелъ изъ этой комиссіи до окончанія ея работъ.

Публицистическая дѣятельность Аксакова начинается въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ. Тогда стала появляться въ Москвѣ славянофильскій журналъ „Русская Бесѣда“, гдѣ Аксаковъ помѣстилъ рядъ статей о Западныхъ и Южныхъ (Балканскихъ) Славянахъ. Въ 1858 — 1859 гг. Аксаковъ былъ не офиціальнымъ, но фактическимъ редакторомъ этого журнала. Въ 1859 году, онъ попытался издавать еженедѣльную газету „Парусъ“, но по цензурнымъ условіямъ принужденъ былъ оставить эту попытку послѣ втораго номера. Затѣмъ литературная дѣятельность Аксакова на нѣкоторое время прекратилась; только къ концу 1861 года онъ выступилъ опять съ новою еженедѣльною газетою „День“. Съ изданіемъ этой газеты открылась наконецъ плодотворнѣйшая эпоха дѣятельности Аксакова. Условія времени были благопріятны: на очереди стоялъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и подготовлялась судебнай реформа. Вскорѣ потомъ выдвинулася еще на первый планъ вопросъ польскій, притомъ не въ той острой формѣ, которую этотъ вопросъ принялъ позднѣе. Сверхъ того, Герцеговинское восстаніе подвинуло дѣла Балканскихъ Славянъ. Во всѣхъ этихъ вопросахъ газета „День“ принимала самое ревностное участіе. Даже нѣкоторые Поляки, между прочимъ Грабовскій, пытались тогда въ газетѣ Аксакова разъяснить противоположности между Поляками и Русскими. Эта русско-польская полемика представляла много интереснаго. Равнымъ образомъ и другіе Славяне поднимали свой голосъ въ газетѣ Аксакова. Словомъ, „День“ стала возвуждать столь живой интересъ, что число его подписчиковъ въ самомъ началѣ издания дошло до 4.000. Однако, уже въ 1862 году, его поразилъ первый ударъ: онъ былъ пріостановленъ за критику положенія дѣлъ въ Балтійскомъ краѣ.

Польское восстание 1863 года произвело некоторую перемѣну въ воззрѣніяхъ Аксакова: его сужденіе о Полякахъ стало рѣзче, насчетъ сотрудничества ихъ въ Аксаковской газетѣ не могло уже быть рѣчи. Значительная часть Русскихъ тоже отвернулась отъ Аксакова, когда онъ сталъ высказывать сочувствіе Муравьевской системѣ. Тогда главное вниманіе онъ обратилъ на подъемъ русского народного чувства въ западныхъ областяхъ Имперіи. Газета „День“ выходила до конца 1865 года, причемъ неоднократно принуждена была появляться предъ читателями съ пустыми столбцами вѣсто передовыхъ статей. Въ началѣ 1867 года, Аксаковъ сталъ издавать ежедневную газету „Москва“, которая держалась того же направленія что и „День“, и сверхъ того была энергическою защитницей покровительственной таможенной политики. Вскорѣ однако новая газета была пристановлена за статью о голодѣ на Сѣверѣ Россіи. Правительство отрицало существованіе этого голода. Вообще, по отношенію къ Аксакову цензура держалась странной точки зрѣнія. Его смѣлыя, откровенные рѣчи безъ утайки фактовъ, которые не хотѣлось разоблачать, толковались какъ „колебаніе государственныхъ основъ“. Впослѣдствіи убѣдились, что тутъ опять сыграло шутку пресловутое „недоразумѣніе“, и что взгляды Аксакова весьма удобно можно было примирить съ консерватизмомъ, даже довольно притязательнымъ. „Потрясеніе государственныхъ основъ“ смѣшили съ задѣваніемъ слишкомъ чувствительного бюрократического самолюбія. „Москву“ многократно пристановливали, и тогда издатель замѣнялъ ее обыкновенно другою газетой, „Москвичемъ“, который имѣлъ то же направленіе и основанъ былъ собственно для замѣны имъ „Москвы“, когда въ этомъ окажется надобность. Однако въ 1868 году „Москва“ и „Москвичъ“ были окончательно запрещены.

Публичная дѣятельность Ивана Аксакова была посвящена прежде всего своему народу и затѣмъ Славянскому миру. Онъ принималъ живѣйшее участіе во всемъ, чтѣ волновало русскіе общественные круги, и принадлежалъ къ числу людей занимавшихъ въ этихъ движеніяхъ выдающееся положеніе. Всѣ реформы царствованія Александра II-го, всѣ вопросы, занимавшіе Русскую Имперію въ послѣднія десятилѣтія, въ особенности же польскій, о нерусскихъ Славянахъ и ихъ освобожденіи, сопровождалъ Аксаковъ своими совѣтами и предостереженіями, причемъ какъ его

голосъ, такъ и его организаторская дѣятельность имѣли весьма важное значеніе.

Политическую точку зрења Аксакова не возможно подогнать въ рамки общеизвѣстныхъ опредѣленій; вполнѣ и совершенно его нельзя причислить ни къ консерваторамъ, ни къ либераламъ, ни къ радикаламъ, или инымъ какимъ-либо политическимъ группамъ. Обыкновенно его называли славянофиломъ, по и это опредѣленіе, строго говоря, къ нему не подходитъ, потому что его убѣжденія отнюдь не всегда совпадали съ убѣжденіями прочихъ вождей славянофильской партіи. У Аксакова было свое особенное, совершенно самостоятельное міросозерцаніе; основную черту его натуры составляло чувство національности, вѣра въ русскую народную душу (*Volksseele*), оригинальность и высокое достоинство которой онъ всегда противопоставлялъ иначе сложившимся особенностямъ другихъ народностей. Съ этимъ чувствомъ и съ этой вѣрой были также въ согласіи его религиозность и его приверженность къ русскому православію, которое онъ считалъ неотдѣлимъ отъ русской народности. Его симпатіи къ Славянству проис текали изъ сознанія единства всѣхъ славянскихъ племенъ; эти симпатіи онъ перенесъ также и на до-Петровскую эпоху Россіи, усматривая въ преобразованіяхъ Петра Великаго и его преемниковъ вредное преобладаніе чужихъ, нерусскихъ вліяній. Не всегда его можно признать свободнымъ отъ односторонности и нетерпимости по отношенію ко взглядамъ несогласнымъ съ его собственными; эти свойства составляли основные черты его глубокихъ искреннѣйшихъ убѣждений. Но съ своими противниками онъ боролся всегда средствами благородными и чистыми, почему даже его непримиримѣйшие враги не смѣли коснуться чистоты и честности его характера. Его страстная природа могла увлекать его иногда до непослѣдовательностей и даже пристрастія, особенно въ вопросахъ касавшихся русской и славянской народности. Хотя права чужихъ народностей онъ большую частью уважалъ, однако же его страсть, когда возгарались споры національные, увлекала его иногда за предѣлы справедливости и равноправія національностей, что имѣло мѣсто и тогда, когда пришлось опредѣлить границу между сферой русскихъ и польскихъ интересовъ. Аксаковъ вовсе не былъ приверженцемъ системы насильственного полицейского подавленія польской народности. Онъ не считалъ задачей Россіи поработить польский элементъ, но желалъ подъема и оживленія рус-

скаго народнаго чувства, дабы этимъ путемъ доставить побѣду русскому элементу. Вотъ причина, почему онъ выступалъ преимущественно за освобожденіе польскаго крестьянина, желая снять съ него путы польскаго дворянства. Анти-русскимъ теченимъ онъ хотѣлъ противопоставить русскую организаторскую дѣятельность, которая должна была привлечь симпатіи Польскаго народа. Въ Славянскомъ вопросѣ Аксаковъ не былъ вовсе приверженцемъ теоріи виѣшняго единства Славянъ, которое достигалось бы путемъ принудительного давленія на отдѣльныя племена; теоретически онъ признавалъ за каждою народностью право на самостоятельность и стремился главнымъ образомъ ко взаимному нравственному сближенію и солидарности, хотя по временамъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, и отступалъ отъ этой точки зрѣнія. Его политическимъ идеаломъ было: восполнить существующую правительственную форму чрезъ введеніе совѣщательнаго элемента, чрезъ организацію публичной дѣятельности, чрезъ свободу совѣсти и печати, свободу вѣры и сомнѣнія, и онъ вѣрилъ въ осуществимость подобнаго соединенія.

Большую часть своей дѣятельности посвятилъ Аксаковъ Славянскому Благотворительному Комитету, основанному 25 лѣтъ тому назадъ. Можно смѣло сказать, что онъ былъ душою этого Комитета, особенно въ 1876 году, во время возстанія въ Герцеговинѣ и Сербіи. Онъ стоялъ тогда во главѣ агитациіи за Сербовъ, Болгаръ и Герцеговинцевъ. По окончаніи Турецкой войны, Аксаковъ самымъ безпощаднымъ образомъ осудилъ уступчивость русской дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ. Онъ произнесъ тогда въ Славянскомъ Обществѣ столь рѣзкую рѣчь, что Общество было распущенено, а самъ Аксаковъ высланъ въ деревню.

Аксаковъ занималъ также мѣсто въ Московскомъ Купеческомъ Обществѣ взаимнаго кредита; ему нужно было это мѣсто изъ-за соединенного съ нимъ жалованья, такъ какъ другіе его доходы были недостаточны для обезпеченія ему средствъ къ жизни.

Къ концу 1880 года, Аксаковъ возобновилъ свою журнальную дѣятельность и сталъ издавать газету „Русь“, которая выходила до самой его смерти. „Русь“ отличалась отъ его прежнихъ газетъ въ нѣсколькоихъ существенныхъ пунктахъ. Кругъ его сотрудниковъ былъ меныше, физіономія газеты нѣсколько иная; чаще попадались непослѣдовательности, нетерпимость и односторонность. Такъ какъ Аксаковъ былъ по преимуществу человѣкъ чув-

ства, то при этомъ играло роль быть-можеть и вліяніе старости. Однако и въ „Руси“ бывали превосходныя статьи, изъ коихъ мы укажемъ здѣсь двѣ: противъ враговъ судебной реформы и объ излишествахъ (Ausschreitungen) классицизма въ среднихъ школахъ.

Искренность и прямота были преобладающими свойствами Аксакова, и эти свойства извиняли многое, чѣо не нравилось въ немъ намъ и другимъ, несочувствовавшимъ направленію его дѣятельности. Аксаковъ былъ благомыслящій, одушевленный, честный и неутомимый трибунъ; даже тогда, когда рѣчъ его звучала немного фразисто, когда утомили частыя повторенія, нельзя было не признать бьющаго въ ней живаго чувства, хоть оно и не всегда съ достаточной ясностью открывалось.

Вдова Аксакова на слѣдующій день по смерти своего супруга получила отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ телеграмму съ выражениемъ душевнаго соболѣзвованія. Московское городское управление рѣшило поставить портретъ Аксакова въ залѣ Думы и учредить на память объ немъ стипендію въ Московскомъ университѣтѣ. Въ торжественной панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ въ Петербургѣ участвовали министры, генераль-адъютанты Императора, профессора и т. д. Богослуженіе совершалъ Сербскій митрополитъ Михаилъ.

Вильгельмъ Генкель.

Топла суза¹⁾ поводомъ нагле²⁾ смерти Ивана Сергиевича Аксакова.

(Преминую³⁾ у Москви дне 27. јануара 1886).

Лијем⁴⁾ сузу, чемер⁵⁾—сузу:
Од срца је суза ова:
Она жали⁶⁾, люто жали
ВеликанАксакова:
Мужа умомъ велеумна⁷⁾:
Срцемъ дива⁸⁾ и јунака⁹⁾:
Мужа душомъ веледушна,
А значајем¹⁰⁾ гвозденьяка¹¹⁾.

¹⁾ Слеза; ²⁾ внезапной; ³⁾ скончался; ⁴⁾ лъю; ⁵⁾ чемер-сузу—горючую слезу; ⁶⁾ оплакиваеть; ⁷⁾ гениального; ⁸⁾ гиганта; ⁹⁾ богатыря; ¹⁰⁾ характеромъ; ¹¹⁾ желѣзного человѣка.

Та је суза капца ¹²⁾, коју
Јад ¹³⁾ проз ¹⁴⁾ очи ван ¹⁵⁾ ми гони,
Да се стопи ¹⁶⁾ с морем сузâ
Што их цјело Славство рони:

Уз ¹⁷⁾ Русију—завијену ¹⁸⁾
У покајне црне ризе;
Уз Русију, коју данас ¹⁹⁾
Преком'јерна ²⁰⁾ туга гризе
За својим рјетким сином:
Штитиоцемъ ²¹⁾ нњених правâ;
Браниоцемъ ²²⁾ нњене части;
Множиоцемъ ²³⁾ нњених славâ,
Правим ²⁴⁾ царем над срцима,
Домольубљем ²⁵⁾ загријаним;
За мисао свеславјанску,
Прегаоцем усијаним ²⁶⁾.

Попут ²⁷⁾ грома орила се ²⁸⁾
Р'јеч нњегова духовита:
У борбама прекалњена ²⁹⁾,
А полетом виловита ³⁰⁾.

Он не знава духом клонут
Пред никаквом оштром стрелом:
Стаја вазда на бранику ³¹⁾
Храбрим срцем, смјелим челом.

Сила га је скршил ³²⁾ могла;
Ал' га превит ³³⁾ могла није:
Дуб олуја ³⁴⁾ свлада, здроби,
Ал' не може да га свије.

Сјетна ³⁵⁾ Москва још не бјеше
Соловјева прегорила ³⁶⁾,

¹²⁾ Капля; ¹³⁾ горе; ¹⁴⁾ сквозь; ¹⁵⁾ вонъ; ¹⁶⁾ солъется; ¹⁷⁾ рядомъ; ¹⁸⁾ облитую, облеченнюю; ¹⁹⁾ днесъ; ²⁰⁾ безмѣриая; ²¹⁾ покровителемъ; ²²⁾ защитникомъ; ²³⁾ множителемъ; ²⁴⁾ истиннымъ; ²⁵⁾ патриотизмомъ; ²⁶⁾ подвижникомъ пламеннымъ; ²⁷⁾ точно; ²⁸⁾ разносилась; ²⁹⁾ закаленная; ³⁰⁾ волшебная; ³¹⁾ на передовомъ посту; ³²⁾ его скрушил; ³³⁾ согнуть не могла; ³⁴⁾ буря; ³⁵⁾ сѣтующая; ³⁶⁾ еще не успѣла оплакать.

Ког јој Клио узнијела
Повјесничког на врх била ³⁷⁾:
Она с' лиши бритке сабље ³⁸⁾
Јуначине Скобельева,
Ком је Давор ³⁹⁾ мишцом влада,
Проз очи му Давор с'јева ⁴⁰⁾;
Па ⁴¹⁾ и трети јад се ево
Нъезинога косну срца:
Аксакова—зв'језду нъену—
Угаси јој нагла смрца.
Сва три Руза кременяка:
Три пламене преходнице:
И поносна ⁴²⁾ три првака:
И челичне ⁴³⁾ три деснице;
Три сокола, и три снаге ⁴⁴⁾
У обрани Славства свега ^{45):}
С леденога Океана,
До Јадранског кршна ⁴⁶⁾ брёга:
Два научом, мачемъ трети,
Меж свјетилам доби ⁴⁷⁾ наше,
Такмечи ⁴⁸⁾ се о ловорѣ,
Као жарка сунца сјаше.—
Плачи Москво!... и у горким
Сузама се чисто гуши ⁴⁹⁾;
А узате све Славјанство
Нек одушка тражи ⁵⁰⁾ души:
У протоку сјетних чувствâ
Изнад ове—раке ⁵¹⁾ нове,
Гђе спокојно почивају
Свете кости Иванове;
Сјечајоч ⁵²⁾ се истим жаром
И ньегових сподвижника:

³⁷⁾ Котораго Клио воздвигла на вершину историји; ³⁸⁾ лишила сећа
острой сабљи; ³⁹⁾ Марсъ; ⁴⁰⁾ сияєть; ⁴¹⁾ и; ⁴²⁾ гордые; ⁴³⁾ стальныя;
⁴⁴⁾ силы; ⁴⁵⁾ всего; ⁴⁶⁾ Адріатичскаго скалистаго; ⁴⁷⁾ эпохи; ⁴⁸⁾ со-
стязаясь о лаврахъ; ⁴⁹⁾ задохнись; ⁵⁰⁾ вмѣстѣ съ тобой пусть ищеть
облегченія; ⁵¹⁾ гроба; ⁵²⁾ вспоминая.

Свеславјанских онихъ сунца;
Свеславјанских оних дикѣ⁵³⁾....

Сјечаюч се све троице,
Па им хранеч ўспомене,
И слагаюч врх могила
Лаворе им и невене⁵⁴⁾.--

А сузица, што сад сјаје
На мојему тмолом оку:
Нек се слије с опчом⁵⁵⁾ жалбом
И открије предубоку

Рану срца, откуда ми
Ка' из прела⁵⁶⁾ она сузи,
Док проз тешки узdas⁵⁷⁾ кличем:
„Вјечна памјат, Славни други!“
Поред клика: „Вјечна памјат!“
Из мил'јонâ славских грлâ⁵⁸⁾....
Тројна кито⁵⁹⁾!... слава т' оста
У Славјанству неумрла!⁶⁰⁾

На Цетиню.

Ј. Сундечич.

(Изъ № 7 «Гласа Черногорца».)

Выше приведены отзывы печати всѣхъ славянскихъ племень за исключениемъ Болгаръ и Лужицкихъ Сербовъ, газеты коихъ въ послѣднее время редакціей „Руси“ вовсе не получались. Что касается Хорватовъ, то ихъ оппозиціонные листки, „Obzor“ и „Hrvatska“, по поводу кончины Ив. С. Аксакова, какъ видно изъ нѣсколькихъ полученныхъ здѣсь разрозненныхъ номеровъ этихъ газетъ, печатали обстоятельно, съ знаніемъ дѣла и весьма сочувственно написанныя корреспонденціи изъ Москвы и Петербурга. Къ сожалѣнію, тѣхъ номеровъ названныхъ газетъ, гдѣ безъ сомнѣнія были посвящены кончинѣ Ив. С. Аксакова редакціонныи статьи, редакція Сборника не получила ни одного. Этимъ объясняется отсутствіе въ Сборникѣ статей болгарскихъ, лужицко-сербскихъ и хорватскихъ.

⁵³⁾ Гордостей; ⁵⁴⁾ возлагая лавры на ихъ могилы; ⁵⁵⁾ общимъ сожалѣніемъ; ⁵⁶⁾ родника; ⁵⁷⁾ вздохъ; ⁵⁸⁾ горло (грудь); ⁵⁹⁾ вѣтвь, бука; ⁶⁰⁾ бессмертная.

VII.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЕ ВДОВОЙ И. С. АКСАКОВА. *)

~~~~~

Телеграмма изъ Бугуруслана, отъ 4 марта. Сердечно раздѣляю чувства горести постигшей вѣсль кончиною любезнаго супруга вѣшего, а нашего вождя—патріота и защитника вѣры и объединенія Славянъ. Бугурусланское земство почтило память Ивана Сергеевича сего числа панихидою въ своемъ собраніи и молимъ Бога, да укрѣпитъ онъ вѣсль въ печали.

Предсѣдатель Бугурусланскаго земскаго собранія, уѣздный предводитель дворянства *Филипповичъ*.

Телеграмма изъ Нагасаки, отъ 22 марта. Команда и офицеры клипера „Джигитъ“ шлютъ съ дальняго Востока выраженіе искренняго огорченія по поводу кончины незамѣнимаго, глубокоуважаемаго Ивана Сергеевича, истинно-русскаго человѣка.

_____

*) Заявленія эти были получены А. Ф. Аксаковой уже по прекращеніи изданія газеты «Русь» и помѣщаются здесь въ дополненіе къ телеграммамъ и письмамъ, панечатаннымъ въ №№ ея 31—33. Ред.

П И С Ъ М А.

1.

Глубокоуважаемая Анна Федоровна! Примите позднее, но вседушевное мое изъявление скорби о невозвратимой драгоценной утратѣ. Все еще никакъ не хотѣлось вѣрить и слышать и читать, что скончался великий печальникъ земли Русской, перестало биться его сердце, горящее полною любовью къ Россіи, ревновавшее о благѣ, чести и славѣ ея, замолкли его уста, изрекающія то грозное слово, словно пламень огненный, то милостивое, дышащее полною любовью и соучастіемъ. Но вотъ уже и похороненъ онъ, вотъ скоро и четыредесятница его кончины: пусто стало безъ него. Онъ бывало за всѣхъ думалъ одинъ и давалъ слово твердо по каждому вопросу, касающемуся пользы, чести и славы Россіи и судьбы всѣхъ Славянскихъ народовъ. На сго мнѣніи можно было опираться и мыслить по православному. Плачеть съ вами вся честная Россія; оторвалось отъ нея самое лучшее, дорогое. Выстрадалась его душа всѣми болѣзнями мукъ отъ послѣднихъ событий въ Славянскихъ народахъ, и такъ очистилась, такъ созрѣла, что нельзя было долѣе оставаться на грѣшной землѣ: Господь преложилъ его въ міръ горній, въ царство праведныхъ духовъ, доблѣ страдавшихъ и вѣнчавшихся. Я лично обязанъ Ивану Сергеевичу вступленіемъ (еще въ 1858 году) на литературное поприще и не переставалъ посильно трудиться въ его изданіяхъ; потому имѣю особенную скорбь и печаль о его утратѣ и особенное побужденіе молиться о упокоеніи души его. Доколѣ я живъ, не перестану при совершеніи церковныхъ службъ творить молитвенное воспоминаніе о немъ—и на память вѣчную въ моемъ родѣ вписать дорогое имя его въ свой фамильный синодикъ. Плачутъ съ вами честные сыны Россіи и вмѣстѣ съ вами молятся о вашемъ дражайшемъ супругѣ. Находите, милостивѣшая государыня, въ этомъ утѣшеніе вашей скорбящей душѣ и укрѣпленіе ея въ покорности и преданности волѣ Божией.

Съ истиннымъ уваженіемъ и проч.

Протоіерей Александръ Свиридинъ

Марта 4 дня 1886 года,
Переславль-Залѣсскій.

2.

Милостивая государыня, высокоуважаемая Анна Федоровна! Любовь, уважение, безграницная преданность, сердечная благодарность,—вотъ тѣ чувства, которыхъ позволите почтительнѣйше засвидѣтельствовать вамъ одной, вмѣстѣ съ вами скорбящей, русской душѣ. Да благословить васъ Богъ за тотъ новый залогъ неувядающей любви, непрѣходящаго духовнаго единенія, который вы хотите дать въ заключеніе изданія „Руси“ намъ, глубоко опечаленнымъ ея подписчикамъ. Повѣрьте, что именно и единственно какъ залогъ того духовнаго единенія, связывавшаго читателей „Руси“ съ свѣтымъ одушевлявшимъ ее духомъ, единеніемъ, которое и сама смерть не въ состояніи расторгнуть, принимаемъ мы и будемъ вѣчно хранить послѣдній даръ замолкнувшей „Руси“. Повѣрьте, что тѣсной русской семье подписчиковъ „Руси“ далека и мысль о какихъ-то будто причитающихся имъ деньгахъ: не намъ должна что-нибудь „Русь“, мы всѣ неоплатные должники Ивана Сергеевича. Мы должны благодарить Бога, что онъ нась молодыхъ, неразумныхъ, хотя въ послѣдніе годы жизни сего великаго человѣка довелъ уразумѣть его завѣты, даль намъ нравственное право на всю жизнь причислить себя къ его непосредственнымъ послѣдователямъ. Простите мнѣ великодушно смѣлость моего настоящаго обращенія къ вамъ, удрученной печалью, обремененной тяжелыми заботами. Но предо мною, какъ бы въ оправданіе, возстаетъ могучій, любвеобильный образъ Ивана Сергеевича: къ нему всѣ имѣли доступъ,—всѣ, и темные и бѣдные, юные и неопытные люди. Его слово звѣздой путеводной блестало среди отовсюду облегающей тьмы, ему вѣрилось беззавѣтно, по его призыву пробуждались въ душѣ всѣ лучшія, безкорыстныя стремленія. Съ Иваномъ Сергеевичемъ Аксаковымъ никакія жертвы не казались тяжелыми, никакой подвигъ превышающимъ русскія молодыя силы. Онъ вѣрилъ въ насть, а мы беззавѣтно на него уповали.

Куда, къ кому намъ теперь идти? Кто укажетъ намъ истинный жизненный путь, путь русскихъ людей? Кто въ трудныя минуты жизни поддержитъ падающій духъ, кто направить не-твѣрдые шаги—тѣхъ кто всей душой хотѣли бы послужить родинѣ, но робѣютъ предъ испытаніями? Нѣтъ Ивана Сергеевича!

Но въ вѣчномъ памятованіи его завѣтовъ, въ посильномъ неуклонномъ ихъ исполненіи будемъ искать хотя малаго утѣшения. Его свѣтлый духъ, съ высоты горнихъ селеній взирающій на Русь, подкрѣпить насть въ сей временной разлукѣ. „Небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ“. „Вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте“; въ домѣ Отца Моего обители многи суть“. Да подкрѣпить, да утѣшитъ васъ Господь! Еще разъ простите, отъ полноты бо сердца глаголють уста!

О. Р.

Москва, 3 марта 1886 г.

3.

Милостивая государыня Анна Федоровна! Простите меня, что я рѣшалось беспокоить васъ. Но позвольте и мнѣ выразить вамъ мою истинно-сердечную скорбь и сочувствіе въ потерѣ вашего многомногоуважаемаго супруга, покойнаго уже Ивана Сергеевича! Упокой, Господи, душу его тамъ, гдѣ всѣ праведные пребываютъ, такъ какъ онъ былъ праведенъ здѣсь! Я вполнѣ убѣждена, что всѣ истинно Русскіе, а также и Славяне, цѣнить его и глубоко скорбятъ объ этой общей нашей, ничѣмъ и никакимъ невознаградимой потерѣ.

Увѣряю васъ, многоуважаемая Анна Федоровна, что и я, мало видѣвшая рѣ жизни радостей, такъ глубоко потрясена и огорчена только во второй разъ—смертью своего роднаго отца и неожиданной кончиной, такъ сказать, моего духовнаго отца—неизвестнаго усопшаго Ивана Сергеевича! Ибо онъ, дорогой покойный, и не зная того, былъ для меня и учителемъ, и руководителемъ, и просвѣтителемъ! И кто замѣнить его намъ, бѣднымъ? Бѣдная Россія моя, бѣдное все Славянство!—Дай Господи, ему Царство небесное, чего онъ вполнѣ достоинъ! Сегодня уже 40-й день его кончины, и я, помолясь отъ всей души о упокоеніи его души, рѣшилась написать вамъ, многоуважаемая Анна Федоровна, и глубочайше поблагодарить васъ за ваше прекрасное назначеніе остающихся по разсчету подписныхъ денегъ за очень дорогую газету „Русь“, конечно не по цѣнѣ дорогую, а по содержанию. Я

полагала пользоваться всю жизнь изданиями покойного дорогого Ивана Сергеевича—радетеля и добродѣтеля нашего отечества, но Богу угодно было, за грѣхи наши, лишить насъ безпримѣрного друга своей родины, когда онъ быль ей необходимъ какъ единственный руководитель и даже пророкъ! Его же, мало цѣнимаго при жизни, Господь, любя, окончилъ здѣсь страданія за другихъ, привзвавъ его къ себѣ. Это лучшая ему награда; но потерявшее его отечество должно глубоко, глубоко скорбѣть объ этой страшной утратѣ...

Искренно, искренно благодарю васъ еще, многоуважаемая Анна Федоровна, что я буду имѣть счастіе владѣть портретомъ величайшаго изъ людей моего бѣднаго отечества и его стихотвореніями, а также и сборникомъ статей по случаю кончины дорогаго покойного Ивана Сергеевича. Всѣ же вышедшіе №№ „Руси“ отдаамъ въ переплетъ и буду хранить, какъ лучшую драгоцѣнность. Я хотѣла, но не рѣшилась, прежде еще—умолить васъ за причитающіяся мнѣ деньги выслать мнѣ портретъ资料 of his покойного мужа, но вы такъ добры, что какъ бы угадывая желанія вѣрно многихъ изъ подписчиковъ, обѣщаете намъ еще и болѣе одного портрета. Дай Богъ вамъ, многоуважаемая Анна Федоровна, здоровьяя,—подкрѣпи Богъ ваши силы душевныя и тѣлесныя!

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и проч.

Ольга Фронцевичъ.

4.

Чтѣ прчитается за дорогую для меня газету „Русь“,—оставляю на поминокъ души Ивана Сергеевича, смерть коего всей семьей мы оплакивали. Лично не знали, но душой жили вмѣстѣ. Онъ былъ радость, солнце красное. На вѣкъ останутся тѣ впечатлѣнія: какъ ждешь въ деревнѣ прихода „Руси“ съ почты,—домашніе спрашиваются: привезъ ли „Русь“? (Я много газетъ получаю). Будешь читать, точно видишь среди насть самого Ивана Сергеевича,—да и не забудешь его въ вѣкъ. Это я вижу на членахъ нашей многочисленной семьи: копаются въ тихомолку въ

прошедшихъ изданіяхъ „Руси“, другіе въ уединеніи вырѣзываютъ отзывы изъ газетъ объ Ив. С. и что-то хотятъ сдѣлать. Лица у всѣхъ жалобныя. Скажи машинально „Аксаковъ“—братья мои и старшія дѣти бросаютъ все—спрашиваютъ: что такое? Видно, что образъ Аксакова въ нихъ живеть, и мнѣ, какъ старшему въ домѣ, пріятно это видѣть. Постараюсь пріобрѣсти всѣ сочиненія дома Аксаковыхъ.

Подписчикъ „Руси“ съ самаго начала—крестьянинъ Череповскаго уѣзда

Иванъ Шариковъ.

2 марта 1886 г.

Дер. Успенская Слобода.

5.

Милостивая государыня Анна Федоровна! Лишь только вчерашній день узналъ я, что отправленная мною вамъ 2-го февраля телеграмма моего соболѣзвованія о кончинѣ Ивана Сергеевича затеряна посланнымъ, почему я позволяю себѣ повторить то, что говорило тогда мое сердце и разумъ подъ первымъ впечатлѣніемъ печальной вѣсти:

Примите душевное соболѣзвованіе отъ живущаго за тысячи верстъ отъ вѣсъ провинціала, не видѣвшаго никогда покойнаго вѣшаго мужа, Ивана Сергеевича Аксакова, но давно его любившаго и глубоко уважавшаго, и читавшаго все то, что только выходило изъ-подъ его пера и помѣщалось въ печати. Повѣрьте, Анна Федоровна, что и въ глупши отдаленныхъ отъ Москвы провинцій найдется не мало людей мыслящихъ и ясно понимающихъ, что они въ лицѣ Ивана Сергеевича потеряли человѣка несущаго смѣло впереди всѣхъ дорогое русскому сердцу русское знамя съ девизомъ: вѣры въ Бога, единенія Россіи и безпредѣльной любви къ Царю и Отечеству.

Александръ Плещеевъ

8 марта 1886 г.

Константиновка.

6.

Милостивая государыня Анна Федоровна! Долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что вчера, 9-го марта, въ день пе-стинедѣльного поминовенія незабвеннаго Ивана Сергѣевича, въ здѣшней Николаевской церкви совершена по моей просьбѣ пан-ниха по представльшемся рабѣ Божиѣмъ боляринѣ Ioаниѣ.

На панихидѣ присутствовали воспитанники подвѣдомствен-ныхъ мнѣ всѣхъ учебныхъ заведеній города Сѣниа вмѣстѣ съ преподавателями и преподавательницами и много бѣлорусскаго народа, заботливымъ печальникомъ о которомъ былъ Иванъ Сергѣевичъ въ „Днѣ“, въ годину наиболѣе тяжелую для Бѣло-руссии.

Стройное пѣніе ученическаго хора дѣйствовало умилительно; при пѣніи: „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“ всѣ присут-ствовавши опускались на колѣна.

Буду весьма радъ, если это скромное выраженіе нашего ува-женія къ покойному доставить вамъ, милостивая государыня, хотя небольшое утѣшеніе въ постигшемъ васъ страшномъ горѣ...

Пользуюсь случаемъ, чтобы и отъ себя лично, какъ постояннаго подписчика „Руси“, выразить вамъ свое соболѣзвованіе. Дѣйствительно, безъ жгучей боли невозможно вспомнить о томъ, какого богатыря - сына потеряла въ лицѣ Ивана Сергѣевича на-ша мать-Россія, а съ нею и все Славянство.

Примите увѣреніе и прощ.

Штатный смотритель Е. Романовъ.

10 Марта 1886 года.

Памяти И. С. Аксакова.

Пишущій эти строки не зналъ лично Ивана Сергѣевича, даже не читалъ можетъ-быть и десятой доли всѣхъ его публици-стическихъ статей. Но изъ этой малой доли прочитанного высту-паетъ въ его воображеніи очень живо великий образъ, яркій ха-рактерный типъ этого могучаго истиннаго патріота-христіанина и какъ бы стоить предъ глазами—въ своеемъ грозномъ величіи: на

немъ слѣды глубокой, сосредоточенной мысли, глаза горятъ во-одушевленіемъ и внутреннимъ огнемъ, рѣчи — рѣчи духовной силы и нравственнаго здоровья.

Живая, мѣткая, художественная характеристика дается не всякому. Для нея нужно много особенныхъ условій кромѣ дарованія. Именно нужны — личное и короткое знакомство и психологическое, художественное дарование. Не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, а только восхищаясь глубиною и силою публицистическихъ, ясновидящихъ взглядовъ покойнаго, берусь за перо безъ всякой претензіи написать какую-либо характеристику его, а только чувствуя душевную потребность подѣлиться сердечнымъ горемъ съ кѣмъ-нибудь, ибо въ сельской глухи цѣлый мѣсяцъ мнѣ не съ кѣмъ и поскорѣйтъ и перекинуться словомъ о покойномъ Аксаковѣ *).

Съ ученіемъ такъ-называемыхъ славянофиловъ я познакомился по журналу „Русская Бесѣда“; а съ ученіемъ Аксакова по иѣкоторымъ передовымъ статьямъ „Дня“, потомъ „Москвы“ и „Москвича“ и наконецъ „Руси“. Въ статьяхъ этихъ выдвигается искомый образъ его шагъ за шагомъ, постепенно,— и если войти мыслю въ глубь его, то можно примѣтить и живой органическій ростъ, который по законамъ развитія всякаго человѣка опредѣляется массой условій и вліяній сложныхъ, къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстныхъ. Одно только я знаю, что родители и семья Аксаковыхъ являются во главѣ этихъ условій, такъ какъ въ этой семье всегда сохранялись свято христіанскія преданія и патріотическая идея.

Среди такой-то религиозно-патріотической среды и атмосферы приходилось дышать и жить впечатлительной душѣ Аксакова. Здѣсь-то возросшій среди Московскихъ кремлевскихъ святынь съ молокомъ матери онъ могъ всосать въ свою плоть и кровь тѣ глубоко-патріотическія христіанскія чувства и преданія, которыми такъ богата Москва и въ частности его семья, и которыми потомъ такъ полно было его сердце.

Изъ семьи духовное развитіе Аксакова было перенесено въ школу — въ Училище правовѣданія, тогда лучшее училище Рос-

*) О неожиданной смерти его я узналъ 4-го февраля, а 5-го послѣ литургии отслужилъ вселенскую панихиду.

сіи, гдѣ ученіе и жизнь, полныя силы и свѣжести, заявляли о нуждѣ народнаго обновленія и требовали новыхъ начальъ, которыхъ чувствовались тогда передовыми дѣятелеми, но не имѣли еще настолько силы, чтобы стать руководящими началами жизни. Послѣдующую жизнь провелъ Аксаковъ среди ряда тяжелыхъ и горькихъ испытаній. При всей виѣшней упорядоченности, жизнь 40-хъ годовъ была полна внутренняго возбужденія и неудержимо шла къ чему-то новому и великому. Въ воздухѣ носилась масса надеждъ и упованій. Жизнь принимала болѣе и болѣе характеръ острый и страстный. Въ такое время жгучихъ вопросовъ и напряженныхъ ожиданій, русская натура должна была откликнуться,—и откликнулась въ Аксаковѣ съ особенною силою въ живомъ, могучемъ протестѣ противъ пошлостей жизни, который заставилъ содрогнуться народное сердце. И вотъ, въ душѣ Аксакова крѣпнеть и выясняется высокая цѣль народной жизни, завѣщанная ему русскими и семейными преданіями. И вотъ, предъ нами живѣе и живѣе выступаетъ могучая личность, съ нравственной силой возрастающая въ мужа, дышащаго силой и энергией. Но психологіческій складъ природы Аксакова окончательно выработался и завершился подъ вліяніемъ культурной борьбы славянофиловъ съ Западомъ.

По своей впечатлительной природѣ и воспитанію, Иванъ Сергеевичъ поставилъ себя къ современной жизни въ избитую колено не могъ, и не могъ по цѣлостности своей духовной природы преклоняться предъ западными теоріями, обѣщающими счастіе человѣчеству помимо Христа. Ибо жизнь тогданией Руси краснорѣчиво говорила о нуждѣ внутренняго обновленія на основѣ православія и требовала указанія для себя позабытыхъ русскихъ начальъ, которыхъ глашатаемъ и проводникомъ онъ наконецъ и явился.

Образъ человѣка, какъ известно, слагается изъ суммы вліяній личныхъ, субъективныхъ, опредѣляемыхъ самою природою, и объективныхъ, состоящихъ изъ впечатлѣній, доставляемыхъ соцѣ жизнью и средой: та и другая счастливо образовали этого цѣльного поборника и провозвѣстника народнаго самосознанія. Модное подражательное поклоненіе западнымъ идоламъ не могло привлечь ни на минуту вниманія истиннаго патріота; лицемѣріемъ, сухостію и безжизненностию отзывалось ему управление официальныхъ чиновниковъ землей Русской, и онъ рано началъ.

казнить правящій бюрократиаъ по западнымъ образцамъ. Понятно почему въ данномъ случаѣ отъ тяжелой картины настоящаго его проницательный взоръ всецѣло обратился за утѣшениемъ къ свѣтлому прошедшему родной земли, когда она жила своею, а не чуждою жизнію, и развивалась хотя и тихо, но самостоятельно и правильно. Онъ понялъ ясно, что народная жизнь, если хочетъ быть здоровою, должна основаться и твердо стоять на завѣтахъ своей исторіи. Все это закончилось, можно сказать, рѣзкимъ финаломъ: Аксаковъ примкнулъ ко многими презираемой тогда и повидимому отсталой славянофильской партіи, во главѣ которой стояли даровитые мужи—Хомяковъ и братья Кирѣевскіе.

Судьба этой школы—печальная судьба: правительство, особенно въ началѣ, относилось къ ней большею частію неблагосклонно, съ недовѣріемъ и даже подозрѣніемъ. Нощеніе бороды Хомяковымъ и смурка, въ которой онъ ходилъ, считались признакомъ противуправительственнымъ. А общество долго не могло вырасті въ сознаніи, чтобы достойно оцѣнить основную славянофильскую идею. Вотъ почему, когда двадцать пять лѣтъ тому назадъ умеръ въ Москвѣ первый великий славянофиль, А. С. Хомяковъ, только „пять-шесть родныхъ и друзей и два товарища молодости“шли за гробомъ покойнаго. Москва была безучастна къ смерти этого первого борца за Славянство и поборника православія, за гробомъ его не видно было даже духовенства,—тогда какъ Чехи, Сербы и Болгаре почтили этого высокодаровитаго борца общественными панихидою и молитвами. Прошло 10 лѣтъ со времени этой смерти, и достойный ученикъ и другъ Хомякова, Ю. Ф. Самаринъ, издалъ въ Берлинѣ богословскія сочиненія его, назвавши Хомякова въ предисловіи категорически „учителемъ Церкви“. Это былъ первый лучъ славы для славянской православной идеи, пробивавшій сквозь западную мглу, облекшую землю Русскую. По смерти Самарина, этого незабвенного служителя истины и беззавѣтнаго защитника интересовъ родной земли, одинъ И. С. Аксаковъ держалъ крѣпко въ своихъ могучихъ рукахъ славянское знамя, поддерживая священный огонь на общеславянскомъ жертвенникѣ, и былъ выразителемъ въ „Руси“ завѣтной славянской идеи. Со смертію его сошелъ въ могилу послѣдній представитель такъ-называемаго славянофильства, которое совершило свое дѣло, и дѣло это стало теперь достояніемъ всего Русскаго и Славянскаго народа, достояніемъ исторіи. И что

же? Со смертю Аксакова вдругъ встрепенулась—не Москва и не одна Россія, а весь Славянскій міръ; со смертю его какъ бы вдругъ взошло солище славы для сошедшаго съ нимъ въ могилу славянофильства. Такова мощная сила слова Аксакова, создавшая эту славу.

Да, славянофильская школа сослужила громадную службу не только для общественнаго самосознанія, но и для Православной Церкви, которой истинное значеніе она какъ бы воскресила на Руси. Кто не помнить громоносныхъ статей Аксакова о представительствѣ Церкви, низведенной въ разрядъ государственной канцеляріи, о епископахъ, называемыхъ когда-то „духовными командерами“ въ официальныхъ указахъ? Кто не знаетъ его сильнаго слова за церковную грамоту въ школахъ, когда было воздвигнуто чуть не гоненіе на языкъ Церкви? И вотъ, его идеи начинаютъ торжествовать; но дорого обошлось это торжество провозвѣстнику ихъ: онъ безвременно сошелъ въ могилу. 13 декабря минувшаго года, какъ бы предчувствуя близкое горе всей семьи народной, я писалъ въ редакцію „Руси“, что „мы молимъ Бога, чтобы Онъ Всеблагій еще поддержалъ силы многоуважаемаго редактора и избавилъ его отъ туги сердечной“. Это было посль того, какъ Аксаковъ былъ официально оскорблена въ своихъ самыхъ священнѣйшихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Писать такъ, какъ онъ писалъ, писать „душою и кровью“ долго нельзя: самые сильные нервы не могутъ долго выносить такого напряженія мысли и сердца. Огненная сила, съ какою внутри себя онъ переживаль и высказывалъ свои откровенія, не могла горѣть и пылать долго, не разрушая тѣлеснаго организма. Можно представить, какъ мукичально отражалось въ немъ чувство полнѣйшей дистармоніи чистой, честной, сильной души съ пошлию, подражательною дѣйствительностію, съ бездушнымъ бюрократизмомъ. Подобнаго рода коллизіи — всегда роковой шагъ въ жизни сильныхъ, но менѣе даровитыхъ личностей. Но въ Аксаковѣ жилъ могучій патріотический духъ, и онъ воспиталъ въ себѣ задатки высшей политической мудрости. Этотъ-то вѣщій духъ, сохранивши его отъ неумѣстныхъ увлеченій, далъ ему нравственное право со всѣмъ пыломъ и огнемъ своей природы говорить всегда и всѣмъ горькую правду, громить и обличать всякую ложь, всякую гниль, учить всякому добру, любви и покаянію,—со властю человѣка, искренно убѣжденного въ истинѣ.

Нельзя не вспомнить здѣсь о достославномъ подвигѣ, подъятомъ Аксаковыми для освобожденія Славянскихъ народовъ во время Восточной войны. Величие этого подвига раскроетъ исторія. 24 июля 1877 года онъ писалъ мнѣ: „Я совершенно раздѣляю ваше опасеніе на счетъ будущаго развитія Славянскихъ племенъ, а потому-то въ одной изъ своихъ рѣчей въ особенности настаивалъ на томъ, чтобы при возсоединеніи Болгаріи не были повторены тѣ ошибки, которыми ознаменовалось начало политического бытія княжества Сербіи и Греческаго королевства. Полагаю, что если Богъ дастъ освободить Болгарію, она представить нѣчто иное, — благодаря тому, что Славянскій Комитетъ подготовилъ не мало здоровыхъ интеллигентныхъ силъ изъ среды самихъ Болгаръ въ теченіе 20 лѣтъ. Впрочемъ, если Россія выйдетъ побѣдительницею (что несомнѣнно) изъ настоящей борьбы, то ея обаяніе на Славянъ будетъ такъ могущественно, что языкъ русскій несомнѣнно станетъ общимъ языкомъ Славянства. Уже и въ настоящую минуту потребноса этого единенія сказалась въ сознаніи даже западныхъ католическихъ Славянъ: въ средѣ Чеховъ сильное движение къ православію. Во всякомъ случаѣ сюда должна быть направлена дѣятельность Славянскаго Общества, какъ вы и указываете. Но для этого нужно, чтобы въ средѣ самого русскаго общества было поменьше разъѣдающихъ элементовъ, чтобы пріѣжающіе сюда воспитываться молодые Славяне не заразились нигилизмомъ въ самой Россіи!“... Изъ письма этого нельзя не видѣть, что Ивана Сергеевича тогда всецѣло окрыляло чаяніе исполненія завѣтовъ всеславянской идеи; но въ послѣднихъ словахъ его звучитъ обличающаяnota, которая звучала съ возрастающей силой и постѣ. И эта жгучаяnota—вѣщее пророчество, на глазахъ нашихъ сбывающееся на новыхъ дѣятеляхъ Болгаріи, воспитавшихъ въ Россіи, но забывшихъ свою вторую мать.

Природа дала Аксакову массу жизненной силы, пріумноженной истинно-русскимъ воспитаніемъ. Это было живое воплощеніе энергіи и огня, которыхъ ничѣмъ нельзя сломить кроме смерти. Люди такихъ мощныхъ и цѣльныхъ характеровъ всегда бываютъ съ яснымъ сознаніемъ своего призванія и цѣли, т. е. съ точнымъ самоопределѣніемъ. Нужно было имѣть большой запасъ внутренней правды и энергіи воли, чтобы такъ рѣзко всегда говорить горькую правду правительству и обществу, и говорить въ такое

время, когда кругомъ царили мерзость и запустѣніе, когда трудно было разобраться въ событияхъ. Всматриваясь въ этотъ великий образъ, легко замѣчаешьъ, что въ немъ какъ бы воплотился типъ ветхозавѣтнаго грознаго Пророка Иліи, какъ будто въ послѣдніе дни земля Русская выдвинула совершенѣйшаго своего выразителя, чтобы послѣ него перейти въ новый завѣтъ, въ новую эпоху жизни. Онъ весь — грозовая туча, несущаяся среди духовнаго мрака, облегающаго Русскую землю: „гроза близится“ — послѣднія слова его. Да, это нашъ русскій пророкъ Илія; это его огненная ревность о славѣ православной Россіи; здѣсь та же колесница Израїля и конница ею. Вотъ почему самые безсердечные противники покойнаго чувствовали это и преклонялись предъ нравственной силой его, предъ духовнымъ воодушевленіемъ его внутренней правды.

Миръ и покой душѣ твоей, отшедшій отъ насъ собратъ и учитель! Церковь не забудетъ тебя въ своихъ молитвахъ. Русское духовенство, безмолвное и молчаливое, запишетъ имя твое въ помянникахъ народа во всѣхъ концахъ земли Русской. Теперь чреда твоего тяжкаго земнаго служенія кончилась, и началось твое служеніе въ Іерусалимѣ Небесномъ. Молимъ Бога, да вознесеть Онъ тебя въ этотъ горній Іерусалимъ, куда былъ вознесенъ на огненной колесницѣ другой преславный ревнитель — древняго Израїля, которому ты угодобился своею ревностію о благѣ земли и Церкви Русской. Да будетъ же духъ, иже въ тебѣ, сущубъ въ насъ (4 Пар. 2, 9).

Протоіерей А. И. Баратынскій.

Село Бурундукі, Буйинскаго уѣзда.

Сороковой день о незабвенному И. С. Аксаковѣ.

Четыре года прошло, какъ Россія со слезами и скорбю склонила представителя военной силы, народнаго любимца-богатыря М. Д. Скобелева. Теперь Россія лишилась подобнаго ему человѣка — патріота проявившаго себя на иномъ поприщѣ обществен-

ной дѣятельности, представителя печатного слова, литературного Скобелева.

И. С. Аксаковъ тѣмъ быль милъ Русскому народу, что быль цѣльный, ничѣмъ *не разсыропленный* русскій человѣкъ: ни чи новъ, ни оренбовъ, ни какихъ вліяній никогда не искалъ, быль независимъ, говорилъ правду-матку всѣмъ и всюду, а наипаче князьямъ міра сего.

Иванъ Сергеевичъ быль представитель мыслей и чувствъ тоже не сбитыхъ еще съ толка разною чужеземциною русскихъ людей. Для этого природа одарила его талантомъ, а судьба поставила въ то положеніе, гдѣ онъ и изливалъ энергично и краснорѣчivo завѣтныя чаянія Русскаго народа. Напрасно многіе говорять, что онъ *только* быль главой славянофиловъ. Нѣтъ; подъ этой кличкой онъ представлялъ и воплощалъ въ себѣ могучую идею и вѣру въ блестящую будущность Русскаго царства. Вѣра въ его учение распространялась и укрѣплялась все болѣе и болѣе. Идея славянофильская переформировалась въ русскую, такъ-сказать расплылась, захватывая общество въ сферу своего вліянія.

Такое учение Ивана Сергеевича не есть что-нибудь новое, особенное: его проповѣдь только разгоняла напускной туманъ, на вѣянный извращеннымъ на чужой ладъ русскимъ духомъ. Аксаковъ очищалъ и разъяснялъ въ сознаніи народномъ дѣйствительно присущій Россіи духъ народнаго достоинства, въ связи съ вѣрой православной, въ которой онъ, какъ чисто-Русскій, быль непоколебимъ. Онъ считалъ православіе не только вѣрой спасающей, но знаменемъ для объединенія Славянъ подъ протекторатомъ Русскаго Царя.

Временныя недоразумѣнія, въ родѣ сербо-болгарскихъ событій, онъ приписывалъ не самимъ Сербамъ и Болгарамъ, а сложившимся неблагопріятно обстоятельствамъ, тоже времененнымъ, благодаря интригамъ недобросовѣстнымъ и вреднымъ, доведшимъ ихъ до братоубийственной войны, чтѣ онъ и выражалъ въ своихъ знаменитыхъ статьяхъ.

Преданный Россіи, горячій патріотъ, гуманистъ человѣкъ, истинный сынъ народа, нисшедшій изъ его плоти, крови и духа, честно, нелицемѣрно вѣрноподданный самодержавнаго Царя (ибо Аксаковъ самодержавіе счидалъ русскимъ догматомъ), Царю Россіи, какъ помазаннику Божію, какъ средоточію русской силы, онъ желалъ всего того, что можетъ желать родной сынъ родному

отцу. Онъ горячо ратовалъ своимъ честнымъ словомъ за то, чтобы Русскій народъ быть съ своимъ Монархомъ въ близкомъ не-престанномъ единеніи, чтобы скорби и нужды народныя непосредственно и всецѣло доходили до престола въ своеемъ настоящемъ видѣ, изъ устья самого народа...

Всѣ эти высокія, исполненные чести и добра качества Ивана Сергеевича Аксакова Русскій народъ понялъ вполнѣ и долго будетъ носить въ своемъ сердцѣ. Творя память покойнаго патріота, онъ проситъ Всеблагаго Бога, устроющаго царства и народы по своему святому провидѣнію, да направитъ Онъ сердце царево, которое въ руцѣ Божиѣ, на благое и полезное для—преуспѣянія и счастія своего вѣрного народа.

Смерть Аксакова показала воочію, ясно какъ Божій день, въ какую сторону направляются и куда идутъ мысли и чувства кореннаго Русскаго народа. Общая во всей Россіи горесть его знатныхъ и не знатныхъ лично, толпы народа, провожающія до мѣста вѣчнаго упокоенія останки своего приснаго публициста, отъ высокообразованнаго до простолюдина, свидѣтельствуютъ, что народъ понимаетъ и цѣнитъ своихъ вождей, ибо они суть плоть отъ плоти и кость отъ кости его.

Аксаковъ свою литературную дѣятельность посвятилъ Русской землѣ, развивая самосознаніе національное, укрѣпляя вѣру въ земскія силы, которыя въ критическое время спасали Россію. За свою обличительную патріотическую дѣятельность, рѣзкую и правдивую, постоянно приходилось ему терпѣть невзгоды и даже быть въ ссылкѣ, отъ чего онъ не „бѣжалъ въ Фарсисъ“, какъ некоторые изъ русскихъ писателей, тоже получившия за свои таланты и большой, но, къ сожалѣнію, разсѣянный, умъ погребальныя почести, но не въ Москвѣ и въ иномъ смыслѣ, гдѣ и какъ ихъ и подобаетъ имъ получать. Древняя Москва много въ своихъ стѣнахъ похоронила издателей газетъ, много сошло въ могилу публицистовъ, можетъ - быть даже ученѣе и образованїе его, но по многимъ изъ нихъ не выронила ни одной даже общественной слезы.

Похороны Аксакова есть народная демонстрація въ народно-нравственномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ горестю и молитвой о вѣчномъ ему блаженствѣ, Русскій народъ показалъ чрезъ это чѣмъ должны быть служители печатнаго слова—проповѣдниками и назидателями народа въ дѣлѣ вѣры, чести, правды и народности.

Дѣятельность въ такомъ-то духѣ и есть вся сила и вся причина популярности Аксакова. И это знамя держалъ онъ твердо до конца—покуда не палъ подъ неизбѣжной косой смерти, покрытый этимъ святымъ знаменемъ.

Единовѣріе находило въ немъ усерднаго защитника. Благодаря своему возвышенному христіанскому взгляду, онъ считалъ единовѣріе тою же Св. Апостольскою Церковью безъ ограничения ея правъ, и въ этомъ смыслѣ въ „Руси“ написаны имъ были передовые статьи.

Вѣримъ, что духъ Аксакова не умреть, а усугубится, ибо его идеи обитаютъ въ корнѣ народной жизни. На нихъ, какъ на гранитѣ, зиждется царство. Аксаковъ умеръ, но Аксаковскія преданія не умрутъ!

Единовѣрецъ **А. Морокинъ.**

6 февраля 1886 года.

С. Вичуга.

